ЧЕРЧИЛЛЬ

ДИНАСТИЯ НА ВЕРШИНЕ МИРА

«Эту книгу нужно обязательно прочесть каждому, желающему понять династию Черчиллей».
Рэндольф Л.С. Черчилль

ВЕЛИКИЕ ДИНАСТИИ

СИЛИЯ ЛИ
ДЖОН ЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уинстон Черчилль – это, пожалуй, самый величайший британец, но и он, и его семья все еще окутаны покровом тайны. Вымыслы, которые распространяли политические враги Уинстона, живы и по сей день, однако, правда привлекает к себе не меньшее внимание.

От ложных утверждений о болезни лорда Рэндольфа сифилисом или незаконнорожденности Уинстона до проблем Дженни с игрой в казино и разбитых честолюбивых планов Джека – авторы, Силия и Джон Ли, с помощью ранее неизвестных архивных материалов, пробились через паутину слухов и кривотолков, поведав правду о жизни бывшего премьер-министра Великобритании и его отношений со своей семьей.

Эта книга о Черчиллях, до отказа наполненная интригами и скандальными историями, раз и навсегда расставляет все на свои места в отношении одной из величайших в мире семейных династий.

- Джон Ли, Силия Ли
  -
  -
  - Вступление
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20

- Глава 21
- Глава 22
- Послесловие авторов
- Лица, которым авторы выражают благодарность
- Примечание
- Генеалогическое дерево династии Черчиллей:
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124

- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168

- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212

- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256

- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300

- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344

- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388

- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432

- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476

- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520

- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564

- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605

Джон Ли, Силия Ли Черчилль. Династия на вершине мира

© Celia Lee and John Lee, 2010.
© Т. Рощупкина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык

* * *

Посвящено памяти
Перегрина Черчилля
1913–2002

«Перегрину была присуща горячая приверженность к правде, которой, по его мнению, зачастую наносили вред порочащие намеки и поверхностные исследования. Он был замечательный человек, преданный истории, и объективно относился к сэру Уинстону, видя в равной мере его достоинства и недостатки».

Ричард М. Лэнгуорт, редактор журнала Finest Flour, из письма, выражающего соболезнование жене Перегрина,

22 марта 2002 года

Вступление

В центре внимания нашей книги – четыре близких члена семьи Черчиллей: лорд Рэндольф, его жена американского происхождения – Дженни и их сыновья Уинстон и Джон (Джек). Рассматривая их с точки зрения семьи и особенно в полной мере вовлекая в рассказ юного Джека, мы способны лучше понять жизнь этих замечательных людей. Лорд Рэндольф Спенсер-Черчилль был вторым сыном 7-го герцога и герцогини Мальборо, Джона и Фрэнсис Черчилль, которые жили в величественном дворце Бленхейм, расположенном в Вудстоке, графство Оксфордшир в Англии. В 1874 году лорд Рэндольф женился на изумительной красавице мисс Дженни Джером, второй дочери Леонарда и Клары (в девичестве Холл) Джером, родом из Нью-Йорка.

Ранее в том же году лорд Рэндольф был впервые избран членом парламента от консервативной партии местного избирательного округа Вудсток и получил место в Палате общин британского парламента в Вестминстере, Лондоне. Дженни, хорошо образованная и свободно говорящая на французском и немецком языках, а также в совершенстве играющая на фортепиано, сразу же заинтересовалась политикой, интерес к которой сохранился у нее до конца жизни. По мере того как Рэндольф продвигался в политическом мире и дошел до поста министра в кабинете правительства, Дженни усердно помогала продвижению его карьеры, доходя даже до агитационной предвыборной работы за сохранение им места в парламенте, что было неслыханным поступком для женщины в Британии викторианской эпохи. Дженни в дальнейшем закрепила за собой роль хозяйки в светском кругу, общаясь с высочайшими представителями аристократии, включая королевскую семью, в особенности став другом Эдуарда, принца Уэльского, и его жены, принцессы Александры. Принц был старшим сыном и наследником королевы Виктории, правящего монарха.

Старший сын Черчиллей, Уинстон, стал со временем военным и еще в довольно молодом возрасте, идя по стопам своего отца, достиг положения успешного политического деятеля и члена кабинета министров. Когда ему было чуть более 60 лет, разразилась Вторая мировая война (1939–1945) между Британией и Германией, и в мае 1940 года, в час огромной опасности для своей страны, он стал премьер-министром. Именно в должности британского премьер-министра в военное время он достиг ведущей роли на мировой арене, приведя Британию, по общему

признанию, к победе в войне. Именно этот период жизни сделал его известным, и именно за это его ценят сегодня в мире.

Младший сын Черчиллей, Джон, значительно превзошел своего брата в школьном образовании и часто был лучшим учеником в своем классе. Он служил в должности армейского офицера во время англо-бурской войны в Южной Африке в 1900 году и в Первой мировой войне в период 1914–1918 годов. Однако затем он исчез из виду, и только некоторым людям было известно о его существовании. Данная книга является первым полным портретом семьи, и истории Джека отведено ведущее место в создании правильного представления о динамике развития отношений в этой семье.

Профессор психологии Кит Симонтон в своей книге *Величие: кто делает историю и* почему (*Greatness: Who Makes History and Why*), изданной в 1994 году, обсуждал тему великих людей. Говоря о позиции Уинстона Черчилля во время Второй мировой войны – «никогда не сдаваться», профессор Симонтон выявил поразительную закономерность, а именно, что родившиеся первыми и единственные в семье дети способны становиться хорошими лидерами в кризисной обстановке в силу привычки брать на себя ответственность. Далее следует удивительное утверждение, что «Черчилль, будучи единственным ребенком, был типичным примером». Тут же им ставится вопрос: «Является ли статус единственного ребенка фактором его величия, а также его поражений?»

Мы рады сообщить, что Уинстон не был единственным ребенком в семье. Его брат Джон (всегда известный под именем Джек) родился в Дублине, и он моложе Уинстона примерно на пять лет и два месяца. Братья очень любили друг друга, и Джек часто оказывал услуги Уинстону, оставаясь при этом в тени.

Уинстон, по общепринятому мнению, признан «величайшим британцем» в истории страны[1]. О нем написаны и продолжают писаться миллионы слов в книгах, статьях, прессе и журнале *Finest Hour,* полностью посвященном сохранению его памяти и уроков по сегодняшний день[2]. Большинство этих письменных материалов, за исключением нескольких достойных примеров, упоминают Джека вскользь или не упоминают его вообще. Включение Джека в полной мере в историю семьи – это единственный способ объяснить многочисленные спорные вопросы, вызывающие недоразумение при чтении огромного множества материалов, написанных о семье Черчиллей.

Младший сын Джека, Перегрин, собирался написать новый очерк о своем дяде Уинстоне, стремясь восстановить место своего отца в истории семьи. После того как мы завершили работу над

биографиями генерала сэра Яна Гамильтона и его жены Джин, леди Гамильтон, г-жа Барбара Гамильтон представила нас в июле 2001 года Перегрину и его жене Ивонн. После ряда встреч и бесед с Перегрином, которому в то время было 88 лет, возникла идея о возможной помощи с нашей стороны в виде организации документов и исследования для его работы. Не успело наше сотрудничество начаться, как в марте 2002 года Перегрин неожиданно умер. По просьбе его вдовы мы взяли на себя задачу написать новую книгу о семье Черчиллей, в духе намерений Перегрина, и нам был предоставлен неограниченный доступ к охраняемым авторским правом материалам вдовы Перегрина – г-жи Черчилль.

ПРИМЕЧАНИЕ ПО ПОВОДУ ВАЛЮТЫ

На протяжении всего текста мы главным образом обращались к денежным единицам именно конкретного периода времени; однако читателей могут заинтересовать их международные и современные эквиваленты. В период с 1874 по 1876 год 1 фунт стерлингов равнялся 5,50 доллара США. С 1861 по 1901 год 1 фунт стерлингов был равен 4,80 доллара США, за исключением 1920,1921 и 1932 годов[3]. В период с 1861 по 1901 год 1 фунт стерлингов был равен 70 фунтам стерлингов в стоимостном выражении на 2001 год[4].

Глава 1
Любовь с первого взгляда
1873–1876

> В 1873 году на английском троне восседала королева Виктория, и Британская империя находилась в зените своей власти. Старший сын королевы, принц Альберт Эдуард – принц Уэльский (известный под именем Эдуард или Берти), воспринимался британскими подданными как король-в-ожидании. В деятельности парламента в Палате общин преобладали две основные партии. Либеральную партию, находящуюся у власти в то время, возглавлял Уильям Юарт Глэдстоун, который был премьер-министром с 1868 по 1874, с 1880 по 1885 и с 1892 по 1894 годы. Во главе консервативной партии (тори) стоял Бенджамин Дизраэли (Диззи), находившийся на посту премьер-министра с 20 февраля 1874 года по 21 апреля 1880 года.

Был август 1873 года, неделя ежегодных гонок парусных яхт в Каус на острове Уайт, известная как неделя парусного спорта в Каус. На гонках присутствовало высшее общество из Соединенного Королевства и Европы. Г-жа Леонард Джером и ее дочери были приглашены на престижный прием и бал на борту корабля британских ВМС «Ариадна». Целью этого празднества, проводимого в присутствии принца и принцессы Уэльских, было представление английскому обществу российской царской семьи, находящейся в то время с визитом. На печатном приглашении в строке «Знакомство» вторая дочь г-жи Джером Дженетт (Дженни) вписала имя «Рэндольф». Этот очаровательный романтичный поступок девятнадцатилетней американки был началом бурного романа.

Знакомая с великолепием дворца Наполеона Третьего до поражения Франции в 1870 году, г-жа Джером прививала своим трем дочерям высокое мнение об европейском обществе. В Каусе она остановилась в милом небольшом коттедже, вилле Розетте, с садом и видом на море, в западной части острова. Царская семья из России расположилась неподалеку в Осборн-хаус[5] вместе с королевой Викторией, и 12 августа состоялся бал для развлечения молодых членов русской царской семьи. В то время, еще до прихода электричества, танцы проводились в

послеобеденное время с 3:30 до 7:30 вечера, на английском военном корабле, украшенном фонарями и национальными флагами Великобритании и царской России. Гостей, наряженных в лучшие одежды и украшенных драгоценностями, развлекал оркестр королевской морской пехоты.

Дженни, ослепительная в своем белом платье и бриллиантах, привлекала огромное внимание. Она была, просто говоря, потрясающая красавица. Лорд Рэндольф Черчилль увидел ее кружащейся в танце на палубе и замер, очарованный красотой этой темноволосой девушки с сияющими серо-голубыми глазами[6]. Достопочтенный Фрэнк Берти, младший клерк в Министерстве иностранных дел, был соседом Рэндольфа в графстве Оксфордшир, а также общался с семьей Джеромов в Париже. Поэтому именно ему выпала честь познакомить эту пару. Позднее Дженни вспоминала сказанные слова: «Мисс Джером, я хотел бы представить вам моего старого друга, только что приехавшего в Каус, лорда Рэндольфа Черчилля»[7].

Дженни заинтриговал этот английский аристократ. Он был среднего роста, стройного телосложения, с бледным лицом, светлыми волосами и пышными усами. Его голубые глаза были слегка выпуклые. Он был одет с исключительным вкусом, и с ним было приятно вести разговор. Несмотря на то что Рэндольф не был отличным танцором, он улучил момент и пригласил Дженни на следующий танец, кадриль. При первом удобном случае они воспользовались предлогом покинуть танцевальную площадку и устроились на палубе, попивая шампанское и беседуя о многих предметах, одинаково интересующих обоих. Оба много путешествовали по Европе и свободно владели французским и немецким языками. Но более всего их сблизила сильная любовь ко всему, связанному с лошадьми. Оба были отличными верховыми ездоками, ездили на охоту с гончими и были завзятыми любителями конных скачек. Они так увлеклись разговором, что г-же Джером, обеспокоенной долгим отсутствием дочери на танцевальной площадке, пришлось пойти на поиски и увести за собой свою дочь.

После этой краткой встречи Дженни уговорила мать пригласить на следующий день на ужин лорда Рэндольфа и его друга, полковника Эджкамба. Она заручилась поддержкой своей старшей сестры Клары, и обе девушки упражнялись в игре в четыре руки, чтобы развлекать и впечатлять своих гостей. Не прошло еще и суток после встречи с Рэндольфом, как Дженни доверилась Кларе, что у нее «такое странное чувство, что он сделает мне предложение». Про себя она решила: «Я собираюсь сказать Эа». После ужина Рэндольф сообщил в

конфиденциальном разговоре с Эджкамбом, что «он восхищен обеими сестрами и хотел бы, если получится, жениться на *темноволосой сестре*». За ужином Дженни намеренно упомянула о своих регулярных прогулках в одно и то же время по одной безлюдной дороге. И конечно же, на следующий день там ее ожидал Рэндольф. Оказавшись наконец-то одни, они возобновили оживленный разговор. После этого тайного свидания Дженни попросила свою мать опять пригласить Рэндольфа в тот день на ужин. Г-жа Джером была обеспокоена скоростью развития их отношений. Она хотела для своей дочери что-нибудь получше, чем второй сын герцога, но все-таки сделала ему официальное приглашение. После ужина г-жа Джером удалилась из-за головной боли и оставила Клару присматривать за сестрой. В тот прекрасный летний вечер Рэндольф и Дженни вышли на прогулку в сад. Наступил отличный момент для предложения руки и сердца. Дженни ответила согласием. Оба решили ничего не говорить ее матери, «так как она не воспримет внезапности этого события». Рэндольф, переполненный любовью, изменил свои планы и остался в Каусе еще на четыре дня, в течение которых они старались как можно чаще видеться друг с другом[8].

Когда неделя парусного спорта подошла к концу, Дженни сообщила своей матери о помолвке с лордом Рэндольфом, и реакция матери оправдала ее страхи. «Она считала, что мы сошли с ума, и естественно, не хотела и слышать о такой опрометчивости». Дженни было запрещено видеться или переписываться с Рэндольфом, и в начале сентября семья Джеромов вернулась в Париж[9].

Лорд Рэндольф Спенсер-Черчилль был вторым сыном, с правом наследования, седьмого герцога Мальборо (Джона Уинстона Спенсер-Черчилля) и его жены Фрэнсис Вейн, дочери третьего маркиза Лондондерри, имеющего крупные поместья в Ирландии. Это был союз двух выдающихся в стране консервативных семей. Родовым поместьем Черчиллей был огромный и величественный дворец Бленхейм в Вудстоке, графстве Оксфордшир, возведенный в честь празднования побед одного из величайших военных Англии – Джона Черчилля, первого герцога Мальборо. Но семья испытывала финансовые затруднения из-за огромных расходов по содержанию дома и земельных участков вокруг поместья.

Рэндольф родился 13 февраля 1849 года в доме по адресу: 3 Уилтон Террейс, Белгревия в Лондоне и получил обычное воспитание ребенка из семьи аристократов, принятое в викторианской Англии. За ним ухаживали няни и гувернантки, и он встречался с родителями только раз в день, а в возрасте

восьми лет его отправили в Итон, школу-пансион. Его школьные успехи были достаточно хорошими, но герцогу пришлось однажды написать в Итон письмо, в котором он чуть ли не извинялся за поведение сына. «Он очень восприимчивый мальчик, быстро распознающий плохое и хорошее… Его основными слабостями являются недостаточная сдержанность в речи, самообладании и манерах поведения, а также высокомерное отношение к нижестоящим»[10].

Здоровье Рэндольфа всегда внушало опасения, и у него было слабое сердце. Однако же отец готовил его к карьере члена парламента от консервативной партии округа Вудсток. В 1864 году в возрасте пятнадцати лет Рэндольф, по поручению своего отца, произнес политическую речь, которая имела успех. Он отправился в путешествие по Европе, улучшая знания французского и немецкого языков, и по возвращении сдал экзамен на аттестат зрелости. Перейдя в Мертон-колледж в Оксфорде, он стал изучать историю и юриспруденцию. У него появился интерес к шахматам, и он стал одним из первоначальных членов университетского шахматного клуба. Однажды, играя с мировым чемпионом Уильямом (Вильгельмом) Штейнитцем, он проиграл игру после тридцати трех ходов, однако гроссмейстер играл с завязанными глазами. В 1870 году он закончил университет и получил диплом с отличием второй степени, чуть-чуть не дотянув до первой степени.

Отец Дженни, Леонард Джером, вел успешный бизнес в Нью-Йорке. Ему не претило хорошо наживаться за счет откровенных биржевых спекуляций на курсах акций благодаря протекции друзей – ведущих журналистов финансового мира. Когда он не был загружен работой в коррумпированном мире нью-йоркской политики, он работал какое-то время консулом в Триесте. Будучи покровителем оперного искусства, он часто ангажировал оперных певиц, которые становились его любовницами. Его жена Кларисса родила ему трех дочерей – Клариту (которая называла себя Кларой) в апреле 1851 года, Дженетт (Дженни) – 9 января 1854 года, и Леони – в августе 1859 года. Перегрин Черчилль рассказывал, как мать Дженни поехала погостить к Аддисону, брату Леонарда Джерома, и его жене Джулии, которые жили в Бруклине по адресу 426 Хенри-стрит. Поднялась сильная снежная буря, но у Клариссы начались преждевременные схватки и ее нельзя было никуда перевозить. Ей пришлось родить Дженни в том доме, тогда как снег за окнами достигал глубины в несколько футов[11]. У дочерей в семье Джеромов были няни и гувернантки, и им было дано домашнее образование, настолько хорошее, насколько позволяли деньги. Особое внимание уделялось

благородным искусствам – музыке, рисованию и языкам.

В 1858 году Леонард обзавелся роскошным домом в Нью-Йорке для своей семьи. Там были танцевальный зал на триста человек, театр на шестьсот мест и обеденный зал на семьдесят человек. В 1867 году семейная пара рассталась, но дружеские отношения сохранились, и до развода дело никогда не дошло. Получив хорошее материальное содержание и деньги в собственное распоряжение, г-жа Джером смогла переехать в Париж.

Вскоре г-жа Джером и Клара ближе познакомились со двором Наполеона Третьего. Особенно они были в большой дружбе с красавицей императрицей Евгенией. Г-жа Джером имела далеко идущие планы для своих дочерей, целью которых был брак с представителями европейской аристократии. Франко-прусская война 1870 года положила конец этим планам, и в сентябре женщины семейства Джеромов спаслись бегством в Англию. Леонард приехал в спешном порядке, как только смог, и поселил их в престижной лондонской гостинице Браун-отель. Девушки продолжали брать уроки игры на фортепиано, так как в Париже Дженни обучал Стивен Хеллер, известный венгерский преподаватель и композитор. Каждый день девушки гуляли в Гайд-парке с австрийским гувернером, совершенствуя свой немецкий язык. Бурные события во Франции улеглись, и осенью 1871 года семья Джеромов смогла вернуться в свой дом на бульваре Осман.

Рэндольф, после недели парусного спорта в Каус, вернулся во дворец Бленхейм в состоянии высокого возбуждения. Его отец был в Шотландии, и 20 августа он написал ему, немного стесняясь, письмо, сообщая в нем о своей большой любви и намерении жениться:

> *Я люблю ее больше своей жизни, и моя единственная надежда и мечта только о том, как устроить, чтобы я смог вскоре соединиться с ней узами, которые невозможно разрубить никакой силой, кроме только смерти одной*[12].

Рэндольф получил холодный ответ от отца, заканчивающийся словами: «Я только надеюсь, что ты будешь действовать под влиянием своей матери и меня самого». Мальборо незамедлительно начал выяснение обстоятельств дел Леонарда Джерома в Америке[13]. О Джероме ходило хорошо известное мнение как о человеке фривольной репутации, наживающем большое состояние и в равной мере растрачивающем его в силу экстравагантных привычек; в прошлом он был банкротом. Затем последовало письмо к Рэндольфу от его отца: «Глядя со стороны,

невозможно не поражаться неразумности и бесконтрольности твоих чувств, которые абсолютно парализовали трезвость твоих суждений»[14].

Его мать тоже нанесла удар по нежным чувствам: «В любом случае мы не желали бы родства с американцами»[15].

Во время разлуки Рэндольф и Дженни писали друг другу о своей вечной любви. Вскоре должны были состояться всеобщие выборы в парламент. Рэндольф заявил, что он отказывается баллотироваться в парламент, если ему не разрешено жениться на Дженни, добавив, что «в любви и войне хороши все приемы»[16]. Он также доверился Дженни в том, что политическая карьера не представляет для него большой привлекательности, но он продолжит участие в общественной жизни по ее желанию. В ответ она выразила восторг по поводу положения жены члена парламента и сообщила, что начала специально изучать британскую политику[17].

Г-жа Джером, со своей стороны, написала мужу, называя Дженни опрометчивой, неосторожной, своевольной и импульсивной. Она умоляла его приехать в Париж и попробовать воздействовать на свою любимую дочь, которая обожала отца. Джером написал письмо своей дочери, прося ее не торопиться и еще раз подумать[18].

Начиная с конца августа Дженни засыпала мать слезными мольбами о разрешении на свадьбу. Рэндольф часто писал г-же Джером и в конце концов склонил ее на свою сторону. В письме от 9 сентября она призналась, что «вы полностью завоевали мое сердце своим искренним и благородным поведением»[19]. В дальнейшем она первой пошла навстречу и сообщила своему мужу о согласии на брак. Джером, по наставлению своей жены, прислал телеграмму о том, что Дженни будет выделено приданое в размере 50 000 фунтов стерлингов 275 000 долларов, годовое содержание размером 2000 фунтов стерлингов / 11 000 долларов и предоставлена третья часть поместья по смерти отца[20]. Это послужило мощным стимулом для нуждающейся в деньгах семьи английских аристократов, и герцог дал косвенно понять, что Рэндольф получит согласие на брак, если будет баллотироваться и будет избран в члены парламента от избирательного округа Вудсток, но им следует немного подождать[21].

Затем, в начале ноября, Джером узнал об интересе, который Мальборо проявил к его делам в Нью-Йорке, и послал гневную телеграмму своей жене: СОГЛАСИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ[22].

Тем не менее, приехав в Париж в конце декабря, Джером собирался встретиться с Рэндольфом, и они провели вместе вечер за ужином[23]. Общий страстный интерес к скачкам помог им

стать лучшими друзьями, но все-таки Леонард воздержался от согласия на брак.

Началась всеобщая предвыборная кампания. Рэндольф баллотировался на пост министра – члена парламента от избирательного округа Вудсток, конкурируя с внушительным кандидатом от либеральной партии Джорджем Бродриком, который серьезно и напористо наступал на Черчиллей, критикуя их прошлую работу в избирательном округе. Рэндольф, немного нервничая, выступил с несколькими речами и энергично взялся за агитационную работу, посещая все уголки избирательного округа.

В феврале 1874 года Рэндольф одержал блестящую победу, набрав 569 голосов по сравнению с 404 голосами конкурента. Он немедленно позвонил Дженни с обещанием приехать примерно через день[24]. Вслед за этим герцог дал свое согласие на брак. Джером написал Рэндольфу: «Я поздравляю тебя от всей души»[25]. В середине февраля герцог поехал в Париж для встречи с семьей Джеромов. Г-жа Джером пришла к заключению, что он «вполне прекрасный человек». Дженни, которой только что исполнилось двадцать лет, мило завладела его вниманием, играя для него на фортепиано сонаты Бетховена и обсуждая британскую политику, демонстрируя незаурядный ум. Она сразу же понравилась герцогу. Он согласился оплатить все существующие счета Рэндольфа, предоставить ему ежегодное содержание размером в 2000 фунтов стерлингов и оплачивать его ежегодные расходы, связанные с должностью члена парламента. Леонард дал согласие со своей стороны и рассудил, что приданое в 50 000 фунтов стерлингов / 275 000 долларов и совместный годовой доход в 4000 фунтов стерлингов / 22 000 долларов достаточны для начала совместной жизни молодой пары.

День свадьбы был назначен на 15 апреля 1874 года; местом свадьбы должна была быть церковь британского посольства в Париже. Герцогиня сказалась больной, и герцог не поехал на свадьбу без нее. Однако на свадьбе присутствовали брат Рэндольфа, Блэндфорд, и трое из шести его сестер. Джеромы щедро потратились на свадьбу – на Дженни было платье из белого парижского атласа, покрытого алансонским тонким шелковым кружевом ручного вязания, простое ожерелье из чистого жемчуга и букетик американского флердоранжа, приколотый к корсажу; все было направлено на то, чтобы подчеркнуть ее темноволосую красоту. После роскошного свадебного завтрака супруги отправились в шикарном экипаже в четырехнедельное путешествие по Европе, чтобы провести там свой медовый месяц.

Новобрачные вернулись в Англию в конце мая и

остановились временно в Бленхеймском дворце. К тому времени Дженни уже ожидала своего первого ребенка. Великолепие дворца произвело на нее глубокое впечатление. Она впервые встретилась с матерью Рэндольфа и тремя сестрами мужа, но несмотря на теплый прием со стороны герцога, женская половина семьи оставалась суровой и неумолимой в отношении Дженни, так как их мать не считала ее достойной партией для Рэндольфа. Дженни делала искренние усилия в попытке сближения с ними. Возможно, она слишком старалась и просто создавала впечатление, что все время рисуется. Она знала о своей красоте и всегда одевалась по последнему слову моды. Ничто из этих качеств нельзя было приписать герцогине и ее дочерям. Дженни гораздо лучше их играла на фортепиано и в подлинном совершенстве владела искусством езды на лошади. Все ее действия казались им преднамеренными, вызванными желанием задеть их чувства[26].

Тем не менее Рэндольф и Дженни были золотой парой сезона. Клара и Леони приехали с визитом из Парижа, и две старшие сестры вместе отправились на бал, но без шестнадцатилетней Леони, которая была слишком молода для этого. Девушки могли дебютировать в обществе только по наступлении восемнадцати лет. Дженни была очень популярна среди молодых людей, но с развитием беременности ей нужно было быть очень осторожной. Вскоре ей пришлось оставить верховую езду, тогда как Рэндольф отправился на знаменитую охоту с гончими на лис в Хейтропе, любимую охоту герцога Бофортского, которая проводится в определенные сезоны года. Дженни играла на фортепиано, любовалась написанными маслом картинами дворца, проводила время за чтением в великолепной библиотеке, но все это не отвечало целям ее замужества. Она с возбуждением говорила о возможности иметь свой собственный дом, и летом Рэндольф снял для них в аренду небольшой домик в фешенебельном районе Лондона по адресу: 1 Курзон-стрит, Пиккадилли[27].

Во время визита в Бленхеймский дворец в ноябре 1874 года, когда Рэндольф и Дженни охотились на диких уток, у Дженни начались преждевременные роды. Ее быстро доставили обратно в дом и, так как она не могла подниматься по лестнице, устроили ей постель в комнате на первом этаже. После трудных восьмичасовых предродовых схваток местный доктор, Фредерик Тейлор, принял на свет Уинстона Леонарда Спенсер-Черчилля, родившегося в 1 час 30 минут после полуночи 30 ноября. Из-за скорости событий для ребенка не была приготовлена одежда, поэтому он был одет во что-то, подаренное женой местного юриста. В последующие дни стало ясно, что у новорожденного

рыжие волосы и голубые глаза.

Уинстон был окрещен 27 декабря капелланом герцога в частной церкви при Бленхеймском дворце и был назван в честь отца Рэндольфа (второе имя которого было Уинстон) и Леонардом в честь своего дедушки с другой стороны. Двоюродная бабушка Рэндольфа, Клементина, леди Кэмден[28], стала крестной матерью, и по просьбе Рэндольфа Леонард Джером стал крестным отцом ребенка, хотя он не смог приехать вовремя из Соединенных Штатов.

В январе 1875 года молодая семья Черчиллей вернулась в дом на Курзон-стрит. Дженни наняла в качестве опытной медсестры и няни миссис Элизабет Эверест, которой было около сорока лет. Эта незамужняя женщина – титул *миссис* употреблялся чисто как форма вежливости – оказала огромное влияние на детей Черчиллей. Когда Уинстон учился говорить, он называл ее Вум, что является частью слова женщина (в английском произношении). В своих письмах мальчики постоянно называли ее Вум или Вумани, и она оставалась их обожаемым и обожающим спутником в течение двадцати лет.

Обставлять свой новый дом мебелью оказалось дорогим занятием, и вскоре после рождения Уинстона уже начались проблемы с деньгами. Леонард Джером не выплатил полностью ожидаемое приданое, и герцог тоже не смог платить в полной мере обещанное Рэндольфу содержание[29]. Молодая пара, как казалось, отказывалась осознавать ситуацию и энергично занималась упрочнением своего положения в обществе. Герцог, однако, приобрел для них за 10 000 фунтов стерлингов / 55 000 долларов арендное право на новый дом по адресу: 48 Чарльз-стрит в фешенебельном районе Лондона – Мейфере. Это был четырехэтажный дом, в котором супруги впервые могли создать настоящий семейный очаг. Но он тоже подлежал обновлению и ремонту. Они наняли на работу отличного французского повара и нескольких слуг. Супругам удавалось устраивать успешные приемы гостей, но это стоило денег. Дженни сильно волновалась всякий раз, когда к ним на ужин приходил принц Уэльский. Сидеть рядом с будущим королем Англии – это то, к чему она всегда стремилась. Принц неизменно хвалил подаваемые угощения и явно наслаждался обществом супругов.

Рэндольф должен был заниматься своими парламентскими обязанностями, и Дженни иногда навещала своих родственников в Париже вместе с малышом Уинстоном. Все это время они вели очаровательную переписку. После того как Рэндольф оставил Дженни в Париже, она писала ему в своем письме, примерно летом 1875 года:

Мне так одиноко без тебя, дорогой. Особенно я стараюсь держать дверь в твою комнату закрытой. Я не могу переносить ее пустынный вид…. Я надеюсь, твоя простуда не ухудшилась, и помни, только 6 сигарет… Пожалуйста, следи за собой, мой дорогой, и приезжай поскорее к твоей одинокой Дженни…. Ребенок такой милый, он превращается в такого толстячка и может ходить почти без поддержки[30].

Дом на Чарльз-стрит оказался полным сквозняков, и Уинстон был нездоров. В октябре 1875 года, после успеха на скачках в Ньюмаркете, где Рэндольфу удалось выиграть 400 фунтов стерлингов / 2 200 долларов, он писал: «Я все еще беспокоюсь о ребенке. Надеюсь, ты будешь очень осторожна с ним в этом продуваемом насквозь доме»[31]. В начале 1876 года он пытался снять в аренду дом за городом, что, как он полагал, будет лучше для здоровья всей семьи. В письмах этого периода содержится упоминание передавать привет «худышке», что было шутливым прозвищем их пухлого малыша.

Дженни была уже обеспокоена чрезмерным пристрастием Рэндольфа к курению, а также его бесконечными слабыми недомоганиями, которые, казалось, преследовали его всю жизнь. Другое письмо без даты, написанное примерно осенью 1876 года, показывает, насколько они были тесной и любящей семьей: «Пожалуйста, скажи мне честно, как ты себя чувствуешь… пожалуйста, выздоравливай, мой дорогой, и возвращайся… Ребенок совсем расцвел, но отказывается поцеловать меня, пока я не скажу “для папы”»[32].

Семья Черчиллей погрузилась в счастливую домашнюю жизнь, но вскоре им пришлось столкнуться с потрясением. Старший брат Рэндольфа, Джордж Чарльз, маркиз Блэндфордский (известный под именем Блэндфорд), был женат, имел семью и встречался с любовницей по имени Эдит, леди Эйлсфорд, которая была бывшей любовницей принца Уэльского. 20 февраля 1876 года принц внезапно встал в позу, принял высоконравоучительный тон и потребовал в письме к Блэндфорду, чтобы он развелся со своей женой и женился на леди Эйлсфорд[33]. Возникла оскорбительная ссора, в которой Рэндольф и Дженни были на стороне Блэндфорда против принца. Принц дал им понять, что никогда не переступит порог того дома, где в гостях будут Черчилли, и тут же семью перестали включать в списки приглашаемых гостей.

Глава 2
Ирландская «ссылка»
1876–1880

Ирландия тех времен была неотъемлемой частью Соединенного Королевства и, следовательно, подчинялась законам британского правительства. Ирландские члены парламента заседали в Палате общин. Королева Виктория являлась также королевой Ирландии, и ее представителем в Ирландии был вице-король, титулованный английский аристократ. В течение нескольких лет в Ирландии зрело недовольство по поводу английских землевладельцев, живущих вне своих имений и собирающих непомерную плату за находящиеся там в их владении земли и дома. Если малоимущие крестьяне не могли платить ренту, их выселяли из домов приставы-исполнители. Вскоре на свет появилась ирландская партия «Лига самоуправления» («гомруль»), позднее называемая Ирландская парламентская партия. Члены партии требовали создания ирландского парламента в Дублине. В результате всеобщих выборов в 1874 году они получили пятьдесят девять мест в парламенте. «Ирландский вопрос», как его называли, начал доминировать в повестке дня парламента. В 1877 году голод в Ирландии усилил стремление к самоуправлению. Герцог и герцогиня Мальборо были назначены вице-королем и вице-королевой в Ирландии; Рэндольф и Дженни сопровождали их в этом назначении.

Премьер-министр от консервативной партии, Бенджамин Дизраэли, был большим другом герцога Мальборо и посоветовал ему принять должность вице-короля в Ирландии для того, чтобы отвести себя и свою семью подальше от неприятностей с принцем Уэльским. Срок службы вице-короля составлял три года и три месяца.

Официальное введение седьмого герцога Мальборо в должность вице-короля в декабре 1876 года было большим событием в жизни государства. Герцог был одет в полный парадный мундир, и его семья со штатом слуг въехала в Дублин с вереницей экипажей, встречаемая пушечными выстрелами.

Ликующие толпы людей видели, что лорд и леди Рэндольф везли с собой в карете своего двухлетнего сына Уинстона. Следуя моде того времени, на нем было белое атласное платьице с нижними юбочками и пальто ярко-синего цвета, а его рыжие волосы были завиты в свисающие до плеч локоны и повязаны белой лентой. Дженни считала, что ему следовало участвовать в этом первом для него большом государственном событии.

В Дублине герцог и герцогиня жили в вице-королевских квартирах, Вице-королевском Лодже, рядом с Феникс-парком. Рэндольф, назначенный личным секретарем отца (без получения жалованья), жил неподалеку в небольшом отделении Уайт-Лодж вместе с Дженни, Уинстоном, няней Эверест и небольшим штатом слуг.

Рэндольф и Дженни быстро приспособились к жизни англоирландского дворянства, благодаря их сильному пристрастию к верховой езде, охоте, рыбалкам, стрельбе и парусному спорту[34].

Однажды, во время стремительной верховой езды Дженни хотела проскочить галопом через ворота скотного двора, и в тот же момент порыв ветра захлопнул ворота, заставив лошадь удариться в них и резко остановиться, что выбило Дженни из седла. Позднее она вспоминала:

> *К счастью, я упала в стороне от лошади, а то бы она раздавила меня под собой, и подбежавший в ту минуту Рэндольф думал, что я была мертва. Однако, спустя несколько секунд, убедившись, что я в порядке, он схватил в порыве возбуждения мою плоскую фляжку и опустошил ее. Долгое время этот случай неизменно вызывал смех, так как упала то я, а виски выпил он!*[35]

Письменное упоминание о красоте Дженни, сделанное в то время, принадлежит лорду Д'Абернону (Эдгару Винсенту), бывшему послу в Берлине и международному банкиру в Турции. Он видел Дженни на официальном приеме в Вице-королевском Лодже, где все глаза были обращены на нее. Ее темные волосы были украшены спереди бриллиантовой звездой, «блеск которой тускнел» под «сверкающим великолепием» ее серо-голубых глаз. «Пользующаяся несомненным успехом», она стояла среди толпы «сияющая, ослепительно яркая, впечатляющая». К этой характеристике он добавил, что она обладала «развитым интеллектом», «добротой», «веселым настроением» и «желанием нравиться»[36].

Обязанности члена парламента от округа Вудсток требовали от Рэндольфа поездок в Англию и вынуждали его проводить

время в Лондоне вдали от семьи. В его письмах к Дженни всегда говорилось, что он «умирает» в разлуке с ней и ему очень скучно.

В своей первой речи в парламенте (в марте 1874 года) он добавил свой голос к предложению оппозиции о превращении Оксфорда в новый территориальный военный центр, высказывая предположение, что там нужно поставить военный гарнизон, так же как в Лондоне, Дублине или Эдинбурге, с войсками в распоряжении для управления непокорным населением. Лорд-мэр Дублина возразил против характеристики, данной Рэндольфом в отношении города, как противоправного и нуждающегося в патрулировании[37].

Дизраэли (известный всем под именем Диззи) имел беседу с Рэндольфом с глазу на глаз об этом выступлении в парламенте. В последующих дебатах той сессии Рэндольф почти не участвовал; только иногда он выступал по вопросам, относящимся к своему избирательному округу Вудсток.

Однако в Ирландии его интерес к политике возрос, когда он попал в компанию нескольких исключительных интеллектуалов. Главным среди них был лорд-судья Джеральд Фитц-Гиббон, юридический советник при Дублинском замке, месте британского правления в Ирландии. В его ведении было рассматривать все вопросы, связанные с законом, поступающие со всех концов страны и из каждого департамента правительства. Он также был центральной фигурой в кругу тонких умов, с которыми он встречался для обсуждения политики и высокой культуры. Рэндольф был вовлечен в этот круг благодаря своему большому другу Фитц-Гиббону. В тот же круг входил римский католический священник, отец Джеймс Хили, который стал часто посещать Уайт-Лодж и очень заинтересовал Дженни вопросом самоуправления Ирландии (а именно отделения парламента в Дублине от лондонского парламента), против чего горячо возражал Рэндольф. По мере лучшего знакомства с этой группой, Рэндольф изменил свое мнение о Дублине как о «крамольной столице»[38]. В конце 1877 года, выступая в Палате общин, он выразил сожаление по поводу своих прежних взглядов, признавая, что «с тех пор я лучше познал Ирландию»[39]. В результате своего интереса к ирландской политике лорд Рэндольф и Дженни посетили все тридцать два графства Ирландии[40].

Весна и лето 1876 года оказались необычайно дождливыми в Ирландии, и урожай картофеля в том году был очень скудным, что привело к большому недостатку семян для посевов в следующем году. Летом 1879 года все еще стояла плохая погода, и начались серьезные проблемы с урожаем картофеля и пшеницы, а также недоставало торфа для отопления, что привело население

Ирландии к большой нужде. Бедным была предоставлена небольшая помощь, но этого было недостаточно. Наступил голод, напоминающий печально известный «Великий голод» 1845–1852 годов, во время которого от истощения умерло около миллиона человек[41].

В конце 1879 года герцогиня Мальборо создала свой собственный Фонд помощи голодающим, секретарем которого был Рэндольф[42]. Дженни была активно вовлечена в работу фонда. Его целью было предоставление пищи, топлива и одежды, особенно пожилым и слабым людям; также выдавались небольшие суммы денег трудоспособным мужчинам, временно оказавшимся в нужде, чтобы они могли не обращаться в работный дом, где бедным предоставлялась помощь в виде одноразового питания и ночлега[43]. Школам выдавались субсидии на детское питание. За счет престижа имен Мальборо и Черчиллей фонд привлек к себе большое внимание, а также значительные дары от королевы Виктории, принца Уэльского и всех знаменитых семейных династий британского континента[44]. К марту 1880 года фондом было собрано 88 000 фунтов стерлингов / 484 000 долларов. Всего фонд привлек 135 000 фунтов стерлингов / 742 000 долларов (в современном выражении 8 миллионов фунтов стерлингов / 44 миллиона долларов)[45].

Во время посещений Рэндольфом заседаний Палаты общин Дженни писала ему о семейных делах, чтобы держать его в курсе всего происходящего в Ирландии. В одном письме она писала, как Уинстон однажды разволновался из-за ее поездки с герцогиней по делам Фонда помощи голодающим:

> *Уинстон только что был со мной – он такой милый: «Я не отпущу тебя, мама, – а если ты поедешь, я побегу за поездом и вскочу в него», – он сказал мне. Я попросила няню Эверест поехать с ним завтра на прогулку в коляске, если будет хорошая погода – и для конюшен хорошо иметь побольше работы*[46].

В ходе распоряжения средствами фонда, часто раздаваемыми через местные комитеты, Рэндольф и Дженни продолжали посещать различные районы Ирландии, встречаясь с большим количеством жителей страны и непосредственно от них узнавая о голоде[47]. Эти поездки помогли им исключительно хорошо познать проблемы Ирландии и отложили в них глубокий след. Все это оказало большое влияние на радикальное изменение политических взглядов Рэндольфа и наставило его на путь столкновений со взглядами своей собственной партии в правительстве. Партию тори и правительство не интересовал

вопрос денежной помощи ирландцам, и многие английские землевладельцы, живущие вне своих имений, продолжали, несмотря на голод, взимать несправедливую ренту с обедневших ирландских крестьян и фермеров[48]. 28 сентября 1877 года во время своей речи в Вудстоке, в которой он обсуждал возникновение ирландского национального движения и подрывную роль ее членов парламента в Палате общин, Рэндольф сказал:

> *Я без колебаний заявляю, что именно невнимание к ирланскому законодательству привело к обструкции. Существуют серьезные и не терпящие отлагательства ирландские вопросы, на которые правительство до сих пор не обратило внимания. На кого же, кроме ирландцев, обращать внимание, кто так часто поражает нас своим красноречием, чей невообразимый юмор вызывает у нас смех, чьи всплески пылких чувств возбуждают в нас страстность?*[49]

Рэндольф стал значительным специалистом по ирландским вопросам и полностью погрузился в политическую жизнь. Он взялся за исследование необходимости реформы образования. Он критиковал отвлечение средств ирландским духовенством в ущерб другим организациям. Он убеждал правительство создать небольшой комитет по сбору информации об условиях, руководстве и доходах в ирландских школах, в котором должны были заседать он сам вместе с лордом Фитц-Гиббоном. Для выяснения фактического положения в школах он объездил всю Ирландию. Лорд Рэндольф взял на себя миссию разрешить «ирландский вопрос»; эта фраза использовалась членами британского правительства 1800-х годов и в прессе для описания борьбы ирландцев за национальное самосознание и независимость.

Позднее осенью того года, выступая в Палате общин, лорд Рэндольф резко осудил прошлое поведение Англии в отношении Ирландии, заявляя, что это были «годы неправоты, годы преступлений, годы тиранства, годы гнета, годы общего плохого управления, за которые необходимо загладить вину перед Ирландией»[50]. Такая радикальная позиция ни в коей мере не делала его сторонником развившегося ирландского национального движения, представляемого партией гомруля, во главе которой стоял Исаак Батт, судебный адвокат из Дублина. Батт был членом парламента и человеком умеренных взглядов. Но в парламенте было еще одно, наделенное шармом, лицо, ожидающее удобного случая выйти на сцену – Чарльз Стюарт

Парнелл. Парнелл выступал с зажигательными речами в пользу национального самоуправления[51], известного в наши дни как автономный парламент с собственными членами, избранными в Дублине. Там также была небольшая группа революционеров, с неопределенным названием *фении* (тайная группа по борьбе за отделение Ирландии), боровшаяся за полную независимость от Британии.

Такая точка зрения была предметом порицания для Рэндольфа, решительно выступавшего против более военно-настроенной политики своей собственной партии и правительства. Во время кризисной ситуации, возникшей в результате русско-турецкой войны 1877–1878 годов, он написал письмо 7 февраля 1878 года, адресованное крупному либеральному политику, сэру Чарльзу Дилке, с предложением вариантов, по которым несколько балканских провинций могли получить свободу от Турции (которую поддерживало правительство Дизраэли), и даже пообещал привлечь к голосованию за этот проект ирландских националистов. Позднее он говорил Дилке, что ему не хотелось видеть эти новые республики в руках какого-нибудь русского или немецкого князя, который был бы просто марионеткой под ширмой конституционной монархии. Этот сын герцога не питал большого уважения к господству класса аристократов. По мере того как военная лихорадка захлестнула Европу, Рэндольф выступал в Палате общин с обвинениями в адрес войны, говоря: «Похоже, что консервативная партия сошла с ума»[52].

Жизнь Дженни определенно складывалась не так, как она, похоже, мечтала. Вместе с Рэндольфом они обожали двухлетнего Уинстона и имели достаточно удовольствий в кругу ирландского и англо-ирландского дворянства – но это не шло в сравнение с великолепием «светского сезона», в котором она так недавно принимала участие, этого замечательного круговорота балов, банкетов и празднеств, характеризующих жизнь британской аристократии.

Дженни поддерживала новообретенный интерес Рэндольфа к политике. Существовала возможность продвижения его на этом поприще, и Дженни имела крайне честолюбивые планы в отношении своего мужа. Голод в Ирландии дал ей возможность выполнять значимую работу, то, чего были безжалостно лишены женщины ее класса и положения. Это даже немного сблизило ее с суровой свекровью. Дженни очень нравилось участвовать в работе Рэндольфа во время совместных путешествий по Ирландии.

Но ее муж все чаще отсутствовал из-за необходимости посещения сессий Палаты общин. В письмах между ними периода

1877 года начали закрадываться намеки о том, что Дженни чувствовала себя «одинокой и несчастной»; в своих ответах он умолял ее не сердиться на него. Он послал ей изящное новое седло и «с облегчением» узнал, насколько, по ее словам, оно ей понравилось. Сестры Дженни – Клара и Леони, время от времени навещали ее в Ирландии.

Их обожаемый сын Уинстон был предметом постоянного интереса. В конце писем Дженни стала появляться нечетко написанная буква «У», первые попытки Уинстона поставить свою подпись. Он был во всем потакаемым и резвым ребенком. «Уинстон сейчас со мной и так шумит, я не могу сообразить, о чем пишу… Клара и Уинстон посылают тебе привет»[53].

Письма того периода полны обычных историй о развитии ребенка и его детском языке: «Сегодня после полудня я купила Уинстону игрушечного слона, которого он просил последнее время, и я чуть не сказала продавцу “снола”. Я вовремя остановилась», и «Уинстон так преуспевает, он выучил новую песню “Мы все пойдем охотиться сегодня и т. д.”»[54]

Рэндольф, в своем отсутствии, был обеспокоен известием о простудах, случившихся той зимой, и 18 сентября 1877 года он писал: «Я выеду из Ирландии в понедельник вечером и буду с тобой утром в день Рождества… Я порядком встревожен твоим сообщением о малыше Уинстоне и надеюсь, ты покажешь его доктору». Уинстон был крепким ребенком, но скверная дождливая погода в Ирландии была причиной его постоянных проблем с легкими. Этот фактор, а также слабость здоровья мужской линии семьи, похоже, сделали его подверженным болезням. В декабре 1877 года Рэндольф хотел привезти Уинстона в Англию для отдыха в санатории, но в этом не оказалось необходимости[55].

В 1878 году дублинский художник, П. Сайрон Уорд, написал портрет Уинстона. Самыми достопримечательными чертами портрета все еще были масса рыжих локонов, повязанных лентами, и красивые голубые глаза. Няня Эверест почти каждый день ходила с ним на прогулку в Феникс-парк, если погода была хорошей. С головой, переполненной историями, услышанными от нее и слуг, Уинстон в любой момент ожидал увидеть «фенианских головорезов». «Насколько я понимаю, это были дурные люди, и нет предела тому, чтобы они сделали, если бы добились своего»[56]. Фении проводили антибританские демонстрации в Феникс-парке и вокруг него, и няня была всегда настороже. Однажды няня Эверест и Уинстон отправились в театр на пантомиму, но обнаружили его сожженным дотла[57]. В другой раз, в 1879 году, катаясь верхом на ослике, Уинстон упал, и у

него было сильное сотрясение мозга[58]. Его родители были весьма встревожены, и в течение многих лет Уинстон страдал сильными головными болями – еще одно испытание ребенку, с его уже развившейся к тому времени болезненностью.

14 апреля 1879 года Рэндольф послал поздравление с днем рождения своей матери и воспользовался случаем добавить, насколько он был доволен в то время своей жизнью: «Я пишу тебе с пожеланиями всего наилучшего в твой завтрашний день рождения, что также, если ты не забыла, и день нашей свадьбы; я женат уже пять лет и начинаю чувствовать себя глубоко респектабельным человеком»[59].

Уинстон находился на постоянном попечении няни Эверест, но Дженни регулярно читала ему книги. Когда ему было около четырех лет, няня Эверест познакомила его с книгой *Чтение без слез,* и с этого началось его настоящее образование. Это было подготовкой до назначения гувернантки, которая стала приходить раз в неделю для проведения уроков. Уинстон сразу же невзлюбил ее и всю идею обязательного обучения. Позднее он вспоминал о ней как о «неуклонно сгущающейся тени»[60] над его повседневной жизнью и о том, как он убегал от нее и прятался в кустарнике, тянувшемся по всей длине сада. Попасть в «унылую трясину в лице арифметики»[61] и понимать, что мать «почти всегда была на стороне гувернантки»[62], было большим ударом для маленького мальчика. Это демонстративное неподчинение и неспособность привыкнуть в малейшей степе ни к дисциплине говорили о нем как о своенравном и порядком избалованном ребенке. Дженни стала обращаться с ним строже, но это было началом серии злоключений, связанных с образованием Уинстона[63].

Позднее, когда Уинстон в своих воспоминаниях об Ирландии описывал мать в женском костюме для верховой езды, который «тесно облегал ее и часто был, довольно мило, запачкан грязью», и что она и его отец «бесконечно охотились» на своих крупных рысаках, он создавал впечатление, возможно непреднамеренно, что его мать не уделяла ему достаточного внимания[64]. Сохранилась фотография Дженни, очень хорошего качества, на которой она прекрасно выглядит именно в этом костюме.

Примерно в конце июня 1879 года Дженни и Рэндольф узнали о беременности Дженни вторым ребенком, и его рождение, по словам Дженни, было самым радостным событием для нее в Ирландии[65]. В очередной раз во время беременности Дженни стала вести себя осторожно, оставила верховую езду, но все-таки она находила время для сопровождения Рэндольфа в его поездках по проверке школ. Однако и во второй раз она не смогла

доносить ребенка до положенного срока. 4 февраля 1880 года на свет появился преждевременно рожденный Джон Черчилль. Его младший сын Перегрин рассказывал нам о том, что его отец выглядел после трудных родов, по описанию очевидцев, «синюшным ребенком», и нужно было быстро организовать его крещение. Полное имя, данное младенцу, было Джон Стрейндж Спенсер-Черчилль. Он был назван Джоном в честь своего дедушки по линии отца; Рэндольф и герцогиня всегда называли его Джеком в честь знаменитого первого герцога Мальборо, победившего в бленхеймском сражении в Баварии. Имя Стрейндж было дано в честь пятого графа Родена, Джона Стрейнджа Джоселина, который в самый последний момент стал крестным отцом ребенка.

У Джека были голубые глаза и светлые волосы, хотя со временем его волосы потемнели до совершенно черного цвета, каким был цвет волос его матери. Появление нового ребенка, конечно же, произвело переворот в домашнем хозяйстве. Для пятилетнего Уинстона это было и плохим и хорошим событием, так как он редко видел других детей. Дженни привезла из своего дома в Америке кресло-качалку семейства Джеромов и обычно качала в нем Уинстона; сейчас же в кресле качался Джек[66]. Джек еще не годился Уинстону в товарищи по играм. Кроме того, Уинстон потерял безраздельное внимание своей матери и няни «Вумани» и должен был делить его с братом. Обычно это вызывает чувство обиды у первого ребенка, и так как это совершенно естественное состояние, то его не стоит подчеркивать. Если мать или няня Эверест занимались Джеком, то одна из них проводила время с Уинстоном. Как известно, Уинстон писал позднее, как он «любил» свою мать «горячо – но на расстоянии», и давал понять, что няня Эверест была его единственным постоянным спутником и «доверенным лицом»[67].

К 1880 году тридцать три месяца срока службы герцога Мальборо в качестве вице-короля подошли к концу. В Англии были назначены всеобщие выборы на 2 апреля 1880 года, поэтому Рэндольф, Дженни и семья вернулись домой в начале марта. Они жили в гостинице недалеко от Бленхеймского дворца до тех пор, пока не был готов их новый дом по адресу: 29 Сейнт Джеймсис-плейс, Мейфер, Лондон[68].

Рэндольф очень много работал в попытке удержать свое место в Вудстоке. В письме от 21 марта он писал своей матери о том, что занят в предвыборной кампании с девяти утра до одиннадцати вечера. Плохая погода в Англии привела к тому, что сельскохозяйственные рабочие испытывали нужду, а управляющий имением Бленхейма не проявлял достаточного

такта при обращении с временными жильцами, работающими на землях имения. В небольшом округе, каким являлся Вудсток, от управляющих при Бленхеймском дворце ожидалось быть примером и справедливо обращаться с людьми. Репутация семьи Черчиллей преуменьшалась из-за того, что некоторые работники при имении впали в нищету во время отсутствия герцога. К счастью, отличные заслуги семьи в Ирландии в работе с Фондом герцогини по оказанию помощи голодающим вызвали большую политическую симпатию к ним в графстве Оксфордшир. Благодаря этому, в то время как партия консерваторов потерпела большое поражение на выборах[69], Рэндольф сохранил свое место с количеством в 512 голосов в сравнении с 452 голосами конкурирующей партии. Для изучения причин поражения консервативная партия создала Центральный комитет, задачей которого являлось «реформирование, популяризация и улучшение партийной организации»[70]. Рэндольф стал представлять собой особо важную силу в партии и национальной политике.

Глава 3
Рождение политической звезды
1880–1882

В апреле 1880 года на всеобщих британских выборах победила партия либералов. Лидер партии, Уильям Юарт Глэдстоун, стал премьер-министром и находился на этой должности до 1885 года. На протяжении многих последующих месяцев и ряда лет лорд Рэндольф Черчилль находился в авангарде борьбы по дискредитации либералов всеми возможными способами и препятствию принятия парламентом законов в результате их политики. Он начал с того, что не позволил члену либеральной партии, Чарльзу Брэдлоу, занять место в парламенте из-за его отказа принимать служебную присягу на Библии. Тем временем Земельная лига, отделение ирландской партии гомруля, наращивала силу под руководством Чарльза Стюарта Парнелла. Самоуправление было ненавистно консервативной партии, и на лорда Рэндольфа смотрели как на человека, хорошо разбирающегося в ирландском вопросе.

Вновь избранная Палата общин собралась на свое первое заседание 5 мая 1880 года. Либеральный член парламента от округа Нортгемптон, атеист Чарльз Брэдлоу, вызвал бурю возмущения, отказавшись принять на Библии религиозную присягу на верность, которая также являлась служебной присягой, принимаемой всеми избранными членами перед тем, как занять свои места в парламенте. Когда либеральное правительство, стремящееся приступить к другим делам, предложило создать комиссию по расследованию этого инцидента, Рэндольф моментально отреагировал и выступил с одной из наиболее блестящих своих речей, в которой он убеждал, что этот вопрос должен рассматриваться всем парламентом. Атеизм Брэдлоу не представлял особого интереса для Рэндольфа, но он воспользовался случаем привести новое либеральное правительство в большое замешательство. Он тут же стал любимцем оппозиционной консервативной партии как в палате парламента, так и по всей стране, и его речи всецело захватили внимание прессы.

Это дело растянулось на долгие месяцы. Рэндольф вбил такой глубокий клин в ряды либералов, что правительство потерпело поражение в этом вопросе, получив 275 голосов «за» и 230 голосов «против» разбирательства этого дела. Когда же Брэдлоу в конце концов согласился принять присягу, ликующий Рэндольф организовал протест против принятия им присяги, в которую тот не верил. Пресса, состоящая в основном из тори, с удовольствием смаковала все подробности, и за Рэндольфом утвердилась репутация «бича противника». Только в 1886 году было принято компромиссное решение по изменению слов обычной присяги, и Брэдлоу смог занять свое место в парламенте[71].

Поражение на всеобщих выборах 1880 года было большим ударом для политического аппарата тори, и критики партии ухватились за возможность начать кампанию с требованием проведения перемен внутри партии. Рэндольф примкнул к группе, называвшей себя «Четвертая партия» (полагая, что первыми тремя партиями были партия либералов, консерваторов и ирландских националистов). В эту группу входили Генри Драммонд Вульф, член парламента от округа Портсмут и вышестоящая фигура в консервативной партии; Джон Горст, избранный в парламент от округа Чатем, чьи организационные способности побудили Дизраэли вменить ему в заслугу победу на выборах в 1874 году; лорд Рэндольф Черчилль и новый член парламента – Артур Балфур, племянник лорда Сэлисбери, связь которого с этой группой была довольно неопределенной. Все четверо сидели вместе на передней скамье оппозиции в парламенте и организовывали регулярные тайные встречи. Они разработали стратегию борьбы с либералами и пытались сформировать у всех мнение о неполноценности консервативной оппозиции. Саркастическому уму Рэндольфа была дана полная свобода. Его речи были порой оскорбительными, доходящими до грубости, и он нажил в своей партии как многочисленных врагов, так и друзей. Например, лидер оппозиции в Палате общин – сэр Стэффорд Норткот, с пушистыми бакенбардами – получил прозвище «козел», и лорд Рэндольф подсмеивался над ним на светских приемах. Двух членов консервативной партии У.Х. Смита и сэра Ричарда Кросса он называл «Маршалл и Снелгров», что было названием фирмы по изготовлению одежды, намекая таким образом на их принадлежность к ремесленникам; он также зло подшучивал над «старой командой» в Палате общин[72].

Первые политические баталии в парламенте возникли в феврале 1880 года по поводу законопроекта об ответственности работодателей, по которому либеральное правительство пыталось

предложить верному ему рабочему классу определенный охранительный закон, но при этом не слишком обременяя своих сильных сторонников из среды промышленников. Целью этого закона было исправить неравенство между работодателями и рабочими при возникновении несчастных случаев на рабочем месте[73]. Этот спешно составленный закон был испещрен аномалиями. Либералы ожидали от официальной оппозиции аргументов в интересах капиталистического класса против наложения на них новых обязанностей и с изумлением обнаружили, что лорд Рэндольф и другие члены Четвертой партии выступали против этого закона, считая его недостаточно сильным для охраны интересов пострадавших рабочих, и продолжали демонстрировать его непригодность. Рэндольф осыпал либералов насмешками, и несомненно выглядел поборником прав рабочего класса в этом вопросе. Впоследствии в том же году, на момент утверждения парламентом, принятый закон был изменен до неузнаваемости. На работодателей была возложена полная ответственность за условия труда своих работников и за оборудование на их рабочих местах[74].

Любой законодательный акт, представленный на рассмотрение Палатой общин во время той сессии парламента, встречался с аргументами со стороны Четвертой партии, демонстрирующей большую осведомленность и боевой настрой. Их позиции зачастую были более прогрессивными, чем у «левонастроенных» членов либеральной партии, а что касается старого руководства партии тори, то они его полностью игнорировали.

Одним из ведущих деятелей, на которого Четвертая партия произвела глубокое впечатление, был Бенджамин Дизраэли, ставший к тому времени лордом Биконсфилдом[75]. Он лично поддерживал Вульфа и Бэрета в их работе и незадолго до своей смерти в апреле 1881 года предсказал в разговоре с сэром Уильямом Харкортом, членом либеральной партии от Оксфордского округа, что лорд Рэндольф станет значительной политической фигурой в консервативной партии: «Когда они придут к власти, им придется дать ему все, о чем он попросит, и в довольно скором времени им придется получать только то, что он соизволит давать»[76].

Все еще страдающая по поводу остракизма общества из-за конфликта с принцем Уэльским, Дженни испытывала гордость за успехи Рэндольфа. Она, несомненно, надеялась, что это поможет их продвижению в обществе. В письме от 12 июля 1880 года к своей матери, находящейся в Париже, она почти умоляла о помощи, делая сильный упор на нехватку денег, но также

убедительно доказывала глубокое понимание характера мужа. Уинстон продолжал быть сущим наказанием.

Моя дорогая мама

Бедняжка Эверест схватила простуду, и мне пришлось дать ей отпуск – она все еще не вернулась. К счастью, я нашла очень хорошую няню с помесячной оплатой, которая смотрит за малышом [Джеком]. Уинстон очень хороший мальчик и справляется с уроками, но с ним ужасно трудно – но довольно о малышах.

Тебе будет приятно узнать, что Р.[эндольф] приобретает все большую известность, и я слышала, что он создал для себя исключительно хорошее положение в Палате общин. В прошлый понедельник он выступал с речью по ирландскому вопросу, которым интересуются сейчас все землевладельцы, и его речь была поистине блестящей – все говорят это, – а Глэдстоун встал со своего места и целый час отвечал на его речь. …Когда это правительство закончит свой срок (что, по словам, случится скоро), я полагаю, что Р. и его давний друг – сэр Генри Драммонд Вульф, должны добиться чего-нибудь существенного.

Я только очень боюсь, как бы это не избаловало Р. – он растеряет тогда половину своих способностей. Я постоянно напоминаю ему об этом. Лондон сейчас – очень веселое место. Я почти не была на балах, просто потому, что не могу позволить себе новых нарядов, и нельзя все время носить одно и то же. Кроме того, меня не приглашают туда, куда бы мне хотелось, а другие балы мне не интересны. На этой неделе у меня выходы каждый вечер, завтра иду в оперу, получила приглашение в ложу… [77]

Я отправлю Уинстона и Джона на месяц в Вентнор [с г-жой Эверест на остров Уайт]. Деньги сейчас для меня такой ненавистный предмет, что лучше не будем говорить о них[78].

Дженни посетила множество дебатов в Палате общин, и за ее обеденным столом зарождались многие планы Четвертой партии. По удивительной иронии судьбы в соседнем с ними доме жил «козел». Вся группа быстро подружилась, и так как Горст и Балфур оба были любителями музыки, Дженни часто сопровождала их на концерты. Балфур и Дженни очень хорошо играли на фортепиано в четыре руки.

Начиная с октября 1880 года Парнелл вместе с организацией,

известной как гомруль, начал проводить кампанию в Ирландии под названием «капитан Бойкот». Они советовали жильцам-арендаторам отказаться платить ренту и сопротивляться против выселения, а также нападать на управляющих имениями и хозяйством, которым было поручено управление собственностью землевладельцев, проживающих вне своих имений. Чтобы исправить положение и для поддержания закона и порядка, Глэдстоун предложил ввести земельные реформы наряду с законом о приостановке конституционных гарантий. Целью земельного закона было обеспечение с помощью земельных судов справедливой постоянной арендной платы на срок в пятнадцать лет; арендаторов можно было выселять только за неуплату; те, кто хотел оставить земледелие, могли это сделать путем продажи арендованных участков. С 1 апреля 1881 года заседания Палаты общин были полностью посвящены обсуждению дел в Ирландии. Рэндольф вдохновенно выступал против закона о приостановке конституционных гарантий, защищая «высокие качества» и «многие достоинства»[79] ирландского народа, и осуждал закон, который делал преступным желание многих людей охранять свои дома и семьи. Он вызвал большое волнение в рядах либеральной партии, безжалостно обнажив ограниченный характер этого закона. Несмотря на снижение арендной платы 250 000 арендаторам, было бессмысленно гарантировать сроки аренды для тех, кто не мог платить арендную плату, а для задолжавших в оплате вообще не было никакой помощи. В октябре, вопреки уменьшению напряженности ситуации в Ирландии, Парнелл и лидеры Лиги самоуправления были схвачены и брошены в тюрьму Килмайнхам Гаол[80].

Рэндольф настолько много работал на политическом поприще, что был близок к истощению сил. Вместе с семьей он поселился на несколько месяцев в Бленхеймском дворце, отчасти чтобы вырваться из Лондона на свежий воздух, сэкономить деньги и продолжить политические дискуссии с отцом. Им нравилось иметь возможность кататься верхом и ездить на охоту в графстве Оксфордшир, и доброжелательная от природы и восторженная Дженни делала все возможное, чтобы их пребывание там было приятным. Но враждебность свекрови была непреодолимой преградой. 21 ноября 1881 года Дженни писала своей матери о том, что она все время чувствует себя несчастной в Бленхейме:

> *Я тебя не видела уже целую вечность. Слишком долго.*
>
> *Я уже забываю, как это быть среди людей, которые тебя любят. Я иногда так страстно желаю, чтобы у*

меня был кто-нибудь, к кому можно пойти и поговорить. Конечно, Рэндольф относится ко мне очень хорошо и всегда и во всем встает на мою сторону, но не могу же я ему все время говорить плохо о его матери – правда то, что мне ненавистно жить здесь. И это вовсе не из-за скуки, ее я могу переносить, но… для меня как нож острый принимать все и продолжать жить там, где я ненавижу быть. Бесполезно скрывать, что герцогиня ненавидит меня просто за то, что я есть – возможно, более симпатичная и привлекательная, чем ее дочери. Все, что я делаю или говорю или надеваю, вызывает придирки. Мы всегда старательно вежливы друг с другом, но… это как вулкан, готовый взорваться в любую минуту…. Между тем, наши финансовые дела, похоже как и у других, в затруднительном положении, несмотря на папины щедрые денежные подарки. …Рэндольф вынужден тратить так много на свои политические дела… Ты даже не представляешь, насколько сильно мы стараемся экономить[81].

Дженни, красивая и жизнерадостная, никогда бы не смогла добиться расположения свекрови. Рэндольф, несомненно, защищал свою жену от большинства критики. Конечно, идея Дженни об экономии довольно отличалась от обычного значения этого слова. Однако большинство денег молодой семьи Черчиллей поглощалось политическими ужинами, развлечениями и шло на снятие больших помещений для крупных общественных собраний.

В ноябре 1881 года, когда Уинстону исполнилось семь лет, ему подарили первых оловянных солдатиков, которые со временем превратились в огромную коллекцию и интерес к которым в дальнейшем привел его к военной карьере. Эта коллекция пополнялась во время рождественских и всех дальнейших праздников. Уинстон в том возрасте был, как и большинство других мальчиков, шумным, громогласным и с плохим поведением. Дженни отдавала ему много своего времени, пытаясь привлечь его интерес и внимание, тогда как миссис Эверест присматривала за двухлетним Джеком, который к тому времени превратился в тихого, спокойного, послушного и немного серьезного ребенка. Уинстон рассматривал эту свойственную Джеку доброту как какой-то вызов, то, в чем заложено какое-то отличительное свойство. Сэр Генри Драммонд Вульф во время визита спросил Джека, послушный ли он мальчик, на что малыш ответил: «Да, но брат учит меня

шалить»[82].

У Перегрина Черчилля сохранился единственный за 1882 год дневник его бабушки[83]. Он дает нам правдивое представление об образе жизни, который вела Дженни. В январе они все еще находились в Бленхеймском дворце, и в дневнике описывается довольное семейное существование. Дженни была внимательна к своему мужу и сыновьям. Она регулярно описывала в дневнике то, как давала уроки Уинстону, ходила с ним на прогулки и читала книги детям.

Другим основным занятием, записанным в дневнике, была живопись, которой она предавалась почти каждый день. Оно было частью ее светского воспитания, и в Ирландии интерес к живописи развился у нее еще больше. Ее сестра Клара была первой натурщицей, на которой Дженни оттачивала свое мастерство портретистки. В прошлом в Лондоне она брала уроки у госпожи Генриетты Уорд, известной английской художницы Викторианской эпохи, которая в дальнейшем писала: «Леди Рэндольф Черчилль показала свой явный талант к рисованию… и не один раз ее сопровождал сын Уинстон, очаровательный маленький мальчик в коротких брючках»[84].

По свидетельству Перегрина, с которым его отец жил в свои последние годы и от которого он узнал многое из семейной истории, Дженни учила рисовать карандашом и красками сначала Уинстона и позднее Джека. Оба мальчика постоянно сопровождали рисунками свои письма к членам семьи, и Джек продолжил эту традицию в письмах к своим собственным детям, когда они учились в школе.

Дневник, помимо старательных ежедневных записей о погоде, содержал упоминания о довольстве семейной жизнью, включая игру в бильярд с герцогом и другими членами семьи Черчиллей, о совместном с герцогиней участии в благотворительных делах, таких как распределение бесплатных одеял среди неимущих, а также о посещении вместе с Рэндольфом политических собраний. Среди многих упомянутых в дневнике друзей, посещавших и посещаемых ею, была леди Бланш Хозьер (в девичестве Огилви), мать будущей жены Уинстона, Клементины.

Туманным днем 4 февраля 1882 года Рэндольф, Дженни и вся их семья вернулись в лондонский дом на Сейнт Джеймсис Плейс. Дженни возобновила свои каждодневные занятия живописью, включая писание портретов некоторых из своих близких друзей[85], и уже входила в ритм столичной жизни, как в делах произошел неожиданный поворот к худшему.

В своих дневниковых записях Дженни отметила, что в середине февраля здоровье Рэндольфа резко упало.

Официальным диагнозом врачей было острое воспаление слизистой оболочки бронхов, как результат тяжелой работы в сочетании с вредом беспрерывного курения очень крепких турецких сигарет и кубинских сигар. Это привело к резкому ослаблению иммунной системы, что сделало его уязвимым к другим инфекциям. Его основным лечащим врачом был д-р Робсон Руз, специалист по нервным заболеваниям, написавший ряд медицинских исследовательских работ о влиянии перенапряжения на некоторых мужчин в результате изнурительной умственной работы. Враги Рэндольфа начали распространять слухи о том, что он заболел сифилисом, но ничто в медицинских записях его врачей, описывающих его лечение, не говорит о таком заболевании.

Миссис Эверест увезла мальчиков в Бленхеймский дворец на время болезни их отца. Только через пять месяцев лорд Рэндольф смог вернуться в Палату общин. Несмотря на то что врачи прописали ему полный покой, к нему шли потоки посетителей, и с ними велись обсуждения вопросов политики и стратегии. При нем все время находилась сиделка, но Дженни лично ухаживала за Рэндольфом каждый вечер и справлялась с толпами посетителей.

К концу февраля состояние здоровья Рэндольфа ухудшилось, и у него наступил полный упадок физических сил. Однако же он не сократил число посещающих его людей и не воздерживался от оживленных разговоров о политике.

Одна из записей дневника Дженни от 2 марта значительна тем, что в ней описывается первое посещение графа Чарльза Кински, личного друга Рэндольфа, имеющего с ним общий интерес к конным скачкам. Дженни впервые встретилась с ним в 1881 году и в будущем испытывала к нему большую привязанность. Целых одиннадцать дней в дневнике нет никаких записей, так как Дженни была занята кризисным состоянием болезни мужа. Здоровье Рэндольфа начало улучшаться. Дженни, получившая возможность оторваться от постели больного, отметила в дневнике о некоем переломном моменте в ее положении в обществе. 15 марта, после званого вечера в доме у лорда и леди Сэлисбери, ее пригласили на бал, устраиваемый старшей сестрой Рэндольфа, Корнелией – леди Уимборн. Эта доброжелательная женщина старалась помочь положить конец долгой ссоре с принцем Уэльским, и принц и принцесса Александра присутствовали на этом балу, что не было большим нарушением протокола. На самом деле они не встретились там с Дженни, и в ее дневниковой записи говорится о том, что бал «не был чересчур увлекательным», но это был первый небольшой шаг

к примирению.

Дженни поместила Рэндольфа в гостиницу в районе Хрустального дворца в Лондоне, в то время больше напоминающем сельскую местность, с гораздо лучшими условиями для выздоравливающих. Дети могли их там навещать в сопровождении своей тети Корнелии. Дженни целиком посвятила себя заботе о муже – она водила его на оздоровительные прогулки и находилась поблизости от него во время своих занятий рисованием и чтением.

К концу марта здоровье Рэндольфа значительно улучшилось, чего нельзя было сказать о его финансовом положении. Болезнь повлекла за собой значительные дополнительные расходы. Нужно было платить врачам, лечившим Рэндольфа, одним из которых был специалист с Харли-стрит – Оскар Клейтон, член Королевского хирургического колледжа[86]. Леонард Джером запаздывал с выплатой пособия Дженни. 20 марта они были вынуждены отправить четырех из своих лучших лошадей на продажу[87] на аукцион чистокровных лошадей «Таттерсолз», но даже там были проданы только две лошади, а остальные две не дотянули до минимальной стартовой цены. Вырученная сумма в 142 фунта стерлингов/ 681 доллар не могла пробить большую брешь в растущих, как снежный ком, долгах.

Миссис Эверест и семейство Мальборо хорошо заботились об Уинстоне и Джеке. Разница в возрасте между двумя братьями означала, что только через много лет Джек смог бы стать товарищем Уинстона по детским играм. Для игр в замечательных парках и садах вокруг Бленхеймского дворца Уинстон имел двоюродных братьев и сестер. Джек, еще только начинающий ходить, впервые получил доступ к оловянным солдатикам брата. В одном из своих первых писем от 20 марта к своему «дорогому папе» семилетний Уинстон писал о том, как он надеется, что здоровье отца улучшается, и упоминал многочисленные цветы подснежника, растущие вокруг Бленхейма. По его представлениям, это был любимый цветок покойного Дизраэли. После этого милого замечания развитого не по годам ребенка он шлет «самую большую любовь тебе и дорогой маме»[88].

Дженни очень устала во время своего тяжелого испытания. Иногда ее записи в дневнике говорили о том, что она читала всю ночь у постели Рэндольфа, беспокоясь за его состояние. Все то время она находила поддержку в занятиях живописью, но краски и холсты были недешевы. Во время суровой зимы она наконец-то ограничила число посетителей Рэндольфа, и его здоровье значительно улучшилось. 1 апреля они смогли вернуться домой вместе со своими детьми в Сейнт Джеймсис Плейс. По совету

доктора Дженни и Рэндольф тут же организовали для себя длительную поездку в Америку, свежий воздух которой должен был пойти ему на пользу. Это также отстраняло его от шума политической жизни, так как с момента их прибытия в Лондон возобновился поток посетителей Рэндольфа. Эта поездка давала им возможность встретиться с отцом Дженни и серьезно поговорить о ее содержании, а также увидеться с Кларой и Леони, которые гостили в то время у своего отца.

Оставив детей в Бленхейме, они отправились в Ливерпуль, сопровождаемые только прислугой Дженни, по имени Джентри, и преданным камердинером Рэндольфа – Томасом Уолденом. 21 апреля они отплыли в Америку, но путешествие было ужасным. Погода была плохая, и они страдали морской болезнью. Записи в дневнике Дженни говорили о том, что она находила утешение в рисовании, игре на фортепиано и чтении. Наконец 2 мая они причалили в нью-йоркском порту, и их встречала вся семья Джеромов. Леонард и Рэндольф всегда находили общий язык, так как оба увлекались скачками. Несмотря на продолжающуюся плохую погоду, они хорошо провели время, посещая друзей, театры, скачки и ужиная в ресторанах.

Исторические события в Ирландии положили неожиданный конец их отдыху. В апреле Парнелла выпустили из тюрьмы. 6 мая в Феникс-парке в Дублине ирландские революционеры (фении) зарезали лорда Фредерика Кавендиша, главного секретаря, и мистера Томаса Генри Бурка, постоянного заместителя главного секретаря графа Спенсера, который был недавно назначен вице-королем Ирландии. Рэндольф понимал, что это было началом нового кризиса в той беспокойной стране, и настаивал на возвращении в Европу. Действие ирландского закона о приостановке конституционных гарантий, принятого в апреле 1881 года, истекало в сентябре. 17 мая «огромная толпа», по описанию Дженни, состоящая из членов семьи и друзей, проводила их из Нью-Йорка. Плавание оказалось трудным из-за встречного ветра, но в остальном погода была теплой.

27 мая Черчилли вернулись домой на Сейнт Джеймсис Плейс, и сразу же возобновился водоворот гостей и званых обедов. Рэндольф, может быть, и хотел бы вернуться к политическим сражениям, но его врачи безусловно были против этого. По их мнению, улучшение здоровья Рэндольфа было еще незначительным, и ему следовало избегать скоплений людей, продолжать отдых и проводить время на свежем воздухе. Лондон, вообще говоря, был отравлен смогом и являлся нездоровым местом для пребывания, а комнаты в их доме имели странный плохой запах. Вместо того чтобы опять терпеть длительное

пребывание в Бленхейме со своей ненавистной свекровью, Дженни начала присматривать для них домик в сельской местности.

Джером предоставил небольшую, так необходимую денежную помощь, что позволило Дженни радостно сообщить о своем любимом времяпрепровождении в дневниковой записи от 7 июня: «Все утро ходила за покупками». Она сняла в Уимблдоне «коттедж», Бич Лодж, и 8 июня Черчилли переехали туда. Судя по фотографии, это был просторный, изящный особняк с полным штатом слуг. Широкие долины и сад с розами создавали хорошую обстановку для отдыха и развлечений. Они провели там вместе с мальчиками очень приятное лето. Их финансам помогло то, что они смогли сдать в аренду свой лондонский дом. Бич Лодж был в значительном отдалении от Лондона, что сократило обычный поток посетителей – друзей из Четвертой партии и кое-кого из американских друзей Дженни. Хорошая погода позволяла им проводить время за многочисленными занятиями рисованием; они также посещали Бленхеймский дворец, где Уинстон с восторгом обнаружил разбитый лагерь Йоменского кавалерийского полка.

3 июля Рэндольф наконец-то вернулся в Палату общин и тут же взялся за свою роль бича либерального правительства. Он повел борьбу против попытки правительства узаконить требование, по которому для принятия новых законов необходимо было большинство в две трети голосов. Если выборы в парламент, как он говорил, производятся простым большинством голосов, так почему же этого недостаточно, чтобы победить при голосовании в палате? Он привел либералов в такое замешательство, что на их глазах произошло совершенно неожиданное зрелище, когда, выступая против них, ирландские националисты объединились с группой активных радикалов партии тори.

Взгляды Рэндольфа стали еще более радикальными, когда Британия развязала войну против Египта. В 1875 году Египет был сильно отягощен долгами, и Бенджамин Дизраэли, премьер-министр того периода, купил предлагаемые для продажи египетские акции компании Суэцкого канала. Это способствовало значительному усилению британского влияния в Египте. С течением лет в стране происходили националистические волнения, и в феврале и сентябре 1881 года офицеры египетской армии поднимали восстание против правительства. Чтобы защитить свои интересы в Египте, в мае 1882 года Англия и Франция послали туда свои небольшие морские эскадры. 11 июня египтяне подняли бунт в Александрии, и ими было убито около

пятидесяти европейцев, включая трех человек из личного состава британских вооруженных сил. 11 июля британцы ответили на это бомбардировкой Александрии. Выступая с аргументом, что Египет скатывается в анархию, неся угрозу Суэцкому каналу (расположенному примерно в 180 милях к востоку), британское правительство искало международную поддержку для вторжения в Египет, но это не привело к успеху. В августе 1882 года Британия, без посторонней помощи, провела крупные военные операции, и 25 000 британских солдат обрушились на Египет. В течение двух месяцев они захватили Суэцкий канал и разбили египетскую армию в битве при Тель-эль-Кебире. Офицеры египетской армии возглавляли протесты против османско-турецкого владычества в ходе процесса современных преобразований. Британия в корыстных целях стремилась защищать свои собственные финансовые интересы в той стране. Рэндольф в действительности поддерживал мятеж египетских офицеров и считал вмешательство Британии «нечистой войной, несправедливой войной, войной облигационеров»[89]. Опять именно ведущий представитель тори выступил с разоблачением этого нелиберального поступка правительства.

Четвертая партия развивала философию, известную под названием «Демократия тори». Им было ясно, что «старая команда», состоящая из лидеров партии тори, была безнадежно оторвана от реальной жизни народных масс. Рэндольф со своими друзьями хотел создать политическую программу, прямо отражающую интересы рабочего класса. Программой предусматривалось рассмотрение вопросов, решающих их проблемы, таких как – жилье, образование, здравоохранение, социальное страхование, доступ к землям обще го пользования и открытым для общественного пользования пространствам, музеям, библиотекам, галереям. Многие из этих прогрессивных идей, намного опережающих либералов в социальном осознании, оспаривали интересы влиятельных сторонников консервативной партии. Четвертая партия наслаждалась этой борьбой. Осознавая бессрочность «старой команды» в Центральном комитете, они поддержали создание новой организации – Национального союза консервативных ассоциаций. Когда кандидатура Рэндольфа была выдвинута для избрания в комитет, он получил одинаковое количество голосов *за* и *против* и пришел к победе только благодаря решающему голосу председателя. 28 сентября Рэндольф писал Вульфу о своем намерении «объявить войну Центральному комитету и выступать за передачу всех полномочий и финансов в руки Совета национального союза»[90]. Успех на национальной конференции союза консервативных

ассоциаций предоставил Рэндольфу платформу, чтобы претендовать на высокий пост, который, по всеобщему мнению, он заслуживал.

Пока муж продолжал заниматься своей политической карьерой, Дженни приступила к поиску школы для Уинстона. Как всем мальчикам его возраста и положения, ему пора было идти в приготовительную школу. Следует отметить, что родители сошлись во мнении, что этому довольно трудному, всеми потакаемому мальчику, возможно, пошел бы на пользу упорядоченный режим школы-интерната. Вместе они решили отправить его в школу Сейнт Джордж в Аскоте. Основанная в 1877 году мистером Гербертом Уильямом Снейд-Киннерсли, это была впечатляющая современная школа, с небольшими классами (десять мальчиков на одного учителя), электрическим светом, прекрасным плавательным бассейном, гимнастическим залом и площадкой для спортивных игр, а также с программой познавательных поездок для расширения кругозора во внеклассное время. При стоимости обучения в 55 фунтов стерлингов/ 264 доллара за семестр это была дорогая и модная школа.

Дженни сопровождала Уинстона в его первый учебный день, 3 ноября 1882 года. Они вместе отправились в экипаже на железнодорожную станцию. Уинстон навсегда запомнил, как мать дала ему три монеты в полкроны, а он случайно уронил их на дно экипажа. После личной беседы с директором школы Дженни оставила ему на попечение своего сына. Его родители даже не представляли, в какое адское место он попал.

Глава 4
Закат политической звезды
1882–1886

В марте 1883 года наконец произошло примирение между лордом Рэндольфом и принцем Уэльским. Почти тотчас же лорду Рэндольфу пришлось временно отстраниться от политики в связи с нервным расстройством по поводу внезапной смерти его отца (в июле 1883 года). В ноябре того же года Четвертая партия создала новую политическую организацию под названием «Лига подснежника», в ряды которой допускались женщины. 18 июня 1885 года лорд Рэндольф стал государственным секретарем по делам Индии в правительстве консервативного меньшинства во главе с лордом Сэлисбери[91]. Вслед за всеобщими выборами 1886 года, на которых консерваторы вновь добились большинства голосов, Сэлисбери назначил лорда Рэндольфа лидером консерваторов в Палате общин и канцлером казначейства.

В ноябре 1882 года Уинстон, которому через несколько недель должно было исполниться восемь лет, был почти на год старше большинства других мальчиков, начавших обучение в школе Сейнт Джордж, и следовательно, по мнению учителей, отставал на целый год. Однако в своих первых письмах домой он убедительно утверждал о своем благополучном пребывании в школе. В письме от 3 декабря он писал:

Мой дорогой папа

Я очень доволен школой. Тебе будет приятно услышать, что я очень хорошо провел свой день рождения. Миссис Кинерсли [жена директора школы] подарила мне маленькую корзинку. Я собираюсь послать вам [школьный] Вестник, мне хотелось бы, чтобы вы его прочитали.

Люблю и целую, ваш верный сын

Уинстон[92]

Он написал письмо подобного содержания и своей матери. Дженни и Уинстон регулярно обменивались письмами, и в них упоминались ее посещения школы, но в основном Уинстона навещала миссис Эверест. Уинстон умолял, чтобы к нему

приехали родители, сразу же после прибытия в школу, но Дженни, возможно, считала, что будет лучше не поддаваться его просьбам, иначе посещения нарушат его спокойствие.

Позднее в том же году врачи Рэндольфа настояли на том, чтобы он сделал еще один перерыв в работе и отдохнул на свежем воздухе. 17 декабря, во время его путешествия по Алжиру, Дженни послала ему записку с адресом их нового дома – 2, Коннот-плейс, о том, что она больна и ее лечением занимается доктор Лэкинг[93]. В записке говорилось, что мать Дженни и ее сестра Леони ухаживают за ней. Дженни была намного серьезнее больна, чем говорили ей врачи: ее болезнь была началом брюшного тифа. Г-жа Джером боялась за свою дочь и пригласила для Дженни знаменитого доктора, сэра Уильяма Галла[94].

28 декабря Рэндольф послал телеграмму, выражая глубокую озабоченность по поводу болезни Дженни, и вслед за этим между ними последовал обмен письмами и телеграммами, полными любви и тревоги друг за друга. Рэндольф отправился в обратную поездку и уже достиг юга Франции, когда в новогодний день 1883 года он получил известие о том, что самое страшное миновало. В своем письме он говорил:

> *Моя дорогая, я был в таком душевном состоянии по поводу тебя с самого четверга прошлой недели… Я не мог перенести, что ты больна, а меня нет с тобой рядом, чтобы ухаживать за тобой; особенно, когда я вспоминаю, как ты ухаживала за мной во время моей болезни… Знаешь, моя любимая, если с тобой что-нибудь случится, моя жизнь будет разбита*[95].

Уинстон тоже был дома, а не в школе, так как болел, и, продолжая свое письмо, Рэндольф высказал тревогу о том, что «малыш Уинстон нездоров»[96].

Так и продолжалась переписка – Дженни говорила, насколько она несчастна, что заставила его волноваться, «твое письмо растрогало меня до слез», а Рэндольф отвечал: «За мной надо было послать. Я бы оказался полезным в уходе за тобой». Он послал ей в подарок на день рождения – ей исполнялось двадцать девять лет – небольшой нож для устриц и хотел, чтобы Дженни присоединилась к нему на юге Франции на его обратном пути домой.

Дженни, после небольшого рецидива болезни, написала Рэндольфу 3 января, что, по мнению доктора Лэкинга, она еще недостаточно окрепла для поездки во Францию. 16 января она опять писала Рэндольфу, рассказывая о том, как сэр Генри Драммонд Вульф сообщил в разговоре с Томасом Ченери,

редактором газеты *Таймс,* что Рэндольф – это единственный человек, который может возглавлять консервативную партию, и старшее руководство консерваторов «превозносит его в похвалах»[97].

Не успел Уинстон пробыть в школе всего один месяц, как Дженни была неприятно удивлена, получив счет за полный трехмесячный семестр. Она писала Рэндольфу, делясь своими наблюдениями о характере Уинстона:

> *Если говорить о расширении знаний Уинстона, к сожалению, я не вижу ничего явного – он может хорошо читать, но на этом все и заканчивается… Первые два дня дома он употреблял в речи ужасно много жаргонных слов и был развязен… Он еще больше дразнит малыша [Джека]. Похоже, он меня боится.*

Не совсем ясно, боялся ли Уинстон своей матери, связывая ее со школьным режимом, в который она его поместила, или же его предупредили доктор, миссис Эверест и его бабушка о необходимости держаться в стороне от матери, так как она была больна.

Отчет об учебной успеваемости Уинстона показывал, что он находился в самом конце класса из одиннадцати мальчиков, но все они начали школу на год раньше, так как приготовительная школа начиналась с семи лет, а Уинстону было почти восемь лет, когда он начал занятия. Рэндольфа больше беспокоила внезапная вспышка болезни легких Уинстона. 5 января он писал Дженни: «Я так рад, что Уинстон опять выздоровел. Поцелуй его от меня. До свидания, моя дорогая, я всегда думаю о тебе». Дженни отправила Уинстона на две недели вместе с миссис Эверест в Брайтон для поправления здоровья. 16 января Рэндольф в своем письме говорил: «Посылаю привет детям. Я полагаю, Уинстон вернется в школу через несколько дней. Дай ему перед отъездом от меня немного денег».

Дженни, во время своей заразной болезни, не было разрешено видеться с Уинстоном и Джеком. Также было бы неправильным для нее показываться в школе Сейнт Джордж, где она могла заразить детей. Если бы она была совершенно здорова, она могла бы поразмыслить о причинах, по которым Уинстон «боялся» своей матери.

В книге «Мои ранние годы» Уинстон писал об отвратительном режиме наказания детей плетью, которому предавался директор школы Снейд-Киннерсли[98]. Дальнейшие доказательства этого представил художник Роджер Фрай, который был старшим префектом в школе Сейнт Джордж во

время учебы Уинстона и должен был помогать при наказаниях:

> *«Виновнику было сказано спустить штаны и встать на колени перед брусом, на котором я и другие мальчики держали его. Удары хлыстом производились директором со всей силой, и уже через два-три удара выступала кровь»*[99].

Уинстон писал в своих мемуарах, что он ненавидел школу и ту «жизнь, полную мучительного беспокойства», которую он вел там почти два года. «Дважды или трижды в месяц… нарушителей… пороли до крови, в то время как другие дрожали, слушая их крики»[100]. Однако же его письма домой оставались обманчиво бодрыми. Почему он не обмолвился ни словом о своих бедах своим родителям или миссис Эверест, остается загадкой. Что это было – гордость или стыд? Страх в лице властной фигуры Снейд-Киннерсли? Думал ли он, что заслуживает наказания за свое плохое поведение и что это нормальный порядок школы?

В конце января 1883 года Рэндольф вернулся в Лондон, освеженный своим пребыванием во Франции, и его присутствие потребовалось на множестве собраний по всей стране. Он проводил много времени на отработку речей для таких собраний и заучивал их наизусть, чтобы сделать свои выступления еще более незаурядными[101].

Затем в марте произошло примирение с Эдуардом, принцем Уэльским. Дженни устроила званый ужин в своем доме по адресу: 2, Коннот-плейс, где ее известный французский повар приготовил исключительный банкет. Принц и принцесса Уэльские прибыли точно вовремя в знак уважения. Принцесса Александра тотчас же подняла Дженни из ее глубокого реверанса, обняла ее и сказала: «Мы так давно не играли Баха!»[102] Уинстона и Джека привели вниз в гостиную для встречи с членами королевской семьи, и принц Эдуард дал каждому из мальчиков небольшой подарок.

Ужин имел огромный успех. Когда принцу предложили выбрать из двух супов, он без промедления взял оба супа. Он выражал свое удовольствие, в особенности потому, что «у вас еда без американских фантазий, леди Рэндольф»[103]. Благодаря этому ужину леди и лорд Рэндольф Черчилли мгновенно восстановились в рядах самых высоких слоев общества. Рестораны и клубы Лондона соперничали за их покровительство. Принц также начал осыпать Дженни дорогими подарками из драгоценностей, и вскоре она стала гостьей его знаменитых загородных домашних вечеринок, не всегда в компании своего мужа. Дженни была в тот момент в зените своей красоты и власти в обществе. Она обладала изяществом и манерами, способными

оживить любую комнату, в которую она входила. Она была очаровательная, остроумная и талантливая, и когда она входила в бальный зал, все взоры обращались на нее.

Принц приглашал красивых женщин на вечеринки на своей загородной усадьбе, Сандрингем-хаус в Норфолке, с явной целью заманить их в свою постель и постели своих друзей. С этого времени принц начал писать записки для Дженни, счет которых дошел в конечном итоге до нескольких сотен, и все они сохранились до наших дней[104]. Анита Лесли, внучка Леони, подробно писала в своих книгах «Влюбленные эдвардианцы» и «Круг дома Мальборо» о принце и той свободной любви, которой он предавался в Сандрингем-хаус[105]. Замужние женщины и принимающие участие мужчины получили прозвище «Круг дома Мальборо» по имени лондонской резиденции принца, не имеющей ничего общего с семьей Мальборо. У принца в течение лет имелся ряд любовниц и незаконнорожденных детей, о чем имеются другие, документально подтвержденные свидетельства. Он интересовался Дженни только в расчете на сексуальные отношения, и его внимание к ней до и после смерти ее мужа следовало образцу его поведения с другими любовницами, а именно графиней Дейзи Ворвик и Элис Кеппель. Таким образом, можно смело предположить, что Дженни примерно в это время вошла в длинный список покоренных принцем сердец. Серьезное состояние здоровья мужа и его постоянные отсутствия, где он изнурял себя многочисленными речами, означали то, что энергичная и жизнерадостная Дженни была вынуждена все чаще искать утешение где-нибудь на стороне[106]. По мнению Перегрина, Рэндольф стал в какой-то мере импотентом после своей серьезной болезни в 1882 году.

В апреле 1883 года граф Чарльз Кински, военный атташе в австрийском посольстве в Лондоне, победил на своей лошади Зоедона на знаменитых скачках года, – Большие Национальные Скачки – которые проводились на ипподроме Айнтри в Ливерпуле. Кински был популярным героем газет того времени, посвященных конному спорту, а также завсегдатаем лондонских клубов. Он был сыном принца Фердинанда Кински и происходил из старинного и могущественного австрийского рода. Их ослепительной красоты дворец все еще находится в Вене по сей день. Кински был близким другом принца Уэльского и, как и Дженни, входил в пресловутую компанию принца – «Круг дома Мальборо»[107]. Принц был ревностным сторонником, не без выгоды для себя, свободной любви для своих друзей-аристократов, что включало смену сексуальных партнеров. В его лондонском и загородных домах, а также в домах его друзей

горничные должны были размещать пары, вступающие в адюльтерные отношения, в близлежащих спальнях[108]. Целью таких занятий не было разрушение семей или развод; как раз наоборот. Неженатые мужчины принимались к участию, но незамужние женщины не входили в этот круг. Дженни, которая на тот момент была включена в элитарное близкое окружение принца, пренебрегла правилами и вскоре после Великих Национальных скачек страстно влюбилась в Кински и вступила с ним в серьезные интимные отношения. Кински имел квартиру на Кладжес-стрит в фешенебельном районе Мейфер. Эта квартира стала их любовным гнездом, и Кински сохранил ее до конца своей жизни, постоянно держа там дворецкого. Любовь Дженни к Кински продлилась многие годы, ни разу не вызывая в ней сомнений в своей любви к мужу[109]. Оба мужчины давали ей все необходимое; Кински был отличным любовником, а Рэндольф, по ее убеждениям, мог стать премьер-министром. Нет оснований полагать, что Рэндольфу стало когда-либо известно о ее супружеской измене[110].

Вскоре внезапный удар судьбы в очередной раз подорвал хрупкое здоровье Рэндольфа. 4 июля 1883 года Рэндольф и Дженни обедали с его отцом и матерью в Бленхеймском дворце. Герцог находился в прекрасном настроении. Но следующее утро принесло ужасные новости. По воспоминаниям Дженни: «В восемь часов…. мы услышали стук в дверь спальни, и лакей произнес, запинаясь: Его Сиятельство скончались!»[111] Герцог умер во сне от сердечного приступа в возрасте шестидесяти одного года. Рэндольф сильно любил своего отца и всегда при встрече обнимал и целовал его. В связи с этим потрясением врачи порекомендовали Рэндольфу поехать на лечебные воды и живительный горный воздух в Гастейн. Рэндольф, Дженни и Уинстон отправились туда на отдых, оставив Джека на попечении миссис Эверест. Каждый день они совершали пешие прогулки в горах на свежем воздухе и даже познакомились с Отто фон Бисмарком, канцлером Германии, с которым они встретились по пути[112].

Лето 1883 года Дженни вместе с мальчиками провела в Бленхеймском дворце, что было ей более приятно, так как вдовствующая герцогиня уже не была владелицей дворца. После смерти седьмого герцога его старшему сыну, Джорджу Чарльзу (Блэндфорду), был автоматически присвоен титул восьмого герцога Мальборо. Франсиз стала вдовствующей герцогиней и была вынуждена покинуть дворец и поселиться в своей лондонской резиденции, особняке по адресу: 46, Гросвенор-сквер. В Бленхейме же Уинстон мог дать волю играм со своим любимым

кузеном, сыном Блэндфорда и наследником – Чарльзом Ричардом, герцогом Сандерлендским, известным под именем Санни. Джек, которому было уже почти четыре года, мог тоже участвовать с ними в некоторых бурных играх.

В декабре того года сэр Генри Драммонд Вульф горячо просил Рэндольфа вернуться к политическим баталиям парламента, но он ответил на это из Бленхейма: «Я не гожусь для этого физически и интеллектуально… здесь все очень тоскливо – все время грустные воспоминания»[113]. Семья провела весь оставшийся 1883 год в Бленхеймском дворце.

Четвертая партия подумывала над идеей создания массовой членской организации для распространения принципов демократии партии тори. Работы было колоссально много, так как нищета, голод, болезни, скверные жилищные условия и безграмотность все еще преобладали во многих частях Соединенного Королевства. Четвертая партия хотела серьезно взяться за создание комитетов по здравоохранению, местных государственных департаментов и жилищных комитетов, чтобы добиться предоставления бедным обязательного социального страхования, обеспечить ведение борьбы за трезвость, образование, сохранение и освоение общих земель и открытых пространств под зоны отдыха для людей, наряду с предоставлением общественных парков, музеев, библиотек и художественных галерей[114]. Эти меры должны были служить в дополнение к реформам в Ирландии и в поддержку националистических реформ в Египте. Существовала еще одна проблема – то, что женщинам не разрешалось играть какую-либо существенную роль в политике, и прошло много лет, прежде чем они смогли участвовать в голосовании на выборах.

«Лига подснежника», организация по распространению принципов консервативной партии в Великобритании, начала формироваться сразу же вслед за торжественным открытием статуи Дизраэли в Палате общин 19 апреля 1883 года, но ее официальное признание как полномочной организации произошло только 17 ноября. Одной из ее принципиальных целей было способствовать и помогать членам организации в улучшении их профессиональной компетентности в качестве лидеров. Эта организация была также благотворительной, помогая бедным оплачивать их образование и покупая для них одежду и обувь. В число учредителей, в основном членов Четвертой партии, входили Рэндольф, Горст, Вульф и сэр Альфред Слейд, ветеран Крымской войны. Ряды их организации были открыты для женщин, и Дженни, а также вдовствующая герцогиня были в числе женщин, организовавших первый

комитет. Мужчины и женщины были посвящены в рыцари и дамы и носили значки с изображением подснежника. Впоследствии было образовано женское отделение организации. Учредительницей большого женского совета была леди Бортвик (в будущем леди Гленеск), и первое собрание комитета состоялось в ее доме на Пиккадилли в марте 1885 года[115]. Популярность Лиги сильно возросла, и число ее членов увеличилось с 957 в конце 1884 года до 11 366 человек в 1885 году[116]. Дженни играла в Лиге ведущую роль, и Лига стала политической платформой, поддерживающей Рэндольфа в его борьбе со старым руководством консервативной партии.

Несмотря на свою новообретенную политическую активность, Дженни должна была все же заниматься своими детьми. Она получила отчет об учебной успеваемости Уинстона (без даты, предположительно в середине семестра 1883 года), в котором почти не видно было улучшений. Он опять был на самом последнем месте в классе из девяти человек и имел девятнадцать опозданий на уроки. Хотя в отчете говорилось, что он очень хорошо знает историю, его правописание было «настолько плохое, насколько это возможно», по математике он «мог бы улучшить результаты», но он «не совсем представляет, что означает понятие усердный труд»[117]. Он пробыл в школе Сейнт Джордж уже шесть месяцев, но дорогостоящее образование не приносило больших плодов, однако родители упорно продолжали свои усилия, возможно, в надежде, что его результаты улучшатся. В последнем годовом отчете об учебной успеваемости, составленном в декабре, просматривалось некоторое улучшение; он был уже на восьмом месте в классе из одиннадцати человек[118]. Его письма домой продолжали быть полными оптимизма, заостряя внимание на его отдельных успехах в гимнастике. Свое письмо к отцу от 9 декабря он нежно закончил изображением одного большого поцелуя, поставив после этого множество маленьких поцелуев. Примерно в то же время он писал своей матери, которая очевидно строго говорила с ним о его поведении: «Я постараюсь быть хорошим мальчиком». Тут же он сообщил, что получил письмо от маленького Джека, которому еще не было четырех лет, «но я думаю, Эверест держала его руку»[119]. В Рождество того года армия оловянных солдатиков Уинстона разрослась до полутора тысяч.

В феврале 1884 года Уинстон сообщил своим родителям, что он «на самом деле очень счастлив», и если будет стараться, то у него есть шанс получить школьную награду. В качестве поощрения его отец прислал ему экземпляр книги «Остров сокровищ» в великолепном переплете, которую он перечитывал с

большим удовольствием много раз. Это, казалось, раздражало некоторых учителей, возмущенных тем, что его очевидный талант к чтению не проявлялся на учебных текстах. Письмо Уинстона от 24 февраля должно было бы вызвать тревогу у его родителей. В трех строчках, необычно корявым почерком, он три раза попросил о том, чтобы кто-нибудь его поскорее навестил. Рядом со своей подписью он нарисовал лицо с грустными, потупленными вниз глазами. Его мольба осталась без внимания занятых родителей[120], которые были полностью поглощены предстоящими всеобщими выборами, хотя день выборов не был еще назначен и до них оставалось много времени.

Семья Черчиллей, похоже, находилась под впечатлением, что Уинстон был доволен школой. Их внимание было отвлечено еще тем фактом, что надежное кандидатское место Рэндольфа в Вудстоке должно было исчезнуть вследствие предложенного изменения границ избирательных округов. Он начал подготовку к утверждению себя кандидатом от большого Центрального избирательного округа города Бирмингема, во главе которого стоял популярный кандидат либеральной партии Джон Брайт. Вероятно, до тех пор, пока их сын был доволен школой, их сильно не волновали отчеты об его успеваемости. Очередной отчет за март/апрель 1884 года показал улучшение в классных уроках, но значительное ухудшение в поведении. «Поведение исключительно плохое. Ему ничего нельзя доверить делать»; «он постоянно причиняет всем огорчения и всегда оказывается в каких-либо неприятных ситуациях»; «число опозданий – 20 – это позор»[121]. В отчете за май/июнь Уинстон продемонстрировал значительное улучшение, а в июне/июле результаты были опять и плохими и хорошими[122].

В июле того же года у Уинстона случился приступ болезни, и Дженни приехала в школу, чтобы забрать его домой. Он больше никогда не вернулся в то ужасное место. Морис Бэринг, родом из знаменитой семьи финансистов Бэринг-банка, который в зрелом возрасте стал писателем и драматургом, посещал школу Сейнт Джордж сразу же вслед за уходом Уинстона. В дальнейшем он писал:

> *Об Уинстоне Черчилле ходили ужасные легенды… Его пороли за то, что он брал сахар в кладовой, и вместо того, чтобы раскаяться, он взял неприкосновенную соломенную шляпу директора школы там, где она висела над дверью, и пинал ее, пока она не развалилась на куски*[123].

Уинстона, все еще страдающего слабыми легкими и

склонного к сильным приступам астмы вследствие продолжительной плохой погоды в Ирландии, лечил семейный врач Черчиллей доктор Робсон Руз, которого пригласили к Уинстону. Руз был врачом-терапевтом в Сент-Эндрюсском интернате для мальчиков в Брайтоне, и у него был большой опыт лечения детей. В дальнейшей переписке между Рузом и лордом Рэндольфом, когда позднее Уинстон опять заболел, доктор сообщил, что пытался сбить температуру Уинстона с помощью «стимулирующих средств, орально и ректально»[124]. Из этого, похоже, вытекает, что именно в курсе этого лечения Руз увидел ягодицы Уинстона и обнаружил ужасные следы продолжительных побоев, которые он переносил втайне. Перегрин говорил, что раны загноились. В продолжение многих лет в семье Черчиллей часто обсуждались издевательства Снейд-Киннерсли над Уинстоном. Перегрин передал историю о том, как, будучи уже опытным фехтовальщиком в частной школе Хэрроу, Уинстон решил посчитаться с директором. Он отправился в Аскот, в школу Сейнт Джордж, чтобы разобраться с ним, не ведая, что директор умер от сердечного приступа год спустя после ухода Уинстона из школы.

По случайному совпадению сын доктора Руза, Берти, учился в хорошо организованной школе в Брайтоне, и доктор настоятельно рекомендовал Дженни и Рэндольфу эту школу. Здоровый климат и умеренный режим были вдвойне благоприятны для Уинстона. В сентябре 1884 года, незадолго до исполнения десяти лет, Уинстон начал занятия в Брайтонской школе, которая в действительности находилась в Хоуве, графстве Сассекс. Школой руководили две незамужние сестры (старые девы) – Шарлотта и Кейт Томсон, причем Шарлотта была директором школы[125]. Пороть детей там не разрешалось, и Уинстон вспоминал, как ему было разрешено учиться интересующим его предметам и занятиям – французскому языку, истории, поэзии, верховой езде и плаванию. Здесь же зародилось его увлечение филателией. Благодаря такому подходу к просвещению и проявлению доброты и участия сестры Томсон пробудили в нем интерес к классическим языкам и литературе, так необходимым для поступления в знаменитые закрытые частные школы Итон и Хэрроу. Другим случайным совпадением был тот факт, что школа находилась неподалеку от места, где практиковал лечение доктор Робсон Руз, так что его можно было быстро вызывать в случае болезни Уинстона. Друг Уинстона Берти Руз помог ему устроиться в новой школе. Отметки Уинстона сразу же улучшились, и его письма домой стали носить более прямой и открытый характер. Дженни, вероятно, попросила его не скрывать

от нее ничего, и он торжественно поклялся сообщать обо всем происходящем в своей жизни. Он попросил, чтобы миссис Эверест вместе с братом Джеком посетили его, послал привет своему брату и пообещал ему дать поиграть с частью своей артиллерии из игрушечной армии.

Лорд Сэлисбери дал понять Рэндольфу, что его назначат следующим государственным секретарем по делам Индии. В ожидании этой должности он отправился в Индию по морю 3 декабря 1884 года. Дженни и оба мальчика провожали его. Младшая сестра Дженни, Леони, вышла замуж за художника, Джона Лесли, родом из ирландского графства Монаган. Отчасти чтобы сэкономить деньги, а также составить Дженни компанию, семейная пара поселилась у Дженни на время отсутствия Рэндольфа. 20 фунтов стерлингов/ 96 долларов, которые они вносили на покрытие хозяйственных расходов каждый месяц, были как нельзя кстати для нуждающейся в деньгах Дженни.

Уинстон, несмотря на хорошее начало в Брайтонской школе, уже попал в беду. Мисс Шарлотта Томсон писала Дженни 17 декабря, что во время экзамена по рисованию между Уинстоном и соседним мальчиком разгорелся спор из-за нужного для работы ножа. Закончилось тем, что Уинстон получил ножевую рану в грудь[126]. Доктор Руз обработал рану глубиной почти в четверть дюйма и доставил Уинстона домой к матери.

Рэндольф отреагировал на этот случай в своем письме к Дженни от 19 января 1885 года, отправленном из Биджапура в Индии, что мальчики всегда останутся мальчиками. «Ну и приключения у Уинстона; слава богу, его рана не так страшна», и добавил: «Передай маленькому Уинни, как я рад был получить от него письмо, и, по-моему, оно очень хорошо написано»[127].

В марте Рэндольф вернулся из Индии и был встречен радостными приветствиями со стороны консервативной партии; он тут же погрузился в проведение собраний по всей стране. Уинстон и Джек уже полностью осознавали, насколько известным был их отец. Уинстон сообщил своему отцу в письме от 8 апреля, что он гордился получением писем от отца, и тут же начал приставать к нему с просьбой прислать копии его автографа, причем полные страницы автографов. Он объяснил это тем, что будет дарить автографы школьным друзьям и некоторым учителям, которые восхищались его отцом. Перегрин говорил, что Уинстон также продавал эти автографы для пополнения своих карманных денег.

Уинстон совершенно расцвел под благотворным влиянием сестер Томсон. Его положение в классе неуклонно улучшалось – по классическим предметам он даже вышел на первое место – и

хотя его здоровье все еще оставалось хрупким, он в совершенстве освоил верховую езду и в довершение ко всему научился плавать. Несмотря на все это, он умудрился стоять на последнем месте по поведению. Его многочисленные письма неизменно содержали просьбы опять принести ему денег, еду или подходящую одежду для верховой езды; он также справлялся о делах миссис Эверест. Родители, похоже, исполняли все его просьбы.

В глазах семьи Черчиллей Рэндольф, похоже, неуклонно шел вверх по политической лестнице до позиции премьер-министра, но на его пути имелись препятствия. Сэр Стэффорд Норткот («Козел») был лидером консервативной партии в Палате общин с 1876 года, а лорд Сэлисбери сам мечтал стать премьер-министром, вслед за ожидаемой победой консерваторов на предстоящих всеобщих выборах. В июне, после казалось бы безобидной поправки к докладу о бюджете, либеральное правительство внезапно потерпело поражение, недобрав двенадцати голосов. Глэдстоун был вынужден просить отставки у королевы Виктории. Так как в парламенте все еще было множество незаконченных дел, момент для объявления выборов был неподходящим. Вместо этого королева Виктория послала за лордом Сэлисбери и попросила его сформировать правительство консервативного меньшинства. Сэлисбери предложил Рэндольфу пост государственного секретаря по делам Индии, и тот согласился[128].

Рэндольф вошел в члены правительства при годовой зарплате в 5000 фунтов стерлингов/ 2Э 000 долларов, что было очень значительной суммой в то время. Дженни была в восторге от этого назначения, а его сыновья были переполнены гордостью. Политика стала для лорда Рэндольфа raison d'etre, смыслом существования. Им управляло желание сделать в жизни множество важных дел. В ущерб своему здоровью и личным отношениям он изнурял себя работой, проводя бессонные ночи, поддерживая свои силы крепким кофе и сигаретами.

Новый пост означал, что лорд Рэндольф стал правительственным министром, и по парламентским законам он должен был покинуть свое кандидатское место и выставить свою кандидатуру на переизбрание. Его избирательный округ, Вудсток, все еще существовал. Он так сильно погрузился в работу в лондонском министерстве по делам Индии и так был уверен в победе на выборах, что написал своим избирателям, объясняя причину своего неучастия в предвыборной кампании. Вместо этого эту кампанию от его лица проводила Дженни. Она возглавила борьбу за переизбрание и увлекла за собой сестру Рэндольфа, Джорджиану – леди Хоуве, а также за ней пошли

ведущие консерваторы – Вульф, Джордж Курзон, Альфред Мильнер и Сент Джон Бродрик.

Дженни наслаждалась суетой предвыборной кампании и хорошо справлялась с ее организацией. Вместе с Джорджианой они объехали в запряженном лошадью экипаже, украшенном в цвета, которые Рэндольф использовал в предвыборной кампании – розовый и коричневый, весь избирательный округ. Местный стихотворец сложил популярный стишок со ссылкой на доблестные поступки «этой леди-янки».

Рэндольф писал к Дженни: «Если я выиграю борьбу, тебе достанется вся слава». И слава действительно пришла 3 июля 1885 года, когда поступило известие о том, что Рэндольф набрал 532 голоса в сравнении с 405 голосами радикального либерала Корри Гранта, что вдвойне превысило количество голосов, полученных им на выборах 1880 года. Дженни выступила с речью в честь победы в Беэр-отеле, Вудстоке, а принц Уэльский прислал ей свои поздравления. Уинстон был страшно горд за своего отца, и даже пятилетний Джек радовался всему происходящему.

Вступив в должность государственного секретаря по делам Индии, Рэндольф назначил своего друга, генерала сэра Фредерика Робертса («Фреда»), главнокомандующим армией в Индии. Рэндольф был рьяным сторонником строительства железной дороги в Индостане, а также ему приходилось заниматься вопросами обороны, возникшими в связи с экспансией России в Среднюю Азию вплоть до границ с Афганистаном.

Месяцы, последовавшие сразу за выборами в кабинет, были самым загруженным работой периодом в политической жизни Рэндольфа, и количество проделанной им работы поразило всех в его окружении. Будучи специалистом по ирландским вопросам, он стремился держать ирландских националистов «на стороне» своего правительства в Палате общин. Он испытал трудности с протестантами-лоялистами Оранжевого ордена, которые видели измену в каждой уступке ирландским националистам. Его всегда просили выступить с речами перед консервативными организациями по всему Соединенному Королевству. 13 сентября 1885 года лорд Сэлисбери в своем письме давал ему советы, как справиться с невероятным переутомлением, которое испытывал Рэндольф. Чуть позже в том же месяце Рэндольф поехал на отдых и рыбалку (половить лосося) в Шотландию, где он смог развлекать своего новоназначенного главнокомандующего армией в Индии генерала сэра Фреда Робертса, а также больше узнать об индийских военных проблемах до отъезда генерала на свой командный пост.

В ноябре Рэндольф дал разрешение на британское вторжение

в Бурму, где король Тибо[129] проводил исключительно враждебную политику в отношении британских коммерческих интересов и британских подданных и в каком-то смысле вел себя как тиран. Его отец, король Миндон, сделал его принцем северной провинции Тибо. Король Миндон умер в октябре 1878 года, оставив после себя тридцать сыновей, могущих претендовать на трон. Тибо зверски убил двадцать семь из своих братьев вместе с семьями и водрузился на трон. В то время половина Бурмы находилась в британском владении в течение тридцати лет. В 1885 году Тибо был свергнут с трона, его народ отказался от протектората, и 1 января 1886 года Бурма была присоединена к Британской империи.

В сентябре того года Дженни активно занималась благотворительной работой, уделяя большое внимание Медицинскому женскому фонду, созданному леди Дафферин, который, в свою очередь, поддерживал работу Национальной ассоциации по предоставлению медицинской помощи индийским женщинам. Рэндольф писал ей 27 сентября из Шотландии, похвально отзываясь о ее работе и предлагая ей связаться с редактором газеты *Таймс*: «Я предлагаю тебе связаться с мистером Баклом и пленить его своим очарованием, и пусть он расхвалит тебя в газете»[130]. В декабре того года в Букингемском дворце королева Виктория с почестью отметила работу Дженни, лично наградив ее орденским знаком Индийской короны. Поцеловав руку королевы, Дженни поднялась из реверанса в своем изысканном черном вельветовом платье, так сильно украшенном черными бусинками, что королеве было трудно приколоть медаль, и булавка вонзилась ей в грудь. Дженни дорожила этой королевской монограммой, выполненной из жемчуга и бирюзы, и ее можно увидеть на многих фотографиях Дженни в вечернем платье[131].

Во время политически напряженных месяцев у Рэндольфа было мало времени посещать Уинстона в школе. Однако Уинстон и Джек считали своего отца великим человеком, а Дженни видела его будущим премьер-министром и ожидала стать первой американкой, которая вступит в дом номер 10 на Даунинг-стрит. Летом 1885 года Дженни решила, что Уинстону необходимо улучшить школьные результаты, и сообщила ему о том, что наняла для него на лето гувернантку для ежедневных уроков, так как его готовили к поступлению в такие школы, как Итон или Хэрроу. Уинстон говорил, что он никогда еще столько не работал на каникулах, что это было «вопреки его принципам»[132], и что даже один час занятий в день висел над ним, как черное облако, и портил настроение.

Гувернантка была назначена, и даже во время поездки на отдых на остров Уайт занятия продолжались. Зрелище парусных гонок во время недели парусного спорта в Каус и катание в тележке, запряженной маленьким осликом, очевидно, не могли компенсировать беспощадную суровость неприязненной гувернантки, «такой строгой и чопорной»[133]. В школе из него уже сделали героя из-за такого знаменитого отца, чего он никогда не испытывал в школе Сейнт Джордж, и он обеспечивал своих друзей автографами обоих родителей[134].

Всеобщие выборы наконец-то были назначены на 23 ноября 1885 года. К тому времени кандидатское место Рэндольфа уже не существовало, и он должен был выдвигать свою кандидатуру от центрального избирательного округа Бирмингема. Его мать, в качестве дамы Лиги подснежника, вместе с Дженни проводила агитационную работу во всем центральном избирательном округе Бирмингема, улица за улицей. Франсиз Мальборо не считала за унижение отправляться на фабрики и выступать перед рабочими, которые ее громко приветствовали. Рэндольф проиграл на выборах, недобрав немного голосов. Тем не менее он был переизбран, так как на выборах в Лондоне, проходивших на следующий день, образовалась вакансия. Официальный кандидат уступил ему свое место, и лорд Рэндольф вновь выставил свою кандидатуру и получил место от избирательного округа Южный Паддингтон, которое сохранилось за ним до конца его жизни. Либералы, хотя на тот момент и в большинстве, больше не могли автоматически опираться на ирландских националистов (закрепивших за собой восемьдесят пять мест) и отказались формировать новое правительство. Поэтому Сэлисбери продолжал возглавлять правительство меньшинства, но вскоре оно потерпело поражение в Палате общин. В последний день января 1886 года Глэдстоун сформировал новое либеральное правительство, и лорд Рэндольф потерял свою должность.

Во время выборной кампании Уинстон прочитал в газете, что его отец находился с мимолетным визитом в Орлеанском клубе в Бирмингеме, где он обычно встречался со своими политическими друзьями. Он не заехал в школу повидаться с Уинстоном, который написал ему 20 октября о своих оскорбленных чувствах, говоря, что он был «очень разочарован» и полагает, что отец был слишком занят для визита. Его коллекция марок, сообщил он, уже насчитывает 708 экземпляров, и ему крайне необходим новый альбом для марок. Его «мягкая просьба» насчет семнадцати с половиной шиллингов звучала как штраф провинившемуся родителю, и его любящий отец с готовностью откликнулся на эту просьбу. 28 ноября Уинстон опять писал своему отцу о том, как

он надеется на его победу в Бирмингеме, но письмо было отправлено слишком поздно, и выборы уже закончились.

Уинстон начал проявлять покровительственное отношение к своему младшему брату. Джеку было уже шесть лет, и, как видно из письма Уинстона к нему от 10 февраля 1886 года, он хорошо усваивал домашние уроки. В письме было несколько строк по-французски, в которых он поздравлял Джека с улучшением почерка и сообщал о недавнем мятеже безработных на Трафальгарской площади в Лондоне, с добавлением для наглядности соответствующего рисунка. Уинстону очень понравились нарисованные Джеком картинки, изображающие стрельбу из пушки, и он посоветовал брату заниматься дома как можно лучше, чтобы подольше оттянуть поступление в школу. Было очевидно, что в Брайтоне Уинстон повзрослел и демонстрировал похвальный интерес к успехам Джека. Было ясно, что он хотел избавить его от «мучительной тяжести» хождения в школу. Он даже пообещал научить младшего брата элементарным знаниям латинского языка в свой следующий приезд домой. Миссис Эверест регулярно привозила Джека на краткое время в Брайтон, и братья любили проводить время вместе.

Вновь став премьер-министром, Глэдстоун выступил в поддержку гомруля для Ирландии. Любовь Рэндольфа к ирландскому народу и его страстная борьба за преобразование ирландских отношений были направлены на то, чтобы превратить Ирландию в полностью функционирующую и процветающую часть Британской империи. Он никогда не считал, что парламент Лиги самоуправления (гомруля) в Дублине сможет решить проблемы страны, и он был абсолютно против подобного разделения Соединенного Королевства. Глэдстоун вынес на обсуждение в Палате общин проект закона о гомруле. Лорд Рэндольф бросился в Белфаст с обращением к протестантам Ольстера, так как там организовывался протест против этих предложений. На большом общественном собрании вечером 22 февраля 1886 года в ольстерском помещении для собраний в Белфасте он обратился к верным католикам Ирландии с просьбой стоять вместе с протестантами за объединение с Британией. Все католические священники были консерваторами[135], и Рэндольф надеялся на то, что они выступят против гомруля и подействуют на своих прихожан. Речь – призыв к подготовке сопротивления против установления гомруля – была зажигательной. Несмотря на поздравления лорда Сэлисбери с его речью, «против которой не мог возразить ни один римский католик»[136], на севере Ирландии вспыхнули погромы и были убиты и ранены невинные люди.

Другой (семейный) кризис случился примерно в начале марта[137], когда в холодную погоду Уинстон опять заболел, находясь в школе. Хроническая болезнь легких перешла в пневмонию, и его жизнь была в опасности. Неизменный доктор Руз, чья практика находилась по улице недалеко от школы, со рвением, исходящим от восхищения политическими успехами Рэндольфа, отменил все лондонские записи на прием и поселился в смежной с больным ребенком комнате, чтобы наблюдать за его состоянием и ухаживать за ним во время кризиса. Дженни получила известия об этом 13 марта и тут же бросилась в Брайтон, и вслед за ней отправился Рэндольф, но поначалу доктор Руз не подпускал их близко к сыну. Они остановились неподалеку в гостинице Бедфорд и вели неистовую переписку с доктором. 14 марта Руз дважды написал лорду Рэндольфу, уведомляя его о серьезности болезни сына и выражая уверенность в его выздоровлении. 15 марта в час дня он написал еще один раз: «Мы все еще боремся за вашего мальчика. Его температура 103 градуса [39,4 по Цельсию], но принимать еду он стал лучше»[138]. В период с 12 по 17 марта температура Уинстона колебалась вверх и вниз, доходя до 104,3 градуса [свыше 40 градусов по Цельсию], прежде чем он смог выкарабкаться из этого состояния на грани смерти. По мере постепенного выздоровления к Уинстону направился поток поздравлений от всех знаменитых людей британского общества. Даже принц Уэльский приостановил поток аудиенций, чтобы справиться о состоянии здоровья маленького Уинни.

Находясь в гуще семейного кризиса, лорду Рэндольфу все-таки приходилось следить за политическими делами, в особенности не спускать глаз с угрозы принятия закона по самоуправлению Ирландии. Глэдстоун выступил 10 марта с сообщением перед переполненной Палатой общин, в присутствии принца Уэльского. 29 и 30 марта Глэдстоун опубликовал письма в печати, говоря о том, что предлагаемый парламент будет иметь такие же полномочия, что и по конституции в Канаде, подразумевая, что ирландцы будут избирать своих собственных членов в дублинский парламент[139]. Джозеф Чемберлен покинул либеральную партию и, будучи членом вновь образованной в том году партии либерал-юнионистов, повел публичную кампанию против этого законопроекта. Несмотря на волнующую речь Глэдстоуна в Палате общин, правительство потерпело поражение при голосовании за проведение гомруля с результатом 341 голос против 311 голосов, и 27 июня парламент был распущен. В этом удивительном 1886 году распалось еще одно правительство и были назначены новые всеобщие выборы.

С апреля по июнь 1886 года неизменно популярный Рэндольф выступил в Бирмингеме и Манчестере, а также в своем избирательном округе Южный Паддингтон с огромным количеством речей по вопросам гомруля и другим проблемам. Уверенный в сохранении своего места, перед началом выборов Рэндольф отправился на рыбалку в Норвегию. Опять Дженни и его мать вели предвыборную борьбу за него с помощью Лиги подснежника, и Дженни держала его в курсе всех новостей. 19 июля он писал ей из Торресдала: «Отдых идет мне на пользу. Я был очень нездоров, когда выехал из Лондона, и прошло несколько дней, прежде чем я стал чувствовать себя лучше… Я полагаю, тори придут и останутся у власти какое-то время. Мне кажется, нам совершенно необходимы пять тысяч фунтов стерлингов в год [зарплата министра]»[140]. Рэндольф без труда победил на выборах, получив 2576 голосов по сравнению с 769 голосами его конкурента.

Между тем Уинстон оправился от своей болезни и смог поздравить отца с победой на выборах. В письме к своей матери от 13 июля он заявил, что он «банкрот и мне не помешает иметь немного денег»[141]. В письмах к Джеку он обсуждал с ним армию оловянных солдатиков и мечтал, как они будут вместе строить баррикады во время летних каникул.

Когда были объявлены результаты выборов, оказалось, что консервативная партия получила большинство в 316 мест, либералы – 191 место, ирландские националисты под руководством Чарльза Стюарта Парнелла – 86 мест и либерал-юнионисты, партия, сформированная из недовольных либералов во главе с лордом Хартингтоном – 78 мест[142]. Хартингтон и Чемберлен затем сформировали политический союз с консерваторами, выступающий против закона о гомруле.

После огромных для либералов потерь на выборах 20 июля Глэдстоун ушел в отставку, и лорд Сэлисбери стал премьер-министром. Сэлисбери обратился к Рэндольфу с предложением стать лидером Палаты общин, а также канцлером казначейства, и он принял это предложение.

Быть лидером Палаты общин означало для Рэндольфа входить в члены кабинета правительства. Он отвечал за организацию деятельности правительства в Палате. Огромное количество времени уходило на проекты законов, акты парламента и министерские отчеты. Рэндольфу приходилось хорошо организовывать свое время для исполнения всех этих дел, а также на регулярное объявление в Палате повестки дня, представляемой на рассмотрение парламентом. Возможно, ему приходилось замещать премьер-министра в его отсутствие во

время «*Часа вопросов к премьер-министру*».

О лорде Рэндольфе уже открыто говорили как о будущем премьер-министре, хотя ему было только тридцать семь лет. Лорду Сэлисбери, вероятно, не нравилось, что газеты отодвигали его в этом вопросе на задний план. Дженни и вдовствующая герцогиня с трудом сдерживали свою радость по поводу того, что он все ближе продвигался к самому высокому посту в стране. Близкие друзья с тревогой отмечали, что чрезмерная привычка Рэндольфа к курению усугубилась.

Заседания парламента начались с 19 августа 1886 года, и Рэндольф не взял летний отпуск, чтобы побыть с семьей, а проводил с ними только выходные в конце недели. Он много работал в качестве канцлера, организовывая финансовые проверки расходов всех отделов правительства. Он посвятил себя программе реформ в Ирландии, но ирландские националисты не забыли его роль в расстройстве планов по принятию гомруля и резко противостояли ему на каждом шагу.

Большой объем работы и перенапряжение, которое испытывал Рэндольф, стали отрицательно сказываться на домашней обстановке семьи Черчиллей. В августе Дженни начала ощущать, что он обращается с ней холодно и держится от нее на расстоянии, и поделилась этим в письмах к своей свекрови. К сожалению, эти письма не сохранились, и мы знаем об этом только из пространных ответных писем Френсис Мальборо. Не исключено, что под руга Дженни, леди Мандевилль, распространяла повсюду слухи о том, что у Рэндольфа была любовница. Женщиной, о которой шла речь, была красавица и неразборчивая в связях Глэдис, леди де Грей. Несмотря на свою продолжительную интимную связь с Кински, Дженни очень плохо восприняла эту новость и при этом странном обмене письмами спросила Френсис, есть ли в слухах хоть доля правды и как ей следует поступить. Возможно, Дженни сильно боялась, что до Рэндольфа дошли слухи о ее тайной связи с Кински. Френсис не удержалась заметить, что сам образ жизни Дженни привел к появлению таких историй, и настоятельно порекомендовала ей не подливать масла в огонь, делясь своими переживаниями с так называемыми друзьями. В письме от 8 сентября Френсис писала к Дженни:

> *Отнесись к своим переживаниям и волнениям с терпением и попытайся развеять их проявлением ДОБРОДЕТЕЛЕЙ ДОМОХОЗЯЙКИ!! Заботься о детях, найми нового повара и так далее – избегай шума и общества тех друзей, которые, хотя и всегда готовы*

пособничать тебе, будут рады видеть твое беспокойство или унижение, поскольку, без сомнения, они завидуют твоему успеху в обществе… Я знаю, что в глубине сердца он искренне любит тебя – и мне кажется, что я знаю это наверняка[143].

Дженни отправила три ответных письма в течение сорока восьми часов; понятно, что она была очень взволнована этой ситуацией. Френсис отвечала, призывая ее сохранять спокойствие, ворча по поводу ее пылкого нрава и советуя поговорить с Рэндольфом. Переживания Дженни длились несколько месяцев, и в октябре Френсис снова пыталась успокоить ее, говоря в письме: «Возможно, он полностью занят другими делами. Я не *могу* по верить в существование какой-либо другой женщины»[144]. Леони предположила в письме к Кларе, что, возможно, Дженни все это показалось, и даже Кински был того же мнения[145]. Связь Дженни с Кински была нерегулярной. Леони говорила, что он никогда не был верен Дженни и имел связи с другими женщинами, включая любовницу принца Уэльского – Дейзи Ворвик[146]. Только в более поздние годы Дженни начала увлекаться Кински в такой мере, что собиралась выйти за него замуж. Проблемой Дженни, по мнению Леони, было то, что она привыкла к восхищению со стороны других мужчин, и так как оно временно угасло, ей показалось, что Рэндольф не уделяет ей должного внимания.

Краткие письма Рэндольфа к Дженни в то время были довольно немногословными и написаны в деловом стиле. Нагрузка парламентских обязанностей побуждала его к бурным вспышкам эмоций, о которых с тревогой говорили даже его самые близкие друзья. С точки зрения современной медицины Рэндольф, предположительно, страдал биполярным расстройством, возможно, наследственным по природе, и оно проявлялось в виде резкой перемены настроения в сильных стрессовых ситуациях[147]. Это граничило с маниакально-депрессивным психическим состоянием в периоды стресса, и должно быть, временами с ним было очень трудно жить.

Было бы любопытно узнать, нарушался ли покой дома на Коннот-плейс подобными вспышками гнева по поводу домашних расходов. Доход Дженни не покрывал ее расходы на всевозможные покупки и заказанные из Парижа дорогие платья. Скорее всего, Рэндольф был обеспокоен недостаточной предусмотрительностью Дженни в этом отношении и отстранился от этой проблемы, вместо того чтобы тотчас же обратить на нее внимание. Френсис писала в суровом письме к Дженни от 26

сентября, что она провела с Рэндольфом долгую беседу, вызванную тем, что ему требовалась ее подпись для еще одной огромной ссуды, чтобы урегулировать (лишь на время) их беспорядочное финансовое положение, и что только сейчас она узнала об их финансовых проблемах. Она умоляла Дженни «оставить тот бурный образ жизни, который ты ведешь – скачки, флирт, сплетни… Ты будешь больше довольна, я знаю, *как* только порвешь с прошлым и начнешь вести более добродетельное и полезное существование». Она опять разуверяла Дженни в том, что «для ревности нет причин», и побуждала ее прекратить обсуждение личных дел на встречах в обществе, так как эти рассказы, описав круг, возвращаются в Бленхейм[148]. Глэдис де Грей была большим другом Рэндольфа, она интересовалась политикой и часто обсуждала с ним текущие политические вопросы, но для сенсационных сплетен не было никаких оснований. 3 октября Френсис уверенно заверяла в своем письме к Дженни: «Я по-прежнему считаю, что у тебя нет причин ревновать эту Даму»[149].

В сентябре того года Рэндольф по-настоящему встряхнул казначейство по поводу их чрезмерно высоких расходов, объявив их «кучкой отвратительных гладстонцев». Его первый большой бюджет был документом, предполагающим глубокие реформы. С помощью резкого сокращения расходных статей бюджета, увеличения налогов на наследство, государственных пошлин и налогов на продажу предметов роскоши он планировал получить превышение доходов над расходами в правительстве, помогая местным органам власти дотациями и снижая подоходный налог с восьми до пяти пенсов с фунта стерлингов. Правительственными отделами, которые больше всего ощущали снижение субсидирования, были армия и военно-морской флот. Рэндольф, которого всегда приводило в негодование то, каким образом правительство вступало в «иностранные авантюры», считал, что сокращение финансирования военных сил было одним из способов ограничения такой политики. С конца октября по декабрь 1886 года коллеги Рэндольфа забрасывали его жалобами по поводу проводимой им жесткой политики. Сэлисбери дал понять, что бюджет армии и флота должен оставаться без изменения; Рэндольф отвечал, что не сможет продолжать службу в правительстве, пока там не будут произведены значительные сокращения бюджетных расходов[150].

Джек и миссис Эверест проводили Уинстона в Брайтонскую школу после летних каникул. Возможно, осознавая трудности в отношениях между родителями дома, Уинстон написал своей матери в письме от 7 сентября, что Джек шлет ей «миллион»

поцелуев, «а я шлю в два раза больше!»[151] Уинстон преуспевал в доброжелательной и здоровой атмосфере школы, с многочисленными занятиями плаванием и верховой ездой. Он даже старался получить награду за знание классических предметов.

Рэндольф настолько измучил себя работой, что отправился вместе с другом, Томасом Трэффордом, в поездку по Европе с посещением Парижа, Берлина, Дрездена, Праги и Вены. Он путешествовал под вымышленным именем – мистер Спенсер, в попытке избежать внимания прессы. Из Вены, где он встречался в обществе с Чарльзом Кински, он писал Дженни письмо от 12 октября, которое показывает, насколько он стал известным человеком, и что близкое внимание прессы к знаменитостям – это не только феномен сегодняшнего дня:

> *Я безнадежно раскрыт… Вчера на станции я обнаружил целую армию репортеров, которых я довольно успешно отпугнул своим грозным видом. Право же, это почти невыносимо – путешествовать с привлечением такого внимания. Насколько абсурдны английские газеты! Всю ту ложь, публикуемую в Daily News и Pall Mall, я никогда не читаю: Pall Mall, в частности, – особо злонамеренный вестник… Сегодня утром репортеры осадили гостиницу, но им пришлось уйти, не получив от меня ни одного слова*[152].

Его письма к Дженни были дружелюбными, но умеренными, и он посылал ей в подарок изделия из богемского стекла в надежде, что они ей понравятся.

20 декабря 1886 года Рэндольф предпринял последнее рискованное действие в своей политической жизни. После встречи с королевой Викторией в Виндзорском замке он вернулся домой и написал заявление об отставке, послав его лорду Сэлисбери, а копию – редактору газеты *Таймс*. Позднее он объяснял, что хотел принудить Сэлисбери к серьезному разговору о проблемах, вызванных бюджетом. Однако он ничего не сказал своей жене и матери; обе были ошеломлены, прочитав об этом на следующее утро в газете. Дженни была так разбита и подавлена, что не стала просить объяснения.

Совершенно очевидно, что Рэндольф ожидал от лорда Сэлисбери понимания того факта, что он публично поклялся довести до конца этот бюджет, и, по всей совести, он не мог оставаться на своей должности без поддержки собственного правительства. Он слишком недооценил реакцию Сэлисбери. Премьер-министр распространил письмо среди коллег по

кабинету министров, и 22 декабря дал ответ, что он не может поддерживать сокращение военных расходов в опасные, по его понятию, времена.

Рэндольф ответил, что, по его мнению, иностранная политика консервативного правительства является «одновременно опасной и беспорядочной». Тот факт, что Сэлисбери безоговорочно принял его заявление об отставке, был воспринят им как преднамеренный удар по демократии тори. Уйдя в отставку перед Рождеством, у него не было возможности объяснить причины своего ухода перед собранием Палаты общин[153].

В письме к лорду Сэлисбери после смерти Рэндольфа вдовствующая герцогиня открыла правду о том, насколько крайне огорчен был ее сын из-за того, что Сэлисбери принял его отставку без дальнейшего обсуждения. Она лично ходила к Сэлисбери и умоляла его уступить, но «ваше сердце ожесточилось против него»[154].

Глава 5
Вновь счастливая семья?
1887–1889

Лорд Сэлисбери, лидер консервативной партии[155], продолжал находиться на посту премьер-министра в период с 1887 по 1889 год. В конце 1886 года лорд Рэндольф Черчилль ушел в отставку из кабинета министров, но сохранил за собой место в парламенте от избирательного округа Южный Паддингтон, которое принадлежало ему десять лет. Принц Уэльский был на его стороне. В 1887 году королева Виктория праздновала пятидесятилетний юбилей своего пребывания на троне, и леди Рэндольф Черчилль вместе с Уинстоном присутствовали на золотом юбилее королевы. Позднее в том же году, вопреки желаниям своей матери и правительства, принц Уэльский поддержал неофициальный визит четы Черчиллей в Россию, с посещением царя и царицы.

1887 год начался как нельзя хуже для Дженни. Помимо страха за свое замужество, она была ошеломлена тем, что Рэндольф ушел с министерского поста главы Палаты общин и канцлера казначейства и не имел такта сообщить ей об этом. 14 января она получила ужасное письмо от Артура Брисбейна, лондонского корреспондента нью-йоркской газеты Sun. Он спрашивал, есть ли доля правды в статье, полученной им для публикации, по поводу того, что она и лорд Рэндольф решили разойтись. Дженни передала это письмо Рэндольфу. В тот же день Рэндольф направил Брисбейну гневный ответ, спрашивая, и как только американский джентльмен мог распространять такие заявления, заведомо ложные и клеветнические[156].

Письмо Брисбейна послужило предупреждением для них обоих. Рэндольф осознал, что та неистовая активность, которую он проявлял в политической работе, дорого обошлась его семье. Размолвка в отношениях с Дженни была улажена, но Рэндольф проболел все Рождество, страдая нервным расстройством, и пролежал все это время на диване в своей комнате, куря сигареты[157]. Отдых и выздоровление были невозможны в Лондоне, так как везде он преследовался прессой в связи с его отставкой, которая была злободневной темой дня. В поисках

свежего воздуха и покоя для своих расшатанных нервов он отправился 9 февраля в поездку по местам археологических раскопок в Алжир, Тунис, Мальту и южную Италию. Дженни писала ему обо всех новостях, почерпнутых на посещаемых ею многочисленных приемах и обедах.

В своих письмах она всегда сообщала о детях. Джеку исполнилось семь лет («Как летит время!»), а Уинстон ходил на пантомиму в Брайтоне, где он набросился на мужчину, прошипевшего что-то насчет лорда Рэндольфа, сказав: «Прекратите этот гам, вы, курносый радикал»[158]. Рэндольфу так понравилось такое проявление сыном преданности отцу, что он попросил послать Уинстону соверен (золотую монету). После ужина с четой Сэлисбери Дженни писала в конце февраля своей сестре Леони в Ирландию о том, насколько ее выводит из себя тот факт, что Рэндольф был так близок к достижению всего самого заветного, но все потерял, пойдя на риск, обернувшийся против него. Она писала, что верит «в глубине своего сердца», что успехи «вскружили ему голову», и «он думал, что способен на все». Однако она простила его и отвлеклась от этих чувств рисованием и музыкой. Рэндольф был «гораздо спокойнее и приятнее после того кризиса, так что мне не стоит об этом жалеть. Он пишет мне с большой любовью и очень часто, и все будет хорошо, когда он вернется»[159]. 5 марта она писала Рэндольфу:

> *Ты так мил со мной, и я полностью тебе доверяю, и мне совсем наплевать, что они говорят. Наслаждайся отдыхом как можно больше и приезжай домой здоровым и готовым бороться со всеми. И если только ты будешь рад видеть меня и поймешь, как сильно я о тебе думаю и как много ты значишь для меня, то это составит мое счастье*[160].

Лорд Рэндольф вернулся в Лондон в конце марта, а в апреле вернулся на свое кандидатское место в Палате общин, как раз к моменту принятия бюджета, предусматривающего сокращения на военные расходы, то, из-за чего он принес в жертву свою карьеру.

Письма Уинстона из Брайтона были полны хороших новостей об его успехах в спорте (футбол и крикет) и заявлений, что «он так счастлив иметь это бесценное сокровище – хорошее здоровье». Он играл роль Робина Гуда в опере, а его другу, Берти Рузу, досталась роль девицы Мариан. Дженни позволила ему приехать домой для присутствия 20 июня на золотом юбилее королевы, и он был приглашен вместе с матерью на королевскую яхту *Британия,* где его должны были представить принцу Уэльскому и его сыну Джорджу, который впоследствии стал королем

Джорджем Пятым. Он также посетил шоу *Дикий Запад Баффало Билла,* и ему удалось встретиться с этим выдающимся американцем.

В июле миссис Эверест повезла Уинстона и Джека на период летних каникул в Вентнор, на острове Уайт. Их родители присоединились к ним в августе, в период проведения недели Каус[161]. На одном из званых ужинов принц Уэльский подарил обоим мальчикам красивые золотые булавки для галстука, оправленные бриллиантами. Уинстон тут же потерял свою булавку, и принц Уэльский дал ему другую. Джек бережно хранил свою булавку на протяжении всей своей жизни и передал ее своему младшему сыну Перегрину[162].

Вернувшись в школу, 24 августа Уинстон прислал письмо своей матери со смиренным извинением за свое плохое поведение во время пребывания дома. В последующих письмах он подчеркивал свои отличные успехи в школе и просил автографы матери и отца для своих школьных друзей.

Позже, тем же летом, Рэндольф обсуждал с мужем своей сестры, Эдуардом Марджорибэнксом, выбор школы для Уинстона, и Эдуард предложил ему идею частной школы Хэрроу. Рэндольф написал письмо директору школы, почтенному доктору Джеймсу Уэлдону, а также сообщил ему о хрупком состоянии здоровья Уинстона. Он получил в ответ теплое письмо с радостными заверениями, что в школе найдется место для сына Рэндольфа.

Уинстон написал отцу и поблагодарил его за выбор школы. Дженни отвезла Уинстона в школу в Брайтоне на его последний семестр 1887 года, и ей было приятно видеть, насколько хорошо он там устроен. Он был на первом месте в классе по истории – истории древнего мира, библейской истории, а также алгебре, и стоял на втором месте среди учеников по географии и арифметике. Далее, к концу года, он получил награды за знание английского языка и Священного Писания. Он начал заниматься боксом, и ему хорошо удавались верховая езда и плавание. Но все же он умудрился быть на последнем или почти последнем месте по поведению.

В сентябре 1887 года, в возрасте семи лет и семи месяцев, Джек начал учебу в школе-интернате – приготовительной школе Элстри в графстве Хартфордшир. Его прежде светлые волосы превратились в темные и волнистые, как у его матери; он был высоким и стройным мальчиком с голубыми глазами и походил на своего отца, когда тот был ребенком. Если о нем до сих пор было немного сказано, то только потому, что он был послушным ребенком, со спокойным и серьезным характером.

Ранние письма Джека из школы, как и следовало ожидать,

были полны тоски по дому. «Вы скучаете обо мне? Я тоже. Надеюсь, папа здоров, передавай ему от меня привет и миллион поцелуев, и тебе тоже». Такое проявление любви к родителям в своих письмах домой было характерной чертой обоих мальчиков. Несмотря на то что Джеку было хорошо в школе, он все-таки считал дни до приезда домой: «Моя дорогая мама, я получил в среду корзинку со съестным и лакомствами, надеюсь, у тебя все хорошо. Я всем очень доволен. Осталось всего пять недель до каникул. Очень скоро начнутся экзамены». Его дорогая «Вум» (миссис Эверест) всегда была в его мыслях, и после поездки в Брайтон, чтобы посмотреть, как ездит на лошади Уинстон, он написал Дженни 20 октября: «Пожалуйста, дорогая мама, пошли как можно скорее немного денег Вумани, а то она очень нуждается»[163].

Поздней осенью Рэндольф решил увезти Дженни на отдых в Россию. При поддержке принца Уэльского такая поездка и дворцовый прием у царя и царицы должны были получить широкую известность. В декабре, перед отъездом, они посетили мальчиков в школе и оставили им щедрые денежные подарки. Рэндольф поехал в Брайтон повидаться с Уинстоном. Сестры Томсон настолько восхищались Рэндольфом, что все мальчики были освобождены от уроков на полдня.

По приезде в Санкт-Петербург Черчиллей встречали как приехавших с визитом членов королевской семьи. Царь Александр Третий пригласил их в Гатчинский дворец, который, по описанию Дженни, был российским Виндзорским замком. Каждый день они были гостями какого-нибудь аристократического приема. Они катались днем за городом на тройке или на коньках, а вечером их ожидали балы, званые ужины, театры и опера. Каждый из них получил частную аудиенцию – Рэндольф с царем, а Дженни с царицей. Царица хотела узнать все подробности об обществе, моде и политической жизни в Англии, и она показала Дженни множество прекрасных комнат дворца. Царь принял Рэндольфа с большим теплом, и вместе с ним, за курением, они обсуждали серьезные дела. Он хотел дать понять Рэндольфу и передать это по его приезде домой, что Россия не представляет военной угрозы для Англии и Европы, вопреки многочисленным статьям на эту тему в газетах[164]. Рэндольф писал принцу Уэльскому, сообщая ему обо всех разговорах с царем.

После великолепного предновогоднего бала в Санкт-Петербурге, в качестве гостей царя и царицы, Рэндольф и Дженни поехали в Москву. Покинув Россию, они провели десять дней в Берлине, где их пригласили на особый вечер в опере, с

объявлением присутствия монарха, и они были представлены императору Вильгельму и его двору[165].

Между тем в Лондоне Уинстон и Джек провели Рождество со своей тетей Леони и дядей Джеком Лесли. 27 декабря Уинстон писал своей матери о том, как они поднимали тост за здоровье королевы и своих родителей, а затем пошли в дом дяди Джека и играли там в игры. Их также водили на пантомимы, и Уинстон встретился со своим любимым писателем приключенческих рассказов Райдером Хаггардом[166]. 30 декабря миссис Эверест сильно заболела. К ней вызвали доктора Робсона Руза, и поначалу он опасался, что у нее дифтерия. Он переселил Уинстона и Джека в свой лондонский дом. Оттуда Уинстон написал родителям 30 декабря, что миссис Эверест не настолько серьезно больна, как все опасались сначала. И в другом письме от 12 января 1888 года, что это была «скорее всего ангина, а не дифтерия». Он торжественно заявил, как он рад, что она не умерла[167].

Остаток каникул Уинстон и Джек провели сначала в Бленхеймском дворце, а затем отправились в лондонский дом своей бабушки по адресу: 46 Гросвенор-Сквер. Опять были посещения пантомим и театра[168]. Но в письме к Рэндольфу от 23 января их бабушка призналась, что была рада возвращению Уинстона в школу:

> *Я не сожалею об этом, потому что он чистое наказание. Не то чтобы он серьезно шалил, но он употребляет плохие слова, что нехорошо для Джека. Я уверена, что Хэрроу сотворит с ним чудеса, так как, по-моему, он был чересчур умен и слишком большой заправила в Брайтонской школе. Джек такой хороший маленький мальчик и совсем никого не беспокоит*[169].

Джек уже полностью привык к школе Элстри. В день своего рождения, когда ему исполнилось восемь лет (4 февраля 1888 года), он писал своей матери с просьбой приехать и навестить его, давая ей четкие инструкции «принести корзинку со съестным и две банки сардин». Но сколько бы раз Дженни ни навещала мальчиков, им всегда было этого мало. Миссис Эверест регулярно навещала мальчиков и приносила им еду в корзинках, сладости, чистую или новую одежду, а также всегда желаемые деньги на карманные расходы. Перегрин рассказывал, что в школе Элстри отмечали, насколько заботливо и внимательно Джек обращался с миссис Эверест и прогуливался с ней в окрестностях школы.

В последний семестр в Брайтоне Уинстон усердно занимался, готовясь к вступительным экзаменам в Хэрроу. Отец давал ему хорошие советы о том, как справляться с экзаменами. Уинстону

следует отвечать на большинство «выгодных вопросов в первую очередь» – с более высокими баллами, а потом заниматься другими вопросами[170]. Отзывы Уинстона о самих экзаменах, которые он держал 15 марта 1888 года, довольно сомнительны. Накануне экзаменов он переболел свинкой, но утверждение о том, что он не мог ответить ни на один вопрос в письменной работе по латыни, которую он просто украсил чернильной кляксой и измазал жирными пятнами, звучало как занимательная история, рассказанная на публику[171]. Доктор Уэлдон, получивший заверения от Шарлотты Томсон из Брайтонской школы в том, что Уинстон способен усердно трудиться, имел основания засомневаться в их силе, судя по тому, как молодой Черчилль сдавал вступительные экзамены в Хэрроу. Рэндольф навестил Уинстона в Брайтоне и выразил большую радость по поводу его поступления в Хэрроу.

17 апреля Уинстон начал учебу в Хэрроу, и так как там были также его кузен Дадли Марджорибэнкс и еще два мальчика из одного с Уинстоном класса из Брайтонской школы, то он быстро привык к той обстановке. В школе обучалось 550 мальчиков; их классы были распределены по специально предназначенным для обучения блокам, и они жили в отдельных жилых помещениях[172]. Хэрроу была дорогостоящей школой. При 80 фунтах стерлингов/ 384 доллара за семестр, плюс 38–40 фунтов стерлингов/ 184 доллара за питание и проживание – это была одна из наиболее дорогих частных школ с оплатой почти в два раза больше, чем в других школах подобного ранга. Все дополнительные занятия, которые зачастую были обязательными, такие как музыка, спортивные игры, особые науки и практикумы, оплачивались отдельно. Уинстон считал, что у других мальчиков, похоже, гораздо больше карманных денег, чем у него, и напомнил в письме к матери от 21 апреля об ее обещании, что он «не должен отличаться от других».

Уэлдон лично проследил, чтобы Уинстона определили в особое школьное отделение, которым руководил Генри Дэвидсон и где он мог пройти постепенную подготовку для перехода на учебу к Уэлдону. По уровню знаний он был самым последним учеником и находился в последней трети четвертого класса. Он преуспевал в английском и истории, с трудом усваивал классические языки и литературу, но довольно хорошо справлялся с математикой.

Особенно знаменательным событием для его будущей карьеры было его вступление в мае, при первой же удобной возможности, в стрелковый корпус школы Хэрроу. В письме к своему отцу от 3 июня он с гордостью сообщал о том, что

пытается получить приз за знание английского языка и ему нужно выучить тысячу строк из сочинений Маколея. Увы, наряду с этими хорошими известиями были и причины для беспокойства. 12 июля мистер Дэвидсон написал Дженни длинное и проникновенное письмо, выражая свою озабоченность:

> *Я решил дать Уинстон у разрешение на отлучку [провести выходные дни дома]: но я должен признаться, что он не заслуживает этого. Я думаю, что он никоим образом умышленно не причиняет беспокойство: но его забывчивость, невнимательность, непунктуальность и несоблюдение правил всяческими путями были настолько значительными, что я пишу к вам с просьбой серьезно поговорить с ним на эту тему… Он все время опаздывает в школу, теряет свои учебники и письменные работы и делает многое другое, о чем мне не хочется распространяться – он настолько постоянен в своем нарушении порядка, что я просто не знаю, что с ним делать: и иногда мне кажется, что он сам ничего не может с этим поделать. Что касается его способностей к учебе, ему следует быть первым учеником в классе, однако он стоит на последнем месте.*

Совершенно ясно, что Дженни прочитала ему дома хорошую лекцию, потому что его результаты в какой-то мере улучшились, и он получил приз за декламирование по памяти выученных наизусть 1200 (как оказалось) строк из Маколея.

На летние каникулы миссис Эверест взяла мальчиков в Вентнор на острове Уайт, погостить у своей замужней сестры и ее мужа, Мэри и Джона Балаам. Мальчикам нравились эти увеселительные поездки с Вумани, где их дни были наполнены изрядным и полезным моционом. Джон Балаам, главный надзиратель в Паркхурсте, тюрьме строгого режима, потчевал Уинстона и Джека рассказами о преступниках и их авантюрах, совсем как в романах Чарльза Диккенса. Эверест, хотя и при исполнении своих обязанностей, все-таки отдыхала в кругу своих родственников; такой порядок устраивал всех. Уинстон писал своей матери, что «Джеки» пошел спать со словами «по-моему, этот день *действительно* удался на славу». И считал, что Джек и он съедали «почти по тонне в день». Их каникулы завершились пребыванием в Бленхеймском дворце.

Вернувшись в сентябре в Хэрроу, Уинстон обнаружил, что ему отказали в «переводе» (переходе в следующий класс), которого он, похоже, каким-то образом ожидал. Это было явным наказанием за его общее плохое поведение. Но в ноябре его класс

взялся, в качестве специального предмета, за изучение трех пьес Шекспира. 7 ноября Уинстон с гордостью писал отцу, что он достиг четвертого места среди двадцати пяти мальчиков и получил результат в 100 баллов (что составляло общее число баллов, присуждаемых по отдельным составным частям литературной работы), а мальчик, который был на первом месте, имел 127 баллов.

После возвращения из России Дженни и Рэндольф наслаждались возрождением своих близких отношений. Отрыв от политики пошел Рэндольфу на пользу. У обоих был интерес к конным скачкам, и они приобрели в результате практичных покупок нескольких скаковых лошадей, демонстрирующих хорошие показатели и способных приносить, всегда нелишние, денежные призы. Самым замечательным приобретением была красивая черномастная кобыла *L'Abbesse de Jouarre*. В июне 1888 года Аббатка, как ее называли в семье Черчиллей, выиграла в гандикапе на приз принца Уэльского, заработав 1000 фунтов стерлингов/ 4800 долларов, и затем продолжала выигрывать в ряде других престижных скачек[173]. Выигранные деньги помогали подкреплять доходы Черчиллей в трудные времена.

Кроме этого, в июне Рэндольф получил почетный диплом доктора юридических наук Кембриджского университета. Краткий августовский отдых в красивых местах на юге Франции был особенно живительным. Жизнь была прекрасна.

Ко дню своего четырнадцатилетия, 30 ноября 1888 года, Уинстон имел прекрасную коллекцию оловянных солдатиков; все они были полностью сформированы в британскую пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду, со всей надлежащей артиллерией. Джек был его постоянным партнером по играм, и у него была своя собственная коллекция. Согласно «Договору об ограничении вооружения», придуманному Уинстоном, Джеку было разрешено иметь только войска солдат – представителей смешанной расы, без артиллерии. Вскоре после своего дня рождения, когда Уинстон выстраивал свою армию в Бленхеймском дворце, пришел его отец. После детального осмотра, который длился добрых двадцать минут, лорд Рэндольф спросил сына, не хотел бы тот сделать военную карьеру. Уинстон тут же выразил согласие, и вопрос его карьеры был решен. Возможно, отец заметил в нем врожденный талант, как у знаменитого первого герцога Мальборо.

Лорд Рэндольф писал доктору Уэлдону, делясь этим важным открытием, и вскоре посетил Хэрроу, чтобы повидать Уинстона и его учителей. Рождество прошло дома, на Коннот-плейс. Мальчики настолько сильно предавались удовольствиям –

чрезмерно много ели и пели до хрипоты, что оба заболели. Джек быстро выздоровел, и его взяли с собой в цирк. Уинстон же страдал от продолжительной боли в горле и небольшой температуры, и в письме к своей матери от 2 января 1889 года он признавался в «смертельной скуке и, отчасти, раздражении», и что хуже всего – в «страшном невезении» проводить часть своих каникул в постели. Сын доктора и друг Уинстона со времен учебы в Брайтонской школе, Берти Руз, навестил его и сидел около его кровати, составляя ему компанию. В конце января небольшая поездка в Вентнор с миссис Эверест подготовила мальчиков к возвращению в школу.

Письма Джека всегда были, порой без всякого умысла, забавными. Осенью 1888 года вся страна была поражена ужасом из-за ряда убийств в лондонском районе Уайтчепел, приписываемых отъявленному убийце Джеку-потрошителю. Вполне вероятно, что Рэндольф обсуждал эти убийства дома, во время Рождества, вместе со своим другом Генри Мэтьюзом, министром внутренних дел. Как присуще всем мальчикам его возраста, Джек сгорал от любопытства по поводу этих сенсационных событий. В феврале 1889 года он ставил подпись под своими письмами «Джек, не Потрошитель». Он всегда помнил о проблемах со здоровьем своего отца и почти в каждом письме говорил об этом. Он посылал регулярные и подробные отчеты о школьных спортивных командах. В его письмах было поровну новостей как о себе, так и об Уинстоне, и он сообщал, что стоял в классе уже на четвертом месте. Его способности к чтению стремительно улучшались, и Дженни послала ему газеты *London News* и *Daily Graphic,* а также организовала для него подписку на ежемесячный журнал *Strand.* Он был хорошо осведомлен о текущих событиях, мире конных скачек, светских сплетен и, конечно, о политической деятельности своего отца.

Рэндольф обратился с письменной просьбой к Уэлдону насчет возможного перевода Уинстона в более старшее учебное отделение школы, имея в виду классы под руководством директора школы[174]. В своем ответе в письме от 2 апреля Уэлдон сообщал, что все уже устроено для Уинстона, и он будет переведен после пасхальных праздников. В качестве вознаграждения Рэндольф послал Уинстону деньги на новый велосипед. В сентябре он поступил в армейский класс школы Хэрроу и начал серьезную подготовку к вступлению в Сэндхерст, королевский военный колледж, где он с течением времени прошел подготовку, чтобы стать офицером армии[175].

Несмотря на отставку из кабинета министров, Рэндольф продолжал пользоваться популярностью как оратор Палаты

общин. В июле 1889 года он выступил с одной из самых очаровательных и остроумных речей в поддержку увеличения денежных сумм из цивильного листа (сумм на содержание лиц королевской семьи) для детей принца Уэльского. Его сильно хвалили в прессе и в рядах консервативной партии, с которой у него произошло примирение. Принц Уэльский относился к нему как к верному другу[176]. Перегрин рассказывал одну историю, как вскоре после этого лорд Рэндольф вернулся домой на день раньше, чем его ожидали, и застал Дженни наедине с принцем. Для любого мужчины быть наедине в доме с аристократической женщиной, замужней или нет, было серьезным нарушением правил поведения в обществе. Лорд Рэндольф был вне себя от гнева и строго приказал сорокавосьмилетнему принцу покинуть их дом[177]. Берти, или «Там-Там», как его шутливо называла Дженни, уже однажды призывался в суд в 1869 году как свидетель по делу о разводе между лордом и леди Мордаунт. Хэрриет, леди Мордаунт, развлекала в своем доме ряд любовников и родила ребенка не от своего мужа. Принц Уэльский бывал наедине с Хэрриет во время отсутствия ее мужа. В суде принц признался, что посещал эту даму, но не более того[178].

Глава 6
В поисках золота и дела семейные 1890–1893

Лорд Сэлисбери продолжал быть премьер-министром в 1889 году. Он постоянно продвигал своего племянника, Артура Балфура, на должности внутри консервативного правительства. Балфур (давний знакомый лорда Рэндольфа) и Четвертая партия отказались от своих принципов. Успешное руководство Ирландской парламентской партией в лице Чарльза Стюарта Парнелла внезапно пришло к концу в 1891 году. Оставив навсегда службу, лорд Рэндольф уделял больше внимания дому и семье, а также предстоящим экзаменам Уинстона. В апреле 1891 года Рэндольф отправился с геологической экспедицией в Южную Африку на поиски золота. В ноябре того же года Артур Балфур, в определенной мере человек с жестким характером, стал лидером Палаты общин. В июле 1892 года, однако, произошел возврат к власти либерального правительства под руководством Глэдстоуна.

В первом школьном семестре 1890 года Уинстон был переведен в первую группу четвертого класса[179]. Лорд Рэндольф регулярно общался с ним, и в письме от 26 февраля Уинстон благодарил его за полученный почтовый денежный перевод, а также просил отца приехать и вдохнуть новую жизнь в школьный Консервативный клуб; затем шло обсуждение последних политических речей Рэндольфа, и заканчивалось письмо в веселом тоне: «Не затрудняй себя ответом, поскольку ты так занят»[180].

Между Рэндольфом, Дженни, Уинстоном, Джеком и миссис Эверест шла оживленная переписка, и все письма показывались друг другу и читались каждым из них[181]. Джек регулярно сообщал родителям о своих школьных успехах, обычно тут же напоминая, насколько скудными были его финансы в ту неделю. Небольшая приписка к письму накануне дня рождения всегда была кстати, чтобы напомнить отцу послать ему денежный подарок: 1 февраля 1890 года: «Дорогой папа, мои дела идут хорошо. Четвертого числа этого месяца мне исполнится десять лет… еще осталось два года до поступления в Хэрроу. Мне надо

настраиваться на это. Этот семестр очень короткий, но здесь так холодно. Мои письменные работы становятся все лучше». В следующем письме, 9 февраля, он благодарил отца за подарок на день рождения и заверял его: «Я еще не потратил ни одного шиллинга», и далее сообщал, что копит деньги на свои каникулы.

Рэндольф не забывал делиться с мальчиками своими выигрышами на скачках, особенно после ряда триумфальных побед их лошади, Аббатки, выигравшей в забеге Манчестерский кубок[182]. 3 мая Джек писал: «Большое спасибо за присланные мне 3 фунта стерлингов / 14,40 доллара. Это большая сумма. Я был на первом месте в классе уже 5 раз». В приложении к письму говорилось, что Джек получил по успеваемости 300 баллов, на 65 баллов больше нескольких мальчиков, разделивших второе место с равным количеством баллов[183].

Рэндольф также послал часть своих выигрышей – 5 фунтов стерлингов / 24 доллара – Уинстону. Однако в письме от 12 июня, написанном в холодном тоне и переданном через миссис Эверест, Дженни говорила:

> *Ты знаешь, дорогой, насколько я не люблю придираться к тебе, но в этот раз не могу удержаться… Твой отец очень сердит на тебя за то, что ты целую неделю не сообщал ему о полученном подарке в 5 фунтов стерлингов, а потом небрежно написал ему равнодушное письмо.*

Это обострило недовольство, которое испытывали родители в отношении пятнадцатилетнего Уинстона. От него скрыли результаты одного экзамена, потому что его работа была не на должном уровне. Позднее, 1 июня, он послал своему отцу длинное письмо с жалобой на недостатки армейского класса. Это было откровенное письмо, которое мог написать мальчик, не испытывающий страха перед своим отцом. Он жаловался на то, что в армейском классе приходится много работать дополнительно, по вечерам и в выходные дни, а также отводить на учебу половину каникул. Ему претила идея «репетиторской» школы (в которой учителя специально обучали только предметам, необходимым для сдачи экзаменов), но это ожидало Уинстона, если он хотел сдать вступительные экзамены в Сэндхерст, и он выразил желание пойти вместо этого в милиционную армию.

Дженни в письме от 12 июня 1890 года излила все то разочарование, которое испытывали оба родителя:

> *В отчете о твоих учебных результатах, который я прилагаю к письму, видно, насколько они плохи. Ты*

работаешь настолько импульсивно и негармонично, что тебе суждено быть на последнем месте в классе… Нам с твоим отцом не хватает слов выразить свое разочарование из-за того, что ты не будешь держать вступительный экзамен. Милый мой Уинстон, я так расстроена из-за этого – я питала насчет тебя такие надежды и гордилась тобой – и вот все кончено. Твой отец грозится послать тебя на каникулы куда-нибудь вместе с учителем. Должна сказать, ты очень плохо отвечаешь на его доброту.

Поведение Уинстона неизбежно сравнивалось, и не в лучшую сторону, с поведением десятилетнего Джека: «Вот взять Джека – он каждую неделю по результатам на первом месте в классе, несмотря на его проблему со зрением… Твоя любящая, но огорченная мать»[184].

В июле мальчики вернулись на время школьных каникул в Банстед Мейнор, загородный дом, который их семья снимала на несколько месяцев, удобно расположенный вблизи ипподрома Ньюмаркет, что говорило об улучшении их финансового положения. Аббатка принесла хороший доход, и за счет ряда ее побед Рэндольф был избран в члены жокей-клуба. Это были долгие и прекрасные каникулы, во время которых их часто навещали члены семьи и друзья, включая любовника Дженни, графа Чарльза Кински, которого мальчики очень любили. После перевода в июне того года из посольства в Париже в Лондон, Кински поселился в соседнем поместье. Он установил мишень для стрельбы и начал обучать Уинстона и Джека стрельбе. Мальчики также устроили в Банстеде образцовое «звериное хозяйство», куда входили собаки, пони, куры-несушки и кролики.

Рэндольф взял мальчиков погостить, на довольно длительное время, в Кливден-хаус – дом Хьюго Люпуса Гросвенора, 1-го герцога Вестминстерского[185]. Джек писал своей матери: «Если бы этот дом был создан для нас, лучшего нельзя и пожелать». 24 августа Рэндольф писал Дженни о путешествии в верховье реки, куда он отправился вместе с Уинстоном и Джеком, а также с Джеком Лесли (своим крестником, позднее известным под именем Шейн) и Джоном Милбэнком (другом Уинстона по Хэрроу): «Мы отправились в поход вверх по реке в направлении Оксфорда и заночевали в Уолингфорде. На следующий день мы почти дошли до Абингдона [Оксфорд]. Мальчикам все это очень нравилось. У Джека наконец-то появился пони, и он впервые прокатился на нем сегодня утром. Судя по его виду, он очень доволен»[186].

В сентябре Уинстон и Джек вернулись на занятия в школу. Разумеется, Уэлдон, из большого уважения к лорду Рэндольфу, делал все возможное, чтобы помочь молодому Уинстону проявить свои лучшие стороны. Мальчик действительно очень старался, особенно в рисовании, что является важным предметом для кадетов военных заведений. Дженни была менее обрадована, когда Уинстон упомянул в одном из своих писем, что он начал курить сигары. Учитывая слабое здоровье его отца, Дженни предостерегала его от этого.

Зимой 1890–1891 года доктора опять посоветовали Рэндольфу поехать на отдых в теплые страны. Он отправился в Египет, через Монте-Карло и Рим, вместе с двумя своими друзьями. Дженни в своих письмах держала его в курсе политической обстановки в стране. 3 декабря он писал ей из Рима: «Мне было очень приятно получить от тебя такое милое, длинное письмо. Хотелось бы получать такие письма очень часто». Он не мог удержаться от удовольствия в связи с беспорядком, причиненным Ирландской парламентской партии (до сих пор называемой партией гомруля), возглавляемой Чарльзом Стюартом Парнеллом[187]. Сенсационные новости о том, что Парнелл имел длительную любовную связь с аристократкой, замужней англичанкой, Катариной «Китти» О'Ши, с которой он жил в Англии, просочились в газеты, когда ее муж подал на развод[188]. В результате этого скандала Парнелла покинуло большинство членов его партии.

В декабре 1890 года Уинстон держал экзамены. Как только учеников распустили на каникулы, Уинстон и Джек отправились вместе с миссис Эверест в поместье Банстед, чтобы провести там зимние каникулы. 1 января 1891 года Эверест писала Дженни: «Они [Уинстон и Джек] танцевали весь вечер и ушли из дома утром еще до завтрака; ходили вместе с лесником [и] убили 5 зайцев». Мальчики, по ее словам, были «так счастливы», а «пруд отличен для катания на коньках. Им здесь намного лучше, чем в Лондоне. Прилагаю рисунки, сделанные вчера вечером, и передаю их любовь и поцелуи»[189].

По объявленным результатам экзаменов Уинстон имел хорошие баллы. Из двадцати девяти кандидатов двенадцать человек прошли по результатам экзаменов, а Уинстон среди них был на четвертом месте. В письме от 26 января 1891 года Дженни, вне себя от радости, сообщила хорошие новости Рэндольфу, который возвращался из Египта: «Я думаю, ему можно подарить пистолет в качестве вознаграждения. Он давно уже хотел его иметь, и его надо немного поощрить». Возвратившись в феврале домой, Рэндольф купил Уинстону пистолет.

Финансовая ситуация семьи Черчиллей оставалась неразрешенной, что вынуждало лорда Рэндольфа искать какой-нибудь выход. Он взял ссуду в 5000 фунтов стерлингов / 24 000 долларов у лорда Ротшильда и в конце апреля 1891 года отправился в Южную Африку на поиски золота. Ротшильд прикрывал риск по вложенным деньгам, предоставив для экспедиции высококлассного горного инженера – мистера Генри Перкинса; позднее, на месте, экспедицию должен был возглавлять опытный майор Джордж Джайлз, а его помощник Ханс Ли имел в распоряжении лучших африканских охотников, способных быть проводниками экспедиции и обеспечивать им обильную диету из свежего мяса. Экспедиция совершила переход в южнородезийскую местность Машоналанд, рискуя подвергнуться нападению со стороны матабельских племен и диких животных. Путешествие было опасным, с переходами по сложной, в основном неисследованной стране. Американская вечерняя газета *Daily Graphic* сделала заказ на предоставление Рэндольфом комплекта из двадцати писем по цене 100 фунтов стерлингов / 480 долларов за каждое. Он отправлял им увлекательное описание своих путешествий и приключений, что привлекало к нему внимание общественности. Семья Черчиллей, включая вдовствующую герцогиню, следила по карте за продвижением экспедиции Рэндольфа[190].

Джек постепенно вырос в довольно высокого мальчика, а его аппетит к еде, казалось, был неутолимым; в своих письмах к матери в мае того года он забрасывал ее просьбами послать ему корзинки с едой и свежими фруктами, и, судя по всему, все его просьбы были удовлетворены. Если он чувствовал, что мать не отвечает вовремя на поток его писем, он говорил ей об этом, как например, в письме от 10 мая: «Ты мне не писала уже две недели. Я убедительно прошу тебя, напиши и расскажи, как дела у папы и у всех животных. От тебя нет вестей из Банстеда. Убедительно прошу, напиши и поговори со мной». Письмо заканчивается словами «убедительно прошу», которые он повторил сорок пять раз!

Дженни регулярно посещала Хэрроу и беседовала с Уэлдоном об успехах Уинстона в армейском классе. Далее, 17 мая, Уинстон писал матери, признаваясь в «ужасном скандале», который произошел в школе, когда он вместе с четырьмя приятелями разбил все последние сохранившиеся окна в заброшенной фабрике. Он был в числе двух пойманных мальчиков, и Уэлдон наказал его розгами. Запись об этом была внесена в школьную книгу наказаний, которая в настоящее время выставлена в музее Черчилля в лондонском Военном кабинете (бункере), бывшей

подземной штаб-квартире Черчилля.

27 мая, в день ежегодных скачек в Эпсоме, Уинстон писал своему отцу в Кейптаун с подробным отчетом о недавних победах и перспективных успехах на этих скачках, которые в тот день выиграла лошадь-фаворитка по имени Коммон.

Школа Элстри, аналогично другим местам с проживанием групп людей, не могла предотвратить распространение возникающих заразных болезней. Во время пребывания в этой школе Джек писал об «эпидемиях» и «вспышках» кори, свинки, коклюша, ветрянки, гриппа, стригущего лишая, глазной инфекции или «глазной болезни». Он также писал о том, что болел гриппом, простудами, имел приступы кашля, разлития желчи и проблемы с глазами. Он был расположен к ангинам и страдал от болей в ушах, которые преследовали его до зрелого возраста. Как раз накануне предвкушаемого им крикетного матча на стадионе Лорде он заболел свинкой. Тот факт, что директор школы предложил взять его на матч, говорит о том, насколько его любили в школе. Дженни купила ему нового пони, чтобы сгладить разочарование по поводу пропущенного крикетного матча.

Затем последовали длинные летние каникулы в Банстеде. Дженни часто совершала верховые прогулки вместе с сыновьями и водила их на ужин в рестораны. Краткие письма к Рэндольфу обычно звучали так: «Мальчики очень довольны. Кински пошел с ними установить цель для стрельбы… Оба очень хорошо ездят верхом, особенно Джек». Уинстон руководил командой, состоящей из его брата, кузенов и работников поместья, которая занималась возведением двухкомнатного укрытия со рвом, заполненным водой, и с подъемным мостом; защитой этого укрытия было метание яблок в любого нападающего. Среди таких военных приключений и за активными занятиями «звериным хозяйством», куда входили пони, лошади, цыплята, кролики и собаки, семьи Черчиллей и семьи сестер Дженни – Фревены и Лесли, проводили беззаботное лето.

Учитывая долгие задержки с почтой, Уинстон, должно быть, был очень рад получить письмо от отца, написанное им 27 июня:

> *Мой дорогой Уинстон,*
>
> *Ты не можешь представить, как мне было приятно получить от тебя такое интересное и хорошо изложенное письмо и узнать, что твои дела идут хорошо. Насколько я понимаю, [директор школы] Уэлдон считает, что ты сможешь в нужное время сдать экзамены в армию. Я надеюсь, что это будет так, потому что в конечном*

итоге для тебя откроются колоссальные возможности. Я полагаю, когда ты достигнешь моего возраста, ты увидишь, что Южная Африка станет самой многонаселенной и богатой из всех наших колоний. Я думаю, мама читала тебе мои письма и ты видел мои письма в газете Daily Graphic… Тебе бы понравилась моя поездка на охоту на прошлой неделе. Обычная кочевая жизнь, спим на матрасах в круглых палатках, одеваемся и моемся на открытом воздухе, едим, сидя вокруг лагерного костра. Охота была довольно хорошая и возбуждающая, было большое разнообразие диких птиц. Я здесь осматривал золотые прииски и вкладывал деньги, как надеюсь, в удачные начинания, так как, я полагаю, содержание тебя и Джека будет довольно дорогостоящим по мере того, как вы будете взрослеть.

В своем длинном и теплом ответном письме Уинстон сообщил отцу о многих новостях, включая то, как газеты-конкуренты поносили письма его отца, которые печатались в *Daily Graphic*. От также пояснил, что его просьба об «антилопе» означала вовсе не живую антилопу, как подумал отец, а только голову, чтобы повесить ее дома в своей комнате.

Тем временем Дженни серьезно обсуждала с Уэлдоном будущее Уинстона. Она нуждалась в помощи и совете Рэндольфа, и 25 сентября писала ему из дома на Коннот-плейс длинное письмо, давая понять, что Уинстон был в таком возрасте, в котором ему необходима забота отца:

Уинстону через два месяца исполнится 17 лет, и ему действительно необходимо присутствие мужчины. [У него] все будет хорошо, как только он поступит в Сэндхерст. У него просто сейчас «скверный» период – он расхлябан и утомителен. Мне удалось заполучить [для репетиторства] очень милого человека, небольшого роста, из Кембриджа – очень умен, говорит на 12 языках.

Деньги опять начинали вызывать беспокойство. Нельзя было надеяться, что лошади будут выигрывать скачки, и дорого обходилось содержание конюшни и корм для лошадей. Семья была вынуждена опять полагаться на доход Дженни от арендуемой в Нью-Йорке собственности – семейного дома Джеромов, что было частью приданого Дженни от отца, а также на его случайные денежные подарки. Плата за школу поглощала значительную часть их бюджета.

Узнав от Дженни, что Артур Балфур согласился занять пост

лидера Палаты в правительстве его дяди, Рэндольф ответил в письме от 23 ноября: «Демократии тори, это точно, пришел конец!» и выразил свое глубокое разочарование в политике и горячее желание вернуться домой к семье. Сэлисбери назначил Балфура главным секретарем по делам Индии в начале 1887 года, и тот предал большинство идей, за которые боролся лорд Рэндольф. Он безжалостно внедрил закон о преступности, который был своего рода законом военного времени для подавления беспорядков, и заслужил себе прозвище «кровавый Балфур». Сэлисбери одобрял методы Балфура и, как известно, говорил, что ирландцы должны «получить хороший нагоняй», прежде чем примирение принесет какую-то пользу[191]. Разгоняя демонстрации, полиция стреляла и убивала людей, а также ранила мирных жителей, и многие были брошены в тюрьму[192].

Финансовые затруднения привели к тому, что в октябре Черчилли покинули поместье Банстед, и, к большому огорчению Дженни, ей пришлось сдать на зиму дом по адресу: 2, Коннот-плейс, и переехать к свекрови, которая в то время жила в доме номер 50 на Гросвенор-Сквер. Она жаловалась в письмах к Рэндольфу: «Я понимаю, что нищие не выбирают, но я чувствую себя слишком старой для такого рода вещей… Я буду рада твоему возвращению… Временами я чувствую себя подавленной и одинокой».

Уэлдон уведомил Дженни, что Уинстону необходимо улучшить знания французского языка, и, несмотря на его протесты, его отправили на Рождество во Францию для совершенствования владения языком. Его письма домой были переполнены негодованием по поводу «сомнительной пищи», холода и отсутствия хорошей компании.

Лорд Рэндольф возвратился из Южной Африки более богатым человеком, чем в начале своей экспедиции. Он прибыл в Саутгемптон 8 января 1892 года и привез с собой голову антилопы для Уинстона. Джек пошел вместе с матерью встречать отца и в восторженном письме к Уинстону сообщал, как много там было представителей прессы. В канадской газете *The Globe* сообщалось, как леди Рэндольф «проворно побежала через помост» навстречу мужу. Рэндольф выглядел здоровым и бодрым и отрастил бороду. Джек называл ее «ужасной» и в своем письме к Уинстону нарисовал картинку с изображением отца. Дженни считала ее «ужасом» и полагала, что ей, наверное, придется подкупить мужа, чтобы он сбрил свою бороду.

Рэндольф и Дженни тут же начали составлять планы о совместном отдыхе в Париже. Уинстон, узнав об их планах, захотел к ним присоединиться. Рэндольф сразу же дал ему четко

понять, что сейчас для Уинстона не подходящее время отлучаться от школы и что он ожидал гораздо лучшего поведения от своего старшего сына. 15 января он писал Уинстону, напоминая ему о своем разочаровании по поводу его недостаточно хороших результатов в Оксфорде:

> *Потерять неделю означает то, что ты можешь не сдать экзамены; я уверен, ты сам понимаешь, что это было бы чрезвычайно позорно и неблагоприятно… Когда я готовился в Оксфорде к «окончательным экзаменам на ученую степень», я взял дополнительную неделю отдыха и, следовательно, не уделил должного внимания так называемым «специальным предметам». Я чуть-чуть не дотянул до диплома первого класса и получил диплом только второго класса, и часто думал, как было глупо променять возможность диплома первого класса на несколько часов или дней удовольствия.*

В конце концов поездку в Париж отложили из-за неожиданной смерти 14 января старшего сына и наследника принца Уэльского – принца Альберта Эдуарда. В письме к своей матери Рэндольф делился некоторыми наблюдениями насчет характера принца Уэльского, которые отражали его собственные моральные принципы: «Как печальна смерть бедного герцога Кларенского. Может быть, это горе больше сблизит их [принца и принцессу] и положит конец бесконечным любовным связям»[193].

Благодаря найденному Рэндольфом золоту во время экспедиции в Южную Африку он смог приобрести у Ротшильдов акции на золото. В течение последующих трех лет акции продемонстрировали стабильный рост, и в конечном итоге их стоимость дошла до 70 000 фунтов стерлингов / 336 000 долларов. Этот капитал позволил значительно улучшить условия завещания (составленного в 1883 году), в результате чего для содержания Дженни и сыновей Рэндольфа был создан доверительный фонд. Условия фонда распространялись, после вступления мальчиков в брак, и на их детей. Дженни, как исполнительница завещания, должна была управлять полученными от фонда средствами.

Вскоре после возвращения домой у Рэндольфа случился кратковременный паралич руки, что врачи отнесли к плохому кровообращению. Однако постепенно, в течение последующих недель и месяцев, он стал проявлять резкие смены настроения, и Дженни находила жизнь с ним довольно трудной. Перегрин говорил, что они часто ссорились и их домашняя жизнь была близка к развалу. В марте Дженни поехала играть в казино в

Монте-Карло, не взяв с собой Рэндольфа. Рэндольф и Уинстон прочитали в английских газетах, что у нее был украден кошелек, и Уинстон писал матери, умоляя ее бросить игру в казино[194]. Позднее в том же году Рэндольф, в разговоре со своим другом Натаниэлем «Натти» Ротшильдом, откровенно заявил: «Я полагаю, тебе известно, что она [Дженни] живет с Фредди Волвертоном»[195]. Пожалуй, впервые Рэндольф признал тот факт, что Дженни искала сексуальное удовлетворение на стороне. Фредерик, лорд Волвертон, был красивым молодым аристократом, пользующимся доверием принца Уэльского и его круга, и который, похоже, воспользовался охлаждением между Дженни и непостоянным Кински, который часто отлучался из Англии.

В феврале 1892 года Рэндольф снова занял свое место в Палате общин, и, по словам его товарищей по партии, он был молчалив и замкнут[196]. Он осознавал растущую силу организованных в профсоюзы рабочих и видел, как с ними плохо обращались либералы. Однажды делегация шахтеров рассказала о своих проблемах премьер-министру Глэдстоуну и Рэндольфу, и шахтеры прямо заявили, что получили больше удовлетворения от лорда-консерватора, чем от либерального премьер-министра. На июль 1892 года были назначены всеобщие выборы. Рэндольф был избран без возражений, тогда как партия тори потерпела поражение. Глэдстоун сформировал другое либеральное правительство и тут же распустил парламент на летние каникулы.

Рэндольф, как всегда, «жил весь на нервах». Осенью 1892 года Уинстон пробовал в саду свой новый пистолет и выстрелил в кролика слишком близко от того места, где отдыхал его отец. Рэндольф разразился приступом гнева, что явно огорчило Уинстона. Рэндольф смягчился и поговорил с сыном, успокоив его. Позднее Уинстон вспоминал этот разговор как один из самых продолжительных и приятных из всех разговоров с отцом, которого он почитал. Они говорили о школьной жизни, о поступлении в армию и «о взрослой жизни, лежащей впереди»[197]. Было очевидно, что сказывалось напряжение из-за бесконечных нападок, которые испытывал Рэндольф в своей политической жизни. «Помни, прошу тебя, что у меня не всегда все гладко. Каждое мое действие превратно судится и каждое слово искажается… Так что принимай это в расчет»[198].

По результатам вступительных экзаменов в Сэндхерст, разосланных 23 августа, Уинстон был на 390-м месте из 693 кандидатов, на триста мест отставая от тех, кто прошел по итогам. Однако его преподаватель в армейском классе, мистер

Мориарти, сделал обнадеживающее замечание, что отметки Уинстона и его место по результатам были «убедительными для первой попытки»[199].

Джек, когда пришло его время, сдал с первой попытки вступительные экзамены в Хэрроу. В сентябре 1892 года в возрасте двенадцати с половиной лет, поступив в школу на год раньше, он был там самым младшим среди мальчиков. К его большому удовольствию, д-р Уэлдон разрешил Уинстону и Джеку жить в одной комнате. По какой-то ошибке, допущенной руководством школы, Джек опоздал на свой экзамен по арифметике. В первом письме к своему отцу он сообщил, что сдал экзамен на следующий день. Джек легко приспособился к школьной жизни и вскоре стал уверенно продвигаться вперед в своих занятиях. Его отец, гордившийся сыном, подарил ему превосходные золотые часы, о чем он писал в письме от 25 сентября:

Надеюсь, ты будешь очень осторожен с ними, так как это ценный подарок. Заводи их аккуратно и медленно, смотри не торопись и не переусердствуй. Мне было очень приятно узнать, что ты сдал письменный экзамен по арифметике[200].

Рэндольф посылал Уинстону и Джеку корзины с обильной едой и удовлетворял их постоянные просьбы о деньгах. Даже осторожный Джек находил, что жизнь в Хэрроу был намного дороже, чем в Элстри, и в его письмах, по примеру Уинстона, все чаще звучали просьбы о деньгах. Он приобрел новое хобби – занятие фотографией, и родители купили ему фотоаппарат. Это привело к дополнительным расходам, но фотоаппарат сохранился у него на всю жизнь. Фотографии в те времена выполнялись на стеклянных пластинках, и сохранились его первые пробные семейные снимки[201]. Джек сразу же завел счетную книгу, в которой он вел точный учет денежных поступлений и расходов. Жить в одной комнате со старшим братом было большим преимуществом, и ему удалось избежать многих тягот «дедовщины», системы, при которой новые ученики должны были быть лакеями старших учеников. Однако в скором времени Джек, прилежный ученик, заметил и недостатки этой ситуации. Уинстон временами был шумливым и беспорядочным соседом. В ноябре Джек писал своей матери о том, что Уинстон должен был пойти на медицинский осмотр: «так что впереди у меня тихий день. (Я не могу дождаться); у меня мало покоя, когда он здесь».

В начале октября Дженни внезапно стала испытывать сильные приступы боли. Ее лечили доктор Робсон Руз и специалист-гинеколог доктор Томас Кит. Диагнозом Кита была (22 октября) «абнормальная болезненная опухоль размером

примерно с куриное яйцо» на тыльной стороне матки – «увеличение размеров яичника и фаллопиевой трубы или гнойное воспаление, или то и другое»[202]. Дженни была так больна, что Рэндольф написал мальчикам письмо 25 октября, сообщая им о тяжелом состоянии их матери. После двух недель крайнего недомогания ей стало лучше за счет полного отдыха и принимаемых лекарств, и постепенно наступило выздоровление.

9 ноября старший брат Рэндольфа, восьмой герцог Мальборо (Блэндфорд), в возрасте сорока восьми лет был найден мертвым на полу Бленхеймского дворца в результате сердечного приступа. Это было страшным ударом для Рэндольфа. Сын Блэндфорда Чарльз (Санни) стал девятым герцогом. Рэндольф в тот момент был следующим претендентом на титул, а за ним следовал Уинстон.

В очередной раз доктора посоветовали Рэндольфу отправиться на юг, чтобы поправить свое здоровье, в этот раз – на юг Франции. Перед отъездом он получил милое письмо от Уинстона, в котором сообщалось, что Джек установил новый рекорд в Хэрроу за то, что не получил ни одного наказания за первый семестр. (Он также никогда не был наказан за проступки за все время пребывания в Элстри и Хэрроу.) Рэндольф также получил письмо 28 ноября от д-ра Уэлдона, в котором он хвалил усердство Уинстона, но предупреждал, что, возможно, он не сдаст экзамены.

Отдых в Монте-Карло пошел Рэндольфу на пользу, но именно зимой 1892–1893 года у него начали проявляться физические признаки растущей мозговой опухоли. Он испытывал головокружение, сильное сердцебиение и онемение рук, и все эти признаки постепенно ухудшались. С течением времени это негативно отразилось на его блестящей памяти и слухе.

Дженни, мальчики и вдовствующая герцогиня гостили весь январь 1893 года в поместье Кэнфорд возле Борнмута, в доме сестры Рэндольфа, леди Уимборн. 10 января во время бурной игры в войну Уинстон оказался в окружении на мосту, с одной стороны которого стоял его брат, а с другой – кузен. Сдаваться было не в его характере, и он вскарабкался на перила моста и прыгнул на ветки ближайшей сосны. Он промахнулся и упал с тридцатифутовой высоты. Три дня Уинстон лежал без сознания[203]. Рэндольф немедленно выехал из Дублина, где он проводил переговоры с Фитц-Гиббоном, и захватил с собой по пути в Борнмут одного из лучших хирургов Лондона. Помимо сотрясения мозга, Уинстон имел разрыв почки и повреждение правого плеча. Доктора прописали длительный перерыв от усиленных занятий и интенсивных физических упражнений[204].

Далее в январе Уинстон узнал, что, несмотря на общее улучшение всех без исключения оценок, он опять не прошел вступительный экзамен в Сэндхерст. Он был «крайне угнетен», но Уэлдон вселял в него надежду. Наведя справки, он нашел самого лучшего из «репетиторов», капитана Джеймса, бывшего служащего инженерных войск, чья хорошо известная школа в западном районе Лондона, которую называли школой Джимми, славилась изумительной способностью предугадывать вопросы до экзаменов и подготавливать учеников к их успешной сдаче. Капитан Джеймс согласился взять Уинстона, и Рэндольф встретился с ним, чтобы обсудить условия, а также написал начальнику секретариата Министерства сухопутных войск с намерением узнать, может ли Уинстон получить место в Королевской конной гвардии.

Джек вернулся один в Хэрроу и поселился в комнате с двумя новыми мальчиками. Ему предложили вступить в стрелковый корпус, но он благоразумно решил подождать и посмотреть, нельзя ли ему использовать униформу Уинстона, так как он знал, что она «стоит так дорого». Но на его долю выпало справляться с требованиями оплаты счетов, оставленных Уинстоном в школе и местном магазине. Джек писал Уинстону в январе (письмо без даты) о некоторых счетах, которые он оплатил, и, вероятно, Дженни или Уинстон оплатили другие оставшиеся счета.

Вскоре, в начале февраля, Джека отослали из Хэрроу в связи со вспышкой в школе скарлатины. Миссис Эверест отвезла его в Маргейт, где морской ветер «сдул» с него кашель и простуду. Один из учителей писал Уинстону, рассказывая, насколько популярен был Джек в школьных кругах: «Все его любят, и, право, никто не в состоянии поступать иначе»[205].

В конце февраля Уинстон начал занятия в репетиторской школе капитана Джеймса.

Уже к 7 марта Джеймсу пришлось писать лорду Рэндольфу:

> *По настоящий момент он был слишком предрасположен учить своих преподавателей вместо того, чтобы стараться учиться у них, и такое отношение не благоприятствует успеху*[206].

29 апреля капитан Джеймс писал опять: «У меня нет очевидных жалоб на него, но я не думаю, что результаты его занятий очень удовлетворительны».

В жизни Уинстона был еще один отвлекающий фактор: он развил в себе постоянный интерес к политике. Во время пребывания дома, когда он выздоравливал после падения в Борнмуте, он встречался с членами парламента, друзьями своего

отца, на обедах, устраиваемых его родителями, и за обеденным столом обсуждал вместе с ними текущие дела Палаты общин.

Франсиз (Дейзи), графиня Ворвик, жена Франсиза – пятого графа Ворвика, которому принадлежал Ворвикский замок, сделала тонкое замечание в своих мемуарах о том, как Дженни обращалась со своими сыновьями:

> *В те времена люди не замечали, по каким конкретным принципам Дженни Черчилль воспитывала своих сыновей… Они не осознавали, что она развивала в них такие качества, на проявление которых, в обычных условиях, уходят годы Она всегда находила время на то, чтобы побуждать мальчиков высказывать свое мнение*[207].

Когда в январе 1893 года была созвана новая сессия парламента, Рэндольфа тепло встретили лидеры консервативной партии, и его пригласили сидеть на передней скамье, занимаемой лидерами оппозиции. Новый лидер, Артур Балфур, писал к нему в самом дружелюбном тоне. На встрече Карлтонского клуба консервативной партии для обсуждения мер защиты от нового проекта закона гомруля Рэндольф скромно держался в стороне до того момента, пока до него не донеслись шумные требования его выступления в прениях. Гомруль был на тот момент серьезной угрозой, так как Глэдстоун пообещал проведение этого закона в обращении к избирателям. Рэндольф, все еще считавшийся экспертом по делам Ирландии, был необходим, чтобы помочь партии тори сорвать эти планы.

Впоследствии он начал выступать перед публикой по всей стране с рядом требовательных речей, горячо осуждающих идею гомруля, и его популярность была на прежнем уровне. Он был бледен, с выпуклыми глазами, сильно поредевшими волосами, нестриженой бородой и трясущимися руками. От его отличной памяти не осталось и следа. Он вынужден был читать по страницам записей. Но его речи были убедительными, с вескими и точными аргументами, и полны остроумия. В феврале того года Глэдстоун предложил второй проект закона гомруля, и 21 апреля он был одобрен Палатой общин 43 голосами, но должен был пройти обсуждение в третий раз до его окончательного принятия. Консервативная партия попросила Рэндольфа выступить с заключительной речью по дебатам в отношении проекта закона по отделению Уэльской церкви, предложенный либералами, и по которому предполагалась, помимо всего, секуляризация школ Англиканской церкви в Уэльсе[208]. Рэндольф был в чудесной форме. С возрожденной былой решительностью он закончил

выступление, отложив в сторону записи, подвергая суровой критике Глэдстоуна в беспощадном и блистательном выпаде, приводящем на память его замечательные речи восьмидесятых годов. Несмотря на ухудшение физического здоровья, его выдающийся ум был пока еще не задет[209]. В мае и июне того года он выступил с десятью большими речами в десяти городах.

Планы на будущее Уинстона вновь обрели силу. Капитан Джеймс смог сообщить Рэндольфу в письме от 19 июня: «Не давая твердых заверений по поводу вашего сына, я думаю, что на этот раз он должен сдать экзамены». Между тем дела у Джека шли хорошо. Дженни навестила его в Хэрроу и выслушала высочайшие похвалы о нем от д-ра Уэлдона. 5 июня отец с гордостью написал Джеку письмо: «Сегодня я получил отчет о твоей отличной успеваемости. Я приеду к вам в пятницу, если д-р Уэлдон пожелает, я останусь на вечернюю службу, так как мне очень хочется услышать его вечернюю проповедь». Джек получил в подарок за хорошие успехи новые часы и новый фотоаппарат.

Он писал матери об еще одном посещении своего отца:

> *Я повел папу на прогулку в воскресенье [11 июня], мы попили чаю, и отец пошел в часовню, и я думаю, ему понравилась проповедь Уэлдона. Он сказал Уэлдону, что Уинстон очень усердно занимался и, по его мнению, должен пройти экзамены*[210].

Тем летом Рэндольф и Дженни отправились вместе на отдых на оздоровительный курорт поблизости Гастейна. Их навестил князь Бисмарк и с удовольствием побеседовал с ними, на английском языке, об оздоровительных курортах, о некоторых текущих зарубежных новостях и о том, как такая великая страна, как Британия, может находиться под управлением такого непокорного человека, как Глэдстоун.

Перед отъездом на курорт Рэндольф организовал для своих сыновей шестинедельную поездку в Европу. Он попросил молодого преподавателя из Итона, г-на Дж. Литтла, путешествовать вместе с Уинстоном и Джеком, и 2 августа они отправились в Швейцарию[211]. В Швейцарии было много возможностей для пеших прогулок, а также для совершенствования юношами своих языковых знаний. Г-н Литтл поранил ногу на первой неделе путешествия, и часть времени мальчики были предоставлены самим себе.

В пятницу 4 августа[212] произошел чрезвычайно удивительный случай, о котором Уинстон рассказывал в книге «Мои ранние годы»[213]. Он писал о том, как отправился кататься на лодке по озеру вместе с другим мальчиком из Шотландии. Они

выбрались из лодки, чтобы поплавать, и вскоре попали в трудную ситуацию: легкий ветерок начал относить лодку в сторону от них. Пока второй, младший мальчик отчаянно боролся, чтобы не утонуть, Уинстон, будучи сильным пловцом, энергично подплыл к лодке, поймал ее, привел на место и спас тому мальчику жизнь. Этот случай держался в совершенном секрете до выхода в 1930 году книги «Мои ранние годы». От Перегрина Черчилля мы узнали, что «другим мальчиком» был Джек.

В начале каникул в августе Уинстон получил результаты экзаменов и узнал, что он все-таки прошел в Сэндхерст с третьей попытки. Однако ему не удалось претендовать на пехотные войска, и его определили в менее трудную категорию – кавалерию. Уинстон и г-н Литтл оба писали Рэндольфу из Швейцарии об этой новости.

Лорд Рэндольф был недоволен. 5 августа он писал вдовствующей герцогине:

> *Я не могу быть высокого мнения о [результатах] Уинстона. Он не дотянул до последнего места в пехоте на 18 баллов, что говорит о большой небрежности в работе на самом экзамене. Он получил только на 200 баллов больше, чем в прошлый раз, и даже, мне кажется, не полных 200. Он взял и посадил себя в кавалерию, которая всегда посредственна на экзаменах, и что будет стоить мне на 200 фунтов стерлингов [960 долларов] больше в год… В конечном итоге он попал в армию, и это результат, которого не смог достичь ни один из его кузенов.*

Гневная реакция Рэндольфа в письме от 9 августа на письмо Уинстона от 6 августа, в котором тот повторял своему отцу о своих экзаменационных успехах, указывает на горькое разочарование больного отца, чувствующего себя обманутым плохими результатами сына и его поступлением только во второразрядное отделение военной службы:

> *Я несколько удивлен твоим ликованием по поводу включения в списки Сэндхерста. Победы на экзаменах можно достичь только двумя способами, первый способ – с похвальными результатами, а второй – противоположный этому. К сожалению, ты избрал второй способ, и, по-видимому, очень доволен своими успехами*[214].

Рэндольф впервые обращался с Уинстоном как мужчина с

мужчиной, и это привело к желаемому результату. В Сэндхерсте Уинстон проявил себя хорошо.

По возвращении из Швейцарии 29 августа Уинстона ждало письмо от начальника секретариата министерства СВ из Королевского военного училища Сэндхерст, в котором ему все-таки предлагалось место в пехотном классе, потому что некоторые кандидаты, хотя и сдали экзамены, не смогли начать там свое обучение. Уинстон послал отцу телеграмму и письмо 30 августа, сообщая ему хорошие новости. В октябре того года Рэндольф обратился к герцогу Кембриджскому, в прошлом главнокомандующему британской армии, с просьбой заручиться для Уинстона местом в элитном 60-м стрелковом полку, почетным командиром которого являлся герцог[215].

Глава 7
Будущее для мальчиков
1893–1894

В 1893 году Глэдстоун все еще находился во главе либерального правительства. Его проект закона о гомруле должен был пройти в сентябре третье обсуждение в Палате общин. Лорд Розбери (Арчибальд Примроуз, 5-й граф Розбери), подающий надежды политик-либерал, несмотря на давнюю дружбу с лордом Рэндольфом Черчиллем, поддержал Глэдстоуна в вопросе о гомруле и помог ему успешно провести билль в Палате общин. В марте 1894 года Розбери заменил Глэдстоуна на посту премьер-министра. Стремительно ухудшающееся в том году здоровье лорда Рэндольфа неуклонно снижало его вовлеченность в политическую жизнь Палаты общин.

Рассмотрение в третьем чтении проекта закона о гомруле, предложенного Глэдстоуном, состоялось в Палате общин 1 сентября 1893 года, и законопроект был принят с перевесом в 34 голоса. Затем он был передан на одобрение в Палату лордов, где 8 сентября потерпел сильное поражение со следующими результатами: 419 голосов против и 41 голос за. Многие речи лорда Рэндольфа, направленные против гомруля, очевидно способствовали краху этого проекта, и он опять стал любимцем в рядах своей партии.

Уинстон должен был прибыть в Сэндхерст 1 сентября 1893 года, чтобы начать занятия в пехотном классе Королевского военного училища. Свои первые детские впечатления о войне он получил, изучая огромные настенные гобелены, которыми были увешаны стены Бленхеймского дворца, с изображением несущихся в атаку кавалеристов. Ему очень нравилась верховая езда, и в душе он предпочитал кавалерийский класс, который, будучи на 200 фунтов / 960 долларов в год дороже, чем пехотный класс (значительная сумма в те дни), считался его отцом слишком дорогостоящим. Однако Уинстон должным образом написал своему отцу о том, что пойдет в 60-й стрелковый полк, что было заветной мечтой Рэндольфа. Он написал отцу длинное и просительное, хотя и тщательно аргументированное письмо, подробно объясняя предстоящие расходы в Сэндхерсте, обращаясь

с просьбой о ежеквартальном пособии и обещая давать отчет по всем своим расходам.

Уинстон прибыл в Сэндхерст в должное время, и Рэндольфу было приятно видеть зрелость сына по тону его писем, в которых прослеживалось обещание придерживаться принципов выбранной им профессии. В своих письмах этот мужающий юноша говорил об отсутствии удобств и строгой дисциплине, а также об интересе к строевому обучению и военным дисциплинам, которые он изучал, и что он надеялся совершенствовать себя умственно, морально и физически. Рэндольф послал ему в ответ теплое письмо и определил ему месячное пособие в 10 фунтов стерлингов / 48 долларов, что Уинстон признал вполне достаточным. Он держал отца полностью в курсе своего каждодневного расписания и изучаемых предметов. Однако Уинстон также обращался с частыми просьбами к родителям за письменным разрешением, обеспечивающим ему полную свободу действий в выходные дни. Рэндольф был крайне раздражен тем, что Уинстон отправлялся в Лондон вместо того, чтобы уделять больше времени дополнительным занятиям, гарантирующим ему будущий успех.

Уинстон уехал из Швейцарии в августе, сократив свои каникулы, чтобы вовремя прибыть в Сэндхерст для начала курсантской службы. Г-н Литтл остался с Джеком до конца каникул, и после отъезда брата у Джека улучшились знания французского языка. Его брат был всегда так многоречив, что Джеку редко удавалось говорить. Джек вернулся в Хэрроу, и его письма домой были полны разговоров об одиночестве и, как всегда, многочисленных ссылок на то, что он «совершенно на мели». Он навестил Уинстона в Сэндхерсте, и училище произвело на него большое впечатление. Уинстон, в свою очередь, смог навестить его в Хэрроу и передал лорду Рэндольфу сообщение о том, что д-р Уэлдон непременно хотел с ним увидеться для обсуждения будущего Джека.

Отношения между Рэндольфом и Уинстоном были очень хорошими, и Уинстон стал привыкать к своим занятиям в Сэндхерсте. Позднее Уинстон вспоминал, как отец брал его с собой в Имперский театр, на скачки, в гости к лорду Ротшильду в его дом в Тринге, где присутствовало крупное сборище политических лидеров и подающих надежды членов консервативной партии. Ротшильды были и до сих пор являются одними из значительнейших имен в банковской сфере, и присутствующие на том ужине представители семьи принадлежали к высшим слоям британского общества. Натаниэль, барон Ротшильд, был близким другом Рэндольфа.

Тринг-хаус был его загородным особняком в графстве Хартфордшир. Рэндольф с гордостью писал вдовствующей герцогине 23 октября 1893 года:

> *Уинстон <…> намного поумнел. Он держится довольно прямо и стал спокойнее. В Тринге он привлек сильное внимание, но [он] был очень молчалив и демонстрировал хорошие манеры. Сандхерст изменил его до неузнаваемости. До сих пор у него еще не было ни одного [отчета] о плохом, а [только] о хорошем поведении, и я полагаю, такая ситуация продлится до конца семестра. Я оплатил его счет за питание в офицерской столовой, 6 фунтов стерлингов [28,80 долларов], так чтобы не empiété [посягать] на его следующее содержание. Я думаю, он заслужил это.*

Рэндольф также оплатил дополнительные занятия верховой ездой для Уинстона, которые он брал у берейтора лейб-гвардии. Он также отводил время на то, чтобы предостеречь Уинстона от чрезмерного курения, основываясь на своем собственном опыте. Вся семья была очень довольна блестящими результатами Уинстона на экзаменах за семестр, где он оказался на двадцатом месте среди курсантов его года, продемонстрировав хорошие повсеместные успехи, что смягчило несколько негативное замечание о его поведении: «Хорошее, но он не пунктуален».

В течение этих месяцев Черчилли, в целях экономии, жили со вдовствующей герцогиней в ее престижном доме на Гросвенор-сквер и сдавали в аренду свой собственный дом на Коннот-плейс. Рэндольф был вынужден продать некоторые из своих золотых акций на сумму 500 фунтов стерлингов / 2400 долларов, из которых 105 фунтов стерлингов / 504 доллара должны были пойти Дженни, которая поехала навестить свою мать в Париже. Дженни всегда чувствовала себя неловко оттого, что была обязана своей свекрови. Эта ситуация еще ухудшилась, когда, воспользовавшись отсутствием Дженни во время ее поездки в Шотландию, вдовствующая герцогиня отстранила миссис Эверест от ее обязанностей, так как не было больше необходимости присматривать за мальчиками, и ей дали работу экономки. Дженни не могла протестовать против этого решения, пока она находилась в доме свекрови. Однако она нашла для миссис Эверест новое место работы в качестве экономки для епископа в графстве Эссекс и время от времени посылала ей небольшие суммы денег. Уинстон написал своей матери длинное и взволнованное письмо о «жестоком и низком» обращении с миссис Эверест. Миссис Эверест вела оживленную переписку с

Уинстоном и Джеком, напоминая им о днях рождения и постоянно следя за их успехами.

Зимой того года Рэндольф еще раз поехал на отдых в Монте-Карло. 30 января 1894 года он писал Джеку в Хэрроу:

> *Я рад слышать, что ты привел в порядок свою комнату, но боюсь, тебе придется полагаться на деньги от мамы, пока я не вернусь… Последние несколько дней я не выходил из дома из-за сильного кашля, но сейчас мне становится лучше, и сегодня я впервые вышел на улицу, в сад…. Мама пишет, что Паддингтонская встреча [Лига подснежника] прошла хорошо, и Уэлдон разрешил тебе для этого остаться ночевать [дома].*

Ранее тем же месяцем Дженни выступала с обращением на встрече Лиги подснежника в Пэддингтонском избирательном округе Рэндольфа, в знак своей постоянной поддержки политической карьеры мужа и своего собственного интереса к политическим делам. Рэндольф также спросил Джека, начал ли он уже занятия в армейском классе в Хэрроу. Это было первым подтверждением того факта, что Джек тоже решил следовать карьере в армии. Уинстон, после посещения Хэрроу, сообщил, что Джек действительно начал занятия в армейском классе как раз перед своим днем рождения, когда ему исполнялось четырнадцать лет.

Джек продолжал демонстрировать успехи в школе, находясь всегда на третьем или четвертом месте среди учеников учебного года. Рэндольф договорился встретить Джека в Хэрроу и представить его лорду Робертсу главнокомандующему армией[216]. Поскольку Рэндольф, когда он был государственным секретарем по делам Индии, помогал Робертсу в продвижении его карьеры, то сейчас он просил его об одолжении. Рэндольф назначил встречу на день, на который у него уже был намечен званый ужин в другом месте, и он не смог встретиться с Робертсом. Но Джек отправился на встречу и имел долгий разговор с этим великим генералом после ужина в гостиной Уэлдона. Джек не оставил точного описания этой встречи, но совершенно ясно, что его заветной мечтой была на тот момент армейская карьера. 10 апреля Уинстон, после посещения Сандхерста его братом, писал, что Джек предвкушал присутствовать там официально.

Между тем на политической арене 5 марта 1894 года лорд Розбери сменил Глэдстоуна и стал новым премьер-министром либерального правительства[217]. Розбери был давним другом Рэндольфа со времен учебы в Итоне. Но из-за ухудшающегося

здоровья у Рэндольфа было мало надежды, что Розбери, хотя и питавший к нему большое уважение, мог бы найти ему место в правительстве. 13 марта в Палате общин произошел злополучный инцидент. Во время дебатов Рэндольф потерял над собой контроль и начал выкрикивать оскорбления в адрес членов своей же партии, а именно: «Вы проклятые дураки! Вы губите партию тори и создаете сущий ад в Палате общин»[218]. Члены партии бежали из Палаты. Это было явным признаком безжалостной изнурительной болезни, вызванной смертельной опухолью головного мозга. Вскоре после этой катастрофы доктора посоветовали ему отдых и отход от политики.

Знал или не знал Рэндольф о своей болезни, но он продолжал заботиться о делах семьи. 28 апреля он писал Джеку: «Вчера я встречался с герцогом Кембриджским, и он внес твое имя в списки 60-го стрелкового полка. Я назвал тебя как Джек Спенсер-Черчилль, так как много лет назад уже существовал многоизвестный Джек Черчилль». В нем говорила гордость отца за отличные успехи своего младшего сына, и он связывал имя Джека с великим английским полководцем и одним из великих военачальников в истории, первым герцогом Мальборо. 20 мая Рэндольф незамедлительно устроил вторую встречу с лордом Робертсом. Сначала Джек должен был поехать на второй завтрак в дом Робертса на Гроув-парк, в Кингсбери. Затем, на обратном пути с рыбалки в Шотландии, к ним должен был присоединиться Рэндольф. После этого они хотели все вместе отправиться в Хэрроу, чтобы присутствовать на прекрасной проповеди Уэлдона.

Джек и Рэндольф оба описывали эту встречу Уинстону, потчуя его рассказами о диком поведении старой армейской лошади, которую лорд Робертс держал в упряжке. Джек писал 23 мая:

> *Я приехал на завтрак (всего 3 с половиной мили езды), и меня провели в комнату в чрезвычайно индийском стиле, он [Робертс] отсутствовал… так что я огляделся вокруг и увидел что-то вроде коллекции бабочек на стене. Я подошел посмотреть ближе и обнаружил, что это были медали!!! коллекция всех видов медалей мира. Среди них был КВ [Крест Виктории]. Затем мы пошли встречать отца. Лорд Р. сел в маленькую двуколку, пони «бесился», а лорд сидел не двигаясь, затем двуколка врезалась в стену и смяла заднюю часть тележки, лорду, похоже, это нравилось, и наконец я тоже уселся, и мы отъехали нормально. Папа опоздал на свой поезд <…> он приехал только к концу ленча. Затем мы поехали в Хэрроу <…>*

Я ужинал с Уэлдоном!!!

Рэндольф писал Уинстону 24 мая, явно гордясь исключительной честью, оказанной Джеку, младшему ученику, со стороны д-ра Уэлдона, и рассказывал, как старшая дочь лорда Робертса, Эйлин, успокаивала пони во время езды, давая ему куски сахара:

> *Уэлдон настоял на том, чтобы мы с Джеком попили чай наедине в гостиной; он сказал, что у него было много дел. Я полагаю, он хотел обдумать проповедь, которую я впоследствии слышал и счел ее прекрасной. Джек был удостоен большой чести в воскресенье вечером. Я сказал ему, что Уэлдон позовет его на ужин. Но он ответил, что его позовут только после ужина, так как Уэлдон никогда не приглашал никого, кроме двух мальчиков из шестого класса, которые читали отрывки из Библии [в часовне]. В действительности Уэлдон все-таки сказал ему прийти на ужин и после этого попросил его посидеть в гостиной до тех пор, пока я не ушел в девять вечера.*

Пока все шло хорошо между Уинстоном и его отцом, произошел ряд злополучных случаев, приведших к новому разрыву между ними. В феврале 1894 года Рэндольф договорился об обеде для Уинстона с лордом Робертсом, который мог быть очень полезным в продвижении его карьеры. Но Уинстон накануне развлекался в городе, посещая варьете с друзьями-кадетами. Он сильно опоздал на обед, что было оскорбительным как для его отца, так и для генерала.

Испытывая страх за недостаточное усердие Уинстона к занятиям, о чем свидетельствовал богатый прошлый опыт, Рэндольф написал ему 13 апреля 1894 года, «с совершенно добрыми намерениями», суровое письмо о необходимости выработать в себе силу характера в это решающее время:

> *Для тебя сейчас в Сэндхерсте наступает решающее время, и тебе надо заниматься гораздо усерднее, чем в прошлый семестр. Поскольку ты всегда стремишься ездить в город каждую неделю под тем или иным предлогом, это отвлекает ум от работы, не говоря уже о ненужных денежных расходах. С этого момента я не [собираюсь] позволять тебе приезжать в Лондон в этом семестре чаще, чем раз в месяц, и надеюсь, что ты не приедешь в Лондон, не известив меня.*
>
> *Ты должен всегда помнить, что ты военный кадет, а*

не школьник из Хэрроу. Пора работать и работать усердно; когда ты попадешь в полк и будешь исполнять служебные обязанности офицера полка – тебе будет намного легче. Зачем я все это пишу. Потому что, когда ты попадешь в армию, я хочу, чтобы ты сделал своей целью стремление преуспеть в своей профессии, демонстрируя перед своими офицерами превосходные военные знания, умения и дух.

Неделю спустя Уинстон ответил, заверяя отца, что он будет много заниматься, включая выходные дни, и будет добровольно посещать дополнительный класс по военной сигнализации. К несчастью для него, это письмо дошло до отца после того, как он раскрыл обман со стороны Уинстона. В десятую годовщину со дня смерти седьмого герцога Мальборо (в июле 1893 года) Рэндольф подарил Уинстону бесценные золотые часы своего отца в знак своего уважения к нему как к взрослому человеку. Уинстон вынужден был дважды отсылать эти часы в ремонт часовщикам. В первый раз их сбил с его руки пробегающий мимо прохожий, а второй раз был более неосторожный случай. Однажды Уинстон наклонился над ручьем, чтобы поднять палку, и часы выпали из его кармана прямо в воду. Он приложил чрезмерные усилия, чтобы достать часы, прыгая за ними в пруд, и, не найдя их там, организовал вычерпывание воды из пруда. В конце концов он нанял отряд из двадцати трех пехотинцев для того, чтобы полностью отвести ручей от своего курса (это стоило ему лично 3 фунта стерлингов / 14,40 доллара, что он позднее довел до сведения отца), и наконец получил назад часы. Он снова послал их в ремонт, надеясь, что отец никогда не узнает об этом злоключении. Град упреков, которые он получил в письме от 21 апреля, вероятно, был для него ударом:

Я получил твое письмо от вчерашнего дня, и мне приятно узнать, что твои занятия идут успешно. Но вчера я узнал о тебе нечто такое, что сильно рассердило и огорчило меня. Я был у г-на Дента насчет моих часов, и он рассказал мне, каким безобразным образом ты обращался с теми ценными часами, которые я тебе подарил. Он сказал, что ты недавно отсылал ему в ремонт часы, которые ты с высшей неосторожностью уронил на каменную мостовую и сильно разбил. Их ремонт стоит 3 фунта и 17 шиллингов, и тебе придется заплатить эту сумму г-ну Денту. Затем он поведал мне, что опять получил от тебя на днях часы, которые, по твоему объяснению, ты уронил в воду. По его словам, весь

механизм был сильно заржавлен, и ему пришлось полностью разбирать часы на части.

В заключение он сказал: «По таким качествам, как постоянная забота о вещах и избежание глупых ситуаций, Джек намного превзошел тебя». Когда в конечном итоге часы были отремонтированы, их подарили Джеку. Однако Дженни написала 22 апреля Уинстону из Парижа утешительное письмо, высказывая предположение, что гнев Рэндольфа сменился на некоторое сочувствие к Уинстону: «Папа писал мне все о тебе <…> Однако он писал очень мягко о тебе, так что тебе не стоит сильно грустить… Ох! Уинни, что ты за легкомысленный человек! Тебе давно пора покончить с ребячеством». Рэндольф купил Уинстону новые, более дешевые часы.

Зная, что Рэндольфу это не понравится, Уинстон не сказал своему отцу, что с января 1894 года он вел переговоры с полковником Брабазоном из 4-го гусарского полка Олдершотских казарм насчет вступления в кавалерийский полк после окончания учебы в Сэндхерсте. В течение мая он писал матери о своем страстном желании, и она тоже держала это в секрете от отца.

Рэндольф в том месяце писал Уинстону дружелюбные письма, и ему было приятно, что тот обедал с полковниками, находящимися на действительной службе в армии. Он был бы менее доволен, если бы увидел письма Уинстона к Дженни, в которых он подробно объяснял свое страстное желание вступить в 4-й гусарский полк, которому вскоре предстояло направление в Индию, и о том, как служба в кавалерии способствует быстрому продвижению в карьере.

Ко всему прочему, в течение этого времени доктора Рэндольфа все больше беспокоились о его общем состоянии здоровья и рекомендовали ему отойти от общественной жизни. Рэндольфу же в какой-то мере нравилось это небольшое политическое возрождение, и он выступал перед публикой с замечательными речами, которые продолжались, несмотря на его невнятность речи и необходимость чтения по записям.

Рэндольф очень гордился полученными из Хэрроу результатами успеваемости Джека, и он счел необходимым присутствовать на ежегодном актовом дне, на котором почетным гостем был принц Уэльский. После удачного выигрыша на скачках в Эпсоме, во время которых он поставил на Ладас, лошадь лорда Розбери, он послал Джеку денежный подарок в 2 фунта стерлингов / 9,60 доллара.

Состояние его здоровья опять ухудшилось, и он был так болен, что это стало всем заметно. Во время его выступлений в

Палате общин он не мог выдавить из себя слова, которые намеревался произнести. Его восхитительное красноречие было делом прошлого. На его выступления теперь было грустно смотреть – он останавливался, забывал слова, делал долгие паузы. В конце мая 1894 года он в конце концов последовал советам докторов и отошел от общественной жизни, решив поехать в кругосветное путешествие. Вначале доктор Томас Баззард, специалист по неврологическим болезням, который лечил несколько лет назад лорда Рэндольфа и к которому он вновь обратился за консультацией, дал согласие на эту поездку, но потом передумал, посчитав ее рискованной[219]. Рэндольф возражал, говоря, что уже сделаны все приготовления, и он был намерен ехать.

Отдалившись от графа Чарльза Кински, Дженни покинула общество, чтобы целый год сопровождать своего мужа в путешествии для поправления его здоровья. Перегрин рассказывал, что Кински довольно бестактно попросил Дженни развестись со своим больным мужем и отправиться с ним на место его нового назначения в Брюссель, где они должны были пожениться, но она отказалась. Кински имел большие долги, и его отец лишил бы его наследства, если бы этот план осуществился. Дженни, осознававшая, насколько важно иметь хорошее положение в викторианской Британии, знала, что о разводе не могло было быть и речи.

В начале июня Черчилли продали свой дом на Коннот-плейс, а также некоторые золотые акции и свою долю в беговой лошади *L'Abbesse de Jouarre* (Аббатке). Денег было достаточно для этой дорогостоящей поездки в сопровождении доктора, служанок и лакея. В последние недели июня в честь Рэндольфа были проведены несколько прощальных ужинов в кругу семьи и друзей. Последний ужин состоялся в доме его матери 26 июня, и Уинстон получил в тот день от отца телеграмму с просьбой приехать домой. Вначале ему было не разрешено покинуть Сэндхерст, но Рэндольф отправил военному министру телеграмму с личной просьбой, чтобы получить на это особое разрешение. Он хотел собрать на прощание всю семью. На следующее утро они все вместе поехали на станцию, и Уинстон вспоминал, как отец похлопал его по колену[220].

Глава 8
Последнее путешествие
1894–1895

Лорд Розбери продолжал находиться на посту премьер-министра до 22 июня 1895 года. Либеральная партия разделилась на две фракции. Лорд Розбери, в прошлом министр иностранных дел, стал возглавлять фракцию либеральных империалистов. Сэр Уильям Харкорт, канцлер казначейства с 1892 по 1895 год, стал во главе другой фракции, относящейся более к левому крылу, и которая возражала против империалистических взглядов Розбери. Правительство Розбери не имело успеха: его внешнеполитические проекты, такие как расширение британского флота, потерпели крах внутри либеральной партии, а его оппонент, сэр Уильям Харкорт, оказался самой сильной фигурой в кабинете правительства. Палата лордов заблокировала все внутренние законодательные акты либералов.

Рэндольф и Дженни отбыли в Нью-Йорк 27 июня 1894 года. Доктор Томас Кит[221], чьи врачебные услуги стоили очень дорого, сопровождал их в поездке, чтобы наблюдать за Рэндольфом. В Нью-Йорке их встретил кузен Дженни, Уильям Траверс Джером, и вскоре они оказались в центре внимания нью-йоркского общества. Газета *New York Times* сообщала, что Дженни на одном из огромных банкетов изобрела новую версию коктейля «Манхэттен»[222]. По преданиям семьи, в него было добавлено одно из многочисленных лекарств Рэндольфа от кашля[223]. Дженни писала Джеку 10 июля о том, что они находились в Бар-Харборе, в Мейне, и отдыхали, наслаждаясь бодрящим воздухом Новой Англии:

Это самое безлюдное место здесь на Атлантическом океане, и какие здесь великолепные высокие горы. Воздух замечательный и очень полезен для папы. Я думаю, мы пробудем здесь три недели, конечно, нам очень скучно – нет ни души, ни близких.

17 июля Джек написал матери обо всех школьных новостях, о семье и каникулах в Швейцарии. Принц Уэльский присутствовал на актовом дне в Хэрроу, навестил Джека в его комнате «и узнал

ту маленькую булавку для галстука, которую он подарил мне 7 лет назад в Каус». В письмах к своей сестре, Леони Лесли, которая жила в Ирландии, Дженни была более откровенна насчет трудностей путешествия. Они проехали Канаду и 7 августа добрались до Альберты:

> *Р. чувствует себя не так хорошо, как в Бар-Харборе. Конечно, на нем сказывается поездка… Как только после отдыха и покоя ему станет немного лучше, он снова продолжит путешествие – и ничто его не остановит… Кит считает, что Р. в конечном итоге поправится, и я того же мнения – если бы только он дал себе эту возможность. Он очень добр и заботлив, когда чувствует себя хорошо – но абсолютно невозможен, когда сердит или возбужден.*

В Калифорнии, куда Черчилли прибыли на третьей неделе августа, их чествовали как знаменитостей. Везде их преследовали журналисты. Именно здесь, 20 августа 1894 года, из отеля «Дельмонт» Рэндольф написал крайне интересное письмо сэру Эдуарду Гамильтону, личному секретарю Глэдстоуна, в ответ на его письмо от 20 июля. Это говорит о чрезвычайно близких отношениях между Рэндольфом и лидерами либеральной партии и насколько свободно он обсуждал с ними политику. Он даже давал рекомендации Глэдстоуну по поводу его здоровья.

Тем временем мальчики весело проводили время еще в одной поездке в Швейцарию под наблюдением г-на Литтла. Уинстон должен был вернуться в Сэндхерст в конце августа, а Джеку предстояло вернуться на занятия в Хэрроу в сентябре.

В Сэндхерсте дела у Уинстона шли хорошо, и он с уверенностью ожидал выпускных экзаменов. Пользуясь отсутствием родителей, он, конечно, не упускал любого удобного случая посетить Лондон для хорошего времяпровождения. Театры варьете пользовались большим успехом у кадетов Сэндхерста, и Уинстон проводил время в мечтах об опереточной актрисе Мабел Лав.

В сентябре, посетив Японию, Рэндольф и Дженни отправились в рискованное путешествие по Китаю, от Гонконга вверх по реке до Кантона. 11 октября Дженни писала Уинстону:

> *Я не представляю, как смогу продержаться целый год! Мне кажется, Япония пошла отцу на пользу – хотя он не так здоров, как я надеялась – ты не можешь себе представить, насколько я чувствую себя несчастной, довольно часто, оттого, что нахожусь так далеко от*

всех.

У Рэндольфа в то время случился преходящий паралич левой руки[224], но он настаивал на продолжении путешествия через Сингапур в Бирму, а затем в Индию. В конце октября в Сингапуре, несмотря на слова доктора Кита о том, что он очень болен, Рэндольф отказался прекратить путешествие и отправиться домой. Это была его идея держать в трюме корабля освинцованный гроб. Он говорил, что если умрет, то они смогут похоронить его в море[225].

До Дженни каким-то образом дошли новости о том, что граф Чарльз Кински обручен и должен жениться. 31 октября 1894 года она написала Леони письмо, которое отражает степень ее страданий и душевного смятения:

> *Я не виню его. Я виню только себя за то, что была такой глупой и желала l'impossible [невозможного]. В течение всех этих трудных несчастных четырех месяцев я постоянно думала о нем, и эти мысли как-то поддерживали меня. И вот тебе! Лучше мне совсем не писать об этом – какая в том польза. Одно только ясно <…> это мысль о том, что я пожертвовала для него единственным* ***настоящим*** *чувством, которое я испытывала, и к которому я никогда не посмею опять обратиться – боясь обнаружить, что его уже нет… Леон и, дорогая, мне так стыдно, что в моем возрасте я не могу проявить больше силы характера, чтобы справиться с этим ударом. Я чувствую, что совершенно схожу с ума… мне так больно. Я, право, думаю, что это расплата за все мои грехи… Я знаю, он тебе не нравится, но… я любила его, я думаю, никто из женщин и наполовину не достоин его… Я думаю, это справедливо, что он должен иметь хорошую жену – молодую и без прошлого – которая подарит ему детей и сделает его счастливым… Впредь он для меня умер… Он оставил меня в самое трудное для меня время, в час нужды, и я хочу забыть о нем, хотя и желаю ему всяческой радости, удачи и счастья в его жизни*[226].

В начале ноября Черчилли остановились в правительственном доме в Рангуне. Именно здесь Дженни настигла телеграмма от графа Кински, подтверждая печальные новости о том, что он действительно обручен и собирается жениться на привлекательной богатой наследнице, которой был двадцать один год, – графине Елизавете Вульф Меттерних цур

Грахт, кузине красавицы императрицы Елизаветы Австрийской[227].

К этим переживаниям Дженни добавлялось то, что, по мнению докторов, Рэндольф уже умирал. Доктор Кит информировал с помощью телеграмм докторов Робсона Руза и Томаса Буззарда о состоянии Рэндольфа, а также 22 ноября написал письмо сестре Рэндольфа, Корнелии, леди Уимборн, сообщая ей, что на выздоровление нет надежды[228]. Путешествие пришлось прервать, и они отправились обратно в Англию через Египет и Францию.

30 ноября Джек писал отцу: «Мы все здесь в Хэрроу ругаем основателя школы, за то, что он построил ее на возвышенности, потому что Итон, расположенный в долине, сейчас весь залит водой, и все мальчики разошлись по домам; можешь себе представить – один из учеников Итона проплыл по всей Главной улице! <…> Это будет первым Рождеством в такой дали от вас, один раз вы провели Рождество в России, но это было совсем близко отсюда». В конце письма было очевидно, какое напряжение это путешествие вызывало во всей семье:

> *Подумать только, я почти ничему не радовался почти 6 месяцев после вашего отъезда. О, как я желаю излить свои мысли и душу тебе и дорогой маме, но я не могу, а если попытаюсь, то только напишу на плохом английском.*

1 декабря Дженни написала Уинстону, давая ему понять, что отцу осталось недолго жить на этом свете. Но Дженни и Уинстон скрыли от Джека, которому было всего четырнадцать лет, серьезность положения отца.

21 декабря Джек написал отцу свое последнее письмо:

> *Мы каждую минуту ожидаем получишь от тебя телеграмму о твоем прибытии в Марсель. Ты, конечно, слышал, что Уинстон вышел вторым в Сандхерсте по верховой езде, что, я полагаю, довольно здорово с его стороны. Я думаю, он обязан этим, и всем другим, тебе. До скорого следующего письма.*
>
> *До свидания, дорогой папа. Целую много раз.*
>
> *Твой любящий сын. Джек С. Черчилль.*

К декабрю Дженни была в таком отчаянии по поводу предстоящей свадьбы Кински, что она написала Леони:

> *О, Леони, дорогая, как ты думаешь, не поздно еще это*

остановить? Ты ведь знаешь, нет ничего невозможного. Не поможешь ли ты мне – ради бога, напиши ему [Кински] <…> Я страшусь одинокого будущего – а Чарльз единственный человек на земле, с кем можно все начать сначала – ия потеряла его – <…> Леони, дорогая, используй весь свой ум и всю свою силу и убеди его отложить эту свадьбу[229].

Дженни и Рэндольф вернулись в Лондон накануне Рождества 1894 года и поселились у вдовствующей герцогини по адресу: 50, Гросвенор-сквер. Рэндольф был, по словам Уинстона, «настолько слабым и беспомощным умственно и телесно, как маленький ребенок»[230]. За ним постоянно ухаживали Дженни и несколько врачей. Он немного оживился в начале января, достаточно, чтобы принять нескольких посетителей, с которыми он вел свободный разговор. В течение этого ужасно холодного, дождливого января 1895 года в прессе ежедневно печатались сообщения о состоянии его здоровья.

Именно в тот период Дженни ускользнула от него и навестила графа Кински в его лондонской квартире на Кларджис-стрит. 3 января она писала Леони о том, что они расстались «добрыми друзьями… но я люблю его так, как некоторые любят опиум или спиртное»[231]. 7 января Кински женился на графине Елизавете, незадолго перед днем рождения Дженни, которой 9 января исполнился сорок один год. Дженни чувствовала себя преданной им, и Перегрин говорил, что она никогда не простила Кински и сожгла все его письма.

В последние дни своей жизни Рэндольф находил большое утешение в известиях о прекрасных учебных результатах Уинстона в Сэндхерсте. Отличные отметки позволили ему занять двадцатое место в классе из 130 кадетов. Его поведение было хорошим, без всяких признаков его обычного отсутствия пунктуальности.

В разгар снежной вьюги, когда температура воздуха опустилась ниже нуля и замерзла вода в Темзе, лорд Рэндольф впал в кому и умер в 6:15 утра 24 января. Его жена, дети и мать находились с ним до конца. Через три недели ему бы исполнилось сорок шесть лет. Уинстон писал: «все мои мечты» вступить в «Парламент рядом с ним» «развеяны». Но «мне остается только преследовать его цели и защищать память о нем»[232].

Почетные похороны Рэндольфа проводились в Вестминстерском аббатстве, с толпами людей, заполнившими улицы, с присутствием на ритуальной службе политических

деятелей всех рангов и партий. Похоронный кортеж лорда Рэндольфа прошел через его избирательный округ в Южном Паддингтоне. Он попросил, чтобы его похоронили не в склепе Бленхеймского дворца, а в Блейдоне, на кладбище при церкви Святого Мартина, где были похоронены его братья, умершие в младенчестве. Там присутствовал весь округ Вудсток, с большими делегациями из Паддингтона и консервативной партии Бирмингема, а также из Ирландии. Впоследствии в Бленхеймском дворце в его честь была возведена статуя, и в Палате общин установлен его бюст.

Уинстон, в биографии своего отца, утверждал, что он умер от «редкой и ужасной болезни»[233]. Причиной смерти, как говорится в свидетельстве о смерти лорда Рэндольфа, послужила «бронхиальная пневмония в связи с параличом мозга».

Вдовствующая герцогиня попросила лорда Розбери, друга лорда Рэндольфа с детских лет, написать биографию ее любимого сына[234].

Глава 9
Королевский роман: Дженни и принц Уэльский
1895–1898

> Лорд Сэлисбери пришел к власти в качестве премьер-министра от консервативной партии в июне 1895 года, сформировав коалиционное правительство с Либеральной юнионистской партией, во главе которой стоял Спенсер Комптон Кавендиш, известный под именем лорд Хартингтон[235], и Джозефом Чемберленом. Британская империя находилась на пике своей экспансии и могущества.

На момент смерти лорда Рэндольфа полная стоимость его состояния составляла 75 971 фунт стерлингов / 364 660 долларов (примерно 5 миллионов фунтов стерлингов в современном исчислении). Приличная часть этой суммы пошла на уплату его долгов. Остаток денег, с умом вложенный в надежные, высококачественные акции известных компаний, таких как частные железные дороги, обеспечивал семейный доверительный фонд, которым управляла Дженни[236]. Она получила по наследству 500 фунтов стерлингов / 2400 долларов в год, что, учитывая ее годовой доход в 2000 фунтов стерлингов / 9600 долларов от сдаваемой в аренду собственности в Америке, должно было создать ей довольно обеспеченное положение[237]. Дженни оставила продажу южноамериканских золотых акций Рэндольфа на усмотрение юристов семьи, и они были проданы с убытком на рынке, цены на котором падали, что было совершенно ненужным шагом. Все что ей было нужно, – это набрать сумму для уплаты долгов мужа. Если бы она обратилась к друзьям Рэндольфа, Ротшильдам – экспертам по финансовым и банковским делам, или к близкому другу Черчиллей и биржевому маклеру сэру Эрнесту Касселю, они бы дали ей хороший совет. Она могла бы продать акции и вновь вложить полученные деньги с большей выгодой, так как в следующем году эти акции выросли в цене в три раза[238].

После смерти отца Уинстон стал заявлять, что лорд Рэндольф на словах соглашался с его поступлением в кавалерийский полк для начала своей первой действительной службы. Он попросил Дженни послать телеграмму полковнику Брабазону из 4-го

гусарского полка, который посоветовал Дженни, каким образом нужно составить письмо к герцогу Кембриджскому. Она пояснила в своем письме к герцогу, что в полку была вакансия и, по мнению Брабазона, Уинстон, сдавший экзамены ранее всех других кандидатов в кавалерию, не должен оставаться в Лондоне без каких-либо занятий. Дженни считала, что ему надо дать возможность осуществить последнее желание Рэндольфа. Герцог отослал эту просьбу 20 февраля 1895 года начальнику секретариата министерства СВ, и Уинстон был должным образом определен на службу в качестве второго лейтенанта 4-го гусарского полка.

Джек вернулся на занятия в Хэрроу, где его результаты немного ухудшились, пока он приспосабливался к жизни без своего отца.

Дженни в то время был сорок один год, и она находилась в расцвете своей красоты. Принц Уэльский быстро предпринял шаги для того, чтобы заручиться ее симпатией. Первое письмо с соболезнованиями, которое она получила в день смерти лорда Рэндольфа, было от принца из Сандрингема:

> *Моя дорогая леди Рэндольф!*
>
> *Сегодня утром до меня дошли печальные новости, что все окончено… и я почувствовал, что и для него и для вас – это к лучшему… Наша дружба была омрачена в прошлом, но мне приятно думать, что все это давно предано забвению*[239].

Выраженное королем сочувствие было приятно, но у Дженни не было своего дома, и она чувствовала, что ей необходимо уехать от свекрови. Она выбрала Париж, город своей юности, где жили Джек и Леони Лесли со своими тремя сыновьями, а также старшая сестра Дженни – Клара Фревен. На третьей неделе февраля она поселилась вместе с ними в двух арендных квартирах на фешенебельном авеню Клебер. Дженни продолжала с легкостью тратить деньги на новое оформление интерьера и отделку своего временного жилища на высшем уровне. Следующие шесть недель ознаменовали новое начало в ее жизни. Хотя неожиданный приезд графа Кински и его молодой невесты в близлежащий отель «Бристоль» привел Дженни в замешательство, она вскоре нашла способ выбросить это из головы.

В начале марта Клара познакомила Дженни с богатым обаятельным юристом ирландско-американского происхождения и представителем демократической партии – Уильямом Бурком Кокреном, которому был сорок один год, и он был другом мужа Клары, Мортона Фревена. Бурк, как все его называли, недавно

овдовел, и между Дженни и Бурком начался короткий, но пылкий роман. Дженни «почувствовала трепет изумления», когда он впервые вошел в комнату – такой высокий, широкоплечий, с ярко-голубыми глазами, которые «светились» как «глазки незабудок»[240]. Кокрен имел приятную внешность, и его считали одним из лучших политических ораторов в Соединенных Штатах того времени. Дженни и Кокрен хорошо владели французским, и оба интересовались конным спортом. Он сразу же ей понравился, и дети семьи Лесли вспоминали, что он часто приходил к ним в гости. Дженни устраивала для него пышные ужины, а он развлекал ее и всю семью рассказами о конных скачках в Ирландии[241]. На виду у всех они вместе катались на велосипедах, что было очень модно в Париже, и прогуливались, взявшись за руки, по аллеям, усаженным деревьями.

Из писем, которые Дженни писала Уинстону и Джеку, было очевидно, что она переживала лучшую пору своей жизни. В письме от 1 марта она писала Джеку, что Париж «очарователен», что она ходила кататься на коньках в Зеркальный дворец (Palais de Glace), и «я обнаружила, что не забыла различные фигуры – “Морской бриз” и т. д.» Джек в своем ответе сообщил, что намеревается приехать к ней на Пасху, и она посоветовала ему «взять с собой бриджи» для езды на велосипеде и «пару полуботинок». Уинстон написал ей в письме от 2 марта, что он тоже намеревается навестить ее в Париже в пасхальные каникулы, «так что тебе следует иметь на этот случай откормленного теленка», и что он посылает ей три пачки ее любимых сигарет – «Королевские красавицы» (Royal Beauties).

Позднее, в марте того же года принц Уэльский отправился на Средиземное море на своей яхте *Британия* с целью поупражняться перед участием в парусных гонках, которые должны были проходить в конце года. Он отправил Дженни записку (без даты), в которой говорилось, что они должны встретиться после полудня, «и Вы непременно получите удовольствие»[242]. Он устроил так, что Дженни посетила его на борту яхты, и они возобновили свои интимные отношения. Он также посетил ее в доме на авеню Клебер. Второй сын семьи Лесли, Джон (Шейн), которому было в то время девять с половиной лет, вспоминал, как принц Уэльский пришел к ним поздно ночью, и Джона вместе с его братом Норманом подняли из постели для встречи принца. Принц спросил мальчиков, кем бы они хотели стать, когда вырастут, и затем подарил Шейну, по его воспоминаниям, «шиллинг королевы» (золотой соверен)[243].

Г-жа Джером, уже в преклонном возрасте, жила в Танбридж Уэлс в графстве Кент и была некоторое время больна; ее старшая

дочь Клара вернулась в Англию, чтобы ухаживать за ней. В конце марта ей стало хуже, и Дженни вместе с Леони поспешили к постели больной. Пять дней спустя, 2 апреля, она совершенно внезапно умерла. Гроб нужно было перевозить в Америку, и на организацию этого ушло определенное время.

5 апреля принц послал Дженни из Мальборо-хаус письмо со своими соболезнованиями[244]. Позже в апреле Дженни вернулась в Париж к Бурку, чтобы провести с ним последние несколько недель. Перед возвращением в Америку Бурк сделал ей предложение, и она отказала ему, но они остались лучшими друзьями до конца своей жизни. В последующие месяцы Дженни совершала много поездок в Париж и обратно, стараясь как можно меньше жить со своей свекровью. Она также присматривала для себя новый дом в Лондоне.

Принц Уэльский все еще находился в то время на стадии разрыва своих отношений, длившихся уже несколько лет, с замужней женщиной – богатой хозяйкой светского общества Фрэнсис (Дейзи), графиней Ворвик. Летом Дженни стала появляться в обществе рядом с красивым, веселым молодым офицером из Гренадерского гусарского полка, двадцатисемилетним Хью Варрендером. В августе она приехала с ним на остров Уайт во время недели парусных гонок в Каус. Так как траурный период уже закончился, она была модно одета в белое с головы до ног, и на голове ее была соломенная шляпка. Варрендер был искренне влюблен в нее и, похоже, имел намерения жениться на ней. Сохранилась групповая фотография, снятая в ту неделю, на которой запечатлены Дженни, Леони, Уинстон, Джек и Хью Варрендер, который выглядит невероятно молодо.

Дейзи Ворвик приобрела социалистические взгляды и стала для принца Уэльского чем-то вроде помехи в его кругах. В тот момент он вел дружбу с другой замужней женщиной, Джорджианой, графиней Дадли, и вместе с ней он уехал еще до окончания недели Каус. Этот роман не продлился долго, и 8 сентября принц писал Дженни из Гамбурга, выражая надежду, что ей понравилось время, проведенное во французском курортном городке Aix-les-Bains, где она провела отдых. Затем, приправив шутку ревнивым вожделением, он упрекнул ее связью с Варрендером, задавая вопрос: «И кто же будет вашей следующей любовной жертвой?»

В сентябре Дженни связала себя значительным финансовым обязательством, купив новый дом по адресу: 35A Грейт Камберленд Плейс, в западном районе Лондона. 3 октября 1895 года она писала в письме к Кларе: «Я собираюсь отделать его от

пола до потолка, провести электрический свет, горячую воду и т. д. … Как хорошо, что мы снова будем все вместе, «сами по себе»! Мальчики в таком восторге при мысли «позвонить в дверь собственного дома», что только об этом и думают»[245].

Дом из семи этажей, в стиле конца Георгианской эпохи, был относительно скромным по сравнению с домом на Коннот-плейс. Но он располагался совсем недалеко от фешенебельного района Мейфер и был удобен для посещений принцем в послеобеденное время. Дженни щедро тратила деньги на свой новый дом; она наняла семь слуг, разместила там свои коллекции старинной мебели, голубого и белого фарфора, изделий из стекла и хрусталя, декоративных украшений из нефрита и свою бесценную коллекцию хрустальных поросят. В ноябре 1895 года она поселилась в этом доме, и ее изысканное жилище в очередной раз стало местом приемов для развлечений высших слоев общества.

Именно здесь, в условиях полной секретности, пышным цветом расцвели интимные отношения между Дженни и принцем Уэльским. В январе 1896 года принц, при обращении к Дженни, стал называть ее «*Ma chère* (*Моя дорогая*)». С февраля 1896 года до конца 1897 года от принца регулярно шли потоки писем и записок. Ответные письма Дженни не сохранились, так как принц приказал сжечь все свои личные бумаги после своей смерти. Его послания к Дженни носили тот же характер, что и письма ко всем своим основным любовницам; они приходили раз в неделю и имели следующее содержание: «Если Вы хотите увидеть меня, я загляну завтра в пять часов». Затем он обычно приходил на ужин или на чай, за чем следовали интимные отношения.

Берти, как называли принца его близкие друзья, был 44-летним мужчиной с короткой, поседелой бородой, с пятнами от никотина; он всегда одевался с безупречным вкусом и пользовался одеколоном *eau de Portugal* Его голос, сиплый от курения сигар, имел низкий, сексуальный гортанный оттенок; он произносил слова с раскатистым «р», чем-то напоминающим немецкое произношение его отца. Он имел огромный аппетит к еде и был довольно тучным. Возможно, ввиду этого обстоятельства, Дженни установила в доме лифты, ведущие к спальням. В дальнейшем Берти сильно располнел из-за чрезмерного пресыщения едой и питьем, и к пятидесяти пяти годам его талия стала размером в сорок восемь дюймов (прим. 1 метр 22 сантиметра). В 1895 году он все еще был приятным на вид мужчиной. Позднее в фильмах, снятых во время его поездок верхом в Сандрингеме, изображалось, как он садился на лошадь, и бедное животное содрогалось и шаталось под его огромным весом в триста восемь фунтов (прим. 140 килограммов). Леони

считала, что именно Дженни дала принцу кличку «Там-Там». В период переживаний Дженни по поводу ее тяжелых утрат принц приходил к ней для развлечений и утешений в постели. Берти был очень вспыльчив и имел ужасный характер, и Дженни знала, как ублажать, уговаривать его и держать в хорошем расположении духа.

Хотя Дженни была на тот момент фавориткой среди любовниц принца, она продолжала свою любовную связь с недавно овдовевшим Уильямом Валдорфом Астором, жена которого, Мэри, умерла в 1894 году. Астор был суровым человеком с аристократической внешностью. Он обладал исключительным интеллектом и питал большой интерес к истории. Он снимал Лэнсдаун-хаус неподалеку от места, где жила Дженни, но оставил этот дом в 1893 году. Он родился в Нью-Йорке в 1848 году, изучал там юриспруденцию и стал впоследствии финансистом, и позднее – членом ассамблеи штата Нью-Йорк и сенатором от республиканской партии. Он унаследовал поместье от своего отца, которое предоставляло ему личный доход, делавший его самым богатым человеком в мире. В тот момент Астор постоянно проживал в Англии, и за два года до этого он приобрел огромное загородное поместье, Клайвден-хаус в Тэплоу, Бакингемшире[246]. Астор тоже получил прозвище от Дженни. Она называла его «Уилли-богач». Богатство Астора составляло в то время 200 миллионов долларов, а его годовой доход был в размере 6 миллионов долларов[247].

История на первой странице газеты Newark Times, появившаяся 21 февраля 1896 года, должно быть, привела Берти в негодование: «Самой интересной новостью светского общества <…> является помолвка леди Рэндольф Черчилль и Уильяма Валдорфа Астера»[248]. Это было совершенно ложное сообщение. Астер хотел жениться на Дженни, но она не вышла бы за него замуж, несмотря на его миллионы, по причине его слишком степенного характера. 27 февраля Берти благодарил ее в письме за «очаровательный ужин», но журнал светских новостей *Town Topics* не оставлял эту тему в покое и 12 марта напомнил читателям: «Ньюйоркцы старшего поколения помнят тот факт, что мистер Астор восхищался леди Рэндольф еще до ее замужества»[249].

В июне того года Дженни сопровождала принца на ипподром в Эпсоме, и лошадь принца, Персиммон, выиграла на скачках дерби. 4 июня Дженни писала Джеку: «Уинстон <…> ставил на Персиммона <…> Эта победа пользовалась большим успехом, и толпа приветствовала ее громким ликованием».

Дженни обладала отличными организаторскими

способностями, и если принц хотел устроить небольшой частный прием для гостей, он всегда полагался на нее для составления списка гостей и выбора меню. Она знала его особых друзей, а также то, какую еду он любил и какую музыку предпочитал. Он осыпал ее подарками и обеспечил ей влиятельное положение в обществе. В письмах семьи содержались постоянные упоминания принца.

Уинстон и Джек тоже посещали его дома, и между Уинстоном и принцем завязалась индивидуальная переписка по поводу его армейской карьеры, к которой Берти проявлял пристальный интерес. После недели парусных гонок в Каус в августе того года принц был приглашен в качестве почетного гостя на вечер, проводимый в выходные дни в Дипдене, доме герцогини Лили[250], в Доркинге, и Дженни заручилась приглашением на этот вечер для Уинстона. Для него, второго лейтенанта, это была большая честь, и среди гостей находился командир его части, полковник Брабазон. Но, как всегда, Уинстон не смог приехать вовремя, опоздав на поезд, и ему пришлось добираться на следующем поезде. Поскольку приглашенных гостей было четырнадцать, Берти, будучи суеверным человеком, никогда не позволял садиться за стол в количестве тринадцати человек. К его большой досаде, всем гостям пришлось стоять на ногах в ожидании Уинстона. Когда он наконец появился, принц, в присутствии полковника, заметил: «Уинстон, что, в вашем полку не учат пунктуальности?»[251]

На протяжении всей осени того года Дженни либо постоянно сопровождала принца во время его загородных поездок в конце недели, либо к ней шли потоки писем из Сандрингема, Виндзора, из его частного клуба, с его яхт или с мест, где он останавливался во время путешествий по Европе. В сентябре Джек в своем письме к матери сообщал о том, что собака Дженни, породы чау, родила щенят, и одни из них коричневого цвета, а другие черные. Дженни ответила кратким письмом, написанным на гербовой бумаге Сандрингема, где она проводила время с принцем. Она сообщала, что пообещала одного из щенят принцу, который любил собак, а Берти говорил, что собирается назвать его в честь ее сына – Чёрный Джек.

Начиная с 1896 года, Дженни устраивала для принца и его друзей роскошные обеды в Грейт Камберленд Плейс, для которых требовались погребок с отменным вином и бесчисленное количество новых платьев, обычно *от Уорта* – известного дома мод в Париже. За все это Дженни платила с помощью займов, которые разрастались как снежный ком, а выплачивала она их за счет взятия новых кредитов. В некоторых ее письмах того периода

говорится, что она или находится, или собирается поехать в Монте-Карло, чьи игорные дома были модным убежищем богачей.

Принцу приходилось сочетать свои визиты к Дженни с государственными обязанностями, которые ему нужно было исполнять, но, несмотря на его большую занятость в 1897 году, они все-таки встречались довольно часто. Берти, по-видимому, пленял художественный интерес Дженни ко всему японскому[252], и в домашней обстановке она встречала его в ярких платьях или кимоно из японского шелка, которые еще больше подчеркивали ее смуглую красоту 4 января 1897 года он писал ей из Сандрингема с пожеланиями счастливого Нового года и спрашивал, можно ли ему прийти к ней на «японский чай». Два дня спустя он получил от нее разрешение на это. В других его письмах, написанных в феврале, он спрашивал, можно ли прийти на «чай гейши». В апреле того года принц посетил Францию, и 1 апреля он писал Дженни из Ниццы, с королевской яхты *Британия,* спрашивая, какие французские пьесы ему стоит посмотреть, а также благодарил ее за ужин. На этом письме было прожженное место, и содержалось извинение принца «Простите мою сигарету!» В мае Дженни гостила в доме Уильяма Валдорфа Астора, куда был приглашен и принц. Остается только гадать, как она справлялась с двумя пылкими любовниками под одной крышей. Из Кливдена открывались панорамные виды на Темзу, и дом Астора был обставлен в самом роскошном стиле, в подражание итальянцам, с гобеленами и обшитыми панелями стенами. Однако Астор прискучил Дженни, и 31 мая она писала Джеку, что обстановка «там была очень холодная, сдержанная и скучная». В то же время она отмечала, что Уильям «обладает отличным вкусом», и она находила его «жилище великолепным, но безликим», а принц «был в хорошем настроении».

2 июля герцогиня Девонширская устроила в своем лондонском доме, Девоншир-хаус на Пиккадилли, бал лондонского светского сезона в честь празднования бриллиантового юбилея королевы Виктории. Это был бал-маскарад, и гости должны были изображать известных исторических лиц. Принц Уэльский явился на бал в виде Великого Приора Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, а его жена, принцесса Александра, изображала Маргариту де Валуа и появилась в сопровождении лиц в нарядах титулованной аристократии. Дженни, как обычно, превзошла в своем наряде всех женщин. Одетая в великолепный костюм, она изображала византийскую императрицу Феодору. Многие журналисты отвели ей большое место в газетах, называя ее красавицей бала. Наряд Дженни состоял из широкой мантии яркого цвета из дорогого

материала, которую она скопировала с мозаичного портрета из церкви в Равенне. На голове у нее была корона с висящими по бокам подвесками из жемчуга и украшением из бриллиантов. Длинные рукава из прозрачной ткани, свисающие по бокам ее платья, были украшены сверкающими стразами. На ее шее было жемчужное ожерелье, а ее длинные черные волосы, которые она обычно поднимала вверх, свободно струились по ее плечам, доходя почти до пояса. В одной руке она держала огромную лилию, а в другой – золотой шар как символ власти. Владычествуя над всеми, она была фактически королевой дня.

В августе, во время недели парусного спорта в Каус, которую Берти прозвал «Зрелищем дикого Запада», Дженни появлялась на публике вместе с принцессой Александрой, их отношения казались близкими, дружескими и мирными. Кроткая красавица принцесса, измученная беременностями и родами, вполне привыкла к постоянным изменам своего мужа. Осенью того года принц присылал Дженни частые письма с новостями о своих многочисленных зарубежных поездках. Он также сообщал, что слышал хорошие отзывы об Уинстоне. Такая похвала ее старшего сына была очень кстати.

Будучи официальной фавориткой принца, Дженни появлялась с ним на публичных приемах, выступая перед всем миром как будто в роли его жены. На фотографиях в прессе в 1897 году, во время празднования бриллиантового юбилея королевы Виктории, она шла рядом с принцем около лондонского Тауэра[253]. К началу 1898 года Дженни начала испытывать серьезные финансовые затруднения, и ее долги росли. Богатый дом, роскошные обеды и вино, которые она предлагала принцу, истощали ее доходы от поместья.

24 января принц писал ей из Сандрингема, обсуждая подробности ее предстоящего визита вместе с Джеком и давая совет, на каком поезде им следует приехать. Он сообщил, что среди гостей будет также Мария де Ротшильд, жена банкира-миллионера Лео де Ротшильда (которому принадлежал загородный дом Аскот-Уинг возле Лейтон-Базард в графстве Бердфордшир).

Тем временем Дженни привлекла к себе еще одного молодого любовника, майора Карела Рамсдена, офицера из Сифортского хайлендерского полка. Его имя, начиная с 1897 года, появляется в письмах Дженни к своим сыновьям. «Красавец Рамсден», как его называли, был прикомандирован в Каир, где собиралась экспедиция под руководством Горация Герберта Китченера, главнокомандующего армией в Египте (1892–1898), целью которой было повторное завоевание Судана. Уинстон страстно

желал попасть в состав полка Китченера в этой армии. Дженни полагала, что ей, возможно, следует посетить Рамсдена в Египте и одновременно попытаться поговорить об Уинстоне с Китченером. Уинстон писал, что, несомненно, ее остроумие, такт и красота помогут преодолеть все препятствия. Позднее, в своей автобиографии, он описывал ее как женщину, «которая использовала мужчин и открывала двери» для него[254].

В Каире Дженни остановилась вместе с Рамсденом в отеле «Континенталь» и обратилась с просьбой к Китченеру. Он проигнорировал ее просьбу как одну из многочисленных просьб такого рода, постоянно поступавших к нему. Когда ее пребывание в Каире подошло к концу, Дженни отправилась в Порт-Саид и обнаружила, что отправление корабля, на котором она собиралась отплыть домой, задерживалось. Вернувшись в гостиницу, где она собиралась провести еще одну ночь с Рамсденом, она вошла в комнату без стука и увидела его в объятиях леди Максвелл, жены генерала Джона Максвелла. Дженни закатила скандал на всю гостиницу. Слух об этом инциденте достиг ушей принца, находящегося в Каннах, и он писал ей в письме: «Вам следовало держаться дружбы старых друзей, а не отправляться в экспедицию по Нилу. Старые друзья лучше всех!»

Как только Дженни вернулась домой, Леони навестила свою сестру и застала ее за составлением письма к принцу, в котором она хотела свести с ним счеты: «Как я благодарна вам за ваше участие – поскольку Вашему Королевскому Высочеству хорошо знакомо это чувство, после того, как его бросила леди Дадли»[255].

Леони опасалась, что такое письмо покажется принцу оскорбительным, и вызвалась отправить его сама, но оставила письмо у себя до утра. На следующий день она сказала Дженни, что «для таких посланий утро вечера мудренее»[256]. Дженни составила более остроумный вариант и отправила оба письма. 8 апреля принц прислал Дженни письменное извинение из Гранд-Отеля в Каннах, подтверждая получение ее писем от пятого и шестого числа: «*Мой дорогой друг* <…> Я должен извиниться перед вами, если мое письмо причинило боль. Я не представлял, что это был *настолько серьезный роман*!»

Дженни не знала, что в январе 1898 года принц познакомился с достопочтенной г-жой Джордж (Элис) Кеппель, блестящей красавицей в возрасте тридцати с небольшим лет. Берти был приглашен на празднование Нового года в Гопсолл-хаус, загородный дом в Ворвикшире, принадлежащий Джорджу и Джорджиане, лорду и леди Хоуве; Джорджиана была сестрой

покойного лорда Рэндольфа. Берти и Элис вскоре глубоко полюбили друг друга[257]. Хотя дни Дженни в качестве *фаворитки* подходили к концу, она упорно боролась за сохранение его привязанности, причем самым искусным образом.

В какой-то момент в том году Дженни познакомилась с двадцатичетырехлетним изумительным красавцем Джорджем Корнуоллис-Вестом, лейтенантом Шотландского гвардейского полка. Похоже, что они встретились в доме генерала сэра Иана Гамильтона и Джин, леди Гамильтон. Гамильтон и Уинстон впервые познакомились в Индии летом 1897 года. Гамильтон вернулся в Англию и стал начальником военной школы стрелковой подготовки Хит, в графстве Кент, и семья Гамильтонов разместилась в доме на территории учебного лагеря[258]. Джин писала в своем дневнике о том, как она приглашала Дженни и некоторых своих подруг на обед, и в числе приглашенных были «милые юноши из Школы стрелков»[259]. Джордж рассказывал в своей биографии о том, что в момент знакомства с Дженни он проходил курс в той школе стрелковой подготовки[260].

Викторианское общество считало Джорджа незаконным сыном принца Уэльского, поскольку мать Джорджа, Мэри (или Пэтси, как ее называли в семье), была его первой любовницей – когда ей было всего шестнадцать лет – и принц сохранял о ней высокое мнение[261]. Семья Корнуоллис-Вест жила в замке Рутин, в Денбигшире, Северном Уэльсе. Описывая свое детство, Джордж вспоминал: «Принц Уэльский был частым гостем и неизменно был добр ко мне и всегда просил увидеть меня. Ни одно Рождество не проходило без небольших подарков от него в виде открытки или игрушки»[262].

Джордж участвовал вместе с принцем в рыбалке и охоте на оленей в его усадьбах. Семья Корнуоллис-Вест была небогата, но они владели замком Рутин; позднее им стали принадлежать дом по адресу: 49 Итон Плейс в лондонском районе Белгревия, и поместье Ньюлендс в Лимингтоне, графстве Хэмпшир, который являлся загородным домом матери, Пэтси. Две сестры Джорджа, тоже по слухам дочери принца, вышли замуж за мужчин со значительным состоянием и статусом. Дейзи вышла замуж за Хью Гросвенора, второго принца Плесса, а Шила стала женой герцога Вестминстерского.

Родители Джорджа и принц Уэльский не одобряли связь Джорджа с Дженни. Ей было сорок четыре года, и она все еще была красива, но, возможно, уже не могла иметь детей. Это означало, что если бы отношения стали серьезными, их родословная прервалась бы без наследника мужского пола.

Джордж был здоровым и активным мужчиной, и очень добрым, но он не обладал большим интеллектом. Он глубоко полюбил Дженни. Одно из его писем к ней – которых было несколько сотен – от 29 июля 1898 года было украшено сердцами: «Вчера я думал о тебе целый день и строил воздушные замки о тебе и о нашей совместной жизни»[263]. Вскоре в Дженни вспыхнули к нему такие же чувства, и она развлекала его в своем доме, покоряя его своей красотой, очарованием и умом. Они вместе проводили выходные дни в загородных домах, и позднее, к их большому удобству, батальон Джорджа был переведен в Лондон, что облегчало возможность их встреч.

Глава 10
Финансовые трудности и развитие карьеры
1895–1897

В июне 1895 года малозначительный законопроект, предложенный либеральным правительством и предусматривающий увеличение бюджета на приобретение кордита для изготовления взрывчатых веществ, вызвал разногласие в рядах партии и не был проведен, недобрав всего несколько голосов. Лорд Розбери, премьер-министр и лидер либеральной партии, воспринял это как вотум недоверия к правительству и 21 июня подал в отставку Королева Виктория предложила лорду Сэлисбери занять этот пост. С 13 июля по 7 августа были проведены всеобщие выборы, в которых либерал-юнионисты объединились с консервативной партией, и либеральная партия потерпела тяжелое поражение. 25 июня лорд Сэлисбери вновь появился на сцене в качестве премьер-министра коалиционного правительства от консервативной и юнионистской партии, которое находилось у власти в период 1896–1897 годов.

1895 год был годом еще одной смерти, вызвавшей сильные чувства в семье Черчиллей. В июле умерла «Вумани». Миссис Эверест многие годы была постоянным спутником их жизни, и после того, как она покинула свой пост, Уинстон и Джек вели с ней непрерывную переписку. Они всегда относились к ней с глубоким уважением и были сильно опечалены ее смертью. Уинстон был у ее постели до самого конца и писал матери в трогательном письме от 24 июля: «Ее последние слова были о Джеке. <…> Пожалуйста, пошли телеграмму Уэлдону и попроси его отпустить Джека на похороны – так как она очень беспокоилась об этом»[264]. Миссис Эверест похоронили на кладбище лондонского района Сити, в Мейнор-парке на востоке Лондона. Уинстон и Джек позаботились о том, чтобы могила выглядела хорошо и на ней была подходящая надгробная плита. На плите была надпись «От Уинстона Спенсер-Черчилля и Джека Спенсер-Черчилля».

Полк Уинстона, 4-й гусарский полк, должен был отправиться

в сентябре 1896 года на длительное время в Индию. Однако в сентябре 1895 года Уинстону предоставили длинный отпуск, и, не советуясь с Дженни, он решил отправиться вместе со своим подчиненным, младшим офицером Регги Барнсом, в Америку, чтобы посмотреть страну и понаблюдать за испанской армией, проводящей кампанию по подавлению восстания в кубинской войне за независимость. 4 октября он написал матери о своих намерениях. Хотя она и понимала, что Уинстону необходимо расширять свой кругозор, связанные с этим дополнительные затраты заставили Дженни сделать в своем письме от 11 октября язвительное замечание: «Учитывая, что я финансирую эту поездку, я считаю, вместо того, чтобы говорить “Я *решил* поехать”, было бы лучше и, возможно, умнее сначала посоветоваться со мной».

Тем не менее она купила ему билет как подарок на день рождения и вскоре начала связываться с друзьями, которые могли бы помочь Уинстону, в частности со своим бывшим любовником Бурком Кокреном. Когда в начале ноября Уинстон и Барнс прибыли в Нью-Йорк, Бурк встретил их и повез в свой дом номер 763 на Пятой авеню, где на Уинстона произвела большое впечатление его огромная библиотека. Похоже, что в то время Бурк все еще питал сокровенные чувства к Дженни, так как оба они были свободны от брачных уз и Бурк уже дважды овдовел. Это, вероятно, объясняет тот факт, что Бурк проявил отеческий интерес к Уинстону и взял его под свое крыло. Какова бы ни была причина, Бурк сразу же заметил, что Уинстон подает большие надежды, и посоветовал ему курс чтения для продвижения его политических амбиций.

Уинстон выражал высокое мнение о Бурке в своих письмах к Дженни и Джеку. Бурк, по его словам, угощал их самым лучшим бренди и самой лучшей едой. Он был очаровательным хозяином и одним из самых интересных людей, которых Уинстон когда-либо знал[265]. В письмах к Дженни от 10 и 12 ноября 1895 года Уинстон рассказывал о своих беседах с Бурком, темы которых варьировались от экономики до парусных гонок. Бурк показал Уинстону достопримечательности Нью-Йорка и приобщил его к роскошному образу жизни, а также привил ему особый вкус к курению превосходных сигар. Он организовал приглашения для них на званые обеды на все три дня. Одним из них было приглашение на званый обед, где присутствовали двенадцать членов нью-йоркских судебных палат и где Уинстон познакомился с Верховным судьей. 10 ноября Уинстон также сообщал в письме к Джеку, что Бурк организовал для них посещение крепостей в порту, а также визит в Уэст-Поинт –

американский эквивалент Королевского военного училища Сэндхерст. Там его «приветствовали, как генерала»[266]. Бурк, отличный оратор, значительно повлиял на стиль речи Уинстона, и позднее Уинстон с откровенностью и благородством ставил Бурку в заслугу свое отличное знание английского языка[267]. Бурк предстал перед Уинстоном человеком исключительной мудрости и опыта, с отличными ораторскими способностями, обладающим прекрасным вкусом и стилем, одним словом, образцовым мужчиной, каким хотел быть сам Уинстон. Это еще больше воодушевило Уинстона заниматься политикой.

Уинстон и Барнс уже были готовы к следующему приключению. Куба находилась под властью Испании, и немного ранее в 1895 году разразилась кубинская война за независимость (1895–1898 гг.). Уинстон и Барнс отправились туда в качестве наблюдателей из Ки-Уэста во Флориде. 20 ноября они прибыли в Гаванский порт. Уинстон договорился в Лондоне с газетой *Daily Graphic о* том, что будет посылать им сообщения с описанием своих приключений, и газета согласилась платить ему пять гиней за каждое письмо. Он решил сосредоточиться на колонне генерала Валдеза, который находился в провинции Санкти Спиритус, и они отправились туда на поезде.

На следующий день вместе со строем солдат Валдеза они пошли в поход в деревню Игуара, окруженную повстанцами. Им было известно, что (по сведениям на 29 ноября) четыре тысячи повстанцев под командованием кубинского генерал-майора Максимо Гомеза расположились лагерем к востоку от Игуары. На следующий день в пять часов утра Валдез отправился из Арройо-Бланко на поиски повстанцев. Почти тотчас же, в густом тумане, в тылу походного строя открылась стрельба, раздался звук крупнокалиберных ружей, засверкали вспышки огня, и поднялся дым. Это был день рождения Уинстона; ему исполнился двадцать один год, и он провел этот день, присутствуя при трехдневном сражении солдат Валдеза и повстанцев. 1 декабря Уинстон и Барнс вместе с несколькими солдатами купались в реке. Не успели они выйти из воды и одеться, как раздались залпы выстрелов и началась атака. В письме, предназначенном для *Daily Graphic,* Уинстон описывал, как пули свистели над их головами. Перестрелка с повстанцами продолжалась с перерывами всю ночь, и одна пуля пронзила палатку, в которой спали Уинстон и Барнс, но не задела их. На следующий день Валдез повел бой за регион Ла Леформа, и 6 декабря в письме к матери Уинстон писал, что вместо того, чтобы пойти в укрытие, они все время находились рядом с генералом Валдезом и, таким образом, были в самом опасном месте на поле битвы. Генерал наградил их медалью

Красного Креста, испанским знаком отличия, который выдавали офицерам[268].

Вернувшись в Тампу, Уинстона и Барнса атаковали репортеры. Уинстон разъяснил представителям прессы, что он не принимал активного участия в сражениях против кубинцев, о чем, по предположениям, могла говорить его награда Красного Креста, и подтвердил, что выступал исключительно в роли наблюдателя сражений.

Дженни, вероятно, вздохнула с облегчением, когда узнала от Уинстона в середине декабря, что они с Барнсом возвратились в Нью-Йорк. Там он давал интервью прессе, что предоставило ему возможность продемонстрировать свои солдатские знания и журналистские способности; он говорил – всегда считалось, что 200 пуль достаточно, чтобы убить солдата, но заявить, что в кубинской войне было выпущено 200 000 пуль, – это более близко к истине.

Уинстон и Кокрен остались друзьями и продолжали переписываться после возвращения Уинстона домой в конце декабря. Кокрен имел привычку посылать Уинстону копии своих речей, а Уинстон, в свою очередь, посылал Бурку копии речей лорда Рэндольфа[269]. Однако существовал один предмет, по которому Уинстон и Бурк не сходились во мнении. Кокрен выступал в поддержку признания гомруля для Ирландии[270], что, должно быть, вызывало в Уинстоне воспоминания об отце, когда он находился в зените своей карьеры и вел борьбу против Чарльза Стюарта Парнелла и ирландской Партии гомруля. Уинстон следовал линии отца и был категорически против гомруля.

Английские журналисты, узнав о том, что Уинстон находился на Кубе вместе с правительственными войсками, опубликовали резкие отзывы в своих газетах. Газета Newcastle *Leader* выражала удивление по поводу того, «какой мотив» мог «побудить британского офицера» принять участие в таком «конфликте». Далее шло едкое замечание: «Проводить отпуск, участвуя в сражении других людей, – это довольно незаурядный поступок даже для Черчилля»[271].

В январе 1896 года Уинстон вернулся в свой полк в Алдершоте. Именно в этот период, когда до ожидаемого отправления в Индию оставалось девять месяцев, Уинстон и Дженни, поддерживаемые постоянными похвалами Кокрена, в конце концов пришли к выводу, что Уинстону следует провести какое-то время в армии, чтобы создать себе имя, а затем уйти в политику.

Такое решение отлично совпадало с честолюбивыми надеждами Дженни в отношении Уинстона – то, что он должен

следовать карьере своего отца и достичь значительного поста премьер-министра, чего не мог сделать ее муж. Когда лорд Рэндольф в 1886 году ушел в отставку с поста лидера палаты общин и канцлера-казначея, в январе следующего года в дом Черчиллей был послан человек от парламента. Он хотел купить официальное одеяние лорда, в которое он облачался будучи канцлером, для Джорджа Горшена, его последователя. Дженни встретила посланника у двери и отказалась вручить ему одежду, сказав: «Я храню это для своего сына»[272]. В течение месяцев ожидания отправления в Индию Уинстон занимался установлением связей в политическом мире.

В сентябре 1896 года Уинстон должен был отплыть вместе со своим полком в Индию. Из Бомбея полк передвинулся в Бангалор, где Уинстону очень понравился местный климат. Вместе с двумя офицерами, одним из которых был Регги Барнс, он разместился в роскошном бунгало с большим количеством слуг в своем распоряжении. В Индии для младших офицеров не было пока необходимости участвовать в военных действиях, и Уинстону было скучно. Вместе с Регги они пристрастились к садоводству. Уинстон возобновил свой интерес к коллекционированию бабочек, а также писал к матери с просьбами прислать цветочные семена. Вскоре у них образовался цветущий сад, и в письме к матери Уинстон сообщал, что у них есть 275 розовых кустов с 70 разновидностями роз[273].

Перед его отъездом домой Дженни, вероятно, попросила Уинстона посетить молодую девушку, знакомую Дженни, по имени Памела Плоуден, которая жила в Хайдерабаде. Отцом Памелы был Тревор Джон Чичелль-Плоуден – он состоял на государственной службе в Индии в качестве постоянного представителя в Хайдерабаде (эквивалент губернатора в настоящее время), а ее матерью была покойная Миллисент, дочь генерала сэра С. Дж. Фостера. Мать Памелы умерла в 1892 году от укуса змеи, и в 1895 году ее отец вступил во второй брак. 4 ноября Уинстон писал своей матери, сообщая, что предыдущим днем после игры в поло его представили Памеле и что он еще никогда не встречал более красивой девушки. Они собирались вместе отправиться в Хайдерабад на слонах – единственное безопасное средство передвижения, так как местные жители плевали на иностранцев, проходящих по улицам[274]. В следующем письме Уинстона от 12 ноября он описывал, как обедал в Хайдерабаде с Памелой, ее отцом и второй женой отца – Беатрис. Памела и Уинстон совершили поездку на слонах, и Памела посылала Дженни «множество вестей». Позднее Уинстон открыл для себя, что Памела была не только красива, но и

умна[275]. Уинстону был двадцать один год, и Памела, в возрасте двадцати двух лет, была старше его на семь месяцев. С этого момента в частных письмах к матери Уинстон говорил о своей любви и восхищении Памелой. В сохранившихся письмах между Уинстоном и Памелой очень мало говорится о романтических чувствах. В те времена считалось неприличным для молодых людей говорить о чувствах, если они не были помолвлены. Уинстон был еще слишком молод, чтобы жениться, и у него не было средств для содержания жены. Письма Памелы были полны семейных новостей, а Уинстон в свою очередь писал о намеченной для себя политической карьере и армейской жизни. Оба они, однако, увлекались литературой, что поддерживало их обоюдный интерес друг к другу.

Длинные, полные любви письма между Дженни и Уинстоном служили утешением младшему офицеру в его скучной жизни в Индии. Но уже 18 ноября он писал матери о своем чувстве безысходности в этой ситуации. Как член парламента он мог бы «завладевать связями с нужными людьми»; в роли солдата он просто прозябал без цели. В письме от 24 декабря Дженни ответила ему: «Я с нетерпением жду момента, когда мы снова будем жить вместе, и все мои политические устремления будут возложены на тебя».

В феврале 1896 года Джеку исполнилось шестнадцать лет. Он хотел оставить школу Хэрроу, полагая, что ему пришла пора перейти на следующую ступень развития. Он намеревался, по совету Уэлдона, отправиться на год во Францию для изучения французского языка, который, будучи современным языком, был необходим для поступления в Оксфорд. По возвращении он хотел, для лучшей подготовки, заняться изучением греческого языка, а затем держать вступительный экзамен. Обо всем этом Уэлдон сообщил Дженни. Уэлдон подробно обсуждал с Джеком его будущее и активно побуждал его следовать примеру лорда Рэндольфа, а именно получить университетскую степень по истории и юриспруденции, что должно было открыть ему возможность карьеры в армии или в суде. Уэлдон также приглашал Джека для бесед к себе домой[276].

Связав все свои будущие надежды с продвижением Уинстона в политическом мире, Дженни изменила свой подход к Джеку. Дженни и Уинстон неправильно понимали намерения Джека, поскольку, имея рядом с собой две такие сильные личности, он недостаточно убедительно говорил о своих устремлениях. Он хотел вступить в армию, и его отец заложил основу для его карьеры в качестве профессионального военного. Уинстон, в письме к своей матери в ноябре 1896 года, говорил, что очень

трудно узнать у Джека о его истинных намерениях. За год до этого Дженни предлагала Джеку возможность поступления в пехотный полк, где у нее были связи и закулисное влияние. Когда Джек возразил против этого, она ответила ему в письме от 8 октября 1895 года: «Я не желаю стоять на твоем пути, если твое сердце не лежит к армии». Но Джек имел в виду совершенно другое; он был врожденным наездником и мечтал служить в кавалерийском полку.

Джок Колвилл, личный секретарь Уинстона, позднее писал о своих наблюдениях: «Характер Джека Черчилля крайне отличался от характера [Уинстона]. Верный, нежный, безупречно честный, он был также наделен самым привлекательным качеством – природной скромностью. Он не разделял со своим братом его безудержную энергию, всепоглощающее честолюбие, дар красноречия или живость его ума. Он всегда гордился, когда к нему обращались как к “брату Уинстона”»[277].

Несомненно, на решение Дженни по поводу будущей карьеры Джека повлияло отношение Уинстона к армии. Прослужив к тому моменту 11 месяцев, Уинстон был разочарован; он начал оказывать давление на должностных лиц с просьбой перевести его в другой полк, более интересный по сравнению со службой в Индии. В письме к своей матери от 4 августа 1896 года он описывал свою ситуацию как «бесполезную и невыгодную ссылку»[278]. Он хотел получить назначение в Южную Африку или Египет и вскоре приобрел славу охотника за медалями[279].

Джек все-таки принял твердое решение по поводу своей карьеры и сообщил об этом в письме к матери (без даты) в ноябре того года: «Я решил поступить в Оксфорд». В другом письме от 11 декабря Дженни писала Уинстону, обсуждая будущее Джека:

> *Я очень много занималась улаживанием дел для Джека. Я встречалась с Уэлдоном и имела с ним долгий разговор о будущем Джека. Я сильно против его вступления в армию. У меня нет средств определить его в шикарный кавалерийский полк, а где-нибудь в другом месте он будет чувствовать себя потерянным и несчастным. Я полагаю, он может сделать карьеру адвоката. У него много способностей и здравомыслия, достаточно личного обаяния, и при усердии и влиянии он должен преуспеть.* ***Сити*** *же он ненавидит.*

Энтузиазм Джека по поводу возможного вступления в кавалерию встретил сопротивление со стороны Дженни и начал угасать под влиянием растущего разочарования Уинстона в своей собственной армейской карьере и его стремлений к политике. В

письме к Джеку от 7 января 1897 года Уинстон теперь уже холодно отзывался об идее Джека стать адвокатом, но полностью поддерживал его в желании получить университетское образование: «Не представляй себе, что ты лениво и безмятежно – как явно следует из твоего письма – дойдешь до звания барристера… Я считаю, что ты обладаешь большими талантами, Джек… но я абсолютно убежден, что если только ты не начнешь с полным энтузиазмом и заинтересованностью, ты никогда не разовьешь своих способностей. Могу только позавидовать удовольствию получения гуманитарного образования и познанию ценности классических трудов»[280].

Джек оказался под давлением двух людей, которых он любил больше всего на свете и которые заставляли его отказаться от единственно желаемой им карьеры. Уинстон, по крайней мере, одобрял его идею получения университетского образования, что открыло бы для него дополнительные возможности в жизни.

Уинстон уже сам колебался, находясь в нерешительности по поводу своей собственной карьеры, и подумывал все-таки остаться в армии. Дженни не хотела и слышать об этом, и в письме от 29 января 1897 года она предостерегала его:

> *Как мало мы слышим о ком-нибудь из генералов в мирное время. Очень мало почестей и славы можно извлечь из армейской карьеры. Обычный член парламента лучше известен в стране и имеет больше шансов на успех, нежели действительно умный человек в армии*[281].

В начале февраля 1897 года Дженни отправилась вместе с Джеком в Версаль и устроила его у монсеньера Робино, преподавателя французского языка. Она задержалась там на некоторое время, пока Джек обустраивался на новом месте, и познакомила его с некоторыми из своих больших друзей, живущих во Франции, включая Бурка Кокрена и Сесила Родса, находившихся на тот момент в Париже. Родс был старым другом Рэндольфа и политическим деятелем в Южной Африке, а также основателем компании по добыче бриллиантов De Beers[282]. Д-р Уэлдон сообщил в письме к Джеку от 9 февраля о том, что он писал в Магдален-колледж в Оксфорде и договорился о том, что Джек будет сдавать там вступительные экзамены после своего возвращения.

В дополнение к изучению французского языка, Джек брал уроки фортепьяно и танцев и расширял свои знания музыки и культуры, посещая концерты и оперу, а также обучался верховой езде. Дженни посылала Робино ежемесячные чеки с оплатой за обучение и проживание Джека, а также снабжала сына деньгами

на его личные потребности и на оплату расходов по его дополнительным занятиям, и посылала ему копии газеты Daily Graphic с последними новостями из Англии.

Письма Дженни к Джеку того периода были полны любви и сплетен. В одном из первых писем, датированном 18 февраля, она побуждает его учиться говорить по-французски. «Тебе нужно стать очень разговорчивым… Извлекай максимальную пользу из ситуации – поступай как Уинстон, говори без остановки!»

Джек описывал в письмах к матери свои впечатления о новой обстановке и о своем прогрессе в занятиях. Его учитель верховой езды, румын, был «довольно грязным», шампанское настолько плохое, что «вода просто наслаждение после него», а что касается переодевания для ужина, монсеньер Робино «никогда не видел фрака в глаза». В письмах к матери всегда содержались напоминания прислать деньги, которые она забывала отправить.

Тщательно выкраивая любым путем 3 фунта стерлингов / 14,40 долларов или 5 фунтов стерлингов / 24 доллара на оплату расходов Джека, Дженни все-таки пришлось отказаться от поездки к нему из-за чрезмерной расточительности Уинстона в Индии. Несмотря на то, что он получал 300 фунтов стерлингов / 1440 долларов армейского жалованья и содержание от своей матери в размере 500 фунтов стерлингов / 2400 долларов, плюс деньги за письма в газету *Daily Telegraph,* Уинстон умудрялся перерасходовать свой банковский счет, и *Cox's* – банк, обслуживающий армейских офицеров, – обратился к Дженни с просьбой погасить суммы, превышающие его кредит. В письме к Джеку от 26 февраля Дженни горько жаловалась ему на поведение Уинстона.

В течение периода 1896–1897 годов в письмах Дженни упоминается тот факт, что она находилась в Монте-Карло, где, несомненно, она часто посещала казино. Также упоминались посещения ею скачек в Англии и ставки на лошадей, очевидно в тщетной попытке поправить свои финансы. Дом в Нью-Йорке, оставленный ей отцом и от которого поступала арендная плата, превратился в актив, под который производились все большие займы. Вскоре после отъезда Уинстона в Индию Дженни и ее сестры оказались жертвами обмана со стороны известного мошенника Джеймса Крукшенка. Так называемый консультант по инвестициям сообщил им, что является главой синдиката, инвестирующего в американские акции. Он смог получить от них 4000 фунтов стерлингов / 19 200 долларов, причем большая часть этой суммы поступила от Дженни, и предполагалось, что он будет инвестировать эту сумму от их имени, но вместо этого он потратил все деньги на проведение отдыха. Когда его настиг

закон, 25 ноября 1897 года в Лондоне состоялся суд, и он был приговорен к восьми годам тюремного заключения, но Дженни не получила назад своих денег[283].

Джек исправно сообщал матери о своих успехах в изучении французского и музыки, о посещаемых концертах, о людях, с которыми он встречался. Дженни в своих ответах проявляла чрезмерную материнскую заботу, постоянно волнуясь о его правописании, чтении, одежде, инфекционном воспалении уха, и пыталась оградить его от соблазнов Парижа. В своих письмах она преклонялась перед успехами Уинстона, и Джек дорожил каждым ее словом. Вскоре Джек стал совершать активные загородные поездки на велосипеде, купленном матерью, и его письма были полны описаний его смелых путешествий.

В мае Уинстон покинул Индию и отправился в отпуск домой, посетив по пути Неаполь, Помпеи и Рим. Прибыв в Париж, он встретился с Джеком, который был ему очень рад. Летом того года вся семья провела часть сезона в Лондоне. Герцогиня Девонширская пригласила Дженни, Уинстона и Джека на свой ежегодный бал-маскарад. Мальчики сопровождали свою мать на бал, и Перегрин помнил и делился яркими воспоминаниями о рассказах насчет проведенного там времени. Затем Джек вернулся во Францию продолжить свои занятия, оставив мать и Уинстона наслаждаться оставшимися днями летнего сезона, которые они проводили за посещением скачек.

Джеку уже вскоре должно было исполниться восемнадцать лет, и он понимал необходимость выбора для себя карьеры. Дженни все еще не считала его взрослым человеком и не позволяла ему принять собственное решение о своем будущем. Вопреки прежним заверениям об обучении в Оксфорде, в своих письмах к Джеку и Уинстону она начала обсуждать другие возможности. Дженни считала, что возможно ему следует держать экзамены на поступление на государственную службу и пытаться получить должность в Министерстве иностранных дел. 30 сентября 1897 года она писала Уинстону, негативно отзываясь об академических способностях Джека: «Если он все-таки сдаст экзамены – но я боюсь, что он недостаточно умен». Однако, по прогнозу Уэлдона, Джек должен был сдать вступительный экзамен в Оксфорд. Дженни было известно из школьных отчетов об успеваемости, что Джек ни разу в своей жизни не имел неудачи ни на одном экзамене.

В ходе размышлений Дженни пришла в голову идея о том, что Джек может пойти работать в Сити в качестве биржевого маклера, как делал до него его американский дедушка, и сделать значительное состояние, что решит финансовые проблемы семьи.

Она забыла, к своему счастью, о том, как Джером эффектным образом растратил свое состояние.

В конце концов в ноябре 1897 года, когда Джек готовился вернуться домой из Парижа, он написал матери длинное письмо о предпочитаемом им выборе карьеры:

> *Меня уже определяли «всюду», что есть на свете, и насколько тебе известно, я всегда испытывал огромное отвращение к возможности быть «кем-нибудь в Сити», с вероятностью превратиться в ничто. Я уже «поступал» в армию, в Сити, опять в армию, в адвокатуру, в министерство иностранных дел, или на дипломатическую службу, а теперь я опять должен изменить планы в пользу Сити… Мне уже почти восемнадцать лет, и вопрос должен быть решен. Мое сердце и душа лежат к армии; но ты попросила меня отказаться от нее, потому что это дорого и недоходно, потому что ты останешься одна, и потому что там не сделаешь «карьеру». Мне начала нравиться идея поступления в Оксфорд, туда, где учился Уинстон, и даже усердно работать в адвокатуре. Но теперь ты хочешь, чтобы я отправился под старый газовый светильник в Сити. Мне больше нравится жизнь офицера-кавалериста; но я пойду на это, если необходимо, и если ты этого хочешь от меня. В твоем письме мало подробностей насчет «серьезного финансового кризиса». Что, дела пошли плохо в Америке? или пошатнулись в Англии?*

Дженни раскрыла все свои карты перед младшим сыном. Ссылаясь на неразрешимые финансовые трудности, она побудила его отказаться от карьеры, о которой он мечтал, и выбрать нечто, что стояло для него на самом последнем месте в мире – а именно работу в качестве клерка у сэра Эрнеста Касселя в лондонской деловой части города, Сити. Джек был чувствительным юношей. Что касается его школьных успехов, то он всегда имел хорошие результаты по математике. В конце концов он послушался своей любимой матери и не захотел усугублять ее финансовые проблемы. Он всегда отчитывался перед ней за все присылаемые ему деньги и аккуратно записывал все свои расходы. Он понял, что на его пребывание в армии или обучение в Оксфорде просто не было денег. Но Джек ни разу не упрекнул ни мать, ни Уинстона и не вменил им это в вину. Он был слишком молод, недостаточно высокого мнения о себе, а также не очень проницателен, чтобы видеть их планы насквозь. За счет большой дружбы с сэром Эрнестом Касселем, биржевым маклером в Сити и

давним другом Черчиллей, или с помощью Ротшильдов, владельцев торгового банковского бизнеса, Дженни могла бы инвестировать в 1895 году определенную сумму денег, и процент с этой суммы был бы достаточен для финансирования карьеры Джека. Но Дженни жила только сегодняшним днем; она покупала все, что желала, и осознавала, что потратила слишком много денег только тогда, когда ей приходилось искать новый заем.

Дженни написала ответ на письмо Джека в то время, когда она объезжала с визитом ряд загородных домов аристократов. Добравшись 24 ноября до Лэмбтонского замка, она высказалась ему в письме:

> *Твое последнее письмо огорчило меня – но мой дорогой мальчик – ты можешь быть уверен в одном, в том, что я больше всего на свете хочу твоего счастья и пойду на любые жертвы для этого. Я никогда не слышала, чтобы ты <…> выражал действительное желание пойти в армию… Все у тебя будет хорошо.*

Расстройство финансовых дел Дженни в период между 1895 и 1897 годами определило карьеру Джека. В какой-то момент дела дошли до такого кризисного состояния, что к ней чуть ли не пришли судебные исполнители[284]. Все ее внимание было поглощено одним – как платить по счетам, так как она все больше и больше погружалась в долги.

В пятницу, в один мрачный декабрьский день, Джек вернулся в Лондон в пустой дом матери – 35А Грейт Камберленд Плейс. Он написал ей письмо на адрес загородного дома, в котором она гостила, сообщая, что благополучно добрался домой, и, по-видимому, он чувствовал себя одиноким: «Умоляю тебя приехать как можно скорее».

Глава 11
Финансовый кризис и лишение карьеры
1898–1899

Лорд Сэлисбери продолжал пребывать на посту премьер-министра от консервативной партии в период 1898–1899 годов. Расходы правительства на 1898 финансовый год и начало 1899 года были уже очень высоки и составляли 117,6 миллиона фунтов стерлингов. В январе 1899 года правительству грозил возможный дефицит бюджета в 4 миллиона фунтов стерлингов[285]. Майкл Хикс Бич, канцлер-казначей, ответил на это призывом к повышению налогов, но лорд Сэлисбери был против этого, и дефицит увеличивался. Надвигающаяся англо-бурская война в Южной Африке имела еще более серьезные последствия для роста расходов, и к 1902 году их уровень достиг 295,2 миллиона фунтов стерлингов[286].

В ответ на письмо Дженни в ноябре 1897 года о том, что она собирается определить Джека в Сити, Уинстон выразил свой явный протест. По его словам, он готов был согласиться с этим при одном условии, что в дальнейшем Джек получит университетское образование. Но находясь вдали от дома, Уинстон не мог полностью понять всего происходящего между Дженни и Джеком, и он не осознавал, что Дженни заставляла его младшего брата идти в Сити на постоянную работу. Уинстон, с другого конца земного шара, пытался как можно больше помочь Джеку, и 10 января в письме к Дженни он выражал несогласие с ее решением. Он явно понимал истинное желание Джека получить университетское образование и, пытаясь помочь ему, даже предложил взять на свое имя ссуду, которую Джек мог бы выплатить по наступлении совершеннолетия.

В ответном письме от 13 января Дженни была явно разгневана тем, что ей противоречат. Она полагала, что лучше знает, как поступить:

Каждый считает, что мой план для него самый лучший. Он поедет на год в Германию, выучит бухгалтерское дело и немецкий язык, и в один прекрасный

день сделает себе состояние. Он уже вполне примирился с этим.

Учитывая широко распространенное презрение в аристократических кругах к джентльменам, занимающимся торговлей, трудно вообразить, кто был этот «каждый». В те времена ведение бухгалтерских книг вряд ли было подходящим занятием для внука герцога Мальборо, и никто из рода Мальборо или родственников Черчиллей не простил бы такой шаг.

В то время, когда между Дженни и Уинстоном кипели споры, Уэлдон, все еще полагающий, что Джек будет получать университетскую степень, сообщил ему в письме от 23 января о том, что он заполнил для него все анкеты для поступления в Оксфорд[287].

Сумма, необходимая на образование Джека, была не так уж велика относительно уровня жизни тех времен. Доктор Робин Дарволл-Смит, хранитель архива в Магдаленском колледже в Оксфорде, помог авторам этой книги в период работы над ней, предоставив им примерные расчеты стоимости проживания в университете и получения университетского диплома. Даже если допустить самый высокий уровень расходов, максимальная сумма составила бы 339 фунтов стерлингов / 1627,20 доллара в год. Дженни уже подсчитывала, что Джек «обходится» ей где-то в 300 фунтов стерлингов / 1440 долларов в год[288].

К концу января, до поступления на службу в качестве клерка у сэра Эрнеста Касселя, Дженни позволила Джеку удовлетворить свой интерес к армейской жизни, вступив в ряды Оксфордширских гусар, подразделение Йоменского полка, для прохождения неполной программы. После месяца тренировки он мог в дальнейшем совмещать два занятия – работать в Сити в течение недели и возвращаться в полк для дальнейшего обучения военной службе в выходные дни и во время отпуска. В письме к матери от 10 января Уинстон также предлагал, что, помимо открытой возможности университетского образования, Джек может избрать для себя, если захочет, профессию кадрового военного. В ответ на это Дженни выразила еще большее несогласие и раздражение. В письме от 13 января говорилось:

> *Ты говоришь о том, что Джек пойдет в армию, совершенно не подумав – ты же знаешь, что он никогда не пройдет медицинскую комиссию из-за своих глаз – и кроме того, где я возьму для него достаточное пособие?… Он вступил в оксфордское подразделение Йоменского полка и пройдет месячную строевую подготовку в Алдершоте, и у него будет еще 10 дней до отъезда в Берлин. Он*

приобретет военную выправку и получит отличное обмундирование, годное на все случаи. Но как я собираюсь платить за это, я даже не представляю!

Упоминание проблемы Джека с глазами относилось к случаю, происшедшему в детстве, когда в Дипдене друг их семьи, Джон Прескотт Хьюит, во время стрельбы задел глаз Джека. Джек испытывал небольшие проблемы с этим глазом и надевал очки при чтении, но эта травма никогда не считалась серьезной[289]. Вполне очевидно, что Джек прошел медицинскую комиссию при поступлении в оксфордширский гусарский полк, который, в случае войны, предназначался для участия в боевых действиях.

После посещения сэра Эрнеста Касселя 20 января Дженни отправилась вместе с Джеком на неделю к принцу Уэльскому в Сандрингем[290]. Кассель имел репутацию финансового гения, имеющего большие капиталовложения в Египте, Южной Америке и Соединенных Штатах. Он был близким другом принца и известным в его кругах под именем «банкира короля». То, что он с успехом вложил деньги принца и создал ему крупное состояние, было общепризнанным фактом. Дженни писала Уинстону: «Принц намерен проявлять благосклонность к вам обоим»[291]. Джек нехотя согласился пойти на работу к Касселю, несмотря на неопределенность по поводу своих будущих обязанностей.

Совершенно ясно, что Дженни добилась этого места у Касселя в надежде укрепить свои связи с принцем и нацелить Джека на создание состояния для улучшения финансового положения семьи. У Джека было мало надежд осуществить свои собственные стремления. В письме от 19 января Уинстон писал Джеку, что тот потерял возможность создания своей карьеры из-за того, что не был достаточно настойчив в своих требованиях к Дженни: «Ты виноват во всей этой ситуации, так как не высказывал определенного мнения. Если бы ты знал, чего хочешь, и настаивал на этом – никто бы тебя не остановил»[292].

В конце января и в феврале Джек проходил военную подготовку в лагере вблизи Бленхеймского дворца, в Оксфорде. Дженни постоянно нуждалась в деньгах, и ему приходилось выпрашивать у нее деньги на оплату дополнительных занятий. Тем не менее отношения между матерью и сыном оставались, как всегда, прекрасными, и Джек побуждал ее (в письме без даты) навестить его в лагере:

Мои дела здесь идут хорошо, и я отлично провожу время. Не могла бы ты приехать в Бленхейм в следующий вторник или среду… Ты могла бы прийти и посмотреть на строевой смотр, это очень приятное зрелище. Они

намереваются пригласить тебя в клуб-столовую, и т. д., так что приходи.

Остается неизвестным, приезжала ли к нему Дженни.

Когда Джек вернулся домой, Джени не послала его в Германию обучаться бухгалтерскому делу и совершенствовать знания немецкого языка. Она находилась в глубоком финансовом кризисе и пыталась привлечь ссуду в 17 000 фунтов стерлингов / 81 600 долларов[293]. Примерно в начале марта 1898 года Джек начал работу в служебных помещениях Касселя на улице Трогмортон в Лондоне. Он начал с самой низкой должности клерка, с условием, что со временем Кассель обучит его и доведет до позиции биржевого маклера, но это было далеким будущим[294]. По твердому убеждению Перегрина Черчилля, Джек ненавидел Сити и ту унизительную работу, которую он исполнял. Несмотря на то что его наняли на работу в качестве клерка, Джеку приходилось исполнять обязанности секретаря и администратора Касселя; сюда входили произведение расчетов и составление писем, организация деловых совещаний, ведение протоколов на собраниях и стенографирование писем, а затем печатание их на пишущей машинке. Он проводил долгие часы в работе в душных офисах Сити, без окон, и условия становились еще более трудными, когда ему приходилось отправляться вместе с Касселем в дальние деловые поездки за границу.

К середине марта Кассель вместе с Джеком должны были отправиться по делам в Каир, и Джек прошел ускоренный учебный курс стенографии Питмана и навыков «слепой» печати. Вскоре Джек обнаружил, что денег, которые ему платил Кассель, было недостаточно для жизни, и в письмах между Дженни и Джеком упоминалось, что каждый месяц она посылала ему денежный чек. В действительности не совсем ясно, получал ли он вообще жалованье в первые дни обучения. Возможно, он просто обучался ремеслу до тех пор, пока не получит место биржевого маклера[295]. Перегрин подозревал, что поначалу Джека отправили на работу к Касселю для отработки денег, которые Дженни заняла у него.

Вернувшись в Лондон в конце апреля, Джек попытался возобновить уроки фортепиано в свое свободное время, чтобы хоть как-то отвлечься от нелюбимой работы. Перегрин рассказывал, что Джек был отличным пианистом и часто посещал концерты классической музыки в Лондоне. Но его мать и Уинстон, похоже, использовали его для своих поручений. Уинстон наказывал ему в письмах объезжать его лошадей, а Дженни ожидала, что он будет вести дела с адвокатами семьи от

ее лица.

В период работы в Сити Джек начал делать попытки привести в порядок дела матери, которые она вела с адвокатами конторы Ламли, относительно вновь взятой ссуды и выплаты старых ссуд. Это было началом пожизненного занятия Джека финансовыми бумагами и делами семьи Черчиллей. Он находил утешение в своем любимом занятии фотографией, и ему нравилось фотографировать свою мать. В своем письме, написанном в разгар лета (без даты, примерно в июле/ августе), он писал матери из *Клуба холостяков* на Пиккадилли, особо отмечая слишком жаркую погоду с температурой в 85 градусов по Фаренгейту (29,4 градуса по Цельсию). В письме он пояснял, что когда адвокат Ламли выплатил ее последнюю ссуду, то он забыл отменить страховку, взятую под гарантию ссуды, и совершенно ненужным образом продолжал платить страховую премию.

Дженни, во время своих осенних визитов в загородные дома, ответила ему, с полным равнодушием к известию 19 сентября 1898 года из Минто-хаус в Хавике, Шотландия:

> *Надеюсь, в Лондоне все не так уж плохо. Скажи, начал ли ты [занятия] музыкой. Я так много думаю о тебе, мой дорогой, о том, как тебе одиноко и скучно в Лондоне. Но наступят и хорошие дни. Объезжаешь ли ты Араба [лошадь Уинстона]?*

В Египте Кассель был полностью занят проектом строительства первой Асуанской плотины, на финансирование которого он предоставил огромную ссуду. Британцы начали строительство плотины в 1889 году. Ее целью было предотвратить затопление реками прилегающих территорий, так как численность разместившегося по берегам реки населения значительно выросла за последние годы. Необходимо было защитить их земли и дома, а воды реки, богатые минералами и питательными веществами, можно было использовать в ирригационных целях на обрабатываемых землях и хлопковых плантациях. Предполагалась также, что вода перекрытой реки будет использоваться для выработки электричества.

Личный интерес Касселя к этому проекту заключался в том, что он владел сахарной компанией в Египте, хлопчатобумажными фабриками, а также корпорацией Дайра Саньех Ко. Лимитед, занимающейся производством сахара и штаб-квартира которой находилась в Лондоне. Когда в январе 1899 года Кассель вновь вернулся в Египет, его сопровождал Джек. Он прошел еще один курс стенографии для того, чтобы делать записи под диктовку Касселя. Дженни было хорошо известно, насколько Джек страдал

от неудобств в поездках и от морской болезни. В письме без даты, написанном в поезде на переезде от Пассау к Вене, глубокой зимой, он писал матери о своих мучениях. Но, боясь обеспокоить ее, он пытался сделать вид, что все в порядке, и сглаживал действительные трудности:

> *Мы приближаемся к Вене, и я уже так устал от поезда, в котором ужасно трясет. Мы очень хорошо доехали до Остенда, но я был не совсем здоров в начале пути и меня тошнило всю дорогу. Мы путешествуем с довольно большими удобствами, и нам предоставлен целый спальный вагон, что очень хорошо… Сейчас нас семеро, и у нас семеро слуг. Мы только что проезжали бесконечные поля, покрытые глубоким снегом, и здесь очень холодно.*

2 февраля, во вторник, он написал еще одно письмо из отеля «Савой» в Каире, сообщая Дженни о церемонии по поводу плотины, а именно, закладывание первого камня, означающего начало строительства. По плану закладывание камня должен был совершать герцог Коннахтский, но его задержала в пути непогода.

Дженни была так поглощена своими чувствами к Джорджу Корнуоллис-Весту, что ее не волновала тяжелая участь Джека. Несмотря на протесты Уинстона по поводу чрезмерных трат и займов матери, Дженни опять пыталась взять ссуду величиной в 3000 фунтов стерлингов / 14 400 долларов, возможно, чтобы покрыть недостающую часть ссуды в 17 000 фунтов стерлингов, в которой она изначально нуждалась.

Дженни решила выпускать журнал *Англосаксонское обозрение,* на что требовались средства. Она обратилась в письме к Альфреду Бейту, богатому финансисту и давнему другу Рэндольфа, с просьбой предоставить ей гарантию под ссуду. Джек писал своей матери (письмо без даты, примерно начало февраля) о том, что Бейт получил ее просьбу. Совершенно случайно Бейт оказался в компании с Джеком и Касселем во время их деловой поездки, и Бейт сообщил Джеку об этом письме. Джек великодушно попытался устроить эту ссуду для своей матери через Бейта, но у него на руках не было всей информации, поэтому он попросил Бейта связаться с адвокатской конторой Ламли в Лондоне.

В другом письме к матери (без даты) Джек сообщал о том, что он вместе с Касселем и его группой собирается отправиться 16 февраля вверх по Нилу «с чем-то вроде проверки сахарных заводов и хлопчатобумажных фабрик», также принадлежащих Касселю. Далее в письме Джек продолжал: «Может, там будет

интересно, но довольно однообразно… При первой возможности они играют в бридж, и каждая игра длится примерно три четверти часа – первую четверть часа они играют, а затем полчаса ругаются друг с другом». Он сообщал, что они должны отправиться домой 17 марта, успокаивая мать:

> *Мне доставляет удовольствие пойти и заказать два или три специальных поезда или пару пароходов. Мистер Кассель очень добр ко мне и дал мне своего второго слугу. Я ни в чем не нуждаюсь… Ты знаешь, послезавтра [4 февраля] мне исполнится девятнадцать лет.*

К своему стыду, Дженни забыла о его дне рождения, и на следующий день он опять писал ей из отеля «Савой», явно огорченный тем, что не получил от нее поздравления.

Несмотря на постоянное напряжение работы, Джек находил в ней и какой-то интерес. Он всегда усердно трудился и был свидетелем начала строительства Асуанской плотины, о чем он с восторгом писал матери примерно в конце февраля или начале марта. Он пытался отговорить ее от поездки в игорные дома: «Я бы на твоем месте не поехал в Монте-Карло – я представляю, во что обойдется там одна неделя». Далее он жаловался: «Мне придется поехать прямо домой, и сразу затем в этот ужасный Сити».

16 апреля 1899 года умерла вдовствующая герцогиня Мальборо в своем доме по адресу: 45 Портман-сквер в Лондоне. Тайно от всех она исключила Дженни из своего завещания. Единственные деньги, полученные Дженни по наследству, были 2000 фунтов стерлингов/ 9600 долларов, это все, что покойный герцог оставил Рэндольфу, и эта сумма находилась у его матери до ее смерти. Это был окончательный удар по состоянию Черчиллей и конец любой мечты о возможности карьеры для Джека.

Во время недели парусного спорта в Каус, 4 августа 1899 года заголовки газет кричали: «Британское общество ошеломлено»[296], так как была объявлена помолвка Дженни и Джорджа Корнуоллис-Веста. На следующий день Уинстон опубликовал опровержение, и заголовки газет вновь кричали сообщением: «Сын леди Рэндольф Черчилль отрицает тот факт, что его мать выйдет замуж за молодого Корнуоллис-Веста»[297].

Что касается романтической привязанности Уинстона к Памеле Плоуден, во время его пребывания в Индии в их переписке существуют пробелы, но нить их истории можно подхватить два года спустя после начала их отношений. Памела тем временем вернулась жить в Англию. В письме к ней,

написанном в доме своей матери по адресу: 35А Грейт-Камберленд Плейс, Уинстон извещал ее, что в пятницу он отправляется в Индию и хочет повидаться с ней[298]. Он делился с ней своими мыслями о книге, которую писал, под названием *Война на реке,* темой которой было повторное завоевание Судана британской армией под командованием Герберта Китченера. Было очевидно, что они были сильно влюблены друг в друга, но Памела проявляла нетерпение по поводу холодности Уинстона и выговаривала ему в письме, что он не способен на чувства. Он, в свою очередь, сообщал ей, что любит ее больше всего на свете и его чувства останутся неизменными. Уинстон не имел достаточных средств для женитьбы, но он пытался улучшить свое будущее финансовое положение с помощью писательского пера[299]. Для содержания Памелы в тех условиях, к которым она привыкла, необходимо было иметь значительный и постоянный доход, однако Джин Гамильтон высказывала мнение, что у Памелы тоже не было денег[300]. Уинстон вновь писал к своей матери в письме от 3 мая 1899 года[301], сообщая, что на Памелу произвели большое впечатление гранки двух первых глав его книги *Война на реке.*

Глава 12
Работа Дженни над Англосаксонским обозрением и в госпитале-корабле «Мейн» (Maine) во время англо-бурской войны 1898–1902

В 1899 году британские политики в Южной Африке затеяли войну против бурских республик под предлогом защиты прав британских золотодобытчиков на проживание и работу в этом регионе, но с намерением захватить золотые прииски в пользу Британской империи. В сентябре министр по делам британских колоний Джозеф Чемберлен послал бурам ультиматум с требованием полного равноправия для британских жителей (уитлендеров) в Южно-Африканской республике. Пол Крюгер, президент Южно-Африканской республики (Трансвааль), ответил встречным ультиматумом, давая британцам сорок восемь часов на полный отвод войск от границ Трансвааля. В случае неисполнения этого требования буры в союзе с Оранжевой провинцией должны были объявить войну против Британии. 11 октября ответом британского правительства было объявление войны.

В то время как роман Дженни с Джорджем Корнуоллис-Вестом был в полном разгаре, ей не хватало интеллектуальных занятий для удовлетворения своих культурных интересов. Джордж Керзон из Кедлстона, министр в кабинете консерваторов и близкий друг Черчиллей, и его жена Мэри[302], в девичестве Лейтер, красавица дочь из богатой семьи чикагского миллионера, которая была близкой подругой Дженни, должны были 6 января 1899 года занять посты вице-короля и вице-королевы Индии. Накануне отъезда из Англии, примерно в ноябре 1898 года, чета Керзонов и Дженни были приглашены в гости к герцогу и герцогине Портландским в Велбекское аббатство в Ноттингемшире[303]. Дженни сидела за обеденным столом рядом с Джорджем и «жаловалась» на ту «пустую жизнь, которую она вела в то время». Вскоре после этого разговора, в котором

Джордж Керзон подчеркнул все положительные стороны жизни незамужней женщины, Дженни решила заняться издательством журнала. Она «проконсультировалась» со своей «подругой, миссис Перл Крейджи», которая горячо поддержала эту идею, и решила издавать престижный журнал-обозрение культурной жизни со статьями по литературе, искусству, истории, политике и о жизни женщин[304]. Перл, дочь нью-йоркского коммерсанта Джона Моргана Ричардса, жила в Лондоне и была признанной писательницей, пишущей под псевдонимом Джон Оливер Хоббс[305]. Перл была женщиной невысокого роста, с темными волосами и красивыми глазами, и она обладала живым интеллектом. Она также была известна как писательница романов и обзорных статей. Ее первый роман «О некоторых чувствах и нравах» пользовался огромным успехом. Дженни высоко ценила Перл и называла ее «блестящей и умной собеседницей»[306]. Обе женщины имели много общего, особенно взаимный интерес к литературе, музыке и театру, и обе превосходно играли на фортепиано. Иногда они вместе играли на концертах, одним из которых был концерт в лондонском Концертном зале королевы, Куин-Холл, где они играли втроем с мадемуазель Жаноттой, известной пианисткой при дворце императора Германии. Дирижировал «Концертом Баха фа минор для трех фортепиано с оркестром из Королевского музыкального колледжа» сэр Уолтер Парратт[307], также известный органист. Дженни говорила, что она «старалась не пропускать пьесы миссис Крейджи, которые затем мы долго обсуждали»[308].

Перл познакомила Дженни с преуспевающим издателем Джоном Лейном, владельцем издательского дома Бодли Хед. Ее первая деловая встреча с Лейном состоялась 3 декабря 1898 года, и он согласился издавать журнал Дженни, а также производить оплату писателям и организовывать и оплачивать рекламу. Перл также познакомила Дженни с Сидни Лоу, который был редактором *St. James Gazette* (1888–1897 г.) и литературным редактором утренней газеты *Morning Standard* – двух широко известных британских вестников. Лоу должен был работать с Дженни в качестве помощника редактора, занимаясь чтением рукописных работ и предлагая ей совет по выбору идей для статей ее журнала, так необходимых для его успеха. Лоу предложил обложку для журнала в виде зеленого переплета из телячьей кожи с тиснением из золота, а оформление журнала и переплет должны были быть точной копией журнала эпохи короля Джеймса Первого. Позднее они решили использовать несколько видов переплетов разных исторических периодов[309]. Дженни обратилась за профессиональным советом по поводу

книжных переплетов различных исторических периодов к Сириле Давенпорт, специалисту по истории переплетного дела, работавшей в Британском музее, и она согласилась помочь Дженни подобрать красивые обложки, «факсимильные экземпляры книг шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого веков», которые представляли собой «в основном примеры из Британского музея»[310]. Давенпорт должна была писать статьи о зданиях в каждом выпуске *Обозрения*. Журнал должен был издаваться в виде книги, и каждое издание предполагало иметь множество страниц.

Иллюстрирование журнала Дженни поручила Лайонеллу Касту, искусствоведу и директору Национальной портретной галереи. Она намеревалась приглашать известных литераторов высокого калибра писать статьи в журнал и оплачивать их труд. Дженни встретилась со своим бывшим возлюбленным, Бурком Кокреном, во время его визита в Лондон, и они обсудили финансовую сторону этого предприятия. Его совет был всесторонне блестящим и умным. Их обсуждение касалось создания синдиката из шести вкладчиков для финансирования журнала в первый год его издания. Дженни поделилась с Бурком своим желанием привлечь талантливых американских писателей в свой журнал. По возвращении в Соединенные Штаты Бурк получил письмо от Дженни (без даты) со словами – «ты был для меня надежной опорой»[311].

По-видимому, он познакомил ее с крупными американскими писателями, статьи которых появлялись в последующие месяцы на страницах ее журнала. Все это происходило в конце 1898 года и в первые месяцы 1899 года.

Дженни оставалось только выбрать подходящее название для своего журнала. Сэр Эдгар Винсент, «чье классическое и литературное образование подкреплялось удивительным здравым смыслом, предложил назвать журнал Англосаксонским»[312]. Дженни добавила слово «обозрение», и таким образом получилось название журнала.

Целью *Обозрения* было не только удовлетворять литературный интерес Дженни, но и приносить доход. Уинстон сообщал ей в письме из Бангалора от 1 января 1899 года[313], что она может иметь годовой доход от журнала в размере 1000 фунтов стерлингов / 4800 долларов. Дженни дала журналу уменьшительное прозвище «магги» [сокращение от английского слова «журнал»] и продавала его по цене одна гинея за копию (что в современном выражении составляет более 73 фунтов стерлингов / 35,40 долларов).

В письме к Джеку от 24 февраля Дженни сообщала, что

занимается организацией синдиката для финансирования *Обозрения,* но это «беспокойное занятие». В числе привлеченных в синдикат были Бурк Кокрен, Эрнест Кассель, Джон Морган Ричардс и герцогиня Лили Бересфорд, которая в прошлом была замужем за 8-м герцогом Мальборо. Уинстон вложил в синдикат 250 фунтов стерлингов / 1200 долларов за себя и Джека из ранее инвестированных средств[314].

Какое бы будущее ни прочили журналу, финансы Дженни все еще находились в тревожном состоянии. Взятая ею в 1898 году ссуда изначально была размером в 17 000 фунтов стерлингов / 81 600 долларов. Джек, находясь в Египте, добился от Бейта согласия на эту ссуду. 2 февраля он писал матери из отеля «Савой» в Каире:

> *На днях я послал тебе телеграмму о Бейте. Я только что поймал его перед отъездом в Малую Азию… Твое письмо шло так медленно и нагнало его только несколько дней назад… Он сказал, что готов предоставить эту ссуду на прежних условиях, о которых Ламли упоминал в связи с прошлой ссудой*[315].

Разочарование Уинстона армией в Индии достигло такого предела, что он намеревался оставить свой пост предписания. В письме от 26 марта 1899 года[316] к своей бабушке, вдовствующей герцогине, он писал о причинах своего решения, а именно о том, что домашняя жизнь гораздо дешевле и что он может зарабатывать деньги с помощью писательского пера. В конце апреля Уинстон вернулся в Лондон. К наступлению мая он уже активно преследовал цель политической карьеры. Он также помог матери, написав вступительное слово к первому изданию *Обозрения*[317].

Дженни устроила официальный обед, чтобы «представить всем Магги», как она ласково называла журнал. Итак, «книга в восхитительной обложке, точная копия книги из серии Тевета *Vie des hommes illustres [Жизнь замечательных людей],* которая была выпущена примерно в 1604 году для Джеймса Первого», вышла в свет[318].

Первое издание «*Англосаксонского обозрения*» было опубликовано в июне 1899 года. В нем содержалась длинная повесть знаменитого американского писателя Генри Джеймса, автора таких известных романов, как *Поворот винта* и *Золотая чаша,* и гонорар автора за эту повесть составил 40 фунтов стерлингов / 192 доллара. За поэму «*Битва на Ниле*» Алгернон Свинбурн получил 15 фунтов стерлингов. Перл Крейджи, творившая под псевдонимом Джон Оливер Хоббс, написала

драматическую поэму в двух актах *Осберн и Урсын,* которая заняла в журнале тридцати три страницы. Она получила за нее 40 фунтов стерлингов / 192 доллара. Профессор Оливер Лодж написал статью о беспроводной телеграфии и получил гонорар в размере 25 фунтов стерлингов / 120 долларов[319]. Лодж был физиком и писателем и занимался разработкой беспроводного телеграфа. В 1898 году он получил патент на «синтоническую» модель связи, или настройку, в американском Государственном патентном офисе.

Лорд Розбери, член кабинета либерального правительства и бывший премьер-министр (1894–1895 гг.), написал статью на двадцати трех страницах о сэре Роберте Пиле, бывшем премьер-министре и лидере консервативной партии, который прославился тем, что положил начало современной полицейской системе. Розбери, будучи давним другом лорда Рэндольфа Черчилля, возможно, отказался от гонорара. Герцогиня Девонширская предоставила в журнал пять писем, написанных Джорджианой, герцогиней Девонширской (1757–1806), и получила плату в 25 фунтов стерлингов[320]. Элизабет Робинс[321], актриса родом из Кентукки, которая играла ведущие роли в пьесах Генрика Ибсена, таких как «*Гедда Габлер*», «*Кукольный дом*» и «*Строитель Сольнес*», и которую называли в Великобритании «Папесса Ибсена», получила 31 фунт стерлингов и 10 шиллингов за статью на двадцати восьми страницах под названием «*Современная женщина, рожденная в 1689 году*». Это была история о леди Мэри Уортли Монтагю, английской аристократке и писательнице, которая жила в 1700-х годах.

На момент выхода первого издания журнала Лейн находился уже более месяца в отъезде, а Лоу был болен, поэтому Дженни приходилось справляться со многим одной, однако Перл Крейджи оказывала ей неизменную помощь.

Критики как в Америке, так и в Великобритании принялись за работу над «Магги». Они находили изъяны в «тоне» журнала, считая его «отдаленно аристократическим», и над *Обозрением* смеялись по поводу того, что «в нем слишком много представителей высшего общества»[322]. Журнал считался чересчур дорогим, и его обложка была не из настоящей кожи. Однако вечерняя газета *Pall Mall Gazette*[323] опубликовала о нем длинный (в несколько сотен слов) и положительный отзыв:

> *Почему бы не сберечь хотя бы несколькие из лучших работ современности? Соединенные Штаты представлены мистером Уайтлоу Рейдом, мистером Генри Джеймсом и мисс Элизабет Робинс. Наиболее*

интересными статьями, однако, и темами, поддерживающими постоянный интерес к этому журналу, <…> являются статьи лорда Розбери и г-на Албернона Свинбурна. Понимание лордом Розбери жизни и характера сэра Роберта Пила не только проливает новый свет на личность этого государственного деятеля, но и дает возможность бывшему премьер-министру выразить свои взгляды о функциях и положении британского премьер-министра. Герцогиня Девонширская предоставила занимательные, неопубликованные ранее письма герцогини Джорджианы.

В октябре 1899 года разразилась вторая, как ее иногда называли, англо-бурская война. Дженни оказалась вовлеченной в военную работу, и это привело ее в Южную Африку. Ее работа над журналом была приостановлена на какое-то время, но на время своего отсутствия она поручила Сидни Лоу замещать ее. Лоу организовал выпуск двух номеров журнала в ее отсутствие.

Вернувшись домой в мае 1900 года, Дженни возобновила работу над «Обозрением». Были напечатаны статьи о Парижской конвенции и, конечно, об англо-бурской войне. Среди знаменитостей, предоставивших статьи в журнал, были лорд Крев, Эдмунд Госс и Джордж Бернард Шоу, которому принадлежала статья о Верди и которого Дженни описывала как «высокого, бледного, худого и аскетического вида» человека с «прекрасными светлыми глазами»[324]. В дальнейших выпусках журнала появились статьи Джона Горста, Джорджа Гиссинга, Мориса Баринга и Уильяма Арчера[325]. Фрэнсис, герцогиня Ворвикская, чей длительный роман с принцем Уэльским пришел к концу, написала статью, озаглавленную (как нельзя кстати) «Малые несчастья любительницы чтения». Было известно, что она растратила свое огромное состояние на большие обеды, приемы и балы, развлекая принца в доме своего мужа – в Ворвикском замке. Между Дженни и принцем Уэльским продолжалась мирная дружба, и он одобрительно отзывался об «Обозрении», но поскольку принц в то время был сильно увлечен романом с Элис Кеппель, то он отказался написать какую-либо статью для журнала Дженни.

Джон Лейн имел деловой склад ума и был заинтересован в извлечении прибыли от журнала, тогда как Лоу больше интересовала литература в любом ее проявлении. С самого начала Дженни ссорилась с Лейном по поводу ряда досадных ошибок, как например, их имена на титульной странице журнала были набраны слишком большим шрифтом. В мае Лейн поехал в

путешествие в Америку накануне выпуска первого номера журнала, намеченного на 15 июня, и Дженни пришлось одной справляться с проблемами. Вскоре она начала разочаровываться в «Магги», так как журнал не приносил много денег, и она винила во всем Лейна. Ее новый муж, Джордж Корнуоллис-Вест, тоже обвинял Лейна в неудаче с журналом, и 28 сентября 1900 года писал Дженни из Шотландии, побуждая ее «избавиться» от Лейна, и заверял ее, что она никогда не сделает на *Обозрении* денег, пока Лейн не уйдет[326]. Дженни последовала его совету, и в вышедшем в декабре 1900 года номере журнала появилось имя нового редактора – а именно самой Дженни, которая использовала свое замужнее имя, г-жа Корнуоллис-Вест. Она также привлекла к работе над журналом двух новых редакторов – Уильяма Эрла Ходжсона, бывшего редактора журнала *Национальное Ревю и Мир,* и Чарльза Уибли, автора политических портретов различных государственных лиц. В какой-то момент Дженни пришла к мнению, что слабая продажа журнала связана с зеленым цветом его обложки, незаметной на фоне других книг на книжных полках магазинов и в газетных киосках. Дженни изменила цвет обложки на ярко-красный, чтобы журнал лучше выделялся среди других книг на полке.

Среди новых статей в Обозрении была статья под названием «Военные мемуары», написанная Стивеном Крейном, автором известного романа «*Алый знак доблести*». Он писал: «Войну нельзя считать ни прекрасной, ни отвратительной; это просто жизнь, а проявления жизни всегда ускользают от нашего понимания». Вскоре он умер в возрасте всего двадцати девяти лет.

Другими темами статей *Обозрения* были Американская революция, американский атлетизм, большие государственные печати Великобритании, наследственные драгоценности дома Мальборо, табакерки, абсурдность музыкальной критики и жизнь знаменитых женщин недавних времен. Некоторые литературные критики сходились во мнении, что журнал освещал слишком разнообразные темы и не имел четкой направленности.

В одном из номеров журнала была напечатана статья озадачивающего содержания под названием «Следующее правительство», о которой Дженни ничего не знала, так как она в то время находилась на отдыхе в Шотландии. Статья содержала критику лорда Розбери, и Дженни пришлось письменно извиняться за это. Лорд Розбери стоически воспринял эту ситуацию, и 28 сентября 1901 года в письме к Дженни из Эдинбурга выразил мнение, что введение политических статей в *Обозрение* было большой ошибкой и в любом случае он эту статью

не читал и не собирается этого делать[327].

Десятый и последний номер «*Англосаксонского обозрения*» вышел в свет в сентябре 1902 года. *Обозрение* не смогло принести доход. Однако, в общем, считалось, что это был высококачественный журнал. В читательском мире существовало слишком много журналов-конкурентов, менее роскошных и дорогих. Последнее слово по поводу этого журнала осталось, пожалуй, за журналистом Майклом Роудсом, который описывал *Обозрение* в середине 1970-х годов как «уникальное» и «международное литературное обозрение высокого качества»[328].

Когда в октябре 1899 года в Южной Африке разразилась война[329], г-жа Дженни Блоу, американка, жена главного управляющего одного из богатейших горнодобывающих консорциумов Южной Африки, А.А. Блоу, решила организовать «плавучий госпиталь» для лечения раненых обеих враждующих сторон. Позднее, в том же месяце, к ней присоединилась Дженни Черчилль вместе с другими женщинами, образовав для этих целей исполнительный комитет[330], и Дженни стала председателем Фонда США в поддержку плавучего госпиталя. Первое заседание комитета состоялось 25 октября 1899 года в доме Дженни. Активно работая в течение последующих месяцев, они смогли организовать и собрать средства для этой поездки. Лежащая перед ними задача заключалась в том, чтобы отправить в Южную Африку «пригодный плавучий госпиталь, полностью оснащенный медицинскими средствами и оборудованием, способный обслуживать 200 человек, со штатом из 4 врачей, 5 медсестер и 40 военнослужащих офицерского состава и санитаров»[331]. Дженни обратилась к г-же Уитлоу Рейд в Нью-Йорке, которая имела отличные связи в медицинской среде посредством контакта с *Миллс* – Школой для подготовки медсестер, и она предоставила им «самых квалифицированных врачей, медсестер и санитаров»[332]. Прибывший из Нью-Йорка штат медицинских работников был тепло встречен в Лондоне. Гостиницы предлагали им номера за сниженную плату. Для них устраивали, как для знаменитостей, обеды и приемы. Королева Виктория пригласила их в Виндзорский дворец осмотреть парадные покои, и после легкого обеда они были официально представлены королеве.

Для финансирования этого предприятия требовалась сумма величиной в 30 000 фунтов стерлингов / 150 000 долларов[333]. Задача была трудной, но Дженни обладала отличными организационными способностями и знала многих богатых людей в высшем обществе. «Были организованы концерты, дневные спектакли и развлечения всякого рода»[334]. Вскоре к ним потекли

деньги и медикаменты. Плавучий госпиталь – блестящий подарок от американского миллионера Бернарда Наделя Бейкера – был подготовлен вовремя. Бейкер был основателем Атлантической транспортной компании в Балтиморе, и он позволил британскому правительству пользоваться одним из своих транспортных кораблей под названием *Мейн*. В прошлом этот корабль использовался для перевозки скота, но сейчас его надо было переоборудовать под плавучий госпиталь, с палатами для больных. Для этих целей Дженни заручилась помощью армии. Комитет уже получил добровольные взносы на сумму 15 000 фунтов стерлингов / 72 000 долларов, и Дженни организовала в отеле «Кларидж» в Лондоне огромный банкет с целью сбора денежных средств. Дженни уже решила, что поплывет на корабле в Кейптаун, и сообщила об этом 9 января в интервью лондонской газете *Daily Май*:

> *Я не собираюсь «играть» в медсестру. <…> Я буду заниматься только корреспонденцией. <…> Когда я вернусь? Откуда же я знаю, как долго продлится война, но я собираюсь пробыть там до самого конца войны*[335].

Для «сестры Дженни», как ее позднее стали называть раненые, привлекательность работы на корабле от Красного Креста заключалась в том, что ее жених, лейтенант Джордж Корнуоллис-Вест, и Уинстон уже отправились на военную службу. 6 января 1900 года за ними последовал Джек Черчилль, которому было только девятнадцать лет. Несмотря на то что Уинстон и Джек принадлежали к полку Оксфордширских гусар, они вступили в Южно-африканскую легкую кавалерию в качестве офицеров и вскоре стали совместно участвовать в сражениях. Уинстон пошел на войну как военный корреспондент газеты *Morning Post,* и он совмещал профессию корреспондента с участием в активных сражениях. Джордж отплыл вместе со своим полком Шотландских гусар на корабле *Нубия,* лайнере компании *P&O*. По слухам, он и его друзья опустошили во время пути двадцать ящиков шампанского *1887 Perrie-Jouet,* подаренного им Альфредом де Ротшильдом, принадлежащим к семье банкиров Ротшильдов.

Очаровательный благотворительный банкет, устроенный Дженни в отеле «Кларидж», был омрачен полученными ею плохими новостями о том, что Уинстон был взят бурами в плен. Поезд, на котором он находился, попал в засаду. Впоследствии ему удалось бежать, скитаться какое-то время, и в конце концов он вернулся живым и невредимым.

Дженни приготовилась к отплытию на корабле *Мейн* в

Кейптаун. Церемонию отплытия проводил Его Королевское высочество герцог Коннаухтский, младший брат принца Уэльского, который поднял на мачту британский национальный флаг «Юнион Джек» под звуки оркестра Шотландской гвардии, исполнившего сначала патриотический гимн Великобритании «Rule Britannia», а затем гимн США «Star-Spangled Banner». На корабле *Мейн* развевалось четыре флага – флаг США, Великобритании, Красного Креста и флаг Адмиралтейства, используемый на транспортных судах. Они отплыли из портсмутского порта в субботу 23 декабря 1899 года.

Хирург-подполковник, Х.Ф. Хенсман, из военно-медицинского управления прежнего второго лейб-гвардейского конного полка, был ответственным офицером на корабле *Мейн,* а майор Джулиан М. Кабелл из военно-медицинского управления США был на борту корабля главным хирургом с американской стороны. Роль Дженни заключалась в руководстве медицинским персоналом на корабле, а также в надзоре за тем, чтобы все палаты были готовы до прибытия в Южную Африку. Мисс Мэри Юджини Хиббард, управляющая госпиталем Грейс и Школой подготовки медсестер в Детройте, осуществляла надлежащий контроль над медсестрами. Профессиональная репутация мисс Хиббард была такова, что по прибытии в Лондон ей была предоставлена аудиенция с королевой Викторией, а также она посетила Флоренс Найтингел, которой в то время было восемьдесят лет. Мисс Элеанор Уоррендер, сестра недавнего возлюбленного Дженни, Хью, была секретарем Дженни на корабле.

> *Все медсестры на корабле Мейн были обеты в простую униформу: длинная белая юбка, короткий белый жакет, нарукавная повязка со словом Мейн и вышитым красным крестом, и белая шапочка с острием в середине. Дженни одевалась в униформу медсестры, дизайн которой она придумала сама – накрахмаленный белый передник, белая блузка и нарукавник с вышитым красным крестом.*

Переоборудование корабля было сопряжено с задержками, и после его отплытия там все еще продолжались необходимые работы. На корабле были хорошо оборудованное операционное помещение и рентгеновский кабинет. У Дженни была своя собственная комната, фотография которой изображает престижное, хотя и немного стесненное помещение, с кроватью в одном углу и с занавеской – единственным средством уединения. На стенах ярко-зеленого цвета висели семейные фотографии.

Еще до отплытия Дженни получила телеграмму от Джорджа, в которой сообщалось, что его освободили от службы по

состоянию здоровья в связи с сильным солнечным ударом. Ее романтические мечты о встрече с ним были разбиты, так как он направлялся на корабле домой, и они разминулись где-то в море. Родители Джорджа, Уильям и Мэри (Пэтси), были категорически против женитьбы Дженни и Джорджа, и Дженни получила от него письмо из его родительского дома, где он поправлялся после болезни. Джордж писал, что он проводит дни наедине с отцом, который пытается отговорить его от брака с Дженни. Уильям давал ему понять, что семья испытывала финансовые затруднения, которые можно было бы легко исправить в случае женитьбы Джорджа на богатой наследнице[336].

Уинстон и Джек служили вместе в Южной Африке под командованием полковника Джулиана Бинга. Бинг не возражал против того, чтобы Уинстон работал военным корреспондентом и в то же время участвовал в боевых сражениях. 6 января Дженни получила от Уинстона письмо об очень серьезном предстоящем сражении. Он говорил, что если выйдет оттуда живым, то сразу же отправится в Кейптаун. Но возможно, Дженни приедет в Дурбан собирать на корабль раненых[337].

Мейн тем временем попал в сильный шторм. У многих на корабле началась морская болезнь, в воздухе летали всяческие предметы. Они находились уже на последнем этапе путешествия и заправились свежими запасами в Лас-Пальмасе. Корабль был после шторма в ужасном состоянии, и на борту велась активная работа по его очистке. В течение всего путешествия между американской и английской сторонами происходили постоянные конфликты, и Дженни выступала в качестве примирителя. Мисс Хиббард, выпускница первой школы подготовки медсестер в Канаде, имела большой опыт работы и не подчинялась указам Дженни, которая не имела никаких навыков по уходу за больными. День рождения Дженни 9 января, когда ей исполнилось сорок шесть лет, прошел незамеченным. 19 января 1900 года она написала с корабля письмо принцу Уэльскому: «Мы надеемся прибыть в Кейптаун ранним утром в воскресенье [21 января]». Затем она описала все ужасы шторма, в который они попали:

> *Нам пришлось «лечь в дрейф» на 48 часов, и меня еще никогда в жизни так не бросало. У корабля очень перегруженный верх, и из-за больших открытых трапов он плохо справляется с волнением на море.*

Далее она говорила о распределении веса на нижних палубах корабля:

Я полагаю, если бы одна из сторон перевесила, то мы бы пошли на дно.

Дженни страдала морской болезнью, и когда *Мейн* прибыл в Лас-Пальмас, он остановился там на некоторое время:

> *Капитан Уинти загрузился углем – тот, который командует кораблем «Свирепый»; он был очень вежлив со мной, как и вице-консул, некий мистер Свонстон с симпатичной женой – они принесли мне телеграммы и цветы – взяли меня на берег и вообще занимались мной.*
> <…>
> *Было столько дел, чтобы привести палаты и все прочее в порядок – мы отплыли в таком беспорядке; но хуже всего для меня – это отсутствие новостей*[338].

Мейн прибыл в Кейптаун в 6 утра 23 января, и Джек должен был присоединиться там к матери. В гавани царила типичная для войны картина: корабли войск, высаживающихся на берег, улицы, полные солдат, но Джека там не было. Распоряжение о принятии решения по поводу *Мейна* было передано старшему офицеру медицинской службы Кейптауна. Он решил превратить *Мейн* в транспортный корабль. По его приказу они должны были отплыть в Дурбан 25 января, взять на борт раненых и немедленно отправиться в Англию. С самого начала подразумевалось, что корабль будет плавучим госпиталем, и Дженни была, естественно, очень расстроена этим решением. Погода по дороге в Дурбан была отвратительной, сильно штормило, сверкали молнии, падали «потоки градин» «величиной с небольшую сливу», разразился «ураган», разбилось одно из окон и «всюду лилась ледяная вода». Палуба «покрылась льдом», и они смогли добраться до Дурбана только 29 января[339]. Одно только было хорошо: приехал Джек, одетый в униформу, в большом сдвинутом на бок сомбреро, что делало его похожим на ковбоя. К ним присоединился Уинстон, и Черчилли провели вместе недолгих два дня.

Дженни использовала всю силу убеждения, чтобы *Мейн* не отправляли назад в Англию, и ей это удалось. Уинстон и Джек вернулись в свой полк, а Дженни со своим штатом медицинских работников готовилась к прибытию вагонов с военными, получившими ранения в битве при Спион-Копе. Когда 5 февраля к пристани неподалеку от Дурбана прибыл военно-санитарный поезд, Дженни, мисс Хиббард и медсестры были готовы к принятию раненых. Там было шестьдесят семь раненых солдат, двенадцать из которых были на носилках, а остальные были

легкоранеными. Газета *Центральные новости Дурбана* сообщала: «Леди Рэндольф лично руководила приемом раненых, размещением их в палатах и порхала над ранеными как “сестра милосердия”»[340].

Причиной такого особого освещения Дженни в прессе был отчасти тот факт, что Уинстон бежал из бурского плена. За его поимку было назначено вознаграждение, и буры развесили плакаты со словами ПОЙМАТЬ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ[341]. Уинстона считали военным героем, и британские газеты были полны репортажей о нем. Сыграл свою роль и ура-патриотизм: Дженни была американкой, говорила с сильным американским акцентом, а Америка была на стороне буров, выступая против политики Британии. Поэтому Дженни тоже считалась своего рода героиней, бросившей вызов своей родной стране.

Дженни утешала раненых и помогала им писать письма домой к своим родным и близким, и они называли ее «сестра Дженни». Ее обязанности были чисто административными, и помимо небольшой помощи при перевязках, она оставляла уход за больными профессиональным медсестрам.

Джек, чей военный опыт заключался только в посещении в конце недели Оксфордширского гусарского полка, теперь впервые видел настоящие боевые действия. Во время разведки верхом на коне вместе с Уинстоном его ранило в ногу[342]. Самые большие страхи Дженни оправдались: он оказался в числе первых поступивших раненых, всего девять дней спустя после своего дня рождения, когда ему исполнилось двадцать лет.

Пуля, ранившая Джека, сохранилась у его сына, Перегрина. Она была помещена в медальон на цепочке. После смерти Перегрина в 2002 году его жена Ивонн завещала эту пулю и парадную форму Джека Национальному армейскому музею в Лондоне. В настоящее время пуля выставлена на обозрение в музее Черчилля, в военном кабинете (бункере) Уинстона Черчилля в Лондоне.

3 марта 1900 года Дженни опять писала принцу Уэльскому из Дурбана:

> *Как только мы прибыли в Кейптаун, нам сразу же приказали отправляться сюда [в Дурбан], и корабль был заполнен в 24 часа. С того момента у нас был разный контингент раненых – одни поступали, другие выбывали – так как после быстрой поправки многие из них могли возвращаться на фронт. Мне очень приятно, что власти считают нашу работу эффективной и успешно используют нашу помощь.*

Далее Дженни сообщала принцу Уэльскому о ранении Джека:

> *По счастью, у него только поверхностная рана, но так как пуля была на излете, то отверстие раны довольно большое. Однако он вскоре поправится и, к моему сожалению, опять вернется на фронт. У него есть рота в Южноафриканском лейб-гвардейском полку, которая участвовала во многих сражениях и демонстрирует отличную службу.*

Далее шло сообщение о том, как служит Уинстон:

> *Уинстон находится с лордом Дандональдом и был откомандирован туда сэром Редверсом Буллером. Он вызывает у меня большое беспокойство – они вели сражения последние 10 дней. Вы можете себе представить, сударь, насколько прекрасные новости последней недели обрадовали меня. Остается только надеяться, что этот мятеж сорван и скоро придет коней, войне…*
>
> *Снятие осады Ледисмита было чрезвычайно трубной задачей, и кто знает, было ли в силах лорда Робертса или кого-нибудь другого ускорить это событие…*
>
> *Погода стоит прекрасная, на борту всегда свежий ветерок. Мы стоим на якоре посреди гавани…*
>
> *Надеюсь, у вас все хорошо, и прошу вас передать от меня привет принцессе [Александре].*
>
> *Не теряйте доверия к верной слуге Вашего Королевского Высочества.*
>
> *Дженни Спенсер-Черчилль*[343].

Джек описывал свое ранение в письме к тете, Кларе Фревен, которое он написал, находясь на корабле *Мейн*:

> *Слава богу, рана оказалось несерьезной, но боль не прекращалась ни на минуту. Я сначала сел на коня, так как эскадрон продолжал отступать, но, проехав с милю, Уинстон заставил меня сесть в санитарную повозку, и так резко оборвалась моя военная карьера. Мне так не повезло – я получил ранение при первом же обстреле. Но это был хороший день сражения, и пока я там находился, пуль, свистевших вокруг меня, было предостаточно*[344].

Увлекательные рассказы Джека о сражениях, пока он

находился на борту *Мейна,* еще больше усилили желание Дженни посетить охваченный войной район. Через несколько дней должно было произойти еще одно большое сражение, и Дженни мучилась при мысли, что Уинстон, такой безрассудно смелый, мог встретить свою смерть в этой схватке.

Она написала об этом Уинстону, и 18 февраля он ответил, приглашая ее приехать в Чивли-Кемп. Уинстон получил несколько дней отпуска и провел их на корабле *Мейн* вместе с матерью и Джеком. На корабле также присутствовал капитан Перси Скотт, командующий военным кораблем королевского флота Великобритании *HMS Terrible,* который изобрел лафет, позволяющий перевозить 4,7-дюймовое корабельное орудие через внутренние районы страны к линии фронта. В лагере Чивли-Кемп Скотт назвал это орудие «леди Рэндольф Черчилль», и именно Дженни выпустила из него первый пробный залп. С помощью капитана Скотта Дженни, в сопровождении Элеанор Уоррендер и полковника Хенсмана, отправилась осматривать другие госпитали в Чивли. По дороге они прошли мимо искореженного, сожженного бронепоезда, из которого Уинстон за несколько недель до этого был взят в плен. Поезд все еще лежал на боку. В нескольких ярдах от него разместилось временное кладбище, где были похоронены погибшие на этом поезде.

Корабль *Мейн* был уже почти полностью заполнен ранеными, и Дженни со своей группой работала весь день и дежурила по ночам. Раненые, американцы и буры, поступали в разорванной в клочья одежде, заляпанные грязью с полей сражений. Во время первого морского путешествия на борту *Мейна* было сделано двадцать операций, и имели место три смертельных случая. Одна смерть была вызвана брюшным тифом, причиной второй смерти был аневризм, а в третьем случае раненый умер от туберкулеза. Медсестры промывали и забинтовывали раны, а также вводили раненым имеющиеся в наличии болеутоляющие средства, в основном морфий. Операции по извлечению застрявших пуль производились хирургом с использованием эфира в качестве анестезирующего средства. Дженни вместе с медсестрами старалась поддерживать в раненых моральный дух. Для выздоравливающих Дженни организовывала часы пения и устраивала концерты. По ночам измученные битвами и страдающие от боли раненые стонали во сне, а некоторые кричали в кошмарном бреду. Ночное дежурство было долгим и мрачным.

В течение многих лет, в особенности после смерти лорда Рэндольфа, Дженни была доверенным лицом принца Уэльского. Но положение менялось, так как он был горячо против ее брака с

Джорджем Корнуоллис-Вестом и встал в этом вопросе на сторону его родителей. Дженни отправила принцу еще одно письмо, и 16 февраля 1900 года он ответил ей из Мальборо-хаус, благодаря ее за письмо и выражая сожаление, что ее поездка в Кейптаун проходила в таких трудных условиях. Принц поздравил Дженни с успешной работой на корабле-госпитале *Мейн* и написал несколько слов по поводу ее разочарования из-за несостоявшейся встречи с Джорджем. 10 марта Дженни написала принцу ответное письмо:

> *Я довольна выполненной миссией Мейна – и, если можно сказать, моим участием в ней. Работа была очень трудной, и иногда у меня был большой соблазн умчаться домой на почтовом пароходе – но я рада, что устояла*[345].

29 марта Дженни обедала вместе с капитаном Скоттом на борту *HMS Terrible,* когда до них дошли известия о снятии осады Ледисмита. Жители Дурбана были в восторге, и в Лондоне собрались ликующие толпы людей, распевающие песню «Солдаты королевы».

Джек, после своего выздоровления и позирования рядом со своей матерью на фотографиях, которые должны были войти в историю, вернулся в свой полк. Недостаток опыта боевой службы не останавливал его на пути к своей военной карьере.

Мейн был заполнен ранеными, освобожденными от армии по инвалидности. Они отплыли в Англию, останавливаясь по пути в Мадейре для пополнения своих запасов пищи и пресной воды. Во время отсутствия Дженни на корабле в полночь умер сержант Грэнтем, который страдал туберкулезом. Дженни организовала его похороны в Фунчале.

Мейн прибыл в Саутгемптон в апреле 1900 года. На его борту было более 350 раненых. Газеты сообщали, что когда корабль подошел к пристани, Дженни стояла на палубе, цветущая и бодрая. На ней было синее платье из саржи, а слева на ее груди был приколот значок с названием корабля *Мейн.* На шее у нее был красный галстук с приколотой брошью с изображением Красного креста. По краям ее белой соломенной шляпки развевались на ветру голубые шелковые ленты с рельефным изображением американского флага. Она привезла с собой ящерицу, хамелеона[346].

Девять дней спустя *Мейн* опять отправился в плавание, но Дженни не было на его борту. Причина ее отсутствия была «политической», так как Соединенные Штаты Америки не поддерживали эту войну. Но изначально такая позиция Америки не остановила Дженни от ее поездки.

Вернувшись домой, Дженни столкнулась с финансовыми проблемами. «*Англосаксонское обозрение*» не приносило денег, а средства, полученные от синдиката, быстро истощались вместе со ссудами, взятыми ею на его учреждение[347]. Пожалуй, статья *Обозрения* в декабрьском номере 1900 года под названием «Впечатления и мнения» лучшим образом говорит о причинах отказа Дженни от поездки на *Мейне*:

> *Борьба идет не за победу, а за захват. Мы не просим поверженного врага предъявлять условия; нам нужны безоговорочное подчинение и отказ от своих территорий. О мирных переговорах нет и речи… Нет ничего более трусливого, чем сказать генералу: «Делай все, что сочтешь нужным. Жги фермы, мори голодом женщин, разоряй земли, стреляй, вешай и грабь. Но ради бога, не говори нам ничего об этом»*[348].

Этим подытоживалось оппозиционное отношение к войне, уже существовавшее в Америке, и отвращение к войне, назревавшее в Великобритании, так как из Южной Африки доходили рассказы о том, как бурских женщин и детей изгоняли из своих домов и ферм и загоняли их в своего рода концентрационные лагеря, где тысячи людей умирали от болезней и голода.

Дженни не поехала со следующим отплытием корабля, но какое-то время еще вела административную работу для *Мейна*.

Глава 13
Братья по оружию – война в Южной Африке
1899–1900

После ряда незначительных поражений в самом начале войны тяжеловесная британская армия оттеснила буров и захватила их основные города. Прежде чем сдаться 31 мая 1902 года, высокоманевренные и стойкие отряды буров подрывали авторитет британской армии в затяжной и затратной партизанской войне.

Лето 1899 года Уинстон и Джек провели со своей матерью в лондонском доме по адресу: 35А Грейт Камберленд Плейс. Уинстон, подготовив к публикации свою книгу «Война на реке»[349] (о которой упоминалось ранее), где он описывал, кроме прочего, период своей службы в Судане, серьезно задумался о политической карьере. Он стал искать для себя возможностей в этой сфере. И они не заставили себя ждать. 15 июня Уинстон был приглашен выступить с речью о политике консервативной партии на общем собрании в Олдхэмском парламентском округе, отделении партии консерваторов в Манчестере. 17 июня умер старший член парламента от Олдхэмского округа, и Уинстона пригласили баллотироваться на это вакантное место. Олдхэм был большим округом, и в те времена от него избиралось два депутата. Второй депутат ушел в отставку, и, таким образом, освободились оба места.

20 июня Уинстон писал Памеле Плоуден о том, что в тот вечер он начал подготовку речей для Олдхэмского округа в преддверии выборов[350]. 26 июня в письме к своей матери он просил ее приехать и помочь ему с агитационной работой. Уинстон также заметил, что если она привезет с собой Памелу, то он не сможет разместить их служанок. Если Дженни не может обойтись без служанки, то лучше отговорить Памелу от этой поездки[351].

Уинстон страдал тонзиллитом, и д-р Робсон Руз пообещал прислать ему особое лекарственное средство для полоскания горла. В письме к Памеле от 28 июня Уинстон говорил, что проведенное им накануне выступление имело большой успех и его речь длилась 50 минут, несмотря на больное горло. Он также сообщал Памеле, что ей будут отправлены копии всех местных

газет с блестящими отзывами о его выступлениях. Далее он выражал сожаление по поводу того, что она не смогла приехать в Олдхэм, и сообщал, что попросил свою мать рассказать Памеле обо всех его выступлениях[352].

2 июля[353] он послал ей еще одно письмо, говоря, что не берется предугадывать итоги голосования. Уинстон не был уверен, каким образом проголосуют тред-юнионы. Камнем преткновения являлся «Закон о церковной десятине». И в том же письме от 2 июля[354] Уинстон сообщал Памеле, что он выступил перед переполненной аудиторией восемь раз. Памела подарила ему талисман на счастье, и, по его словам, он никогда не расставался с ним, и в ту неделю думал о ней еще больше. Несомненно, Уинстон собирался сделать ей предложение в случае удачи на выборах. Члены парламента не получали никакой платы в отличие от членов кабинета министров. Однако, учитывая его растущий политический статус (как члена парламента от избирательного округа Олдхэм), Уинстон мог заручиться будущими предложениями о платных выступлениях по всей стране, и его популярность могла способствовать продаже написанной им книги, публикация которой ожидалась в скором времени. Письмо заканчивалось словами о том, как приятно ему думать об их возможной встрече в Бленхеймском дворце 15 июля, когда все дела будут позади и когда они смогут провести «еще одно тихое воскресенье». Это наводит на мысль, что такие встречи, вдали от взоров общества, имели место не один раз.

Выборы были назначены на 6 июля, и 2 июля Уинстон опять писал матери с просьбой приехать и помочь ему, а также сообщал, что его предвыборная кампания проходит хорошо[355]. Дженни с полной решимостью отправилась ему на помощь, так как в прошлом она помогала его отцу с предвыборной кампанией в Олдхэме. До ее приезда, на неделе проведения выборов, Уинстон сделал тактическую ошибку, выступив с критикой в сторону правительства и позиции партии тори в отношении второстепенного по своей важности «Закона о церковной десятине», который должен был принести выгоду духовенству Англиканской церкви и церковным школам, ссылаясь в своем выступлении на «беззаконие в церкви»[356]. Когда 6 июля были обнародованы результаты выборов, Уинстон оказался на третьем месте, позади двух кандидатов-радикалов, прошедших на выборах[357]. Несмотря на поражение, мать Уинстона и лидер консервативной партии, Артур Балфур, побуждали его не оставлять дальнейших попыток баллотироваться в парламент.

После этого Уинстон вернулся в тишину Бленхеймского дворца (он был в хороших отношениях с Сании Мальборо, 9-м

герцогом), чтобы продолжить работу над книгой. В письме к матери от 13 августа он говорил, что вычитывает гранки «Войны на реке» и с удовольствием ожидает дня приезда Памелы, в среду 15 августа[358].

В течение ряда лет Альфред Милнер, верховный комиссар Капской колонии в Южной Африке, намеревался приобрести для Британской империи золотоносные рудники в бурских республиках – Трансвааль и Оранжевое Свободное государство, в которых проживали голландские колонисты. Он также хотел создать союз британских колоний «от Кейптауна до Каира» с целью установления господства на африканском континенте и намеревался стать во главе этого союза.

В 1899 году между бурскими республиками и британским правительством возникла кризисная ситуация в связи с отсутствием права голосования у большого числа небурских рабочих (утландеров), занятых на золотоносных рудниках. Они в основном состояли из британцев. Британское правительство направило дополнительные войска из Индии в Южную Африку, так как кризисная ситуация усугублялась. В сентябре Уинстон добился позиции военного корреспондента в Южной Африке от ежедневной консервативной газеты *Morning Post*.

11 октября разразилась вторая бурская война между бурами и британцами. 14 октября Уинстон отплыл в Кейптаун на корабле *Даннотар Касл*. По случайному совпадению на том же корабле находился генерал сэр Редрес Буллер, направлявшийся в Южную Африку для командования армией и имевший в том месяце особое задание руководить полевыми войсками в южноафриканской провинции Наталь. Когда-то Буллер обещал Уинстону найти для него место в своем полку, и Уинстон, который всей душой стремился активно участвовать в действительных военных действиях, использовал все возможности, чтобы добиться назначения в полк, но не имел успеха.

Поскольку буры начали быстрое наступление еще до того, как британцы были действительно готовы к войне, то Уинстон больше всего боялся скорого окончания войны и невозможности для себя попасть на фронт. Вместе с двумя другими журналистами Уинстон сошел с корабля в Кейптауне и, пользуясь железной дорогой и лодкой, прибыл в Наталь за четыре дня до приезда Буллера. Он тут же отправился на особом поезде в Ледисмит, но ему удалось доехать только до Эсткорта, так как буры заблокировали железнодорожный путь.

Капитан Айлмер Холдейн из второго Гордонского хайлендерского полка, друг Уинстона со времен военной службы

в Индии, посоветовал ему присоединиться к бронированному поезду с отрядом Холдейна, направлявшемуся с целью военной разведки в сторону позиции буров в Коленсо, поселении на реке Тугеле в Северном Натале. Они отправились туда 15 ноября 1899 года. На обратном пути в тот же день буры напали из засады на поезд, три вагона сошли с рельсов, один из них заблокировал путь и мешал прохождению паровоза, тендера и двух других вагонов. Капитан Холдейн пытался подавить огонь врага с помощью команды пехотных отрядов, находящихся на борту поезда, тогда как «мистер Черчилль, особый корреспондент газеты *Morning Post*» (как его позднее называла британская пресса), старался расчистить железнодорожный путь. Уинстон продемонстрировал большую личную отвагу находясь под обстрелом врага и помогая солдатам передвинуть вручную сошедший с рельсов вагон, чтобы обезопасить путь паровозу, на котором находились раненые.

Отправив паровоз в надежный путь, Уинстон вернулся к месту столкновения, которое к тому времени было окружено бурами, и его взяли в плен вместе с двумя офицерами и пятьюдесятью солдатами. Их доставили в тюрьму в Претории под названием *State Model School* Все очевидцы сходились во мнении, что, будь Уинстон в то время военнослужащим, то его бы наградили орденом Крест Виктории, т. е. высшей наградой военнослужащих вооруженных сил за героизм, проявленный в боевой обстановке. Этот инцидент принес Уинстону большую известность и славу, и его заключение в тюрьму в Претории вызвало странную волну эйфории в кругах британской прессы.

Телеграммы с этой новостью облетели весь мир; мать Уинстона узнала о его плене на следующий день, а Джек позвонил ей 17 ноября, заверяя, что Уинстон, по слухам, не ранен и проявил отменное бесстрашие.

18 ноября Уинстон писал Памеле из своего заключения в тюрьме *State Model School* в Претории[359]. В письме он говорил о том, как часто думает о ней. Он также выражал надежду на свое скорое освобождение, поскольку при захвате у него не было оружия и при нем был документ, удостоверяющий его статус военного корреспондента, а не военнослужащего.

В тот же день Уинстон написал письмо матери, высказывая мнение, что буры не должны держать в плену корреспондента газеты[360]. К тому моменту, когда письмо дошло до Лондона в первый день нового 1900 года, он уже бежал из плена.

Памела, узнав о побеге Уинстона, послала его матери телеграмму с двумя словами: «Слава богу»[361].

Согласно истории, сделавшей его знаменитым и которую

позднее в подробностях рассказывала его внучка, Силия Сандис[362], он бежал из тюрьмы в ночь 11 декабря, перебравшись через стену в сад в тот момент, когда часовой закуривал трубку. Предполагалось, что другие заключенные последуют за ним, и он прождал их около полутора часов, сидя в кустах. Никто из них не появился, и Уинстон решил отправиться в одиночку в сторону ближайшей железной дороги с намерением «вскочить» на поезд и добраться до Португальской Восточной Африки. Ему сопутствовала большая удача, так как, постучав в первый попавшийся дом и рассказав маловероятную историю о том, что он является отставшим от поезда врачом, Уинстон случайно попал к управляющему угольными шахтами в Трансваале и заливе Делагоа – мистеру Джону Хауэрду, который был абсолютно предан Британии. К 18 декабря буры распространили везде описание Уинстона с обещанием вознаграждения в 25 фунтов стерлингов / 120 долларов за его поимку «живым или мертвым». На следующий день Хауэрд вместе со своими друзьями тайно провел Уинстона на борт поезда, направлявшегося в Лоренсу-Маркиш, столицу Мозамбика, расположенную на северном берегу реки Эспириту-Санто. Очутившись на нейтральной территории Португальской Восточной Африки, Уинстон обратился в британское консульство и вскоре смог отплыть в Дурбан в Южной Африке. По прибытии туда 23 декабря 1899 года его встречали как героя. Но Уинстон хотел незамедлительно вернуться на место военных действий. Он сел на поезд, идущий в Питермарицбург, намереваясь примкнуть к войскам Буллера. В канун Рождества он расположился на отдых всего в сотне ярдов от места, где 15 ноября он был захвачен в плен.

В семье Черчиллей было известно, что в то Рождество Уинстон и Памела тайно обручились[363]. Поскольку Уинстон не был дома несколько месяцев, предложение, должно быть, было сделано в письме. Их помолвку держали в тайне, так как Уинстон пока еще не имел достаточного дохода для того, чтобы жениться. Обрученные, как ожидалось, должны были жениться в течение месяца, и обязательно в течение трех месяцев со дня помолвки.

В начале января 1900 года Буллер назначил Уинстона, о котором он писал: «Он действительно отличный малый»[364], на должность лейтенанта полка Южноафриканской легкой кавалерии[365]. К большой радости и удаче Уинстона, Буллер не потребовал, чтобы тот отказался от оплачиваемой позиции корреспондента прессы. Уинстон ответил на его великодушие страстным призывом к англичанам в газете *Morning Post* вступать в ряды Южноафриканской легкой кавалерии.

Джека тоже не обошла удача. Уинстон прислал ему телеграмму с сообщением о том, что подполковник Джулиан Бинг, командующий Первым полком Южноафриканской легкой кавалерии, предложил Джеку стать во главе отряда в этом полку[366]. В ответ Джек телеграфировал свое согласие и в первую неделю января отправился в путь.

Вся семья Черчиллей сплотилась в поддержку британской стороны в трудную минуту. Как говорилось в предыдущей главе, Дженни отправилась в Кейптаун на корабле-госпитале *Мейн.* Джеку удалось встретиться там с матерью, и они вместе направились в Дурбан, куда добрались в конце января 1900 года. Джек в шутку говорил матери, что она вызывает своего рода «зависть», так как ее свояченица, Джорджиана Курзон, леди Хоуве, тоже пыталась организовать пункт скорой медицинской помощи для служащих йоменских кавалерийских полков в Южной Африке. Двоюродный брат Уинстона и Джека, Санни – девятый герцог Мальборо – отправился в Йоменский полк на штабную работу; его двухлетний сын Джон был единственным мужчиной в семье Черчиллей, не носившим военную форму.

10 января Уинстон писал Памеле из Чивли в Натале[367]. Он сообщал, что получил от нее письмо с известием о серьезной болезни ее сводного брата Руперта. Руперт был сыном ее отца от второго брака. Письмо Уинстона содержало много описаний хода Англо-бурской войны. Он опасался, что город Ледисмит попадет в руки врага и многие из его друзей будут взяты бурами в плен. В следующем письме к Памеле от 28 января Уинстон сообщал, что получил от нее пять писем за одну неделю, что говорило о ее растущей тревоге за него[368]. Уинстон писал, что они потеряли в боях 70 офицеров и 1500 солдат. Однако он не соглашался с ее предложением вернуться домой. В то время Джек со своей матерью должны были прибыть на корабле *Мейн* в Дурбан, и Уинстон говорил Памеле, что если бы она присоединилась к ним в качестве секретаря, то это помогло бы их встрече. Сцены сражений около холма Спион-Коп оставили самый ужасный след в его памяти, писал он. Корабль-госпиталь *Мейн* взял на борт 200 раненых. Пять дней он находился под обстрелом.

Девятнадцатилетний Джек, пробыв в стране только два дня, уже отправился верхом на коне вместе с братом и кавалеристами Южноафриканского полка в сторону Ледисмита, города, осажденного бурами. 12 февраля, завершив патрулирование, кавалеристы направлялись назад в лагерь. Уинстон, которому опыт патрулирования на северо-западной границе и южноафриканских плато придал бдительности, вдруг почувствовал тревогу и предупредил своих людей. Тотчас же на

них обрушился огонь из маузерных ружей, и полк стремительно ринулся через гребень холма. Отъехав в сторону примерно на двести ярдов, кавалеристы спешились и открыли ответный огонь.

Развязалась перестрелка, и Джек, который сидел пригнувшись на склоне холма позади Уинстона, неожиданно подскочил и соскользнул вниз по уклону. Его ранила в голень пуля из маузерного ружья, и Уинстон позднее говорил, что пуля могла попасть ему в голову, так как Джек сидел на корточках[369]. Уинстон помог Джеку добраться до санитарного фургона и после окончания перестрелки навестил его в полевом госпитале. Затем Уинстон организовал, чтобы скорая помощь отправила Джека на лечение, и послал с ним письмо к матери, датированное 13 февраля, в котором говорилось, что, по мнению военных врачей, на лечение раны Джека уйдет около месяца. В некоторых источниках сообщается, что Джек был первым раненым на корабле *Мейн*, но на самом деле раненые поступали на корабль еще до него. По невероятному совпадению первым раненым офицером, которого Дженни приняла на корабль, был ее сын Джек.

Пока Джек оправлялся от своего ранения, Уинстон вернулся в Южноафриканский полк легкой кавалерии и вместе со всеми занялся освобождением Ледисмита. Лорд Даглас Дандональд командовал Южным подразделением кавалерийского полка в Натале и также принял на себя командование Вторым кавалерийским отрядом, который 28 февраля вошел в город Ледисмит. 26 февраля лорд Дандональд, пришедший из штаб-квартиры отряда в лагерь Южноафриканского кавалерийского полка, встретил там полковника Джулиана Бинга, который со смехом говорил: «Я должен Вам рассказать, что говорил сегодня вечером Уинстон». Далее он продолжал: «Уинстон говорил, что хочет получить орден «За выдающиеся офицерские заслуги», потому что он будет хорошо смотреться на мантии канцлера казначейства». Он продолжал: «Я посоветовал ему сначала попасть в парламент, если ему в этом помогут хоть какие-нибудь избиратели»[370].

Бингу было неизвестно, что на самом деле Уинстон стал уже так популярен в Англии, что члены Ассоциации консерваторов в Саутпорте, приморском городке графства Мерсисайд (возле Ливерпуля), послали ему телеграмму с просьбой баллотироваться в парламент от их избирательного округа. С достойной верностью, Уинстон отвечал им, что сначала он намеревается при ближайшей возможности представлять округ Олдхэм.

В феврале того года издательство Лонгман опубликовало романтический роман Уинстона – *Саврола.* Главный герой

романа, Саврола, прототипом которого явно был сам Уинстон, был демократом, боровшимся с диктатором Моларой. Однако, когда в ходе повествования Саврола полюбил жену Молары, возникли трудности. Леони Лесли пришлось писать письма Уинстону, чтобы помочь ему с описанием любовных сцен[371]. Рецензии о книге появились в Нью-Йорке и Лондоне, и книгу называли «великолепным», «остроумным» и «увлекательным политическим рассказом»[372].

21 февраля Уинстон ответил на два письма от Памелы[373]. Она сообщала ему, что четырехлетний Руперт умер. Он начал письмо словами «Моя Памела», что подтверждало факт их помолвки, так как прежде он называл ее «Мисс Памела». Уинстон сообщал в письме, что им предстоит огромная битва и с божьей помощью им удастся освободить Ледисмит на следующий день. Однако в отношении смерти Руперта Уинстон не проявил сочувствия, посчитав, что Памеле не стоит беспокоиться по поводу несчастий других людей. Он полагал, что смерть детей не так печальна и что больше всего это трогает женщин. Он находил более печальным смерть взрослых мужчин на поле боя. В продолжение, в своем письме от 25 февраля, Уинстон описывал ужасы сражений и сообщал, что они продвигаются к Ледисмиту.

Армия Буллера находилась в относительном бездействии, и в начале апреля Уинстону удалось получить более долгий отпуск и отлучиться из полка. Фельдмаршал сэр Фредерик Робертс (который, как упоминалось ранее, дошел до должности главнокомандующего в Индии по протекции отца Уинстона, в то время, когда лорд Рэндольф находился на посту Государственного секретаря по делам Индии) командовал войсками по снятию засады с города Кимберли. Газета *Morning Post* обратилась к Уинстону с просьбой присоединиться к основной армии лорда Робертса, собиравшейся наступать на столичные города буров – Блумфонтейн и Преторию. Уинстону пришлось прождать какое-то время в Кейптауне, так как у него не было надлежащего корреспондентского удостоверения (армейского разрешения на роль военного корреспондента). Он обратился за помощью к двум лицам из штата Робертса, Иану Гамильтону и Уильяму Николсону, и от них узнал, что лорду Робертсу не понравились некоторые из его репортажей. Тактичный подход друзей Уинстона к этому делу возымел успех, и в конце концов он получил корреспондентское удостоверение. Полковник Невилл Чемберлен написал Уинстону 11 апреля о том, что лорд Робертс согласен взять его в качестве военного корреспондента, «ради его отца»[374]. Уинстон примкнул к группе войск под командованием Иана Гамильтона, обеспечивающих

защиту фланга основных сил армии в ее неуклонном продвижении на север. Сообщения Уинстона, написанные в тот период, позднее были опубликованы в виде книги под названием *Поход Иана Гамильтона,* что придало блеску имени этого хорошо известного генерала[375]. По просьбе Гамильтона Уинстон доставлял лорду Робертсу обратные сообщения, одним из которых было известие о взятии Йоханнесбурга. Долгие беседы помогли Уинстону и Гамильтону восстановить былую дружбу, корни которой тянулись к 1894 году, когда их познакомил отец Уинстона.

В феврале Джек, давно уже оправившийся от своего ранения, вновь вступил в Первый Южноафриканский кавалерийский полк. 3 апреля он писал матери об однообразии военной службы в Ледисмите и об окрестностях этого города:

> *Мы все еще находимся в этом лагере [Чивли], куда ты приходила на чай, и жизнь здесь становится очень монотонной. Уинстон у шел на другую сторону в полк лорда Робертса, и хотя он оставил здесь своих пони и приличную часть снаряжения, я сомневаюсь, что мы его снова увидим. В настоящее время на нашей стороне нет попыток менять позицию, и это сильно утомляет… Но все в полку здоровы, и я нахожусь в прекрасном настроении и добром здравии*[376].

20 мая в письме к Уинстону Дженни выражала явное желание, чтобы он оставил боевые позиции, вернулся домой и женился[377]:

> *Ты знаешь, как много ты значишь для меня, и что ты можешь и* ***сейчас*** *и* ***всегда*** *полагаться на меня – я сильно горжусь тобой и, кроме всего, люблю тебя всем сердцем и понимаю тебя так, как не сможет понять ни одна другая женщина. Памела предана тебе, и если ты разделяешь силу ее чувств, то, несомненно, ваша женитьба – это только вопрос времени; какая отрада будет для тебя зажить спокойной жизнью с относительным комфортом – я уверена, ты устал от войны и всех ее ужасов, ты сможешь неплохо зарабатывать на жизнь своим писательским трудом, а твоя политическая карьера повлечет за собой большие события. Пожалуй, если бы ты женился на богатой наследнице, ты бы не добился и половины своих успехов.*

К концу апреля Джек забеспокоился из-за отсутствия каких-

либо известий от матери, которую он видел последний раз 17 марта до ее отплытия домой на корабле *Мейн.* К июню Джек, так и не получивший известий от семьи, почувствовал себя одиноким и забытым всеми. Он не знал, что его матери не будет на корабле Мейн во второй поездке в Южную Африку 2 июня он писал ей в письме:

> *Я начинаю чувствовать себя как блудный сын, которого отправили в эти ужасные колонии в знак наказания, чтобы его было не слышно и не видно. С того момента, как ты отплыла на корабле из Дурбана три месяца назад, я не получил от тебя или о тебе ни одного известия. На днях я добыл старый номер журнала Vanity Fair и обнаружил, что ты, возможно, не вернешься сюда. Эта новость и небольшая заметка в натальской газете о том, что Мейн отплыл по направлению к Кейптауну [во второе морское путешествие], – это все, что мне удалось узнать после твоего отъезда. Я полагаю, где-то меня ожидает множество писем – но наш отряд был отделен от полка, и мы какое-то время добирались своими силами*[378].

Джек сожалел о том, что вновь не вступил в Йоменский кавалерийский полк, который проходил службу вместе с основной полевой армией под командованием Робертса и продвигался к Претории, что помогло бы ему встретиться с Уинстоном. Однако он дал себе слово пробыть в полку Южноафриканской кавалерии до конца своей службы. Как и другие солдаты, Джек считал, что англо-бурской войне скоро придет конец и к августу он будет дома. Ночи становились все холоднее, и часто на привале Джеку приходилось обходиться только одним одеялом, что вызывало в нем критические отношение к осторожной тактике генерала Буллера. Они уже не могли не замечать отвратительных сторон войны, и он писал об этом своей матери:

> *Мы здесь немного поохотились за мятежниками. Так противно видеть этих ухмыляющихся дьяволов, комфортно устроившихся в своих хозяйствах, тогда как у преданных нам фермеров хозяйства разграблены и, зачастую, сожжены. Но все-таки нам удалось схватить и отправить многих в тюрьму. Многие из них – чистокровные англичане; они встречают тебя на пороге своих хозяйств с сияющими лицами и заверяют, что не могли дождаться прихода наших войск. А потом*

поступает информация, что последние шесть месяцев они только тем и занимались, что стреляли в нас[379].

26 июня Джек наконец-то получил известие от матери. Дженни писала письма Уинстону и просила его пересылать их Джеку, но Уинстон не делал этого. Дженни, в свою очередь, удивлялась, что не получала ответов от Джека.

Вскоре после возвращения Дженни из Южной Африки она узнала, что любовница принца Уэльского, Элис Кеппель, ожидает ребенка и, по слухам, отцом этого ребенка был сам принц[380]. Дженни тут же организовала свое бракосочетание с Джорджем Корнуоллис-Вестом. Она попросила Джека приехать домой на свадьбу, но он не мог отлучиться из полка. Кроме того, она страстно желала его возвращения на службу к Эрнесту Касселю, опасаясь, что тот изменит своему обещанию и возьмет на работу кого-нибудь другого. Вслед за этим Уинстон тоже стал советовать Джеку в своих письмах оставить полк и возвратиться домой. Джек в прошлом уже занимался консультированием семьи по финансовым вопросам, и очевидно, они желали его возвращения в этих целях.

Однако Джека, уверенность которого в себе значительно возросла после пребывания на войне, было нелегко подчинить их воле. Его рота вновь вернулась в полк и активно продвигалась вперед. Во время одной недели, полной увлекательных событий, они участвовали в решающем наступлении под командованием Буллера, в результате которого буры были отброшены с некоторых исключительно сильных позиций.

До Джека дошло известие о том, что 4 июля Уинстон должен был возвращаться домой, и он сожалел, что ему не придется поехать домой вместе с братом. В письме к матери Джек многозначительно подчеркнул тот факт, что вся полученная им от семьи корреспонденция составляла только одно письмо от матери и одну телеграмму от Уинстона (с сообщением об его отъезде домой). Каждый день Джек участвовал в схватках с врагом. Вскоре он заметил, что все военные корреспонденты возвращаются домой и сделал вывод, что война подходит к концу. Это вселяло в него радость, так как «чувство новизны уже прошло, и даже небольшая схватка с врагом не представляет большого беспокойства для солдат»[381].

В своем следующем письме к Уинстону от 10 июля он описывал одно очень важное сражение, но начал письмо с иронией по поводу возвращения на работу в лондонском Сити: «хотя мне здесь уже все порядком надоело, мне было бы неприятно возвратиться домой, не дождавшись самого конца. Я

полагаю, гусиные перья Сити могут подождать, так же как и женские объятия».

Бракосочетание Дженни и Джорджа состоялось 28 июля в церкви Святого Павла в Найтсбридже. Дженни блистала красотой, и Джордж восхищался ею. Вновь о ней кричали все заголовки газет в новостях о светском обществе. На невесте было платье из светло-голубого шифона с кружевом ручной работы, а на голове ее была маленькая шляпка без полей, украшенная страусиными перьями. Посаженным отцом невесты был герцог Мальборо (Санни), а шафером на свадьбе был друг Джорджа по Шотландскому гвардейскому полку – лейтенант Х.С. Элвес. На свадьбу были приглашены сливки общества, включая американского посла Чота[382]. Накануне свадьбы Дженни посетил принц Уэльский и подарил ей в честь свадьбы маленького золотого поросенка в оправе из драгоценных камней. Вместо приданого невеста принесла Джорджу массу неоплаченных счетов.

В кратком письме к матери от 5 августа Джек подтверждал, что получил от нее телеграмму, в которой она все еще пыталась убедить его возвратиться домой. Он был не против возвращения, но не хотел покидать свой полк, недоделав всех дел. Буллер в то время разворачивал быстрое наступление в сторону границ Португальской Восточной Африки, и Джек надеялся, что полк Южноафриканской кавалерии «весело проведет время», если к этому представится случай. 12 сентября 1900 года Джек писал Уинстону о своем растущем негодовании по поводу нападок на Буллера, в основном со стороны людей из армии лорда Робертса. Причиной нападок было промедление Буллера со снятием блокады с Ледисмита. Джек также напомнил Уинстону о некоторых самых жестоких боях во время широких наступлений против буров.

В одной из описываемых им операций, целью которой было помешать ускользнуть веренице крытых повозок с бурами, полковник Бинг приказал отряду Джека вести атаку на очень крутой и обрывистой местности. Мгновенно подчинившись приказу, Джек оказался под обстрелом, который все усиливался. Затем – он продолжал в своем письме:

> *обнаружив, что со мной только 5 человек, я прыгнул… в донгу (ущелье с высохшим руслом). Я пополз по нему обратно к полку и был очень обрадован известием, что только один человек был ранен, а остальным удалось еще раньше отойти в укрытие. Полковник говорил, что был огорчен моим быстрым*

уходом и пытался остановить меня, и так далее… Но я не понимаю, почему 15 пехотинцам на конях было приказано атаковать буров на горной дороге. Приказ был отменен почти тотчас же, но я уже отправился его исполнять. Поездка была очень увлекательной, но опасной[383].

Несомненно, Джек заслуживал награды за проявленную храбрость и качества лидера. Но полковник, похоже, понял, что просчитался с решением начинать атаку, и не хотел привлекать внимание к этому инциденту.

В последних двух письмах Джека к Уинстону и матери из Южной Африки, датированных 3-м числом октября, прослеживалась большая зрелость, сформировавшаяся у него за месяцы службы в действующей армии. Участие в военных операциях проходило, как всегда, в трудных условиях. Начался сезон дождей, и им приходилось целые дни проводить в промокшей одежде.

Джек, этот закаленный в боях двадцатилетний юноша, уже мог серьезно защищать армейское подразделение в Натале от регулярных нападок со стороны штаба лорда Робертса. Его словарный запас тоже заметно улучшался. 3 октября он писал Уинстону:

Неприязнь между нашей армией в Натале и «другой стороной» становится все сильнее. Такая жалость. Но в Претории меня выводили из себя всяческие нападки на Буллера. На днях я отправился в 40-мильный переход с сопровождением конвоя, направлявшегося в Нельспрут. Там нас принял штабной офицер, который спросил, чем он может быть полезен «армии варенья». Хотите еще варенья? Мы действительно поедали его в огромном количестве. В ответ мы заявили, что очень дурно попрекать нас едой, учитывая, что мы сражались за него. Мы также прошлись в нелестных выражениях насчет его наглого поведения, и он ушел от нас с пылающим лицом, под цвет своего красного воротничка[384].

Джек также мог с большой уверенностью постоять за себя перед своим старшим братом. «В настоящее время я очень рад, что не бросил полк в Стэндертоне. Я чувствовал бы себя очень неловко, уехав домой безо всякой причины, в то время, как там продолжались бои. Меня удивляет, что ты дал мне такой совет. Здесь плохо отзываются о тех, кто уехал домой, потому что им все надоело». Выдержав все трудности, Джек мог сейчас покинуть

Южную Африку с чувством уверенности, что он выполнил свой долг и сверхмерно обогатил свою жизнь новым опытом.

К осени 1900 года многие полагали, что падение основных бурских городов – Претории и Блумфонтейна[385] – означает конец войны, и Джек воспользовался этой возможностью вернуться в Великобританию. Перед его отъездом Джулиан Бинг выразил в письме к Уинстону высочайшее одобрение заслуг Джека:

> *Фолькруст, 23 октября [1900 года]*
> *Мой дорогой Уинстон!*
> *Я отправляю Джека домой, так как по всем признакам война как таковая уже закончена, однако я боюсь, нам предстоит еще много черной работы. Но я не могу отпустить Джека, не сказав тебе о нем ни одного похвального слова. Конечно, я никогда не сомневался, что он справится с отличием, но все-таки я бы хотел выразить, насколько я ценю его заслуги.*
> *С момента осады Ледисмита наш полк все время занимался его освобождением – едва ли с какой-нибудь недельной передышкой – и продемонстрировал исключительное усердие, но и понес тяжелые потери. Джек всегда участвовал во всех делах с величайшей заинтересованностью – он был доблестен в боях и надежен и трудолюбив на привалах. На самом деле мне очень жаль терять его…*
> *Я не знаю, что станется с нами, но похоже, что поездка домой пока еще не предвидится… Но Джек лучшим образом поведает тебе об этой ситуации и обо всем происшедшем после твоего отъезда.*
>
> *Преданный Вам*
>
> *Дж. Бинг*[386].

Глава 14
Жизнь продолжается
1900–1906

Лорд Сэлисбери, премьер-министр от консервативной партии, продолжал быть фаворитом королевы Виктории. Но в январе 1901 года Британия погрузилась в траур в связи с ее смертью. На следующий день принц Уэльский был провозглашен королем Эдуардом VII. 11 июля 1902 года лорд Сэлисбери, здоровье которого ухудшалось, ушел с поста премьер-министра. Новым премьер-министром стал его племянник, Артур Балфур. Он находился на этом посту до декабря 1905 года, до того момента, когда либерал Генри Кэмпбелл-Баннерман стал премьер-министром от правительства меньшинства. На всеобщих выборах, проходивших с 12 января по 8 февраля 1906 года, либералы получили большинство голосов.

9 июня 1900 года Уинстон сообщал из Претории в письме к матери, что он стремится вернуться в политику и к Памеле[387]. Он прибыл домой из Южной Африки 20 июля. Какое-то время спустя их отношения с Памелой прервались, и не совсем ясно, что послужило причиной этого и почему Памела охладела к нему. Памеле в то время было двадцать шесть лет, и Уинстон держал ее в ожидании более трех лет. Все это время он либо был полностью поглощен своей политической карьерой, либо уезжал из Англии вместе с армией. Между тем Памела находилась дома, и на обедах и балах она встречала других молодых холостых юношей. Так как их помолвка держалась в секрете, то другие мужчины делали ей предложения. Дженни писала Джеку, который все еще был на англо-бурской войне, что Уинстон не уделяет Памеле достаточного внимания. 23 июня она писала: «Я теряюсь в догадках, что он намеревается делать – я слышала, что он не писал Памеле 8 недель»[388].

После свадьбы Дженни с Джорджем Корнуоллис-Вестом в июле того года он перехал к ней в дом 35А на Грейт Камберленд Плейс. К счастью для супругов, отец Джорджа не лишил его наследства, и выделенное ему содержание, хотя и незначительное, кратковременно пополняло его скромный доход.

В октябре, выполнив свой долг перед страной участием в

англо-бурской войне, Джек вернулся домой, в семейную обстановку, которая значительно изменилась. Мать представила ему отчима, который был немногим старше его самого. Однако, по воспоминаниям семьи Черчиллей, отчим был в хороших отношениях с сыновьями Дженни. Она уделяла все свое внимание новому мужу, и Уинстон переехал из дома в другую квартиру по адресу: 105 Маунт-стрит, Лондон. О будущей карьере Джека не было никаких упоминаний, помимо его работы у Касселя, и он должен был вернуться в лондонский Сити, который он открыто презирал.

В октябре того же года Джек поделился с Джорджем новостью о том, что по городу ходят слухи о помолвке Памелы с двумя другими мужчинами[389]. Эти новости были страшным ударом для Уинстона. Любимая тетя Уинстона, Леони, как раз в то время находилась в гостях у Дженни и Джорджа. Уинстон рассказал ей об этой ситуации, и она решила навестить Памелу. От нее она узнала, что Памела не могла отказать этим молодым людям, боясь причинить им обиду[390]. Джин Гамильтон, знавшая Памелу со времен совместного пребывания в индийском городе Симла, имела иную точку зрения на эту ситуацию и писала об этом в своем дневнике:

> *Я помню один случай, когда она [Памела] рассказала мне со слезами на глазах о том, как он [Уинстон] подошел к ней на балу и грубо спросил, «есть ли у нее гордость, так как до него дошли слухи, что Памела распространяет сведения о его плохом обращении с ней»*[391].

В отношении финансов Дженни продолжала быть, как всегда, экстравагантной. Джорджу пришлось уйти в отставку из армии из-за неприязненного отношения к нему в полку в связи с его женитьбой, и он находился в поисках работы. Командир его части, полковник Далримпл Гамильтон, сообщил ему, что если он намеревается жениться на леди Рэндольф Черчилль, то ему придется уйти из полка[392]. Дженни опять пришлось обратиться за помощью к Эрнесту Касселю, который знал о вакансии в инженерной компании «Бритиш Томсон-Хьюстон» – подрядчика по строительству Центральной Лондонской железной дороги. Поначалу, когда Джордж поступил в эту компанию, он работал в Глазго в числе бесплатных работников, просто изучая ее деятельность[393]. Он усердно работал и в течение года продвинулся до должности председателя правления этой компании[394], а затем и нескольких других компаний, и его дела шли хорошо. Он работал в Шотландии пять дней в неделю и жил

там в течение этого времени, тогда как Дженни в Лондоне занималась журналом *Англосаксонское обозрение.* Они встречались только в выходные дни в конце недели, когда Джордж приезжал в Лондон.

Будучи вдовой бывшего члена кабинета министров и титулованного лорда, Дженни нравилось пользоваться привилегией свободного доступа в лучшие дома общества, и часто королева Виктория приглашала ее на частный ужин в своей гостиной. После того как Дженни вышла замуж второй раз, эти приглашения прекратились без объяснения причин. Другие титулованные дамы тоже вступали в повторный брак, но отношение к ним не менялось. Дженни демонстративно отказалась от титула леди Рэндольф Черчилль и стала называть себя миссис Джордж Корнуоллис-Вест[395]. 10 августа 1901 года, останавливаясь в Бленхеймском дворце, она поставила в книге гостей свое имя – Дженни Корнуоллис-Вест.

Супруги пытались показать, что у них все в порядке, и когда Джордж приезжал на выходные дни в Лондон, они устраивали многочисленные обеды и отправлялись с визитом в загородные дома.

20 июля Уинстон вернулся домой и сразу же погрузился в предвыборную кампанию в Олдеме. Консервативная партия и пресса тепло встретили возвратившегося героя. В сентябре его мать опять помогала ему с агитационной работой. 1 октября Уинстон одержал победу с небольшим перевесом примерно в двести голосов. Партия консерваторов вновь оказалась в правительстве, получив большинство в 134 места. Для того чтобы улучшить свое финансовое положение, Уинстон отправился осенью с туром хорошо организованных лекций по всей Великобритании, что принесло ему чистую прибыль в 3782 фунта стерлингов / 18 153 доллара. Он перенял у Бурка Кокрена его ораторский стиль и манеру ведения общественных дискуссий, как на публичных трибунах, так и в Палате общин, а именно, его речи были простые, честные, прямые, красноречивые, остроумные и по сути дела[396].

Вместо того чтобы занять место в парламенте, он отправился 1 декабря 1900 года с рядом лекций в Америку и Канаду.

8 декабря Уинстон прибыл в Нью-Йорк, где его встречал Бурк Кокрен. Несмотря на свое сильное неприятие англобурской войны, Бурк тепло встретил Уинстона и организовал для него ужин в гостинице «Вальдорф». Уинстон встретился с президентом Маккинли и получил приглашение на обед от Теодора Рузвельта, который состоял в дальнем родстве с Дженни. Рузвельт, в то время губернатор штата Нью-Йорк и избранный вице-президент

Соединенных Штатов, в конце концов вступил в должность 4 марта 1901 года.

Тур лекций был организован майором Дж. Б. Пондом, и лекции не пользовались успехом в Соединенных Штатах. Понд устроил только небольшое количество лекций, и Уинстон не получил от своей поездки ожидаемой прибыли. Прибыв в Канаду, Уинстон имел обед с графом Минто, генерал-губернатором Канады, очередным другом его матери. Уинстон постепенно разочаровался в Понде и в письме к матери от 1 января 1901 года называл его «вульгарный янки-импресарио»[397]. Помимо успеха с выступлениями в Канаде, Уинстон был недоволен поездкой. Но все-таки он извлек из нее материальную выгоду в размере 1600 фунтов стерлингов / 7680 долларов за два месяца лекций, что вместе с суммами от продажи его книги и от других лекций составило, как он с бахвальством писал матери в письме из Торонто от 1 января, 10 000 фунтов стерлингов / 48 000 долларов, заработанных им за два года исключительно собственными усилиями. Часть этих денег он благоразумно поручил Эрнесту Касселю для инвестирования.

В тот день, когда Уинстон закончил свой тур лекций и отплыл на корабле домой – 22 января 1901 года – умерла королева Виктория. На следующий день принц Уэльский был провозглашен королем Эдуардом VII. Уинстон пошутил в письме к матери, спрашивая, будет ли «эта Кеппель», как они называли Элис, именоваться «Первой Камер-фрау». Все в семье возмущались той силой, с какой Элис завладела бывшим принцем Уэльским. Став королем, Эдуард получил доступ к бумагам британского кабинета министров и секретным документам, которые раньше были известны только его матери. Дженни уже не могла свободно обращаться к бывшему принцу с просьбами о продвижении политической карьеры Уинстона, хотя это был самый необходимый для него момент.

Уинстон занял свое место в Палате общин 14 февраля 1901 года и четыре дня спустя выступил со своей первой речью во время дебатов о политическом урегулировании в Южной Африке. Это была хорошая речь, с аргументами в пользу сдержанного подхода к бурам, чтобы заручиться их скорой капитуляцией и дружеским отношением в будущем.

Его следующим крупным незапланированным выступлением была речь в мае того года во время обсуждений бюджета для армии; он поднял над собой изорванный флаг, под которым много лет назад сражался его отец. Он горячо возражал против увеличения расходов на армию до 5 миллионов фунтов стерлингов / 24 миллиона долларов в год, но соглашался с тем,

что Британскому морскому флоту нужно предоставить все необходимое.

Хотя эта позиция Уинстона вызвала раздражение в рядах консерваторов, его речь привлекла внимание либеральной партии, как когда-то случилось с его отцом. Уинстон особо отметил в своей речи лорда Розбери, большого друга лорда Рэндольфа. Какое-то время Уинстон даже надеялся, что он сможет создать новую, центристскую партию. Так же как и его отцу, ему было неуютно сидеть в рядах партии тори.

Примирение между Уинстоном и Памелой не произошло, и 3 апреля 1902 года состоялась свадьба Памелы и «другого мужчины» в ее жизни, Виктора, 2-го графа Литтонского, в церкви Святой Маргарет в лондонском районе Вестминстер[398]. Это была красивая светская свадьба, отец вел ее к алтарю, и на свадьбе присутствовало пять подружек невесты и пять мальчиков-пажей, сопровождающих невесту[399]. Уинстон и Памела, однако, остались друзьями.

Джек тем временем возобновил свою службу по выходным дням в полку Оксфордширских гусар, и его недавняя боевая практика была оценена по достоинству. В мае он прошел курс военного обучения в Алдершеме, готовясь к повышению в должность капитана и командующего эскадроном. Джек мог стать прекрасным командующим эскадроном. Он обладал превосходным искусством верховой езды и выиграл в этом виде соревнований кубок полка[400].

Уинстон тем временем начал работать, по совету некоторых издателей, над биографией своего отца. Он попросил Джека помочь ему разобраться с отцовскими бумагами. 15 августа 1902 года Уинстон писал Дженни о том, что Джек «очень занят» работой над письмами, принадлежащими лорду Рэндольфу, и что он привел их в полный порядок. Джек рассортировал и переписал сотни писем и речей отца, чтобы помочь Уинстону с его книгой. Джек взялся за эту работу, чтобы отвлечься от монотонности дней в лондонском Сити, где, как он жаловался матери в письме, офисы в летний период были душные и жаркие.

После всех проверок и осмотров, которые Джек провел в Египте для Касселя, на открытие Асуанской дамбы 10 декабря 1902 года в качестве почетного гостя был приглашен именно Уинстон – член британского парламента. Кассель, возможно, понимал, что Уинстон обладает большими будущими возможностями в парламенте, и он свободно предоставлял ему ссуды в надежде, что в дальнейшем они смогут пригодиться друг другу. 9 октября Уинстон писал Джеку, сообщая эту новость, а также наказывал ему тренировать лошадей во время своего

отсутствия и предлагал поговорить с Касселем по поводу одномесячного отпуска для Джека, чтобы он смог провести эти дни в Бленхеймском дворце.

Это было отчасти признанием той помощи, которую Джек, работающий полные дни в Сити, оказал ему при работе над книгой. Уинстон поблагодарил его за то, что тот привел в порядок все «письма и черновики».

Между Дженни и королем Эдуардом VII, похоже, наступило перемирие после оппозиции короля в связи с ее замужеством с Джорджем. 23 марта 1902 года король писал ей, что устроил для нее пропуск на коронацию. 8 августа в Вестминстерском аббатстве Эдуард и Александра были коронованы как король и королева. На коронацию были приглашены некоторые из любовниц короля, и он предоставил им свою ложу в аббатстве. Граф Кроуфорд, исполнявший на коронации обязанности заместителя маршала и большой остряк, прозвал эту ложу «денником короля», что означает место для лошадей[401].

Все, что Дженни говорила наедине Уинстону об Элис Кеппель, не отражалось на ее поведении во время их встреч в загородных домах, и ею не было произнесено ни одного слова упрека. Дженни намеренно искала дружбы с Элис Кеппель, и часто на общественных приемах их заставали за оживленными беседами. Их фотографировали, сидящих вместе на заднем сиденье первой машины Берти, который сам сидел спереди. Берти и Элис вместе с Дженни и Джорджем часто обедали вместе. Но Джин Гамильтон в своем дневнике описывала, как во время одной из вечеринок в Нью-Йорке в доме свояченицы Дженни – леди Джорджианы Хоуве – они еле сдерживали свою злобу:

> *Миссис Джордж Вест с семьей уехали сегодня – это очень интересная и властная женщина; вчера мы вместе с ней возвращались с катка и она поведала мне, как на днях начала говорить что-то о бюджетно-налоговой политике, а леди Хоуве и вся ее компания так заскучали, что привели в гнев миссис Вест, которая сказала: «Ах, я забыла, что в этом доме можно говорить только о гольфе и бридже», и быстро вышла из комнаты. <…> Элис Кеппель, по ее мнению, очень старается быть осведомленной во всем и выдает себя за умную женщину… Просто шокирует, насколько посвящена во все ее дочь, Вайолет Кеппель. Когда рождественским утром миссис Вест сказала ей: «О, какая красивая у Вас брошь – это рождественский подарок? А кто Вам ее подарил?» Вайолет осторожно огляделась по сторонам и*

прошептала: «Король»[402].

Начиная с 1903 года Уинстона все более беспокоила проявляемая склонность консервативной партии к протекционизму – а именно протекционистская реформа, предусматривающая повышение тарифов на иностранные товары в пользу британской продукции. Консерваторы шли к явному провалу на выборах, и Уинстон предчувствовал смену партии, что было расчетливым шагом с его стороны.

Речи Уинстона, так же как и его отца, были радикальными, и зачастую он выступал за права рабочих и против интересов капитализма. В ноябре 1903 года, выступая с речью в Галифаксе, Уинстон воскликнул: «Слава богу, что существует либеральная партия!» К январю 1904 года над ним нависла угроза потери позиции парламентского организатора партии, как наказание со стороны лидера консервативной партии за его расхождение во взглядах с основной линией партии по многочисленным вопросам. Учитывая, что в то время Уинстон изучал бурную карьеру своего отца в парламенте, налицо был тот факт, что *жизнь подражала* искусству. 31 мая 1904 года, войдя в Палату общин, Уинстон помедлил, огляделся и, пройдя через зал, сел рядом с членом либеральной партии из Уэльса – Дэвидом Ллойд-Джорджем[403], который был его другом. Он связал свою судьбу с либералами; в этом поступке Уинстон зашел на шаг дальше своего отца.

Можно провести еще одну параллель между судьбами Уинстона и его отца, а именно, Уинстон в тот момент чувствовал на себе всю силу гнева партии тори, как в написанных о нем статьях прессы, так и в холодном отношении и закрытых для него дверях консервативного общества. И наоборот, перед ним были широко распахнуты двери знатных особ-либералов, и либеральная партия смотрела на Уинстона как на молодого человека, подающего большие надежды.

Летом 1904 года Уинстон посетил бал, устраиваемый лордом и леди Крев в их доме на Курзон-стрит, в западном районе Лондона. Уинстон был заинтригован одной красавицей на том балу и спросил о ней у своей матери. Дженни устроила так, чтобы они были представлены друг другу, и обнаружилось, что эта красивая девушка по имени Клементина (Клемми) была дочерью ее старой подруги, леди Бланш Хозьер. Уинстон стоял и смотрел на нее как зачарованный, но не решался пригласить ее на танец, и кто-то другой унес ее в вальсе. Было похоже, что он потерял всю уверенность обращения с женщинами и все еще переживал потерю Памелы. Клементине было девятнадцать лет, а ему –

тридцать, и, возможно, по его мнению, он был слишком стар для нее.

Репортажи о военной славе Уинстона во время англо-бурской войны способствовали продаже его книги, и он приобрел репутацию преуспевающего писателя[404]. 30 октября 1905 года ему удалось получить от своего лондонского издательства *Макмиллан* очень приличный аванс размером в 8000 фунтов стерлингов / 18 400 долларов в счет его будущей книги, темой которой было основное исследование политической карьеры его отца и над которой он работал с 1902 года[405].

В декабре 1905 года правительство тори, чувствуя неизбежность поражения, ушло в отставку, и либералов попросили сформировать управленческое подразделение на период до начала выборов. Генри Кэмпбелл-Баннерман был назначен премьер-министром от партии либералов. Уинстон сразу же привлек к себе внимание прессы и партии как «перспективный» кандидат, так же как когда-то его отец, что предвещало крупный успех его будущей политической карьере[406]. Либералы предложили ему должность финансового секретаря казначейства. Хотя это и было ступенькой на пути к кабинету министров, но Уинстон осознавал, что для того, чтобы блистать в роли заместителя Герберта Асквита (канцлера казначейства в 1905–1908 гг.), ему недоставало политического опыта. Ему также была предложена позиция помощника министра по делам колоний, и он взялся за эту роль, зная, что вся работа будет проводиться в Палате общин, поскольку министр по делам колоний, лорд Элгин, заседал в Палате лордов и, следовательно, не мог вести дела в Палате общин.

Всеобщие выборы в январе 1906 года принесли блестящую победу партии либералов. Уинстон получил место в парламенте от Манчестера в результате быстрого продвижения лейбористов и либералов в том регионе. Его утвердили в новой должности, и он усердно работал в министерском офисе по делам колоний, но лорд Элгин был не всегда доволен его цветистым слогом. Кроме того, Уинстон всегда спешил, и поскольку он был тщеславен, люди порой находили его высокомерным.

Финансовое положение Дженни и Джорджа было довольно хорошим, и Дженни подумывала о приобретении загородного дома. Она намеревалась продать свой дом по адресу: 35A Грейт Камберленд Плейс и взять в аренду загородный дом – Сэлисбери-холл, около Сент-Олбенса в Хартфордшире. Хотя этот дом не был старинным замком, но он имел некую ассоциацию, довольно пикантного характера, с королевской семьей, так как в 1669 году король Карл II разместил там свою любовницу, комическую

актрису Нелл Гвин, с которой он проводил в увеселении свободное время. Дженни потратила несколько месяцев на переделку этого дома, украшая его по последним стандартам моды, приобретая новую мебель и антикварные изделия. В конце 1905 года она въехала вместе с Джорджем в новый дом. Их счастливый брак длился уже более четырех лет. У Джорджа, который любил охоту, был собственный участок для стрельбы фазанов, а Дженни сменила верховую езду на занятия гольфом.

Загородный дом давал Дженни возможность развлекать короля и других своих друзей вдали от любопытных взоров лондонского светского общества. Между ней, королем и Элис Кеппель установились сердечные отношения. Гостевая книга в ее доме содержала имена многих гостей, приезжавших в целях адюльтера, но также и имена людей, просто навещавших ее[407]. При выборе дома, Сэлисбери-холл, Дженни явно имела намерение создать своего рода дом Мальборо в миниатюре – для короля и его окружения. В доме под ее крышей замужние и женатые гости могли проводить ночи с другими партнерами, не опасаясь огласки. Гостиная на первом этаже была переоборудована в спальню для короля, со смежной ванной комнатой, и для его визитов была специально установлена кровать с пологом на четырех столбиках[408]. Разве мог Берти отказаться от приглашения на осеннюю охоту со своим «сыном» Джорджем и прекрасного ужина, устраиваемого Дженни? Элис сопровождала короля во время этих визитов. В книге гостей стоят записи их имен от 20 октября 1905 года и 26 мая и 13 октября 1906 года.

Джордж Корнуоллис-Вест повзрослел за годы супружества с Дженни. Вдобавок к своим обычным занятиям охотой, стрельбой и рыбной ловлей их захватило новое увлечение – езда на автомобиле. Супруги Вест первыми в кругу своих друзей и знакомых приобрели автомобиль. Джордж провел уже около четырех лет в компании «Бритиш Электрик Трэкшн», считая с 1909 года, и получал хороший доход как от руководства отделениями компании, так и от предоставляемых им консультационных услуг и инвестиций. Однако в 1906 году Джордж попал в затруднительное финансовое положение после того, как адвокат мошенническим образом выманил у него 8000 фунтов стерлингов. Муж его сестры, герцог Вестминстерский, писал в августе Уинстону о финансовых проблемах Джорджа и предлагал свою помощь. Чтобы облегчить ситуацию для Джорджа, герцог тут же послал Уинстону чек на 3000 фунтов стерлингов / 14 400 долларов и тайно договорился с ним о том, что деньги необходимо положить на счет Джорджа под каким-нибудь другим предлогом. К сожалению, экономический бум долго не

продлился, и Джордж опять понес потери во время краха фондового рынка в 1907 году, когда курс цен на его акции значительно упал.

Джеку было трудно ездить каждый день на поезде в Сити из дома своей матери в Хартфордшире, и он временно поселился в лондонской квартире Уинстона по адресу: 12 Болтон-стрит. Он иногда проводил выходные дни в Доркинге, доме герцогини Лили в графстве Суррей. Джек продвинулся в своей карьере и в то время работал биржевым брокером в лондонском Сити в фирме под названием *Нелке, Филлипс и Компания.* Точная дата начала его работы в этой компании неизвестна, но он находился там в 1905 году и снимал комнаты в доме на Трогмортон-стрит. Он был усерден в работе, но, по его словам, никогда бы не смог полюбить ее. В финансовых вопросах он был всегда чрезмерно осторожен и постоянно давал деловые советы своему брату. В 1906 году он стал партнером в той фирме. 23 августа[409] Джек написал длинное письмо Уинстону (который в то время находился на отдыхе в доме Эрнеста Касселя – на вилле Кассель в Ридерфурке, Швейцарии) относительно резких изменений в котировке некоторых акций на бирже, что привело многих участников биржи к убыткам. Сам Джек лавировал в мире финансов с большой осторожностью.

В 1906 году вышел в свет написанный Уинстоном двухтомник биографии его отца, и за три года было продано примерно 11 000 экземпляров книг. Это был глубокий и авторитетный труд, демонстрирующий, насколько большим реформатором в парламенте был лорд Рэндольф. Однако в книге нет ни одного слова благодарности Джеку за проделанную им огромную работу.

В мае 1907 года Уинстон был принят в члены Тайного совета. Роль Тайного совета заключалась в консультировании главы государства по осуществлению исполнительной власти. Либеральное правительство отмечало, что значительная часть предлагаемых им законодательных реформ блокировалась Палатой лордов, где 335 непреклонных представителей тори без труда брали верх над 124 либерал-юнионистами и 88 лордами-либералами. Поднялась мощная кампания по преодолению этой проблемы, и речи становились все более радикальными. Уинстон был активным участником этого движения и выступал в союзе с пылким и красноречивым либералом – Дэвидом Ллойд-Джорджем, который в 1907 году был назначен главой Министерства торговли.

Джек в то время был неоценимым помощником матери в ее запутанном финансовом положении. «Ламлиз», адвокаты семьи, все еще не привели в порядок дела в связи с поместьем лорда

Рэндольфа, хотя прошло уже 12 лет после его смерти. 27 августа 1907 года в письме к Уинстону Дженни писала, что Джек считает себя «довольно компетентным», чтобы заняться этим самому. Самую большую радость Джеку приносили его выходные дни, проведенные в обществе Оксфордширских гусар, и его занятия фотографией.

Материальное положение Джорджа Корнуоллис-Веста не поправилось после краха 1907 года, и финансы Дженни и Джорджа находились в глубоко плачевном состоянии. Джордж, усердно трудившийся в 1906–1907 годах, видел, как деньги тают буквально на его глазах. Его финансовые проблемы еще более усугубились после паники на нью-йоркской фондовой бирже в 1907 году. Он болезненно воспринял эту ситуацию, и его здоровье пошатнулось; доктора посоветовали ему взять отпуск. Джордж отправился один на отдых в Сент-Моритц, так как у них не было возможности оплатить поездку для двоих. 21 ноября Дженни писала Уинстону: «В этом году Джордж не смог извлечь из своего бизнеса ни одного пенни, и у нас нет никаких сбережений на черный день. Это ужасно угнетает Джорджа, и он просто заболел по этой причине».

С 1906 года Дженни, в расчете поправить финансовое положение, работала над своей биографией под названием «*Воспоминания леди Рэндольф Черчилль*». Уинстон помогал ей, вычитывая некоторые главы. Рассчитывая продавать эту книгу в Америке, Дженни представляла себя в ней богиней британского общества с самого момента своего замужества. Это не было точным отражением первых лет ее замужества и в каком-то смысле отвлекало от ее лучших качеств, проявившихся в ней в то время. Будущие биографы Дженни полагали, что бесконечный роскошный образ жизни, который она вела, был несовместим с образом заботливой матери. Именно отсюда возник миф о том, что Дженни не уделяла внимание Уинстону. В 1907 году вышла в свет первая красочная книга и в 1908 году – второй том. Обе книги вышли под именем миссис Джордж Корнуоллис-Вест. Они стали бестселлерами в Америке.

Глава 15
Две невесты для двух братьев
1907–1908

Генри Кэмпбелл-Баннерман продолжал оставаться на посту премьер-министра до 3 апреля 1908 года. Герберт Генри Асквит, находившийся в должности канцлера казначейства с 1905 года, вступил в должность премьер-министра от либеральной партии 5 апреля 1908 года. Асквит незамедлительно назначил Уинстона на должность главы Министерства торговли.

К 1907 году братья Черчилли значительно возмужали и превратились в молодых людей с очень привлекательной внешностью. Уинстон был ростом примерно в один метр и восемьдесят сантиметров, с рыжеватыми волосами, бледным лицом и румянцем на щеках; он был немного ниже своего младшего брата. Джек всегда имел загар, так как он проводил много времени на свежем воздухе, упражняясь в верховой езде в Оксфордширском полку в конце рабочей недели; он был хорошо сложен физически, но его черные волосы были немного редковаты для молодого человека двадцати семи лет.

По стечению обстоятельств Джек, поступивший в полк в 1898 году, очень часто оказывался неподалеку от Бленхеймского дворца. Соседнее поместье, Уайтемское аббатство, принадлежало Монтагю Альберту Берти, 7-му графу Абингдонскому[410]. Семья Берти, относившаяся к старинному знатному роду, знала Черчиллей много лет. В сохранившихся письмах 1890 года Джек писал о том, что семейство Берти часто справлялось о его делах.

Примерно в 1906–1907 годах Джек начал питать романтические чувства к милой девушке – леди Гвенделин (Гунн, как ее называли в семье[411]), дочери графа Абингдонского от его второго брака. Гунн родилась 20 ноября 1885 года, и она получила домашнее образование под руководством гувернантки, как и во всех аристократических семьях. Гунн была высокой девушкой, с хорошей фигурой, темными волосами, ясными голубыми глазами и светлой кожей; в ее облике было что-то чистое и невинное.

Ее нельзя было назвать «красавицей в традиционном смысле этого слова»[412]. Именно присущие ей «духовность и обаяние»[413] наделяли ее внутренней красотой. Она была

интересной собеседницей, имела добрый и отзывчивый характер, но также была очень остроумна и шутлива и вдобавок имела художественные наклонности, рисуя маслом различные пейзажи.

Джека познакомил с Гунн Франк Берти, тот самый родственник, который представил Рэндольфа Дженни в 1873 году[414]. С 1906 года Джек стал частым гостем в Уайтамском аббатстве. Их роман принял серьезный характер летом 1907 года[415]. Но так как Джек не имел никаких денег и титула, то они не могли в тот момент открыться родителям в своих чувствах. Джек, бывало, проделывал семимильный путь верхом на лошади, добираясь до Уайтамского леса, где его ожидала Гуни, тоже верхом на коне, и таким образом совершались их тайные встречи. Тем временем Джек пытался всячески улучшить свое финансовое положение, чтобы иметь возможность просить у отца Гуни ее руки.

14 ноября 1907 года Джек писал Уинстону, который уже несколько месяцев находился в Африке в качестве заместителя министра по делам колоний, о своих сильных чувствах к Гуни и о том, что он признался ей в любви.

> *Я пишу тебе о невероятном событии. Гуни любит меня. Я влюблен в нее уже долгое время. Но это огромный секрет. Только мама и Джордж знают об этом, ее друзьям ничего не известно. И так и должно оставаться, пока я не предложу им что-нибудь существенное.*

Уинстон ответил на это очень приятным письмом. Позднее он писал матери, что, по его мнению, Джек гораздо лучше, чем он, сходится с женщинами, легко «вступает с ними в контакт» и больше нуждается в женской компании для «спокойствия и гармонии в своей душе». О себе Уинстон открыто заявлял, что он «глуп и неуклюж» в этих делах.

Отец Гунн, Монтагю Альберт Берти, был суровым человеком, хотя и немного легкомысленным в отношении денег, часто проигрывая на скачках. В своем первом браке он принял католическую веру своей жены, и хотя Гуни была дочерью от второго брака, все дети были воспитаны в католической вере[416]. Молодые влюбленные боялись признаться отцу Гуни в своих чувствах, опасаясь, что он положит этому конец, так как Джек все еще не обладал достаточным доходом для содержания жены.

Из-за паники в Нью-Йорке на Уолл-стрит в октябре того года, негативно отразившейся на доходе Джека от его маклерской деятельности, улучшения его финансового положения пока не предвиделось. Но преданная Гуни поклялась Джеку, что будет ждать до бесконечности, пока он не придет и не заберет ее. На

рынке возникли большие проблемы с продажей меди, и цены на нее сильно упали. В своих письмах к Уинстону в 1907–1908 годах Джек обсуждал с ним ситуацию на рынке и также говорил о своей любви к Гуни[417]. В письме от 14 ноября он писал: «Я виделся с Гуни только пару минут на станции! Что это за ухаживание за девушкой». Но он также сообщал, что говорил со своим начальником, Полом Нелке, старшим партнером в *Нелке, Филлипс и Компаниш,* фирме биржевых маклеров, о своих финансовых перспективах.

В декабре Гуни собралась с духом и поведала матери о своей любви к Джеку. И мать запретила им встречаться. Укрывшись в прежней классной комнате в Уайтемском аббатстве, Гуни писала письмо Уинстону 16 декабря, изливая всю свою душу: «Мы с Джеком так счастливы. И разве не жестоко, Уинстон, запрещать нам видеться и даже писать друг другу. Но я все равно пишу ему письма».

В следующем письме Джека к Уинстону от 2 января 1908 года он сообщал, что Нелке не гарантирует ему годовое жалованье в 1000 фунтов стерлингов / 4800 долларов, но предлагает 500 фунтов стерлингов / 2400 долларов, что для семьи статуса Черчиллей и Берти было слишком скромно, и также обещает выплачивать ему один процент с прибыли фирмы. «Многие люди», писал он, женятся с «меньшим». Гуни, должно быть, «получит кое-что» в виде приданого, продолжал он, возможно, 200 фунтов стерлингов / 960 долларов. «Я с нетерпением жду твоего возвращения, чтобы ты посоветовал и помог мне». В то время Джеку удалось привлечь Натаниеля Ротшильда в качестве клиента фирмы *Нелке, Филлипс и Компания,* и он продолжал в своем письме: «Это большое достижение с моей стороны, и я подчеркнул им этот факт».

В июне 1908 года Джек просил у отца Гуни ее руки и получил его согласие на свадьбу. Гуни получила в качестве обручального кольца фамильную драгоценность – кольцо в сапфирах и бриллиантах, то самое, которое Рэндольф дарил Дженни, у которой было от него три кольца. Рэндольф завещал, чтобы эти кольца перешли к нареченным невестам его сыновей. В гостевой книге Дженни в Сэлисбери-холл отмечено, что 3 июля там гостили Джек и Гуни. Под именем Гуни стоит подпись Джека рядом с нарисованным сердцем, пронзенным стрелой.

Джек согласился проводить свадьбу в католической церкви, но по католическим законам необходимо было пройти и гражданское бракосочетание. Уинстона определили быть свидетелем в отделе регистрации брака, а также другом жениха во время венчания в церкви. Он остановился на период свадьбы у

своего двоюродного брата Фреди Геста и его жены в снимаемом ими доме Берли-холл, неподалеку от Оукхема. После веселого и сдобренного напитками ужина они отправились спать. 6 августа на рассвете в доме случился пожар, и все выскочили во двор, некоторые все еще в своих пижамах. Когда приехала пожарная бригада, Уинстон надел пожарный шлем и руководил пожарниками при тушении огня. Один очевидец говорил, что Уинстон в какой-то момент храбро взобрался по лестнице на горящую крышу и со шлангом в руках старался погасить там бушующий огонь[418].

7 августа состоялось гражданское бракосочетание жениха и невесты, только для того, чтобы выполнить требуемые формальности. 8 августа, в церкви Святого Алоизиуса в Оксфорде, опираясь на руку отца, очаровательная Гвенделин прошла к алтарю. Ее подвенечное платье было выполнено из атласного шармеза кремового цвета с подрукавной отделкой из тонкой серебряной нити. На голове ее были венок из мирты и тюлевая фата, а в руках она держала большой букет из роз и лилий. Ее жених, капитан Джон Спенсер-Черчилль, был одет во фрак, так же как и друг жениха – Уинстон. За Гуней шли пять подружек невесты: ее сестра, леди Элизабет (Бетти) Берти; мисс Дорис и мисс Оливия Харкорт – двоюродные сестры невесты; и мисс Айрис и Дафне Еренфелл – двоюродные сестры жениха. На них были платья из белого муслина на шелковой подкладке, повязанные мягкими шелковыми поясами нежно-голубого цвета, а на головах у них были белые кружевные шапочки. Мальчик-паж был одет в костюм в стиле Директории (в духе Французской революции). На нем были белые нанковые панталоны и голубое атласное платье. Друзья Джека – Вудстокский эскадрон из личного королевского Оксфордширского гусарского полка – выстроились перед церковью в почетный караул, образуя арку из скрещенных мечей.

Прием гостей происходил в Уайтхемском аббатстве, хозяевами на вечере были граф и графиня, и гостям и членам семьи было устроено пышное пиршество.

После празднования счастливая молодая пара отбыла на автомобиле в Пиннер, дом в поместье Хайгроув, принадлежавший бывшей пассии Дженни, Хьюго Уоррендеру, с которым она имела роман в 1895 году и который любезно предоставил молодоженам свой дом для проведения медового месяца. Офицеры оксфордского Йоменского полка настояли на том, чтобы немного протащить машину вручную вдоль дороги. Свадьба получила значительное освещение в прессе из-за присутствия на ней Уинстона – восходящей политической звезды.

Надпись на гербовом щите рода Черчиллей гласит: «Преданные, но неудачливые», что как раз подходит к описанию любовных романов Уинстона. Его политическая карьера, жизнь у всех на виду, наряду с такими фактами, как отсутствие у него состояния и его военные приключения, – все это отпугивало молодых девушек, которым Уинстон делал предложение. С Памелой, в то время уже графиней Литтонской, Уинстон был в отличных отношениях. Когда в октябре прошлого года он отправлялся в Африку, Памела пришла на пристань проводить его в ту поездку. После этого они обменивались письмами.

Но вскоре в жизнь Уинстона вошла новая любовь. В марте 1908 года он вновь встретился с Клементиной Хозьер во время званого ужина, устроенного двоюродной бабушкой Клементины, леди Сент-Хельер, в ее лондонском доме. Клемми была дочерью сэра Генри Монтагю Хозьера и леди Бланш (в девичестве Эрли). По материнской линии Клемми происходила из благородного старинного рода, так как родителями ее матери были граф и графиня Эрли, которые жили в Шотландии в замке Эрли. Генри умер в 1907 году, но Клемми почти не знала своего отца. Ее родители не ладили между собой и жили врозь уже с тех пор, когда она была ребенком. Много лет спустя появились дикие слухи о том, что Генри не был истинным отцом всех четырех детей семьи Хозьер. Его отцовство в отношении Клемми и ее старшей сестры Катарины (Китти), которая умерла от брюшного тифа в возрасте четырнадцати лет, было признанным фактом. Но отцовство появившихся позднее на свет близнецов – Уильяма (Билла) и Маргарет (Нелли) – подвергалось сомнению, и Генри отказывался признавать их своими детьми[419].

Как бы там ни было, на званом ужине у леди Сент-Хельер Уинстон, пришедший позднее, оказался за столом рядом с Клемми, за которой он должен был ухаживать во время обеда. Пользуясь случаем, он наконец-то собрался с храбростью и завязал с ней разговор. Клемми, в то время в возрасте двадцати двух лет, превратилась в блистательную рыжеволосую красавицу, с нежным цветом лица и блестящими коричневато-зелеными глазами. Она обладала природным шармом и была чрезвычайно умна, демонстрируя высокий уровень образования. Клемми была старшей ученицей в школе Беркхемстед, где она превосходила всех по знанию французского и немецкого языков. Закончив школу, Клемми пришлось какое-то время зарабатывать на жизнь, давая платные уроки французского языка, так как ее мать оказалась в сильно затруднительном финансовом положении. Убежденная приверженка либерализма, она наблюдала за деятельностью Уинстона в Палате общин, и его речи производили

на нее огромное впечатление. Она восхищалась им. Уинстон же был покорен ее красотой, обаянием и умом, и еще их связывал общий интерес к политике. Клемми, серьезная и прагматичная девушка, была, без сомнения, наилучшей в мире партией для Уинстона. Они провели весь остаток вечера вместе. Уинстон спросил, читала ли она недавно вышедшую биографию его отца, и, получив отрицательный ответ, пообещал выслать ей копию этой книги. Но, верный своему характеру, он забыл это сделать.

5 апреля 1908 года Герберт Генри Асквит, находившийся на посту канцлера казначейства с 1905 года, вступил в должность премьер-министра от либеральной партии. Он и его жена Маргарет были друзьями Дженни и Уинстона. Асквит тут же назначил Уинстона главой Министерства торговли. Его высокое политическое положение и соответствующая зарплата члена кабинета министров делали для него возможным жениться и содержать семью. Уинстон попросил мать пригласить Клемми провести с ними выходной день 11 апреля в ее доме – Сэлисбери-холл. В гостевой книге в доме Дженни записаны их имена. В понедельник 13 апреля Клемми писала Дженни, благодаря ее за проведенные выходные:

> *В данный момент все Ваше сознание, должно быть, переполнено радостью и торжеством за г-на Черчилля, но Вы были так добры ко мне, и мне было так легко, как будто я давно знала Вас. Я полагаю, что всякий, кто познает его, даже в такой малой мере, как я, оказывается всецело захваченным его обаянием и великолепием.*

К несчастью для влюбленных, Клемми должна была незамедлительно уехать, чтобы сопровождать свою мать в Германию, где ее младшая сестра Нелли, находившаяся в клинике, закончила свое лечение от туберкулеза, и Бланш собиралась привезти ее домой.

Как вновь назначенный член кабинета министров, Уинстон должен был выставлять свою кандидатуру на дополнительных выборах, чтобы сохранить за собой место в парламенте от избирательного округа в Северо-Западном Манчестере. Так что во время отсутствия его любимой ему предвиделась долгая и напряженная выборная кампания. Мать и сестры Хозьер должны были вернуться только к концу мая, поскольку они хотели продлить свой отдых. Поэтому разлука Уинстона и Клемми должна была продлиться шесть недель. Разлука усилила их чувства, и их сердца были полны любви друг к другу. Для Уинстона Клемми была тем, что он искал, и он хотел видеть ее своей будущей женой. Он писал ей частые письма. В своем

первом письме от 16 апреля 1908 года он сообщал, что нашел «удовольствие и покой», встретив «девушку с таким чрезвычайным интеллектом и с таким кладезем благородных чувств».

14 апреля во время дополнительных выборов Уинстон потерпел поражение, недобрав незначительное количество голосов, что было для него неприятным ударом.

Дженни тем временем делала все возможное для развития отношений между Уинстоном и Клемми, и после возвращения в Англию Клемми опять была приглашена в Сэлисбери-холл. В гостевой книге дома запись от 28 мая содержит имя Клемми.

Уинстону пришлось опять проходить весь изнуряющий процесс баллотирования, на этот раз как кандидату от рабочего избирательного округа Данди в Шотландии, где, по счастью, образовалось вакантное место. В Шотландии юмор и остроумие его речей были встречены с удовольствием, и он развлекал толпы людей, понося и высмеивая партию тори, заявляя, что консервативная партия переполнена старыми слабоумными лордами, хитрыми финансовыми магнатами, умными интриганами, толстоносыми политиканами, замышляющими мятеж. Там собраны все враги прогресса – слабовольные, холеные, самодовольные, обеспеченные, заносчивые личности[420].

Толпам рабочих нравилось, как внук 7-го герцога Мальборо разделывал свой собственный социальный класс в таких выражениях, которые они сами постеснялись бы использовать. Клемми, с ее острым чувством юмора, вероятно, была в восторге, читая в газетах статьи о его выступлениях. Уинстон занял в политике место своего покойного отца в полном смысле этого слова, и 9 мая он одержал в Данди полную победу, с перевесом почти в три тысячи голосов, что помогло ему утвердиться в своей должности главы Министерства торговли[421].

Роль члена кабинета министров была сопряжена с большой занятостью. Согласно существующим в то время условностям, Клемми не должна была появляться на публике вместе с Уинстоном. Финансовое положение Бланш было настолько плохим, что она не могла позволить себе нанять служанку для сопровождения Клемми. Поэтому Клемми приходилось полагаться либо на свою мать, либо на Дженни в качестве сопровождающих при встречах с Уинстоном в обществе. Следовательно, между встречами молодой пары были большие промежутки, и иногда проходили недели без встреч. Однако в конце мая 1908 года Джек и Гунни, а также Уинстон и Клемми смогли встретиться во время маневров Оксфордширских гусар, и они сфотографировались там на память. В начале августа Клемми

должна была сопровождать мать в поездке на парусные гонки во время недели Каус, и она не смогла присутствовать на свадьбе Джека и Гуни. В своих письмах Уинстон писал, как сильно ему недоставало ее на свадьбе, а также с юмором описывал это событие и случившийся пожар.

8 августа Уинстон в своем письме пригласил Клемми приехать к ним в гости в Бленхеймский дворец. Несмотря на то, что она была внучкой графа и графини, Клемми чувствовала себя робко, окруженная великолепием этого старинного дома Мальборо. Ее семья была небогата, и у нее было всего несколько платьев, и дошло до того, что у Клемми оставалось всего одно накрахмаленное платье. Мать Клемми не могла ее сопровождать, и 10 августа, после полудня, Дженни поехала туда вместе с Клемми, и обе остались ночевать во дворце. Утром 11 августа Клемми появилась за завтраком в положенное время, но Уинстона нигде не было видно. Клемми уже собиралась уезжать домой, но Сании послал Уинстону записку, чтобы вытащить его из постели[422].

После обеда Уинстон повел Клемми на прогулку в сад, но капризная английская погода испортила им всю радость и помешала полюбоваться на розы в саду. Внезапно разверзлись небеса и полил проливной дождь. Им пришлось укрыться в греческом храме с орнаментальными украшениями возле озера. Уинстон был в крайнем возбуждении, но никак не решался сделать Клемми предложение, и тут она заметила какое-то насекомое, которое ползло по камню к расщелине. Она загадала, что если Уинстон не сделает ей предложение, пока жук не достигнет расщелины, то он не сделает этого никогда. Но Уинстон объяснился ей в любви и попросил ее стать его женой. Клемми дала согласие[423].

На этот раз в жизни Уинстона все складывалось хорошо. Их помолвка должна была держаться в секрете, но Уинстон был настолько счастлив, что забыл обо всем, пробежал через лужайку и выложил перед всеми эту новость. 12 августа он написал письмо матери Клемми, в котором он говорил, что любовь Клемми даст ему силу «взять на себя огромную и святую обязанность» подарить ей счастье, равное ее «красоте и достоинствам»[424].

Клемми в письме к сестре Нелли сообщала ей о помолвке:

> *У меня просто прелестное кольцо – большой рубин с двумя алмазами – лорд Рэндольф подарил Дженни три кольца – и у меня одно из двух с рубинами – лорд Рэндольф завещал эти кольца сыновьям, чтобы они подарили их*

своим женам[425].

12 августа Уинстон также написал письмо Памеле, своей бывшей возлюбленной, и просил ее оставаться с ним «лучшими друзьями», как когда она просила его, выходя замуж за Виктора. Уинстон и Клемми, а также Памела и Виктор, граф Литтонский, остались друзьями на всю жизнь. Бабушка Клемми, графиня Эрли, писала Уинстону и Дженни о своей радости по поводу этой помолвки. Уинстону она сказала: «Из хорошего сына выходит хороший муж»[426]. Это, несомненно, было наилучшим комплиментом в его жизни.

Официально помолвка была объявлена 15 августа в газете *The Times*. Король Эдуард VII прислал из Мариленда телеграмму с наилучшими пожеланиями для молодых.

Занимаясь поисками подвенечного платья, Клемми писала Уинстону 22 августа: «Мой дорогой <…> Я чувствую, что в моем сердце не осталось места ни для кого – ты занял все его уголки». И позднее: «Как только я жила все эти двадцать три года без тебя. Все, что происходило со мной каких-то пять месяцев назад, кажется нереальным». Уинстон отвечал: «У меня нет слов <…> передать всю свою радость и любовь, которые овладели мною. Пусть бог, одаривший меня сверх возможного, хранит тебя целой и невредимой»[427].

В день свадьбы, 12 сентября 1908 года, жених и невеста проехали через лондонский Сити, и на Парламентской площади их радостно приветствовали большие толпы людей. Венчание состоялось в 2 часа после полудня в Вестминстере в церкви Святой Маргарет – церкви Палаты общин. Она была переполнена членами семьи, друзьями и высокопоставленными политическими деятелями. Клемми вел к алтарю ее брат Уильям (Билл), младший лейтенант Британского морского флота. Она была очаровательно мила, в своем переливающемся атласном платье цвета слоновой кости, с вуалью из нежного белого тюля, струящейся из-под венка из флердоранжа – белых цветов. В руках у нее был букет из тубероз; Клемми была религиозной девушкой, и поэтому в ее руках был еще и молитвенник в белом пергаментном переплете, подарок от ее крестного отца, сэра Джона Лесли, 2-го баронета. Ее единственным ювелирным украшением были бриллиантовые серьги, подаренные Уинстоном. За ней шли пять подружек невесты: Нелли, ее сестра; ее кузины Венеция Стэнли и Мадлен Уайт; кузина Уинстона Клэр Фревен; и Горация Сеймур, подруга Клемми. На них были платья из светло-коричневого атласа, а на головах – большие черные нарядные шляпы, украшенные сплетенными розами и камелиями;

в руках они держали букеты розовых роз. Бывший директор публичной школы Хэрроу, в которой учился Уинстон, епископ Уэлден, старший священник в Манчестере, обратился ко всем присутствующим с надлежащим приветствием:

> *В жизни государственного деятеля должны быть многие моменты, когда он будет опираться на любовь, проницательность, глубокое сочувствие и преданность своей жены. Влияние, которое постоянно оказывают жены на жизнь наших политических деятелей – это ненаписанная глава истории Англии, слишком сокровенная, пожалуй, для описания в полной мере*[428].

Шафером на свадьбе был большой друг Уинстона – Хью Сесил, член консервативной партии от избирательного округа Гринвич на юго-востоке Лондона[429]. Единственным изъяном на этой в остальном безупречной свадьбе был костюм Уинстона, который выглядел, по описанию сарториального журнала *Taylor & Cutter,* как будто он был «собран наспех в последнюю минуту», «не поддающийся определению… один из самых ужасных свадебных костюмов, какие мы когда-либо видели, придающий ему вид какого-то шикарного кучера».

В то время как молодожены давали друг другу клятвы супружеской верности, брак Дженни и Джорджа находился не в наилучшем состоянии. Бизнес Джорджа потерпел крах. В семье Черчиллей говорили, что одна очень важная деловая встреча не позволила Джорджу прийти на эту свадьбу. Поэтому вместо него под руку с матерью шел ее сын Джек. Этель, леди Дезборо, одна из самых известных хозяек светских гостиных того времени, была приглашена на свадьбу, и она видела, как Джордж (страдающий в то время расстройством нервов) стоял в церкви со слезами на глазах[430]. Хотя Дженни была изысканно одета в дорогое платье и выглядела эффектно для женщины пятидесяти четырех лет, но на фотографии того дня видны ее двойной подбородок и крупная нижняя часть тела; она выглядела полной и немолодой. Поскольку Клемми была малоизвестна журналистам, статьи о свадьбе вращались вокруг описания Дженни. Статья в декабрьском номере литературного журнала *Current Literature* давала понять читателям, что Дженни была в центре внимания той свадьбы, и ей придавалась в описании чрезмерная важность. В другой статье говорилось: «Хотя и безжалостно заявлять, но мать жениха выглядела как минимум на два года моложе его невесты»[431].

Прием гостей по случаю свадьбы, довольно скромный, только для членов семьи и нескольких друзей, проходил в доме тети

Клемми – леди Сент-Хельер, на Портленд Плейс в Лондоне. Молодожены тут же отбыли в Вудсток в графстве Оксфордшир, чтобы провести первые две ночи своего медового месяца в роскоши Бленхеймского дворца. Среди ликующей толпы, приветствующей их при выходе из дома на Портленд Плейс, были «перламутровые короли и королевы» Ист-Энда (победители конкурса традиционной одежды лондонского уличного торговца и его жены). Это были уличные рыночные торговцы. На них были черные костюмы, украшенные перламутровыми пуговицами величиной с монету пенни, и они производили впечатляющий вид[432]. В своей работе в Министерстве торговли Уинстон уделял большое внимание правам уличных торговцев, и именно это послужило причиной популярности молодой пары среди них. По прибытии в Вудсток Уинстона и Клемми встречала приветствиями еще одна толпа, и в воздухе раздавались звуки колоколов церкви Святой Марии Магдалины.

13 сентября Уинстон писал в письме к матери о том блаженстве, которое он испытывал после свадьбы, и о предстоящем замечательном двухнедельном медовом месяце в Италии. Вскоре Дженни предстояло стать бабушкой, и не один раз, а дважды.

Глава 16
Либеральная Британия 1909–1914

С укреплением положения либерального правительства начался период изменений в законодательстве. Развязалась политическая борьба между Палатой общин и Палатой лордов, куда входили невыборные наследственные пэры, обладающие властью утверждать или отвергать законопроекты, предоставляемые им Палатой общин. Лорды пытались блокировать законопроекты, поступающие из Палаты общин, не разрешая их проведение. Со стороны либералов было выдвинуто предложение по ограничению продажи спиртных напитков, вызывающих алкоголизм и насилие в низших слоях населения. Пэры Палаты лордов, материально заинтересованные в пивоваренной промышленности, отказывались проводить этот закон. Дэвид Ллойд-Джордж, назначенный в 1908 году канцлером казначейства, разработал первый в своем роде «народный бюджет» с целью повышения налогов среди богатых слоев общества.

Джек и Гуни провели скромный медовый месяц, который продлился только два дня. Их первым пристанищем был дом Дженни и Джорджа – Сэлисбери-холл. 10 августа 1908 года они впервые расписались в гостевой книге как муж и жена. Гуни, будучи дочерью графа, сохранила за собой титул и называлась леди Гвенделин Спенсер-Черчилль. Она была благодарна Дженни за оказанный приют, пока они искали собственное место для жилья. Вначале Дженни нравилась Гуни, и она называла ее Belle-Mère («красавица мать»), как Дженни иногда сама подписывалась в письмах к своим сыновьям. Но Гуни было трудно примирить свои принципы, полученные в строгом католическом воспитании, с нормами легкого поведения, царящими в доме Дженни.

Вернувшись в конце сентября из медового месяца, Уинстон занялся делами в Министерстве торговли. Его предшественник – Дэвид Ллойд-Джордж, содержал дела в таком образцовом порядке, что Уинстону оставалось мало работы. Верный своему характеру, он стал искать для себя дополнительной работы в парламенте. Он твердо поддерживал положение в бюджете 1908

года по обеспечению пенсий для престарелых людей, выполняя данное себе слово не позволить старым людям, таким как его любимая Вумани, испытывать унижения по причине бедности. По примеру своего отца он выступал за законодательство по ограничению власти крупных пивоваренных компаний. К примеру, владелец акций пивоваренной компании мог быть лицензионным судьей во время сессий по выдаче лицензий, и было выдвинуто предложение воспрепятствовать этой практике. Пьянство и алкоголизм были огромными проблемами среди низших классов в нищенских районах крупных британских городов. На пенни можно было купить большую кружку пива или стакан джина. Это приводило к преступлениям и проституции, домашнему насилию, дракам, поножовщине и убийствам. Пивные были популярны в таких местах, как Уайтчепел на юго-востоке Лондона. Уинстон вместе с единомышленниками-либералами старался ограничить продажу спиртного несовершеннолетним и молодежи и повысить цены на спиртные напитки, делая их менее доступными для малоимущих слоев населения.

Вернувшись из медового отпуска, Уинстон и Клемми сначала жили в прежнем холостяцком лондонском доме Уинстона по адресу: 12 Болтон-стрит, пока для них подготавливали более крупный дом на 33 Экклстон-сквер. Все четверо молодых Черчиллей были в хороших отношениях с самого начала. Клемми особенно нравился ласковый и покладистый Джек, а Гуни проявляла доброту и понимание ко всем членам семьи и друзьям. В начале мая 1909 года Уинстон и Клемми переехали в свой новый дом, с арендой, взятой на восемнадцать лет в размере 195 фунтов стерлингов / 323 доллара в год.

Для Джека и Гуни жизнь в Сэлисбери-холл была довольно напряженной, так как Джеку приходилось ездить оттуда на работу в Сити. Тот факт, что Дженни и Джордж Корнуоллис-Вест испытывали финансовые трудности, добавлял к их проблемам. Джордж был болен и, ему казалось, что в доме живут привидения. Он утверждал, что видел в прихожей прежнюю обитательницу этого дома из шестнадцатого века – Элеанор (Нелл) Гвин, которую король Карл II поместил в то время в этот дом в качестве своей любовницы[433]. После шести месяцев своего брака, в течение которых Гуни забеременела, молодые решились на перемены. К наступлению февраля 1909 года Джек, со свойственными ему экономностью и рассудительностью, смог приобрести свой собственный скромный дом по адресу: 10 Талбот-сквер в Гайд-парке, в довольно фешенебельном западном районе Лондона. Какого бы мнения ни была Гуни о своей жизни в Сэлисбери-холл, от нее не поступало никаких жалоб. Все, кто

знал ее, говорили о ней как о добром и искреннем человеке, не способном судить других людей. Джордж Вест позднее говорил о ней: «Проявление ее милого характера не заставляет себя долго ждать. Я не помню, чтобы она хоть когда-нибудь сказала о других недоброе слово, и на свете очень мало таких женщин»[434]. Позднее в том году Дженни и Джордж, в попытке экономить, оставили Сэлисбери-холл и переехали в Лондон, хотя они и продолжали снимать его иногда на выходные дни.

31 мая 1909 года Гуни родила мальчика, которого назвали Джоном Джорджем (в семье его называли Джонни), и Джек присутствовал на протяжении всех родов, что было неслыханным поступком в те времена. Уинстон писал Клемми из лагеря в Горинге, вселяя в нее храбрость, так как они тоже ожидали своего первого ребенка, которого они с любовью называли в письмах К. К. (котенок-кукленок). По словам Уинстона, Джек был «надут от гордости как индюк» и имел такой вид, как будто это «заслуга только его одного».

11 июля наступила очередь Клемми родить дома дочь Диану. Уинстон и Клемми были вне себя от радости от рождения своего первого ребенка, и в письмах к Клемми Уинстон включал слова: «Поцелуй за меня нашего милого котенка-кукленка (К.К.)». Его отец в свое время всегда заканчивал письма к Дженни словами: «Поцелуй от меня малыша». Клемми страдала послеродовой депрессией[435], хотя в то время этот термин еще не существовал. Она была измучена и подавлена беременностью и вскоре после родов отправилась на отдых в Брайтон, вместе со своей сестрой Нелли. Диану оставили дома, и за ней присматривали няня и Уинстон. Как когда-то делал его отец[436], Уинстон писал Клемми полные любви письма и сообщал ей, как развивается и растет их «котенок-кукленок»[437].

После Рождества 1909 года и Нового года, проведенных по традиции в кругу семьи в Бленхеймском дворце, Уинстон и Клемми, в преддверии всеобщих выборов, сразу же приступили к работе над предвыборной кампанией по баллотированию Уинстона в парламент от шотландского избирательного округа Данди. В январе 1910 года Уинстон успешно прошел на выборах, но либеральная партия потеряла много избирательных мест. 19 февраля Асквит назначил Уинстона министром внутренних дел.

В период перед выборами поведение британских политиков стало настолько неординарным, что используемые ими выражения создавали впечатление наступления кровавой революции. Несмотря на крайнюю необходимость увеличения дохода от налогов на финансирование новых программ соцобеспечения и на переоснащение британского военно-

морского флота, кабинет министров выхолостил идею Ллойд-Джорджа о «народном бюджете», чтобы смягчить его последствия для представителей богатых слоев общества. Палата лордов все еще продолжала сопротивляться этой идее, и между ней и Палатой общин начались пререкания, которые закончились принятием в 1911 году парламентского постановления, сильно ограничивающего власть Палаты лордов. Либералы к тому времени угрожали предоставить в палату большое число своих пэров, нарушая тем самым обычное превосходство в ней представителей партии тори. Тем временем на декабрь 1910 года были назначены еще одни всеобщие выборы, но либеральная партия продолжала удерживаться у власти.

В роли министра внутренних дел Уинстон был поборником смягчения мер тюремного наказания, однако он был вынужденным сторонником смертной казни. Он смягчил двадцать один из сорока трех приговоров смертной казни, предоставленных ему на утверждение. Джин Гамильтон писала в своем дневнике о проявленном Уинстоном сострадании к измученному проблемами обществу во время их разговора за обедом 21 февраля 1910 года. Он признался ей, что ему пришлось «впервые подписать приговор о смертной казни <…> и это легло тяжелым грузом на мою совесть. Мужчина завел девочку-ребенка в узкую улочку и перерезал ей горло». Джин весело ответила на это: «На моей бы совести груз не лежал». Но Уинстон возразил с явным гневом: «Подумайте, что же это за общество, что заставляет человека совершать такие поступки»[438].

После непродолжительной болезни 6 мая 1910 года неожиданно скончался король Эдуард VII, и политическая жизнь страны была приостановлена на тот период, пока его тело было выставлено для прощания и организованы похороны. Не успел его преемник, король Джордж V, заступить на трон, как Уинстон тут же послал ему длинный меморандум о необходимости проведения реформы законов о тюремном заключении, приводя доводы о переполненности тюрем заключенными, посаженными за мелкие преступления. Эта тема остается актуальной и в парламентских дебатах сегодняшнего дня.

Работа Джека в Сити в качестве биржевого маклера была сопряжена с большой ответственностью. Постоянно следя за взлетом и падением курса акций и ценных бумаг, он также консультировал Дженни, Джорджа и Уинстона по финансовым вопросам. Он имел приличный доход, которого хватало им с Гуни на жизнь, но они никогда не были богаты. От своей матери Джек унаследовал большую любовь к классической музыке и опере, которую разделяла с ним Гуни, и они часто ходили в Ковент-

Гарден слушать оперу.

Гуни не получила такого строгого академического образования, как Клемми, и она часто шутила над пробелами в своих знаниях. Но ее привлекали литература и драма, и она была в курсе последних новшеств в современной литературе, читая рецензии и книги на злободневные темы дня и регулярно посещая театр. Гуни увлекалась живописью, и ее художественный талант и интерес к литературе помогли ей приобрести друзей в кругу интеллектуалов, таких как художники Уильям Орпен и сэр Джон Лейври. Оба были ирландцами и официальными британскими военными художниками во время Первой мировой войны. Среди ее друзей в этом кругу была Хейзел, леди Лейври, родом из Чикаго, которая славилась своими эскизами. Ее считали большой красавицей, и благодаря своему сходству с ирландской девушкой ее лицо было изображено на ирландских банкнотах двадцатого века. Другим приятелем Гуни был Дж. М. Барри, шотландский драматург и романист, автор известной пьесы «Питер Пэн». Гуни поддерживала политику либералов и была близким другом Герберта Асквита и его жены Марго. Друзья обожали Гуни; она могла оживить любой вечер своим остроумием и юмором. Джин Гамильтон и Памела Литтон описывали ее, как какое-то великолепное создание. Другие говорили об ее большой доброте и сочувствии к людским бедам; она также имела особый талант выслушивать своих собеседников.

В то же время, с момента финансового краха Джорджа в 1906 году, состояние брака четы Корнуоллис-Вест не улучшилось. В довершение всего Джордж, похоже, устал от своей властной жены, которая годилась ему в матери, и начал искать романтических приключений с другими женщинами. Он мечтал иметь сына и наследника, но Дженни не могла подарить ему ребенка. В 1909 году Дженни написала и поставила пьесу, главную роль в которой играла известная артистка миссис Патрик Кэмпбелл (Стелла). Миссис Пэт, как все ее называли, познакомилась с Джорджем, который играл в той пьесе небольшую роль, и они страстно полюбили друг друга. Джорджу было неизвестно, что она, как и Дженни, уже была в том возрасте, когда не могла иметь детей. Стелла была вдовой; ее муж погиб в англо-бурской войне.

Финансовые проблемы супругов Вест и романтические увлечения Джорджа не прошли бесследно для Дженни. Но она, казалось, обладала неизменной способностью заново перестраивать свою жизнь, и к весне 1909 года у нее созрел новый план, возможно, предложенный сэром Эрнестом Касселем. Она решила участвовать в рынке продажи недвижимости. Дженни приобрела дом по соседству со своим домом на Грейт

Камберленд Плейс, принадлежавший ее подруге – мадам Мельбе. После ремонта и высококачественной отделки дома Дженни начала сдавать его в аренду жильцам. В письме к ней от 4 августа Уинстон поздравлял Дженни с успешным осуществлением этого замысла, на который ушло всего каких-то два-три месяца работы[439]. Совершенствуя свои способности, Дженни начала покупать старые запущенные викторианские дома, подвергать их ремонту и продавать, получая довольно приличную прибыль.

Только весной 1911 года Дженни послала телеграмму Джеку и Уинстону, сообщая в ней о своих проблемах с Джорджем.

Когда у Джорджа возникли первые чувства к Стелле, он ушел из дома и стал жить отдельно. Впоследствии он пожалел о своем решении и просил Дженни принять его назад. 19 апреля 1911 года Дженни писала ему из своего нового лондонского дома по адресу: 2 Норфолк-стрит, Мейфер: «Конечно, возвращайся в свой собственный дом – и с божьей помощью мы начнем все сначала». Они примирились и снова зажили вместе.

28 мая, в лондонском доме, Клемми родила мальчика – единственного сына Уинстона. Ему дали имя Рэндольф. Военный долг отозвал Уинстона в путь вместе с Йоменским полком Оксфордширских гусар, буквально спустя несколько дней после рождения сына, и письма между разлученными супругами были полны любви и радости. Рэндольфа стали называть в семье «Чамболли», возможно, по имени красивого цветка, который растет на северо-западе Индии[440].

Король Джордж V, услышав, что Клемми очень слаба после родов и не может посетить его коронование 22 июня, организовал для нее, в знак большого уважения к Уинстону, особый экипаж, который доставил ее на место коронации и незаметно увез домой, спасая ее от шума и долгого ожидания в скученной толпе.

В октябре 1911 года Уинстон был назначен Первым лордом Адмиралтейства. Это был пост, на который ему часто намекали и который идеально подходил характеру Уинстона с его организационными способностями, которые он мог проявить в случае войны. Клемми уже привыкла появляться вместе с мужем в общественных местах и разделять с ним исполнение общественного долга. 18 ноября она присутствовала в Девонпорте при спуске на воду броненосца *Центурион.*

Их официальным местом проживания стали квартиры в большом и престижном Адмиралтейском доме.

Уинстон начал работу с начальником главного морского штаба (Первым морским лордом) – адмиралом сэром Джоном (Джеки) Фишером, в тот период, когда военно-морские силы Великобритании переживали большой подъем в связи с

переходом королевского флота на использование броненосцев класса *дредноут*. Уинстон хорошо понимал роль военно-морского флота во время военных конфликтов и делал все возможное, чтобы держать флот в абсолютной готовности на случай войны. Как и многие другие, он наблюдал за наращиванием немцами военно-морской мощи под руководством кайзера Вильгельма II и ожидал, что разразится война с Европой, поделенной на два политических военных союза. Небольшой политический кризис мог повергнуть весь континент в состояние войны.

Уинстон обосновался в своей новой роли Первого лорда Адмиралтейства. На этом посту он пробыл до мая 1915 года.

Между тем Уинстон и Клемми, а также Джек и Гуни, вместе со всеми детьми, отправились отдыхать на морское побережье. Все особые праздники, такие как Пасха и Рождество, они проводили в Бленхеймском дворце. Клемми и Гуни были в хороших отношениях и вместе занимались воспитанием детей настолько часто, насколько позволяли время и обстоятельства.

К осени 1912 года Гуни опять была в положении. 25 мая 1913 года она родила второго сына. Крещение проходило в Вестминстерском кафедральном соборе, и Уинстон был крестным отцом. Там получилась одна забавная история, о которой любил рассказывать Перегрин. Гуни прошла ближе к алтарю и начала молиться, в то время как священник, выполнявший крещение, спросил у присутствующих: «Какое имя будут давать ребенку?» Кто-то сказал: «Генри», а Уинстон предложил свое имя – «Уинстон». Гуни не слышала этого разговора, и когда она вернулась к месту крещения ребенка, то увидела, как священник поливал младенца водой и произносил его имя – «Генри Уинстон». Гуни намеревалась назвать мальчика Перегрином. Это мужское имя существовало в роду Берти с 1570 года. Ей не понравилась эта импровизация с именами, и ребенка переименовали в Перегрина, и этим именем его называли всю жизнь. Его четырехлетний брат Джонни не мог правильно произносить имя «Перегрин» и называл его «Пебин». И в семье за мальчиком закрепилось это ласковое прозвище.

В начале апреля 1913 года отношения между Дженни и Джорджем достигли последнего предела. Ему опять вскружила голову любовь к миссис Патрик Кэмпбелл, и в случае отказа ему в разводе со стороны Дженни он собирался унизить ее в глазах общества, начав бракоразводный процесс по своей инициативе. Дженни была хозяйкой светских приемов и в прошлом – женой сына герцога Мальборо, а также, в настоящее время, матерью старшего члена кабинета министров. Позор по поводу второго развода по причине абсолютного распада брака был просто

невыносим для Дженни. Им был предоставлен развод на основании супружеской измены, имевшей место в июле, но Джорджу пришлось ждать долгих девять месяцев, прежде чем он смог жениться на миссис Патрик Кэмпбелл. Именно Джек опять разбирался с запутанными финансовыми делами разведенной пары.

Отношения в семье Черчиллей дошли до критического состояния, когда в начале февраля 191-4 года Джек сделал удивительное открытие. Оказалось, что его мать многие годы обманывала своих сыновей, скрывая от них настоящие условия завещания лорда Рэндольфа. Он передал свое имение в доверительное управление с правом для своей жены извлекать доход от имущества при ее жизни и после смерти передать это право своим сыновьям и их детям, но при этом была одна оговорка:

> *после смерти или второго брака вышеупомянутой жены, в зависимости от того, что наступит ранее <…> часть, не превышающая половины предполагаемой доли каждого сына или его наследников в этом доверительном управлении, предоставляется на улучшение условий его или ее жизни*[441].

Уинстон и Джек и не представляли, что они имели право пользоваться частью дохода от имущества уже с 1900 года, когда Дженни вступила во второй брак[442]. В длинном письме к матери от 14 февраля Джек излил весь свой гнев по поводу этого открытия:

> *Мы всегда считали, как неправ был папа, не предусмотрев для нас никаких средств к существованию за время вашего брака. Мы полагали, что по условиям завещания мы не получаем ни одного пенни, а ты все это время пользовалась доходом в 5000 фунтов стерлингов / [24 000] долларов в год. Это действительно было так, и ты не могла дать нам никакого содержания. Как оказалось, в завещании была оговорка о том, что попечители могли востребовать для нас или наших детей после нашей смерти определенное пособие в случае твоего повторного замужества. Мы с Уинстоном уже сами зарабатываем на жизнь, и пока мы работаем, мы, конечно, не будем просить никаких денег, хотя, по моим подсчетам мы могли бы востребовать содержание в 600 фунтов стерлингов / [2800] долларов в год. Но давай представим, что я и моя семья оказались в бедственном*

положении – тогда я смог бы потребовать содержание, конечно, я надеюсь, это вопрос отдаленного будущего. Кроме того, если мы с Уинстоном умрем, наши жены окажутся в трудном положении. У них не будет никаких иных средств для содержания детей, кроме наших страховок… и даже в этом случае попечители наших детей потребовали бы деньги на их содержание и образование…. Дело принимает совсем иной оборот, когда я обнаружил совершенно обратное тому, что папа – как нас уверяли – якобы не предусмотрел в своем завещании никакого содержания для нас. Он явно полагал, что пока ты не замужем, ты будешь в состоянии платить нам содержание, и эта оговорка в завещании как раз относится к ситуации, возникшей в связи с твоим вторым замужеством[443].

Уинстон и Джек в течение почти двадцати лет считали, что отец не предусмотрел для них после своей смерти никакого содержания; и в течение четырнадцати лет мать присваивала себе положенные им половины долей полного наследства. Если бы Джек, вернувшись с англо-бурской войны закаленным в боях солдатом, получал свою долю в 600 фунтов стерлингов / [2800] долларов, начиная с 1901 года, то он мог бы стать профессиональным военным. Эта доля его наследства вместе с армейским жалованьем позволила бы ему добиться своей любимой карьеры военного и при этом иметь приличные средства к существованию.

Если Дженни и ответила на это письмо, то оно не сохранилось. Невзирая на такой оборот дел, она писала Джеку из Монте-Карло, где она продолжала посещать казино вопреки возражениям семьи. Она находилась в депрессивном состоянии и трогательно сетовала на то, что никто в семье в ней не нуждается.

16 апреля она получила окончательный развод, и два часа спустя Джордж женился на миссис Патрик Кэмпбелл[444]. Вместе с ней он отправился в турне по Америке, где она гастролировала в пьесе Бернарда Шоу *Пигмалион* и где он играл небольшую роль мусорщика Альфреда Дулиттла, отца Элизы Дулиттл.

Оставив позади печаль последних дней замужества с Джорджем, Дженни открыла свое сердце для новой любви. Она поехала в Рим на свадьбу сына своей сестры Клары, и там она была представлена богатому тридцатисемилетнему мужчине по имени Монтагю Порч, который влюбился в нее с первого взгляда. Порч служил чиновником колониальной администрации в Нигерии. Он был очень красив, строен, но рано поседел. После

первого знакомства Порч начал писать Дженни любовные письма и в последующие месяцы страстно ухаживал за ней.

Однако вскоре над Европой сгустились темные тучи войны. 28 июня 1914 года в Сараево в Боснии произошло убийство эрцгерцога Австро-Венгерской империи Франца Фердинанда и его жены. Австрия подозревала Сербию в тайном сговоре по поводу этого убийства, и жесткие притеснения этой небольшой страны вынудили Россию взяться за оружие и выступить в защиту своего славянского союзника. За этим последовала мобилизация войск в Германии, Франции и Великобритании, и мир скатился к «неизбежной» войне.

Джек, никогда не терявший бдительности, предупредил всех членов семьи о неотвратимом пагубном влиянии этой войны на состояние их инвестиций. В июле, в письме к матери, он говорил: «Мир сошел с ума – вся финансовая система полностью разрушена <…> Береги все, что имеешь. Вскоре уже и Бог не поможет».

Уинстон из Адмиралтейства предупреждал семью обо всех вероятных опасностях, о чем Дженни писала из своего нового лондонского дома (по адресу: 72 Брук-стрит) в письме от 1 августа к своей сестре Леони:

> *У. [Уинстон] писал мне, что Раймонд Пуанкаре [президент Франции] обратился в письме к королю со страстной просьбой о помощи. Возможно, сегодня будет мобилизована [британская] флотилия – Германия задерживает английские суда, и мобилизует и скапливает войска на границе с Францией*[445].

Германия обратилась к Великобритании с просьбой держать нейтралитет в будущих вооруженных конфликтах, но Британия отказалась пойти на это. 2 августа Германия объявила войну России и на следующий день объявила войну Франции и Бельгии. Немецкие войска вошли в Бельгию, и 4 августа Британия обратилась к Германии с требованием вывести оттуда войска. Германия проигнорировала требование. Британия, вынужденная сохранять баланс сил в Европе, объявила войну Германии.

Клемми и Гуни сняли на лето домик у моря, в деревне Оверстранд неподалеку от города Кромер в Норфолке, чтобы провести там июль и август. Уинстон пробыл там с ними «несколько воскресений», играя с детьми на пляже. В остальное время он продолжал оставаться в Лондоне и выполнять свою работу. Клемми и Уинстон каждый вечер вели долгие телефонные разговоры и писали друг другу длинные письма. Джек тоже приезжал по выходным дням, когда мог отлучиться с работы и

провести время со своей семьей. В момент объявления войны Клемми, Гуни, Джек и все дети находились в Оверстранде. Клемми ожидала третьего ребенка, и он должен был родиться через восемь недель. Больше всего она переживала о том, что ее мать находилась в городе Дьеппе во Франции, и ее сестра Нелли должна была поехать и привезти ее назад в Англию, так как оставаться во Франции было опасно. Вскоре мать присоединилась к ним в Оверстранде. Задуманный отдых на солнце, на берегу моря быстро превращался в кошмар. После объявления войны Джек уехал со своим Йоменским полком Оксфордширских гусар на подготовку для участия в боевых действиях. Он твердо заявил о своих намерениях сражаться на фронте, и для Гуни это было страшным испытанием. Британский флот был приведен в боевую готовность, и Уинстон, как Первый лорд Адмиралтейства, должен был нести в связи с этим большие обязанности в военное время. В очередной раз семья Черчиллей отправилась на войну.

Глава 17
Воюющий мир: от Западного фронта до Галлиполи 1914–1915

4 августа 1914 года премьер-министр, лидер либеральной партии, Генри Герберт Асквит объявил Германии войну. Британия объединилась с Францией, Россией, Бельгией и Сербией в войне против Германии и Австро-Венгрии. После того как ситуация на главном фронте во Франции и Бельгии зашла в тупик, Турция вступила в войну на стороне Германии. В начале 1915 года западные союзники воспользовались возможностью открытия нового фронта в Дарданеллах с целью вывода Турции из войны.

Будучи Первым лордом Адмиралтейства, Уинстон читал об усилении кризиса и, в совершенстве понимая все происходящее, начал понемногу подготавливать военно-морской флот к войне. Нужно сказать, он был взбудоражен положением дел; волнение в связи с войной устраивало его, и он в большой степени разделял тот энтузиазм, который охватил значительную часть Европы летом 1914 года. Клемми с детьми оставалась в Оверстранде, а Уинстон в то время усердно работал в Адмиралтействе. Его мнение по стратегии в отношении наземных войск и военно-морских сил главенствовало среди членов кабинета министров. Министры не имели совершенно никакого военного опыта, и по своим знаниям Уинстон стоял на равных с новым военным министром, Гербертом Китченером, графом Хартумским, который командовал британской армией во время повторного завоевания Судана (1896–1898 гг.).

4 августа 1914 года Оксфордширские гусары были мобилизованы на войну. Джек явился в свой батальон, который стоял неподалеку от Бленхеймского дворца. Подобно территориальным войскам, их основной задачей была защита Великобритании, но многие волновались, что война закончится к наступлению Рождества и они не смогут поучаствовать в сражениях. Но батальон с такими связями в обществе, как у Оксфордширских гусар, имел для этого все возможности. Присутствие в их рядах брата Первого лорда Адмиралтейства было дополнительным преимуществом.

24 августа Уинстон писал Джеку из Адмиралтейства, сообщая ему важные новости о битве под Монсом, в которой британской армии, хотя и сильно сопротивлявшейся врагу, пришлось отступить. Уинстон уже высказывался в письме, что если Британия не победит, то ему не стоит жить. «Но, – писал он далее, – мы победим». Он продолжал оказывать давление на должностных лиц, чтобы обеспечить Джеку и его батальону участие в военных действиях при первой же возможности.

Осенью того года, после нескольких поражений кораблей военно-морского флота, действия Уинстона подверглись критике, но премьер-министр – Герберт Асквит – не потерял к нему доверия. Кроме того, ему нравился присущий Уинстону боевой дух. В своем безудержном желании как можно сильнее поразить врага Уинстон проявлял активный интерес к военной кампании и старался всеми силами привлечь военно-морской флот в помощь территориальным войскам, сражавшимся против немецкой армии в Бельгии и Франции. Случай не заставил себя ждать. И хотя критики обернули его в свою пользу, в действительности этот случай оказал сильное влияние на развитие войны в долгосрочной перспективе. В конце сентября 1914 года неожиданно возникла угроза преждевременного захвата немцами бельгийского порта в Антверпене, что имело бы катастрофические последствия для британских экспедиционных войск, сражавшихся в Бельгии. Немцы тогда бы вышли во фланг английской армии и отрезали ей всю связь с Британией. Уинстон собрал все возможные военные силы, чтобы послать их на помощь сражающемуся гарнизону. Ему наконец-то удалось убедить лорда Китченера направить туда на помощь Оксфордширских гусар в качестве кавалерийского подразделения дивизии ВМС. 19 сентября полк отправился во Францию; некоторые из недавно мобилизованных солдат еще не имели военной формы. Джек, еще не знавший ничего о месте назначения и только получивший от Уинстона заверения, что им предстоит «прекрасное зрелище», отбил брату телеграмму с длинным списком необходимых для его людей припасов и амуниции. Его батальон первым пересек пролив Ла-Манш, и за ним последовал остальной полк. 28 сентября в письме к матери Джек просил ее присматривать за Гуни: «Я боюсь, что мой отъезд сильно опечалил ее – но ей было бы невыносимо видеть мое бездействие».

На экстренном совещании кабинета министров Уинстон узнал о решении бельгийцев эвакуировать жителей Антверпена; такое решение высвобождало многие немецкие формирования, давая им возможность вступать в сражение с британскими экспедиционными войсками, уже находившимися под давлением

врага. 3 октября с разрешения Китченера Уинстон отправился в Антверпен и, использовав всю силу своего убеждения, добился от бельгийцев согласия продержаться еще только десять дней, так как, по его словам, им на помощь уже направляется новообразованная дивизия ВМС, которая прибудет в город как раз в этот срок.

В течение четырех дней Уинстон был в своей стихии, наблюдая за сражениями на передовых позициях и отправляя в Адмиралтейство множество телеграмм. Он даже спросил Асквита, нельзя ли ему уйти с поста Первого лорда Адмиралтейства и вместо этого взять на себя командование гарнизоном, сражавшимся за Антверпен. Китченер хотел присвоить ему звание генерал-лейтенанта, но Асквит справедливо заметил, что такой скачок в семь рангов от лейтенанта гусарского полка до генерал-лейтенанта, через головы генерал-майоров, бригадных генералов и полковников, сопряжен с неприятностью. По правде говоря, Уинстон нужен был Асквиту в Адмиралтействе и в кабинете министров.

Семь дней спустя Антверпен сдался, и новообразованная неопытная дивизия понесла тяжелые потери. Все это вменялось в вину Уинстону. Он стойко принял критику и впоследствии писал, что если бы можно было вернуться в прошлое, то он поступил бы по-другому. Даже Клемми, недовольная внезапным отъездом Уинстона на фронт накануне рождения их дочери Сары, считала, что Уинстон потерял всякое чувство меры[446].

Но этот храбрый и спонтанный поступок имел благоприятные последствия для военной кампании. Те дополнительные пять дней сопротивления бельгийских и британских дивизий под Антверпеном помогли приостановить немцев и позволили бельгийской армии опереться на помощь британских и французских союзников с их войсками, рассредоточенными вдоль побережья. Бельгийская армия смогла сохранить свои позиции и провести яростное сражение за небольшой бельгийский городок Ипр, что остановило продвижение немецкой армии в 1914 году. Такая кратковременная неудача Германии привела, в конце концов, к ее окончательному поражению в этой войне на истощение, которую она и не надеялась выиграть.

Полк Оксфордширских гусар был прикомандирован к штабу главнокомандующего для обеспечения его ежедневной охраны. Критическая ситуация, создавшаяся в Первой битве при Ипре, в которую немцы бросили многочисленные свежие силы, атакуя изнуренную британскую армию, была переломным моментом в войне. Полку было приказано присоединиться к Первой кавалерийской дивизии под командованием Бовуара де Лайла,

упорно сражавшейся за Мессинский кряж. 29 октября Джек был назначен заместителем командующего полком. 24 часа они находились в позиции за Мессинским кряжем, усталые и промокшие, готовые вступить в бой в любую минуту. Джек получил приказ взять с собой половину солдат полка и отправиться на помощь Первой кавалерийской бригаде, оказавшейся в тяжелом положении. Когда Джек и его люди сошли с коней, он повел их в сторону кряжа примерно на расстояние в четверть мили, пока они не нашли укромное место, откуда смогли помочь кавалерии в сражении у деревни Мессии. Джек расположил своих людей под самой вершиной кряжа, а затем продвинул всю группу к самой вершине, где они заняли позицию в густом кустарнике, тянувшемся по обочине дороги. Вскоре к ним присоединились остальные солдаты полка, и вместе они удерживали эту позицию под сильным обстрелом врага. По мере усиления огня ближе к вечеру 30 октября Джек отвел своих людей в укромное место под укрытие кряжа. Ему удалось сохранить свой отряд – число раненых составило только семь человек. Британской армии пришлось отступить с Мессинского кряжа, и Оксфордширские гусары прикрывали ее отход. Полк перемещался и участвовал в сражениях в течение 60 часов, не имея никакой возможности на нормальный отдых и сон.

После выполнения задания Первой кавалерийской дивизией Джек со своим полком отошел в тыл, и там он обнаружил, что майор Черчилль, вместе с младшими офицерами, организовал для них отличное жилье, много горячей пищи, а также их ждали письма из дома. Джек тут же проявил свои отличные организаторские способности, устроив коновязь для лошадей полка. Штаб-квартира британской экспедиционной армии нуждалась в хороших, надежных офицерах для штабной службы, и так получилось, что 19 ноября Джек получил приказ о своем назначении на должность коменданта лагеря при новом учебном центре подготовки солдат для подразделений территориальной армии, расположенном неподалеку от Сент-Омера.

Уинстон, узнав от Джека о том, что сэр Джон Френч, главнокомандующий британской экспедиционной армией, лично попросил назначить его брата на эту штабную должность, понял, насколько Джеку было тяжело расставаться с полком, и в письме к брату Уинстон говорил:

> *Совершенно ясно, что твой долг – это идти туда, где ты более всего нужен. Я уверен, что ты отлично справишься с этой работой, и с прибытием все большего числа военных территориальной армии возрастет и ее*

значение. Здесь тебе пригодятся твой интеллект и деловая подготовка, и ты найдешь им более широкое применение. Ты больше узнаешь обо всем происходящем… В этой должности ты будешь в состоянии помогать полку и служить интересам территориальной армии в целом. У тебя будет масса возможностей попасть под пулю, пока всему этому не придет конец[447].

В продолжение письма Уинстон сообщал, что Гуни, державшаяся «безупречно и бесстрашно», пока Джек вместе со своим полком участвовал в боях, «пришла в восторг от этой новости». Джек, в письме к матери, поделился с ней своим мнением о новой работе: «Гуни сообщит тебе, что меня отозвали из полка на штабную работу – я уже не под огнем противника, но это меня мало беспокоит, а беспокоит то, что там остались люди»[448].

Уинстон также держал Джека в курсе всех важных предпринимаемых действий против турок в районе Дарданелл. Когда в январе 1915 года Россия, британский союзник, обратилась с просьбой помочь ей противостоять туркам в кавказском регионе, Уинстон немедленно отозвался на это и щедро предложил для этой цели корабли британского морского флота. Он попросил адмирала Саквила Кардена, который командовал Британским флотом в Дарданеллах, разработать план минометного обстрела и уничтожения бастионов, охраняющих доступ к проливам полуострова Галлиполи. Военные корабли при проходе через этот исторически важный водный путь могли бы представить угрозу крупному турецкому городу – Константинополю, разрушить возведенный там турецкий арсенал и, как надеялись, полностью вывести Турцию из войны. После первоначального успеха, сумев разбить артиллерийским огнем турецкие укрепления на входе к проливу, последовало разочарование, поскольку британские минные тральщики не смогли расчистить путь для крупных боевых кораблей. Они находились под постоянным огнем подвижной турецкой артиллерии, ведущей обстрел с самого полуострова Галлиполи. Именно эта проблема привела к необходимости высадки войск на сушу для расчистки полуострова, чтобы обеспечить прохождение кораблей в направлении Константинополя.

В этой спешке генерал сэр Иан Гамильтон был назначен 13 марта командующим наскоро собранными Средиземноморскими экспедиционными войсками, которые были плохо подготовлены и не обладали силой, требуемой для такого рода задачи.

Зима 1914–1915 гг. оказалась довольно суровой, и

Британская экспедиционная армия с трудом находила необходимые для себя средства, так как численность армии росла не по дням, а по часам. В истории, рассказанной Джеком своей матери, явно прослеживается солдатский юмор: «Мне надо постараться вырваться в Булонь посмотреть на *внестроевых* солдат – я слышал, там полно милых женщин, способных перевязать все и всякому. Мы называем это место “конюшнями с запасными лошадьми”»[449].

Поскольку в марте 1915 года Британская экспедиционная армия готовилась к своему первому наступлению на Западном фронте, Джеку его штабная должность в Сент-Омере стала казаться чем-то вроде «скуки». 12 марта, чувствуя себя не у дел, так как большинство основных работников штаба уехало на фронт наблюдать за ходом битвы при Нев-Шапеле, Джек в полдень ответил на телефонный звонок. Это звонил Уинстон и спрашивал, не хочет ли он получить другое назначение. «Хочу ли я!» – писал он в своем дневнике, особенно потому, что в этой должности ему предстояло работать вместе со старым знакомым – генералом Ианом Гамильтоном, который готовил свой штат для проведения военной кампании в Галлиполи.

К 13 марта Джек уже был в Лондоне, но времени у него было мало – только повидаться с Гуни и собрать кое-что из своего снаряжения. В тот же день Гамильтон со своей боевой частью отправился на Средиземное море. На следующий день сэр Иан Гамильтон писал Уинстону из поезда, который нес их через всю Францию в направлении Марселя. Он говорил в письме, насколько сильно у них поднялся моральный дух, увидев такое количество провожающих, и сообщал, что Джек здоров и в хорошем настроении. По его словам, Джек должен был хорошо вписаться в их «небольшой отряд любителей риска». На самом деле сэр Иан Гамильтон просил направить к нему Джека вовсе не из дружеских побуждений, а из-за того, что тот обладал опытом участия в войне.

Сэр Иан Гамильтон встретился с новым адмиралом, Джоном де Робеком (Карден ушел в отставку по состоянию здоровья), и от него узнал о предстоящей на следующий день морской битве. 18 марта Джек сопровождал Гамильтона и французского генерала Альберта д’Амаде, отправившихся в разведку на сторожевом корабле вдоль западного побережья полуострова Галлиполи.

В тот же день, 18 марта, экспедиция вернулась в устье пролива Дарданелл и застала морскую битву в самом разгаре. Они со страхом смотрели, как британские и французские броненосцы обстреливали и уничтожали турецкие бастионы; а затем прямо на их глазах врагом были уничтожены шесть

броненосцев – три корабля подорвались на минах, а остальные три были сильно разбиты. В связи с этой досадой атака была прервана. Корабли военно-морского флота не торопились с боями в Дарданеллах. Военные отряды нужны были для штурма полуострова Галлиполи, чтобы расчистить путь и дать возможность военным кораблям окружить и разбить укрепления турок в Дарданелльском проливе.

Для этой операции необходимо было реорганизовать в основном порту в Александрии целое подразделение экспедиционной армии.

Начиная с 28 марта отряды Гамильтона обосновались на новом месте и началась усердная работа. Джек был назначен комендантом лагеря при основной штаб-квартире Гамильтона; это был непрестижный пост, но совершенно необходимый для обеспечения бесперебойной работы штаб-квартиры и благополучного проведения всей кампании. Ему пришлось обыскать всю Александрию в попытке найти подходящую мебель и продовольствие для сотрудников генерального штаба, чтобы обеспечить им условия для работы. Джеку было настолько трудно заручиться содействием египетского правительства, что, как он писал в своем дневнике, он сам «занялся предпринимательством» и договорился с одним «старым богатым турком» о получении большой пустой гостиницы в исключительное пользование штаба.

Как только ему удалось к началу апреля обустроить штабную жизнь, так снова им пришлось на кораблях отправляться на остров Лемнос. Штаб главнокомандующего должен был находиться на борту броненосца *Королева Елизавета.* И опять коменданту лагеря пришлось организовывать бесперебойную работу всех отрядов. «Совсем непросто пытаться переоборудовать корабль под офис», – писал он в своем дневнике. «Все обращаются ко мне по любому поводу»[450]. 12 апреля Джек вместе с сэром Ианом Гамильтоном отправился в разведку вдоль побережья полуострова Галлиполи. Они были уверены в возможности высадки на берег, но ожидали при этом большие потери.

Поскольку должность коменданта лагеря была неофициальной, Джек был очень рад получить настоящую штабную должность заместителя помощника генерал-адъютанта с приличной зарплатой в 550 фунтов стерлингов / 2640 долларов в год. В этой должности ему приходилось постоянно общаться с различными офицерами, отвечающими за боевой порядок при наступлении, а также с офицерами морского флота и французской армии. Благодаря этому до нашего времени дошли чрезвычайно важные документы, содержащие информацию о подготовке и проведении военных действий, рассматриваемые с

точки зрения Джека. Высадка десанта на побережье, охраняемое вражескими войсками в боевой готовности, вооруженными таким серьезным оружием, как пулеметы, скорострельные артиллерийские орудия и винтовки с магазинным заряжанием, не имела прецедентов в истории.

20 апреля Джек писал матери, жалуясь на хаотичность работы почты и намекая на то, что прежде чем она получит от него очередное известие, она узнает из газет о больших событиях. По-видимому, это письмо прошло цензуру после того, как произошла высадка десанта, иначе бы оно никогда не было отправлено.

Наконец наступил великий день. 25 апреля 1915 года Джек провел весь день на борту корабля *Королева Елизавета* вместе с сэром Ианом Гамильтоном и его штабом. Он внес в свой дневник пятьдесят семь хронологических записей, в которых описывал беспорядочную картину высадки десанта на охраняемое турками морское побережье полуострова Галлиполи, на основе сообщений, доставляемых на штабной корабль. Вначале они наблюдали, как австралийцы высадились на берег к северу от мыса Габа-Тепе на западном побережье полуострова, а затем быстро двинулись на юг, проходя Уайт-Бич, где все, как казалось, шло хорошо. На Кейп-Хеллесе, южной точке полуострова, их глазам открылась ожесточенная битва пехоты по прорыву упорной обороны врага. Броненосец *Королева Елизавета,* оснащенный огромными 15-дюймовыми орудиями и 6-дюймовой артиллерией, пришел им на помощь. Только со временем они осознали, что дела на Уайт-Бич[451] шли не так уж хорошо и что австралийцы и новозеландцы получили на севере такой суровый отпор, что даже намеревались совсем покинуть песчаное побережье. Гамильтон побуждал их укрепляться в окопах, пока они не окажутся в безопасности, и, как подробно описывается в дневнике Джека, в течение двух последующих дней армии постепенно удалось закрепить свои позиции на полуострове, измотав при этом все силы своих войск.

Джек часто сопровождал сэра Иана Гамильтона во время посещений линии фронта на полуострове. Такие поездки, в пределах строго ограниченной зоны завоеванных плацдармов в Галлиполи, были всегда рискованным предприятием. Снайперы и артиллерийские наблюдатели могли быстро обнаружить какое-либо необычное движение, и большие группы армейских и морских офицеров всегда привлекали к себе ненужное внимание. Один ветеран Западного фронта описывал с чувством ту ситуацию: «Мне было неприятно ходить вдоль траншей и видеть людей в красных фуражках [военная полиция] и в фуражках с белым чехлом! [австралийская армия]»[452]. На востоке

Средиземного моря появились немецкие подводные лодки и начали безнаказанно топить британские корабли. Всей флотилии пришлось искать убежище в заливе Мудрое у соседнего острова Лемнос, и армия на берегу почувствовала себя абсолютно незащищенной.

Уинстон в Адмиралтействе все чаще чувствовал свое несогласие с адмиралом сэром Джоном Фишером, Первым лордом Адмиралтейства и начальником службы Британского флота. Он находил удовольствие в составлении замысловатых служебных записок с самыми мельчайшими подробностями, равносильных приказам военно-морскому флоту, и игнорировал сомнения Фишера по поводу эффективности отправления войск в Дарданеллы. Как известно, Фишер в одной из записок к Уинстону метал громы и молнии: «Проклятые Дарданеллы! Они станут нашей могилой!» Одним вечером Уинстон, как всегда, отправил подробные приказы в Совет Адмиралтейства по поводу укрепления флотилий в Галлиполи и опрометчиво добавил к одному документу следующие слова: «Представить Первому лорду Адмиралтейства после боя». Возможно, он полагал, что это было рутинным мероприятием, которое не должно было занимать время Первого лорда Адмиралтейства, но для Фишера это было последней каплей, переполнившей чашу терпения, и 30 октября 1915 года он послал письмо с заявлением об отставке и тут же отстранился от дел[453].

Отставка Фишера в момент общего неудачного хода войны создала политический кризис в Палате общин. Консерваторы были готовы отказать правительству в поддержке, и Асквит должен был принять предложение национального правительства о включении туда министров всех основных партий. Одним из условий поддержки нового правительства, выдвинутых партией тори, было требование, чтобы Уинстон, которого они продолжали ненавидеть за ренегатство, ушел из Адмиралтейства.

Все это было огромным ударом для сражающихся в Галлиполи солдат и моряков. Джек писал в дневнике о том, что сэр Иан был очень расстроен из-за потери их верного союзника в Лондоне; командующие ВМС писали Джеку письма с добрыми отзывами, говоря, что им будет сильно недоставать Уинстона в Адмиралтействе.

Джек был рад, что семья Уинстона смогла переехать к Гуни в его дом. Министерская зарплата Уинстона в размере 4360 фунтов стерлингов / 20 928 долларов в год обеспечивала финансовую поддержку для обеих семей.

Начиная с мая 1915 года, немецкие подводные лодки стали наносить тяжелый урон британским кораблям, и в конце концов

пришли к решению, что осуществление руководства морскими экспедиционными войсками с борта штабного корабля *Arcadian* не представлялось более безопасным или практичным. Джек был привлечен к организации постоянной стоянки для лагеря на близлежащем острове Имброс. Когда 1 июня Гамильтон высадился на том острове, лагерь был в полном порядке. Новые обязанности Джека удерживали его вдали от линии фронта, и он только описывал происходящие битвы, но не был их очевидцем. Установилась очень жаркая погода, их страшно мучили мухи, и получение или отсутствие писем из дома были постоянной темой в дневниковых записях и письмах Джека.

Джек внимательно следил за боями на полуострове, которые к концу июня принесли им ряд тактических побед, но были сопряжены с сильным истощением сил по линии фронта. В письмах Джека к матери постоянно повторялось растущее восхищение британской армии по поводу своего турецкого врага: «Турки ведут себя очень смело в этом особом виде войны. Они довольно хорошо относятся к раненым и тому подобное. Захваченные в плен говорят, что не хотят воевать против Англии, но поскольку на их страну напали – у них нет иного выбора»[454].

В июле 1915 года пришли известия об ожидаемом из Британии массивном подкреплении для окончательного победного удара. Занимаясь своими обычными штабными обязанностями, Джек имел незавидную возможность наблюдать, как сорвалось новое наступление из района Анзак на севере полуострова. 6 августа новые войска высадились на берег в бухте Сульва и были готовы идти в бой, но их подвело плохое руководство. Вскоре там воцарились беспорядок и бездействие. Испытанные в боях войска атаковали из Анзака, но встретились с препятствиями из-за труднопроходимой местности, собственной усталости и очередной блестящей победы врага в битве под руководством турецкого командующего Мустафы Кемала. 8 августа Джек высадился на берег в бухте Сульва вместе с подполковником Аспиналлом из генерального штаба, и они своими глазами увидели результаты ужасающей некомпетенции генералов в Сульве. 16 октября они узнали потрясающую новость об отстранении от командования сэра Иана Гамильтона за неуспешность операций в Галлиполи. В письмах домой Джек осуждал тот факт, что усилия его товарищей ничего не значили для тех, кто имел ничтожное представление о тех чрезвычайных трудностях, в которых они сражались[455].

В ближайшей перспективе Джек оказывался не у дел, и он ожидал отправления в свой полк во Франции. После увольнения Гамильтона временным главнокомандующим был назначен сэр

Уильям Бердвуд, и штабным работникам пришлось приспосабливаться ко множественным переменам.

Бердвуд доброжелательно отнесся к Джеку. Он оставил его в качестве коменданта лагеря и попросил подготовить лагерные стоянки на острове Имброс примерно на шестнадцать тысяч человек. Пока Джек занимался этим делом и одновременно залечивал поврежденную щиколотку, в Дарданеллы прибыл с одноразовым визитом Китченер. Он был шокирован тем состоянием, в котором войска пребывали долгое время, и посчитал, что единственной реальной альтернативой в этой ситуации будет эвакуация.

К воскресенью 9 января 1916 года последний солдат армии союзников покинул полуостров Галлиполи, направляясь в большинстве случаев прямо в Египет. Джек вместе с Бердвудом перебрался в небольшой греческий порт Мудрое на средиземноморском побережье острова Лемнос, и Бердвуд предложил ему штабной пост в австралийских и новозеландских частях. Джек хотел получить отпуск домой, чтобы повидаться с Гуни и детьми. Он часто размышлял о том, начал ли говорить малыш Перегрин, потому что когда он видел его в последний раз, тот только что научился ходить. Его сильно воодушевило получение двух почестей – благодарности от сэра Яна Гамильтона в его последнем официальном донесении и французского ордена Почетного легиона. Последняя награда была личной благодарностью от командующего французскими войсками за связную работу, которую Джек вел с французской армией.

После возвращения в Каир в январе 1916 года у Джека усилились опасения по поводу своих финансов после получения известия от своего работодателя Пола Нелке, старшего партнера фирмы биржевых маклеров в Лондоне *Нелке, Филлипс и Компания, о* том, что он был вынужден сократить выплачиваемое ему предварительное жалованье до 250 фунтов стерлингов / 1200 долларов, и в случае, если Джека отправят в полк во Франции, то он потеряет дополнительные 200 фунтов стерлингов / 960 долларов в год. Джек написал домой, что он «не потратил и пяти фунтов с марта последнего года!», и его зарплата была полностью переведена Гунн.

Глава 18
Держаться до конца
1914–1918

Вспыхнувшая в 1914 году война между Британией и Германией потребовала беспрецедентное количество женщин для военной работы. Они быстро взялись за работу медсестер по уходу за ранеными в госпиталях и заступили на мужскую работу на военных заводах. В 1915 году когда стало очевидно, что война затягивается, либеральная и консервативная партии образовали коалиционное правительство под руководством либерала Герберта Асквита. В 1916 году Асквита заменил на посту премьер-министра лидер коалиции Дэвид Ллойд-Джордж.

Женщины в семье Черчиллей, подобно женщинам во всем мире, пытались улучшить условия своего существования. Дженни, вдохновленная любовью Монтагю Порча, присоединилась вскоре после начала войны к оперной певице Мод Уоррендер. Будучи отличной пианисткой, Дженни аккомпанировала Мод во время концертов с целью поднятия морального духа среди слушателей. В скором времени Дженни опять начала работать медсестрой.

Когда разразилась война, к нервозному состоянию Гуни добавился еще и страх. В августе 1914 года в письме к Дженни она излила ей всю душу, делясь своими страхами о том, что Джека могут ранить или убить, а также поведала ей о финансовых тревогах в связи с уменьшением жалованья Джека. Фирма, в которой он работал – *Нелке, Филлипс и Компания,* – сократила его жалованье наполовину. Несмотря на свою гордость за мужа, исполняющего свой долг перед страной, она призналась Дженни, что у них «нет ни копейки за душой, и она не знает, что ждет их впереди».

К концу августа 1914 года Клемми и Гуни вернулись домой после отдыха в Норфолке.

Дженни убедила Пэриса Зингера, сына Исаака Зингера, владельца компании по производству швейных машин *Зингер,* предоставить им свой обширный особняк Олдуэй в Пейнтоне, графстве Девоншир, для использования в военных целях, и его превратили в госпиталь на 250 мест с помещением для операций. Раненых офицеров доставляли в этот госпиталь на санитарных

поездах. Дженни также помогала организовать на станциях буфеты с едой для тысяч проезжающих военных.

Занявшись сбором денежных средств для Фонда военной помощи, организованного американскими женщинами, Дженни стала председателем исполнительного комитета этого фонда. На средства фонда приобретался санитарный транспорт для помощи раненым на линии фронта, одежда для беженцев, предоставлялась помощь голодающим в Бельгии и создавались рабочие места для женщин[456].

В сентябре Гуни писала Джеку в письме о своей работе в госпитале «Всех Святых», где она занималась подготовкой палат для офицеров с тяжелыми ранениями: «Я собираюсь заниматься организацией и приготовлениями; я чувствую в себе уверенность, спокойствие и собранность; я убеждена, что все будет прекрасно, и я думаю, меня следует произвести в звание Иерусалимской Богоматери»[457]. Ее финансовое положение было довольно трудным, так как Джек, безусловно, потерял свою ежегодную премию, а также потерял доход от акций и других ценных бумаг из-за усугубившегося финансового кризиса. В своем доме, по адресу: 41 Кромвель-роуд, Гуни пришлось в течение того года отказать трем из шести слуг и оставить только няню, повара и одного из всех слуг.

Среди тревог и волнений по поводу войны 7 октября в доме Адмиралтейства Клемми родила еще одну дочь, Сару. Личный секретарь Уинстона, Эдуард (Эдди) Марш, стал ее крестным отцом. Клемми, уставшая от беременности, отправилась в ноябре погостить в доме своей подруги – в особняке Белкэр в Лимпне, графстве Кент. Гуни поехала вместе с ней. В тот холодный зимний день 19 ноября обе женщины находили утешение в компании друг друга. Во вторник на той неделе Джек находился в окопах со 2-й дивизией полка, участвуя в бою, и Гуни очень волновалась за него. Уинстон позвонил им с сообщением, что Джек жив и здоров и что он был переведен с линии фронта на штабную работу к сэру Джону Френчу, главнокомандующему британскими экспедиционными войсками во Франции.

К тому времени Гуни пришлось выехать из своего дома и сдавать его в аренду, чтобы хоть как-то улучшить финансовое положение всей семьи. Между тем она вместе с детьми жила в предложенных им лондонских домах своих друзей, предпочитавших жить за городом, полагая, что там безопаснее. Санни, 9-й герцог Мальборо, предоставил одну из комнат Бленхеймского дворца Королевскому Красному Кресту под военный госпиталь. Гуни вместе с детьми также жила какое-то время в Бленхеймском дворце и помогала в работе госпиталя.

Ввиду военной ситуации либералы и консерваторы объединили свои политические силы и 26 мая 1915 года образовали коалиционное правительство под руководством премьер-министра от либеральной партии – Герберта Асквита. Во время перестановки кабинета коалиционного правительства Уинстон потерял свое место в Адмиралтействе из-за провала операции в Галлиполи, так как эта кампания была его идеей и он отстаивал ее в Палате общин. В результате этого семья Черчиллей потеряла право жить в Адмиралтейском доме, предоставляемое только на время работы в Адмиралтействе. Так как их лондонский дом на Экклестон-сквер был сдан в аренду, то им пришлось временно поселиться в лондонском доме тети Уинстона, леди Уимборн, по адресу: 21 Арлингтон-стрит. Сокращение жалованья Джека фирмой, в которой он работал, означало необходимость еще большей экономии для Гуни, и она тоже поселилась в этом лондонском доме. Жить двум семьям с пятью детьми и нянями под одной крышей было тесно. Поэтому Уинстон немедленно переехал в дом своей матери. К октябрю 1915 года они опять все вместе переехали в дом Гуни и Джека по адресу: 41 Кромвель-роуд. Впоследствии к ним присоединилась Дженни, которая помогала им вести это хаотичное и шумное хозяйство.

В июне Клемми занялась важной военной работой, вступив во Вспомогательный комитет рабочих военных заводов, образованный Христианской ассоциацией молодых людей. Ллойд-Джордж был назначен главой нового Министерства военной промышленности, и женщины активно взялись за работу на военных заводах, оставленную мужчинами, призванными на военную службу. Чтобы увеличить производство амуниции, на заводах были организованы столовые для питания рабочих. В обязанности Клемми входило организовать девять таких столовых на севере и северо-востоке Лондона, подобрать для них работников и следить за работой этих столовых, обеспечивающих пищей около пятисот рабочих. Ее задача заключалась в том, чтобы осматривать эти столовые, привлечь к работе девяносто добровольных помощников и обеспечивать связь и координацию между рабочими и руководством заводов.

Уинстон, лишившийся той решающей роли, которую он ранее играл, руководя военными действиями на высшем уровне, часто был в подавленном настроении и испытывал так называемую «черную меланхолию». В конце лета 1915 года он занялся масляной живописью, что помогало его спокойствию и размышлению над жизнью. Толчком к его занятиям живописью была Гуни, когда однажды во время летнего отдыха в усадьбе Хое

в графстве Суррей, которую они снимали в том году, Уинстон застал Гуни за рисованием в саду.

Уинстон так сильно стремился к активной работе и мечтал вернуться в армию, что 30 октября он ушел в отставку с поста министра. Он тщетно пытался получить пост командующего британскими войсками в Восточной Африке, но ему дали понять, что, возможно, сэр Джон Френч сможет дать ему позицию командира бригады во Франции. В ноябре он решил опять вступить в полк Оксфордширских гусар во Франции. Утром в день отъезда Уинстона в их доме присутствовал генеральный прокурор и большой друг семьи Черчиллей сэр Ф.И. Смит. Он вспоминал тревогу, испытываемую Дженни за Уинстона, и сказанные ему слова:

> *«Пожалуйста, будь благоразумен… Я думаю, тебе не стоит проводить много времени в окопах после 10 лет в основном сидячего образа жизни, но я уверена, что ты не будешь “валять дурака”. Помни, что ты предназначен для более высоких дел. Я верю в твою большую судьбу»*[458].

В декабре сэр Дуглас Хейг сменил сэра Джона Френча на посту главнокомандующего войсками британской экспедиционной армии во Франции, и Уинстону было сказано, что вакансии на пост командира бригады больше не существует и ему придется довольствоваться командованием батальоном. Таким образом, получилось, что 5 января 1916 года Уинстон стал командовать в должности подполковника 6-м Королевским шотландским фузилерным полком. Закаленный в боях батальон не знал, как обращаться с этим подполковником-политиком, но благодаря упорному труду и пристальному вниманию к военным делам Уинстон завоевал их доверие. В том месяце они отправились на боевые позиции в лесу Плогстеерт (который британские солдаты называли Плагстрит), расположенном в секторе Западного фронта во Фландрии, Бельгии[459]. Это был тихий участок фронта, и в зимние месяцы там не было никаких боев. Уинстон заставлял своих людей усердно трудиться на линии обороны, но он никогда не был рьяным сторонником строгой дисциплины. Однажды он получил выговор от старшего начальства за чрезмерную снисходительность. Он никогда не избегал опасности и участвовал в работах на боевых позициях и в патрулировании. Но к марту 1916 года он загорелся желанием вернуться в Палату общин, так как, по его мнению, именно там он мог бы вносить значимый вклад в победный исход этой войны.

В марте того года Джек тоже отплыл вместе с анзаками (австралийско-новозеландским армейским корпусом) из Египта

во Францию, высадился с ними на берег в Марселе и на поезде добрался до линии фронта. После учений они направились к участку фронта в районе Арментиерес. Этот район был всего в нескольких милях к югу от того места, где служил Уинстон, и братья имели возможность иногда встречаться за обедом. В обязанности Джека входила организация безупречной работы штабного офиса. Он был доволен своей работой, но скучал по жене и детям.

Похоже, что Уинстон пожаловался брату насчет своего положения, потому что в письмах к матери, начиная с апреля 1916 года, Джек сетовал о том, как жаль, что Уинстона держат в этой дыре, когда он мог бы выполнять более важную работу дома. В мае, узнав, что его недостаточно сильный батальон должны были слить с другим, Уинстон оставил свое назначение и вернулся в Англию.

Дженни была глубоко погружена в военную работу и в мае она дала интервью репортеру американской газеты *New York Times о* роли женщин в военное время. Дженни особо подчеркнула, насколько женщины понимают тот факт, что общечеловеческие ценности находятся под угрозой и их нельзя потерять из-за «грубого внешнего насилия», подразумевая, очевидно, немецкую агрессию. Она видела вклад женщин в военную работу и взятие на себя ответственности за эту работу как знак продвижения их положения в обществе и помощи суфражистскому движению. Она считала, что многие женщины не захотят вновь испытать «ощущение непригодности» или вернуться к «увеселительному» времяпровождению после окончания войны. По словам Дженни, наблюдалось резкое изменение в отношении британского правительства к работе женщин во время войны. В самом начале женщинам даже не хотели разрешить организацию столовых. Но они продемонстрировали свою компетенцию во многих областях, что привело к их всеобщему признанию. В качестве примера Дженни рассказала об одной женщине, работающей в производственном комплексе *Вулвич-Арсенал* и отвечающей там за автомобильный парк. По прогнозам Дженни, такая перемена в отношении к роли женщин гарантирует им право голосовать после войны: «Десятки мужчин, которые ранее были против этой идеи, согласны со мной в этом отношении». Дженни завершила интервью словами надежды о том, что эта война поможет сблизить отношения между Великобританией и Соединенными Штатами Америки[460].

Несмотря на то что Уинстон вышел из кабинета министров, он сохранил за собой парламентское место и хотел продвинуться в парламенте, но вскоре обнаружил, что не пользуется спросом в

Палате общин, и не было сделано никаких усилий, чтобы вернуть его на подходящую государственную службу. Газеты месяцами печатали негативные статьи о Черчилле и сэре Иане Гамильтоне, обвиняя их в провале операции в Галлиполи. Уинстон на тот момент не пользовался успехом у правительства, возглавляемого либералами.

Джек, с другой стороны, был занят делами во Франции и в июле продвинулся вместе с анзаками на юг Франции, в район боевых действий в Сомме, где в очередной раз ему пришлось руководить передвижением штаба армейского корпуса на новое место и устройством для него нового лагеря. Началась яростная атака австралийцев на участке фронта в Позьерес. 16 августа Джек писал матери:

> *Наступление продвигается медленно и пока ему не видно конца. Измученным войскам дали передышку – их отправили на отдых и пополнение, затем они вернутся – и снова «в бой». Артиллерия не смолкает ни днем, ни ночью. Поставка боеприпасов просто замечательная, и пока у нас с этим не было сбоев, несмотря на огромное количество израсходованных боеприпасов за последние 6 недель.*
>
> *Анзаки показали себя с отличной стороны – как солдатам им нет равных. Ужасающий артиллерийский обстрел был для них неожиданностью, но они продолжали частые атаки, и почти все из них были успешными. Немцы сопротивляются превосходно, но, несомненно, они в тяжелом положении… Письма, изъятые у пленных, представляют очень мрачную картину жизни в Германии – все жаждут мира, но большинство все же убеждено, что они берут верх и даже могут прийти к окончательной победе*[461].

В разгар сражений Джек, к большой удаче семьи Черчиллей, внимательно следил за их финансами и нормативно-правовыми изменениями и закончил свое письмо следующими словами:

> *Недавно я писал Уинстону и посоветовал ему позаботиться о ценных бумагах, которые находятся в банке Парр. Надеюсь, он обменял их. Если нет, то это нужно сделать как можно скорее, иначе ему придется платить дополнительный налог на дивиденды.*

Тем летом Джек получил отпуск, и он был очень рад провести это время (больше чем удавалось за последние два года) вместе с

Гунн в Париже. В сентябре в письме к матери Джек писал: «Гуни, похоже, занята визитами, и когда я буду дома, я присоединюсь к ее визитам на той неделе. С большой любовью, твой Джеки». Он имел в виду склонность Гуни к перемене обстановки, ее бесконечное посещение лондонских и загородных домов своих многочисленных друзей. Это было для нее отдушиной после толкотни и давки в доме 41 на Кромвелль-стрит. Дополнительным преимуществом к этому было то, что они могли разъединить сыновей Уинстона и Джека – Джонни и Рэндольфа, – которые вместе были способны на различные шалости, как и присуще детям в их возрасте.

В ноябре 1916 года в письме к Дженни Джек писал об огромном напряжении, которое испытывают офицеры и солдаты от постоянных боев. Он говорил о «неописуемой грязи» в ту зиму, о том, как люди проваливаются в нее и их приходится вытаскивать, а также иногда тонут в воронках от разрыва снарядов. Джек писал, что он «находится в раю, по сравнению с теми бедными людьми, которые сидят в так называемых траншеях и окопах»[462].

Когда штаб корпуса находился на одном месте долгое время, обязанности Джека принимали рутинный характер. Его тогда использовали в качестве своего рода офицера по связям с общественностью – принимать посетителей и сопровождать генерала Бердвуда (который с марта 1916 года был командующим 1-м австралийским и новозеландским армейским корпусом (АНЗАК)) в некоторых его поездках. В апреле 1917 года ему было поручено показывать приезжим австралийским журналистам поля сражений, где проходили самые ожесточенные битвы армейского корпуса вокруг Буллекорта. Австралийские газеты описывали Джека в своих сообщениях: «Сэр Уильям Бердвуд распорядился, чтобы майор Черчилль, младший брат мистера Уинстона Черчилля, очень обаятельный и радушный человек, и абсолютно «объективный», провел нас по наиболее историческим участкам фронта»[463].

Дома семейные дела продолжали вызывать беспокойство. Весной того года умер Пол Нелке, старший партнер фирмы *Нелке, Филлипс и Компания,* и Джек опасался, что его место в фирме не сохранится. Он представлял себя после окончания войны безработным и без постоянного дохода. Из его переписки с матерью очевидно, насколько хорошо она заботилась о всей семье. Дженни переехала в свой собственный дом, и Джонни был так рад гостить у нее, что не хотел возвращаться в дом на Кромвелль-стрит. Дженни также оплатила снятые на лето в аренду дома для Гуни и детей.

С момента образования в 1915 году либерально-консервативного коалиционного правительства партия тори требовала для себя больше власти. Были сделаны некоторые компромиссы, и в момент преобразования коалиционного правительства, 7 декабря 1916 года, новым премьер-министром стал либерал Дэвид Ллойд-Джордж. Он был министром военной промышленности в 1915 году, военным секретарем в 1916 году и имел хорошие рабочие отношения с партией тори. Он был также в хороших отношениях с Уинстоном, но из-за его непопулярности в связи с провалом операции в Галлиполи Ллойд-Джордж не мог взять его в члены кабинета министров. Уинстон все-таки был уверен, что когда-нибудь наступит его час.

Тем временем Клемми и Уинстон вернулись в свой собственный дом по адресу: 33 Экклестон-сквер, а весной 1917 года Уинстон купил загородный дом, Лалленден-ферм, в Ист Гринстеде, графстве Сассекс. Это обошлось им в 6000 фунтов стерлингов / 28 000 долларов, что по тем временам было крупной суммой, и чтобы набрать ее, Уинстону пришлось продать акции Пенсильванской железной дороги стоимостью в 5000 фунтов стерлингов / 24 000 долларов, а также государственные облигации военного займа на сумму 1000 фунтов стерлингов / 4800 долларов. Лалленден был красивым деревянно-кирпичным домом в стиле эпохи королевы Елизаветы, с большим залом и помещением на верхнем этаже, и он был окружен живописной сельской местностью. Дом служил для семьи надежным убежищем от лондонских бомбежек, а также был идеальным местом для нового увлечения Уинстона – рисования. Вокруг дома тянулись широкие сады, и Клемми с удовольствием занималась их благоустройством. Рядом с домом на территории в сто акров было расположено рабочее хозяйство, где разводился домашний скот и стоял амбар, переделанный под детское помещение, где жили дети вместе с няней.

Поскольку друг Уинстона, Ллойд-Джордж, уже прочно укрепился в роли премьер-министра, Уинстон ожидал рано или поздно возвратиться на государственную службу. Похоже, он полностью не осознавал, насколько сильным было негодование партии тори, имеющей сильное влияние на коалиционное правительство, по поводу Уинстона. Глубокая неприязнь к Уинстону со стороны тори была вызвана частично тем, что он оставил партию и примкнул к либералам в 1904 году. Его также сильно обвиняли как тори, так и либералы в провале операции в Галлиполи в 1915 году, проводимой под руководством его друга, сэра Иана Гамильтона; операция была прекращена, и ее результатом были большие человеческие потери. Высадка

морского десанта в апреле того года на полуостров Галлиполи была идеей Уинстона, которую он отстаивал в парламенте как член кабинета министров[464].

После отъезда Клементины со своей семьей Гуни сдала в аренду, сроком на три года, дом по адресу: 41 Кромвелль-роуд и продолжала снимать более дешевые помещения для себя и своих детей или же жить в домах своих друзей и в Бленхеймском дворце. Мебель хранилась в конюшнях герцога Вестминстерского, а лишняя мебель была продана по хорошей цене. Джонни и Рэндольф находились в школе, а за младшими детьми, когда они были все вместе, было легче присматривать. Возможно, именно в военные годы, в период беспокойства и тревог, Гуни начала много курить.

Письма Джека с Западного фронта домой к матери содержат интересные замечания по поводу ведения войны с точки зрения участвующих в ней людей. Вступление Америки в войну в апреле 1917 года вызвало определенный подъем, но к июлю в Париже, как язвительно замечает Джек, «Англию совсем забыли, и сейчас все говорят только обо всем американском. Я встречался с несколькими американскими офицерами. Им предстоит многому поучиться, и я боюсь, это учение пройдет в очень суровых условиях».

Только в июле того года бывший союзник Уинстона, Ллойд-Джордж – член партии радикалов, почувствовал в себе достаточно уверенности, чтобы назначить его членом кабинета министров. Он взял Уинстона на его прежнюю роль министра военной промышленности. Восстановление зарплаты министра было приятной новостью для Клемми и семьи. Работа Уинстона была очень важна для успешного ведения войны, и он решительно и ответственно взялся за ее надлежащее исполнение. Сэр Даглас Хейг сердечно отзывался в своем дневнике, обычно содержащем выпады против политиков, о посещениях Уинстоном армейских подразделений во Франции и хвалил его за «отличную работу» и его энтузиазм по мобилизации всех сил «к августу 1918 года» на победу в войне на Западном фронте.

В сентябре 1917 года Джек сообщал матери о победах в боях, которые входили в среднюю часть плана проведения кампании Третьей битвы при Ипре и были необходимы для завоевания контроля над горными кряжами в Западной Фландрии; об этих битвах часто забывают из-за последующего сражения при Пашендейле, унесшего множество жизней. «Искусные системы обороны бошей[465] сломлены». По его словам, он смог показать Уинстону некоторые места боев: «Я увиделся на минуту с У[инстоном] и Эдди [Маршем] на их пути в Париж». Но к ноябрю

прогнозы по поводу исхода войны вновь омрачились в связи с наступлением суровых зимних условий и плохих новостей с востока, так как Россия выбыла из войны по причине Октябрьской революции.

Весна 1918 года началась рядом крупных наступлений со стороны германских войск, так как враг пытался добиться решающих результатов в сражении до прибытия большого количества американцев, что должно было привести к изменению соотношения сил не в пользу Германии. Австралийский и новозеландский армейский корпус не был задействован в мартовских сражениях, но к концу апреля решительно вступил в бой, чтобы остановить продвижение немецких войск. В письме к матери от 21 апреля Джек с полной компетентностью подытожил ситуацию: «Немцы, должно быть, разочарованы результатом своих двух крупных атак. Они многого достигли, отвоевали много земли и награбили большую добычу. Но они не добились решительных результатов, и линия фронта остается неизменной». В семье понимали, что если Джек пишет Дженни, согласно сложившейся с детства семейной традиции, его письма будут передаваться для прочтения другим членам семьи.

В марте 1918 года Монтагю Порч приехал в отпуск домой. Вместе с Дженни он отправился на отдых в замок Лесли в Ирландии, где они находились с 28 марта по 15 апреля[466]. Именно там, в апреле, он сделал Дженни предложение, и она ответила согласием. В очередной раз Уинстону и Джеку был представлен отчим, который был всего на несколько лет старше Уинстона. 25 мая Джек написал письмо в ответ на объявление помолвки, и по тону оно напоминало письмо родителя к отбившемуся от рук ребенку. Этим было все сказано:

> *Какая неожиданная новость! Мне только что переправили твое письмо. Стоит мне уйти на войну, как ты это делаешь!*
>
> *Я уверен, что ты все тщательно продумала и не сомневаешься, что поступаешь разумно. Я знаю, что последние несколько лет ты чувствовала себя одинокой. Поскольку мы оба женились, то неизбежно ты осталась одна. Я не припомню, чтобы ты говорила о нем, и я никогда с ним не встречался. Если он приносит тебе счастье, то вскоре мы с ним подружимся… Послушай, моя дорогая, ты знаешь, что никто в мире не изменит нашей любви друг к другу, и для меня будет важно знать, что ты больше не одинока. Поэтому я шлю тебе наилучшие пожелания и любовь, и молюсь, чтобы все вышло хорошо.*

В мае Джек прервал связь с анзаками (австралийским и новозеландским армейским корпусом), поскольку они решили заменить всех штабных британских офицеров на австралийцев. Будучи опытным офицером штаба, он получил направление в штаб главнокомандующего Британскими экспедиционными войсками на должность помощника военного секретаря. Генерал Бердвуд особо отметил усердие Джека в работе с анзаками и позаботился о том, чтобы его наградили орденом «За выдающиеся заслуги». С присущей ему скромностью Джек желал получить более подходящую награду, чем этот орден, который, по его мнению, относится к боевым частям и подразделениям армии. Но, как он выразился, в те «времена орденских лент» он будет носить его с гордостью. Летом того года он получил отпуск домой и повидался в Оксфордшире с Гуни и детьми.

Дженни и Монтагю Порч поженились 1 июня 1918 года в бюро регистрации браков на Хэрроу-роуд. Уинстон, Клемми и Гуни были свидетелями регистрации. Дженни было шестьдесят четыре года, а ее жениху – сорок два, и несмотря на свое стройное телосложение, у него были седые волосы, и он выглядел старше своих лет. Он имел деньги и крупные семейные поместья. На этот раз обошлось без резкой перемены имени. Дженни оставила за собой имя леди Рэндольф Черчилль. Порч должен был продолжать работу в Африке, но Дженни, в связи с военными ограничениями, было отказано в паспорте, и она не смогла не только присоединиться к нему, но даже и навещать его. В течение трех недель со дня своего замужества Дженни в очередной раз оказалась одна. Порч приобрел для Дженни в аренду новый и более престижный дом по адресу: 8 Вестбурн-стрит в Гайд-парке, и она направила всю свою энергию на отделку и украшение этого дома.

Джин Гамильтон в записи в своем дневнике от 14 июня 1918 года[467] описывала, как Клемми и Фрэнсис, леди Хорнер, владелица родового поместья Меллс, находясь на ужине в доме лорда Халдейна[468], должны были покинуть его в 11 часов вечера, чтобы пойти на работу в ночную смену в столовой в районе Хэкни. Клемми в то время была на четвертом месяце беременности и ожидала четвертого ребенка, но это не удержало ее от исполнения своего долга. Вокруг Клемми сгущалось много проблем. Министерство обороны издало приказ об обязательном возделывании частных сельскохозяйственных участков для нужд фронта, но стесненное финансовое положение семьи Черчиллей означало, что Уинстон не мог позволить себе возделывать земли на Лалленден-ферм. Также к тому времени повысилась стоимость аренды дома на 33 Экклестон-сквер, и они были не в состоянии

продлить договор аренды. Семья сильно обеднела, когда Уинстон потерял свой пост Первого лорда Адмиралтейства, а затем и парламентское жалованье после вступления в качестве солдата в ряды Оксфордширских гусар, и Уинстону пришлось занять деньги у Эрнеста Касселя.

18 июня, на званом ужине в лондонском доме Гамильтонов по адресу: 1 Гайд-парк Гардене Клемми излила всю свою душу в разговоре с Джин. По ее словам, Лалленден-ферм был неподходящим местом для рождения ребенка. Клемми призналась Джин, что она не в состоянии оплачивать роды в частной больнице, где плата за уход составляла двадцать пять гиней в неделю. Джин предложила для этого свой собственный дом. Далее, в ходе разговора на тему, следует ли бездетной Джин усыновить двух детей, взятых ею на воспитание, Клемми со своей отзывчивой душой предложила Джин своего нерожденного ребенка, или, если у Клемми родится двойня, то она пообещала отдать одного ребенка Джин[469]. Однако это был кратковременный кризис, и когда родился ребенок, маленькая девочка, которую назвали Мэриголд, добросердечная тетя Корнелия, леди Уимборн, предоставила Черчиллям свой дом на время родов Клемми. Мэри, леди Соумс, младшая дочь Клемми, рассказала авторам этой книги в интервью, что ее мать всю свою жизнь беспокоилась о деньгах, что объясняет ее тревожное состояние[470]. Уинстон, который ничего не знал о разговоре между Клемми и Джин, еще до этого занял деньги в попытке обеспечить обе семьи на период войны, но их финансовое положение оставалось довольно трудным из-за огромных расходов на содержание Лалленден-ферм.

После четырех лет войны события стали быстро развиваться в пользу западных союзников. В июне 1918 года Джек опять оказался на службе у прежнего начальника, генерала Бердвуда, в составе штаба 5-й армии. В его письмах домой говорится о победах, а также сообщаются новости о крахе внутри немецкой армии. Он также благодарит Дженни за ее доброе предложение оплачивать школьное обучение Джонни – хотя один из чеков вернулся неоплаченным из-за отсутствия средств на ее банковском счете.

Затем 11 ноября 1918 года полномочные представители Германии подписали договор о перемирии, что положило конец сражениям.

Глава 19
Послевоенная Британия
1919–1929

В 1918 году в Британии состоялись всеобщие выборы, в результате которых у власти продолжало оставаться коалиционное правительство под руководством либерального премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа. Уинстон Черчилль сохранил за собой место в парламенте от избирательного округа Данди в Шотландии. В ноябре 1922 года Ллойд-Джордж ушел в отставку что привело к необходимости очередных всеобщих выборов, победу на которых одержала консервативная партия, и новым премьер-министром стал Эндрю Бонар Лоу. Уинстон потерял место в парламенте и вышел из правительства. В декабре того года ирландцам был предоставлен статус Ирландского Свободного государства. В 1924 году к власти пришло первое лейбористское правительство под руководством Джеймса Рамсея Макдональда, которое продержалось недолго и имело малый успех. На следующих всеобщих выборах в октябре того года победила партия консерваторов, и премьер-министром стал Стенли Болдвин. Уинстон же получил место в партии консерваторов от избирательного округа Эппинг в графстве Эссекс. В 1928 году женщинам в возрасте свыше двадцати одного года было предоставлено право голоса.

Договор о перемирии между союзниками – Великобританией, Францией и Соединенными Штатами Америки – и Германией был подписан 11 ноября 1918 года в железнодорожном вагоне в Компьенском лесу во Франции. Основными лицами, подписавшими договор, были маршал Фердинанд Фош, главнокомандующий армией союзников, и Матиас Эрцгербер, представитель немецкой стороны.

В декабре 1918 года в Великобритании прошли всеобщие выборы. Женщинам старше тридцати лет было разрешено принимать участие в голосовании. Клемми, Гуни и недавно примкнувшая к ним Дженни поддерживали идею женского голосования и впервые смогли участвовать в выборах[471]. В

результате выборов у власти сохранилось коалиционное правительство, состоящее из представителей консервативной и либеральной партий, во главе с либеральным премьер-министром Дэвидом Ллойд-Джорджем. В Ирландии политическая партия большинства, Шинн Фейн, заменила Ирландскую парламентарную партию времен лорда Рэндольфа. Она получила на выборах 73 из 105 мест в ирландском парламенте.

Прекращение сражений в Первой мировой войне совсем не означало, что дела тут же вошли в нормальное русло. Перемирие не означало полного мира, и теоретически война могла возобновиться в любую минуту. Джек занимался несколько месяцев работой в штабе Пятой армии, вначале в полевых условиях, а затем помогал при мобилизации соотечественников из действующей армии, которым наконец-то было разрешено вернуться к гражданской жизни. 6 марта 1919 года он писал Дженни:

> *Я надеялся получить приказ на отправление домой. Моя работа уже почти завершена, и хотя у меня было много дел вплоть до последней недели – сейчас мне почти нечего делать, и я очень хочу уехать домой… Я нужен в Сити, где дела сейчас налаживаются. По-моему, Гуни взяла дом на Бедфорд-сквер на 6 месяцев – мы пробудем там до осени, но нам будет довольно трудно.*
>
> *Надеюсь увидеть тебя на следующей неделе и вернуться домой навсегда.*
>
> *Твой Джеки*[472].

Похоже, что во время одного из последних отпусков Джек завел полезные связи в Сити, гарантирующие ему в будущем работу Дом 41 на Кромвелль-роуд все еще был сдан внаем на долгий срок, чтобы привлечь так необходимые средства. До истечения срока аренды Джек и Гуни должны были жить в лондонском доме по адресу: 44 Бедфорд-сквер, который им временно предоставила леди Оттолин Моррелл, хозяйка светских салонов[473]. Затем она бесцеремонно выставила их из дома, так как он понадобился ей самой, и им пришлось найти временное убежище в доме на Эбери-стрит. В марте Джек вернулся домой, и позднее, в 1919 году, он вместе с Гунн и детьми наконец-то вернулся жить в их собственный дом.

В мае Дженни переехала в новый дом по адресу: 8 Вестбурн-стрит, после продажи по выгодной цене дома на Брук-стрит. Монтагю Порч, оставив на некоторое время колониальную службу, смог присоединиться к ней, и Дженни была очень

довольна жизнью с мужем, которой несомненно обожал ее.

На всеобщих выборах 14 декабря 1918 года Уинстон получил место в парламенте от избирательного округа Данди в Шотландии. Несмотря на большинство представителей тори в коалиционном правительстве, к счастью, друг Уинстона – Дэвид Ллойд-Джордж, который сохранил за собой пост премьер-министра, выглядел на мировой арене одним из победителей самой ужасной войны в истории Британии. И хотя кабинет министров состоял в подавляющем большинстве из консерваторов, в январе 1919 года премьер-министр почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы иметь возможность предложить Уинстону либо его прежний пост в Адмиралтействе, либо важную роль государственного секретаря по военным вопросам, с дополнительной ответственностью за Министерство военно-воздушных сил. Уинстон выбрал двойную министерскую обязанность. Основная ирландская партия, Шинн Фейн, под руководством Артура Гриффита получила 73 из 105 мест в ирландском парламенте и требовала, вместо гомруля, статуса независимого государства для Ирландии.

Уинстон вместе с Клемми и детьми – Дианой, Рэндольфом, Сарой и новой малышкой Мэриголд – вернулись жить в свой загородный дом Лалленден, но также продолжали снимать дом в Лондоне. Клементина, как всегда исполненная благоразумия, посоветовала Уинстону оставить пост в Министерстве ВВС и сосредоточиться на одном деле. Но он был слишком увлечен авиацией, чтобы последовать ее совету, и даже перед войной брал уроки вождения самолета. 18 июля Уинстон вел самолет над аэродромом в Кройдоне и довольно эффектно врезался в землю. Несмотря на сильное потрясение, он все же выступил в тот вечер с речью на ужине. Уинстон, казалось, был несокрушим.

Репутации Уинстона не способствовала его яростная реакция на большевистскую революцию, которая произошла в России в 1917 году. Страна, измученная войной, стремилась насладиться миром, но он держал безрезультатно большое количество британских войск на севере и юге России в поддержку антибольшевистской коалиции. Уинстон говорил, что большевизм надо «душить в колыбели». Он играл важную роль в выделении войск для Польши во время ее вторжения на Украину[474]. Такой военный настрой Уинстона омрачил его отношения с Ллойд-Джорджем и послужил поводом для того, чтобы в рядах некоторых слоев британского общества его стали считать поджигателем войны.

Перед семьей Черчиллей продолжала стоять, по настоятельному требованию государства, задача возделывания

земель в сельскохозяйственных целях из-за хронического недостатка продуктов питания – овощей и фруктов – в послевоенный период. Уинстон не мог позволить себе купить оборудование или платить жалованье управляющему поместьем и полевым работникам в Лалленден-ферм, и в апреле 1919 года он продал поместье своим друзьям, генералу сэру Иану и Джин – леди Гамильтон. До приобретения настоящего семейного очага им пришлось снимать в аренду еще несколько домов.

Джек, вернувшийся в том году с войны домой, не имел работы, но он напомнил о себе всем тем, с кем ранее имел деловые связи. Когда-то Джек проявил доброе отношение к одному из членов семьи Ротшильдов, которого он знал еще со времен учебы в школе Хэрроу, и этот факт не был забыт. Лео де Ротшильд в тот момент вкладывал деньги в фирму биржевых маклеров *Викерс да Коста* и попросил Джека участвовать в переговорах. Некоторое время спустя, примерно в конце 1919 года, Джек добился долевого участия в этой фирме и стал работать там биржевым маклером[475].

С ноября 1918 года Дженни активно занималась обустройством и отделкой своего дома по наивысшему уровню, используя для этого средства, полученные от продажи предыдущего дома. Леди Сара Уилсон, сестра покойного мужа Дженни, лорда Рэндольфа, давала в январе 1919 года в своем лондонском доме бал в честь победы в войне. Среди гостей были Дженни, Элис Кеппель и другие сливки светского общества, и на улице рядом с домом было припарковано пятьдесят «Роллс-Ройсов»[476]. Аристократы возвращались к роскошной жизни. Для Дженни и Монти, как она называла Порча, тот год со временем принес знакомство на приемах с новыми и интересными людьми, такими как Стравинский, Пикассо, Равель, Пруст и Джеймс Джойс. Дженни, как всегда переполненная весельем, особенно любила развлекать молодых людей. В сентябре она согласилась быть хозяйкой, вместе с другой леди, на званом обеде, устраиваемом в большом загородном особняке Шато-де-Вилжени, расположенном к югу от Парижа.

У Клемми было мало времени на общение и бесцельное времяпровождение со своей свекровью, которая сорила деньгами и, по мнению Клемми, совершила глупость, вновь выйдя замуж за мужчину на двадцать лет ее моложе[477]. Дневник Джин Гамильтон содержит следующую запись:

> *Клемми, когда она [Дженни] звонит и приглашает их прийти к ней на обед, обычно говорит так небрежно: «О, это слишком далеко, мы не пойдем, не нужно и затевать*

все это». Они сейчас живут в Вестминстере… но у них два автомобиля, и на поездку ушло бы не более десяти минут[478].

В декабре того года Дженни и Порч опять поехали на отдых в Ирландию, к Леони и Джеку Лесли в замок Лесли, стоящий на фоне мирного и идиллического пейзажа, в окружении тысячи акров земли, лесов и семи озер[479]. Муж Леони наконец-то унаследовал от отца титул 2-го баронета, и с 1916 года Леони стала называться леди Лесли.

Уединение отдаленного дома Лесли и его обитателей было явно противоположной картиной в сравнении с действительностью в Ирландии. Там господствовала совершенно иная ситуация после победы армии союзников во Франции. В отличие от Лондона, здесь не было приподнято-веселого настроения и уличных празднеств. 1916 год был годом Пасхального восстания, и на улицах часто происходили массовые выступления и столкновения между повстанцами и полицией. В марте 1920 года Великобритания послала туда в поддержку полиции девять с половиной тысяч наскоро обученных бывших солдат. Одетые в армейскую форму защитного цвета, они получили прозвище «черно-рыжих». Начиная с 1918 года Уинстон неуклонно сдвигался в своих политических взглядах в сторону консерваторов. Он одобрял создание вспомогательного полицейского подразделения. В этой все более усугубляющейся партизанской войне за независимость Ирландии новое полицейское формирование проявляло печально известные зверство и жестокость в отместку за нападения ирландцев на основные британские учреждения. Полиция нападала на мирное население, а также на повстанцев, и тем самым вызывала к себе большую ненависть.

Уинстон в то время принимал участие в переговорах по предоставлению Ирландии самоуправления (гомруля), которое предполагало наличие одного парламента в Дублине и другого – на севере Ирландии, в Белфасте, но юнионисты были против этой идеи. Когда 23 декабря 1920 года вышел Закон о самоуправлении Ирландии, под которым стояла подпись Уинстона, то он уже был слишком оторван от реальных требований как господствующей политической партии Шинн Фейн, так и оппозиционной партии юнионистов, находящейся в основном в провинции Ольстер на севере Ирландии[480]. Партия Шинн Фейн хотела создания Ирландского Свободного государства, а юнионисты хотели, чтобы Ирландия оставалась в составе Британии, хотя со временем они согласились на разделение Ирландии.

Как министр по делам колоний (с 13 февраля 1921 года по 19 октября 1922 года) Уинстон был вовлечен в длительные переговоры с руководителями ирландских партий о соглашении по созданию Ирландского Свободного государства. Клемми сильно желала решения ситуации в Ирландии, и в феврале в письме к Уинстону она побуждала его к справедливому урегулированию этого вопроса. Она просила Уинстона встать на место руководства Ирландии, чтобы лучше понять, что их нельзя «запугать жестокостью и нестабильностью»[481]. Уинстон был уполномоченным лицом, подписавшим Англо-ирландское соглашение о провозглашении Ирландского Свободного государства. Это соглашение вошло в силу 6 декабря 1922 года. Двадцать шесть графств на юге Ирландии теперь принадлежали новому государству с парламентом в Дублине, а шесть графств на севере остались в отдельном государстве в составе Соединенного Королевства под названием Северная Ирландия, с парламентом в здании Стормонт в Белфасте.

В доме 91 на Кромвель-стрит семейная жизнь Джека и Гуни, после пяти лет разлуки во время войны, входила в нормальное русло. У Клемми к тому времени уже было три дочери, и Гуни тоже мечтала о дочке. В июне 1920 года сбылась ее заветная мечта – родилась дочь, которую окрестили именами Энн Кларисса Николетт (хотя ее всегда называли Кларисса). Гуни окружила большой любовью этого дорогого, своего последнего ребенка.

Джонни, которому было одиннадцать лет, проявлял художественные наклонности, а девятилетний Перегрин уже испытывал интерес к инженерному делу. Оба мальчика, по примеру своего отца и дяди, создали большую коллекцию оловянных солдатиков, с мастерски исполненной транспортной сетью. Их модель электрической железной дороги заняла весь первый этаж дома, и они также коллекционировали модели кораблей. Их механическая модель Ютландского сражения, крупнейшего морского сражения в Северном море у берегов Дании, проходившего с 31 мая по 1 июня 1916 года в войне между Британией и Германией, была настолько точной, что произвела большое впечатление на двух участвовавших в той битве британских генералов, Дэвида Битти и Роджера Кейса, приглашенных посмотреть на эту модель. Позднее ее доставили в Чартуэлл показать дяде Уинстону, который по просьбе Артура Балфора писал отчет об этой битве. (В мае 1915 года Балфор сменил Уинстона в должности Первого лорда Адмиралтейства[482].)

1921 год оказался ужасным годом для семьи Черчиллей.

Младший брат Клемми, Уильям (Билл), который вел Клемми к алтарю на ее свадьбе, командовал во время войны миноносцем *HMS Thorn*. В то время он жил в Париже, стал много пить и заимел большие картежные долги. В феврале Уинстон, тепло относившийся к Биллу, пытался наставить его на ум, побуждая оставить картежную игру и погасить долги. Очевидно, Билл последовал его совету и поклялся Уинстону, что никогда больше не прикоснется к картам[483]. Затем в конце февраля Уинстон и Клемми отправились в длительное путешествие в Каир, так как Уинстон должен был посетить Ближневосточную конференцию с целью урегулирования дел в этой части мира. В Иерусалиме Уинстон вновь подтвердил политику британского правительства на разрешение создания «Еврейского национального очага» в Палестине[484]. Не успела чета Черчиллей вернуться домой, как несколько дней спустя, 14 апреля, неожиданно и без предупреждения Билл застрелился в номере парижской гостиницы. Для Уинстона, как члена кабинета министров, это была скандальная сенсация в прессе. Он был переполнен печалью и раскаянием, думая, что полученная от Билла клятва подтолкнула его к самоубийству.

В конце мая Дженни поехала по приглашению семьи Хорнер на роскошный прием, устраиваемый в их загородном поместье Мелдс, в графстве Сомерсет. Фрэнсис, леди Хорнер, и ее семья были большими друзьями Черчиллей. Дженни недавно вернулась с отдыха в Италии, и на ней были новые итальянские туфли. Обычно подошвы новой обуви скоблились горничной, чтобы туфли не скользили. Похоже, этого не сделали, и Дженни, подскользнувшись, упала и сильно ударилась о ступеньки лестницы, сломав при этом щиколотку. Был вызван местный доктор, и Дженни перевезли в карете «Скорой помощи» в Лондон.

Нога Дженни почернела, и Уинстон, увидев это, пригласил на консультацию хирурга. Джин Гамильтон собиралась пойти с Дженни в театр и 10 июня, после полудня, пришла к Дженни домой. Там она застала Леони, которая ухаживала за Дженни, и прямо у порога узнала от нее о происшествии и о том, что началась гангрена и ногу будут ампутировать. В тот же день Дженни увезли в карете «Скорой помощи» в больницу, и ее ногу ампутировали. Она держалась очень храбро и говорила хирургу «действовать наверняка и резать достаточно высоко». После операции Дженни, как казалось, была вне опасности и значительно повеселела. Затем, утром 29 июня, она неожиданно начала истекать кровью. Совершенно случайно в Лондоне в тот момент находился Бурк Кокрен со своей третьей женой, и он повез Леони Лесли через весь Лондон к постели больной. Когда

они приехали, Дженни еще дышала, но уже больше не пришла в сознание. Позднее в тот день она умерла в возрасте шестидесяти семи лет. Жарким июльским днем ее гроб был перевезен на поезде в Оксфорд, в сопровождении ее семьи. Дженни была похоронена на кладбище у церкви Святого Мартина, в Блейдоне, рядом с Рэндольфом. Всю свою жизнь Уинстон и Джек обожали свою мать. Они выложили ее могилу белыми розами и сиреневыми орхидеями, ее любимыми цветами[485].

Сразу после этого Джеку пришлось заботиться о несчастном Монтагю Порче, который, уехав на работу в Нигерию, бросился назад, но не успел на похороны своей жены[486]. Он отказался унаследовать что-либо из собственности Дженни, и Джеку пришлось разбираться с делами ее поместья. Дженни оставила долги примерно в 70 000 фунтов стерлингов / 336 000 долларов, в основном причитающиеся банку Ротшильдов[487]. Сразу же после ее смерти кредиторы затребовали крупные суммы денег, и Джек был вынужден заплатить по некоторым наиболее срочным долгам из собственного кармана, чтобы не подпускать близко судебных исполнителей, пока он не наберет средств после продажи имущества своей матери на аукционе. Уинстон и Джек оставили себе на память только несколько дорогих вещей, куда вошли некоторые предметы из ее драгоценностей, мебели и прекрасной библиотеки. Урегулирование финансовых дел Дженни было нелегким делом. Только в 1927 году Джек смог закончить эту работу[488].

Пока Уинстон был занят в министерстве по делам колоний, Клемми присмотрела для них в Лондоне новый дом по адресу: 2 Сассекс-сквер, и в августе они переехали в этот дом.

В августе того же года Гуни сняла в аренду для летнего отдыха Менабилли, дом в графстве Корнуолл. Дом предоставлялся в аренду семьей Хорнеров, но он был более известен как дом писательницы Дафны Дю Морье[489]. Они провели там у моря беззаботное лето, посещая многих друзей, включая Клемми и Хорнеров. Джек смог выбраться туда только на три недели, так как он все еще занимался делами поместья матери, но все отмечали, насколько хорошо он стал выглядеть после отдыха. Клемми писала Уинстону из Менабилли с просьбой присматривать за Джеком. Похоже, что все слуги из дома 41 на Кромвелль-роуд уехали в Корнуолл с Гуни и ее семьей, и о Джеке заботилась только одна экономка, жена полицейского, «которая кормила его исключительно соленой треской»[490].

Клемми однажды заметила мимоходом Уинстону, что ей бы очень хотелось иметь загородный дом, хотя бы для того, чтобы больше видеться с «Джегунами», как Черчилли шутливо прозвали

семью Джека и Гуни. Отсюда пошли поиски такого дома, и они закончились приобретением Чартуэлла.

В начале августа к Уинстону пришла еще одна печальная новость. Умер Томас Уолден, старый и преданный камердинер лорда Рэндольфа. Уолден сопровождал лорда Рэндольфа в его поездке по миру в 1894 году. После смерти лорда Рэндольфа в 1895 году Уолден стал слугой Уинстона, заботясь о нем и сопровождая его во всех поездках во время войны. Но самый страшный удар был еще впереди.

23 августа внезапно умерла Мэриголд, их обожаемая «Дакедилли», как они называли свою дочь, которой было два года и девять месяцев. Перед этим она болела простудой и сильно кашляла, но они узнали о серьезности ее болезни, когда уже было слишком поздно. Она умерла от заражения крови, когда Клемми сидела у ее постели, напевая ее любимую детскую песенку[491].

Уинстон и Клемми были совершенно угнетены этой потерей и погрузились в глубокую скорбь из-за смерти своего дорогого ребенка. Уинстон привел других своих детей на ее могилу. Экскурсоводы по сей день рассказывают истории при посещении лондонского кладбища Кенсал-Грин, где похоронена Мэриголд, о том, как премьер-министр военного времени приезжал сюда на служебном лимузине, выходил из мащины и сидел какое-то время на скамейке, задумчивый и тихий[492].

Сентябрь 1922 года вернул в дом Уинстона и Клемми большую радость в связи с рождением дочери Мэри. В настоящее время она известна под именем леди Соумс, и это единственная дожившая до наших дней дочь Черчиллей.

Дела, похоже, у них налаживались, так как Уинстон приобрел прекрасный загородный дом, Чартуэлл, в графстве Кент, за 5000 фунтов стерлингов / 24 000 долларов. Дом стоял в красивом окружении, но требовал большой работы, прежде чем семья смогла въехать в него. Правнук Уинстона, Рэндольф Черчилль, недавно сообщил авторам о своем открытии, а именно о том, что генерал сэр Иан Гамильтон (друг Уинстона на протяжении всей жизни) имел право на охоту в поместье Чартуэлл, полученное им от предыдущих владельцев, еще до прихода сюда Уинстона. По мнению Рэндольфа, возможно, именно Гамильтон рассказал Уинстону об этом доме, когда его выставили на продажу[493].

В октябре того года у Уинстона случился приступ аппендицита. Его положили в больницу и сделали операцию, что вывело его из политической жизни в критический момент.

Будучи не в ладах со своими партнерами по консервативной партии, Дэвид Ллойд-Джордж ушел в отставку с поста премьер-министра в октябре 1922 года, что привело к необходимости

проведения всеобщих выборов, назначенных на 15 ноября. В либеральной партии произошел раскол на два лагеря, один из которых пошел за Ллойд-Джорджем, а другой – за Гербертом Асквитом, предыдущим либеральным премьер-министром.

Клемми отправилась в Данди, избирательный округ Уинстона, чтобы вести там агитационную работу за своего мужа. Она прибыла туда 5 ноября вместе с малышкой Мэри. Клемми выступила с речами от лица своего мужа на шести общих собраниях. Уинстон не мог приехать в Данди вплоть до 11 ноября, когда оставалось всего четыре дня до выборов. Он забрасывал своих избирателей письмами и манифестами, но опять смещался в сторону экстремизма. Он делал нападки на кандидата от лейбористской партии, безупречного Е.Д. Морела, пытаясь изобразить его кровожадным коммунистом. Несмотря на максимальные усилия Клемми, все это имело чрезвычайно неприятные последствия. Уинстон был отброшен на четвертое место. В день своего рождения, когда ему исполнилось сорок восемь лет, он оказался без поста и без места в парламенте. На выборах победили консерваторы[494], и премьер-министром стал уроженец Канады Эндрю Бонар Лоу[495]. Для Уинстона не было места в их рядах, так как его все еще считали ренегатом.

Уинстон и Клемми отправились на юг Франции, чтобы провести там долгий зимний период. Уинстон пытался делать вид, что все в порядке, но на него постепенно находила тяжелая волна депрессии, «черной меланхолии»[496]. Он искал утешения в занятиях живописью, а также начал составлять план, в общих чертах, по своему монументальному историческому труду периода 1914–1919 годов под названием «Мировой кризис».

Потеря места депутата от избирательного округа Данди высвободила Уинстону много свободного времени, и период с 1923 по 1931 год он посвятил своей работе над «Мировым кризисом». По мере публикации каждого тома финансовое положение Черчиллей постепенно улучшалось. Этот энциклопедический труд об истоках, ходе и последствиях Первой мировой войны дал Уинстону возможность объяснить многие из принятых им в военный период решений, а также отстоять свою позицию по таким важным вопросам, как Галлипольская кампания и сражение в Дарданеллах. Критики находят, что работа Уинстона неполно представляет историю войны, а именно, что принятые им в тот период решения преподнесены в самом лучшем свете. Даже по благосклонным отзывам в прессе считалось, что его работа «поразительно сосредоточена на самом авторе»[497], а Артур Балфур называл ее «автобиографией, замаскированной под историю всего мира»[498]. Но книги

Уинстона нашли письменную поддержку и похвалу со стороны командования военно-морского флота и всех тех, кто выступал против изнуряющих сражений на Западном фронте. Мы можем добавить к этому, исходя из документов и писем, предоставленных нам Перегрином, что Джек Черчилль в очередной раз помогал Уинстону в подготовке его труда, но не удостоился никакого признания в своей помощи. Он читал отчеты и биографии, в основном по Галлипольской кампании, составлял их краткое содержание и посылал их Уинстону, помогая направить его по ходу создания этого исторического труда.

С течением времени политическая обстановка постепенно изменялась с появлением рабочего движения профсоюзных организаций (тред-юнионистов), требующих законов по улучшению жизни рабочего класса. Джеймс Рамсей Макдональд в течение многих лет[499] принимал участие в британских политических процессах как социалист, включившийся в рабочее движение за права рабочих. В 1906 году он вступил во вновь образованную лейбористскую партию. На всеобщих выборах того года, проводившихся в период с 12 января по 8 февраля, он впервые был избран в члены парламента от избирательного округа Лестер (вместе с 28 другими членами лейбористской партии). В 1911 году Макдональд, который до сих пор был председателем лейбористской партии, стал ее руководителем. Вслед за снижением влияния либеральной партии лейбористская партия стала постепенно наращивать свою силу. В 1922 году Макдональд вновь стал лидером партии, и лейбористская партия на тот момент составляла главную оппозицию консервативному правительству Стенли Болдвина.

В ноябре 1923 года Макдональда попросили сформировать лейбористское правительство меньшинства, и в январе 1924 года он пришел к власти[500]. Эта ситуация была ненавистна Уинстону. Он, как и большинство других, ожидал самого худшего, так как подъем рабочего класса ассоциировался многими в какой-то мере с революцией в России. Власть лейбористского правительства оказалась довольно нерешительной и недолговечной. Уинстон, находясь вне парламента, при первой же возможности, в феврале 1924 года, начал выступать в поддержку проведения дополнительных выборов от Вестминстерского избирательного округа. Возникла курьезная ситуация, в которой Уинстона поддерживало большинство государственного руководства консервативной партии, но гневно осуждала и отвергала местная партия за его длительное пребывание в рядах либералов. Он выдвинул свою кандидатуру как независимого конституционалиста с антисоциалистическими взглядами,

несмотря на то что на выборах присутствовал официальный кандидат от консервативной партии. Уинстон провел блестящую кампанию при поддержке молодого бизнесмена Брендана Брекена, который тоже хотел получить место в парламенте[501]. Уинстон недобрал до победы только 43 голоса. Победили консерваторы, и Уинстон помог оттеснить кандидата лейбористской партии, Феннера Броквея, на четвертое место. В тот момент ему открылись широкие возможности для возвращения в ряды партии консерваторов.

Между тем семейные дела требовали к себе внимания. Дети Черчиллей подросли, и им нужно было давать образование. Джек отправил обоих своих сыновей, Джонни и Перегрина, на учебу в публичную школу Хэрроу, а Уинстон выбрал для Рэндольфа публичную школу Итон. Джонни и Перегрин хорошо проявляли себя в занятиях спортом, особенно в гимнастике и прыжках в воду. В меньшей мере это относится к их академическим успехам. Джек, почерк которого один из учителей когда-то сравнивал с почерком «образованного и ученого»[502] человека, критиковал Джонни за плохой почерк в его письмах. Джек давал своим сыновьям много практических советов, например, что лучше всего нужно сблизиться со смотрителями здания. Эти люди, своего рода школьная полиция, могли помочь ученику выйти из трудной ситуации, если он им нравился. Художественные наклонности Джонни развивались, и в 1925 году, в возрасте четырнадцати лет, он продал свою первую работу – афишу для Большой западной железной дороги. В 1934 году и позднее в 1949 году он занимался росписью по толка летнего домика своего дяди Уинстона – павильона Мальборо, который находился на территории Чартуэлла. Изображенные им сцены включали празднование Джоном Черчиллем, 1-м герцогом Мальборо, успешного исхода Бленхеймской битвы в Баварии, происходившей 13 августа 1704 года. Джек относился к своим сыновьям с заботой и уважением. Когда мальчики были в среднем подростковом возрасте, он познакомил их с таким жизненным удовольствием, как наслаждение хорошим вином, особенно портвейном. Джек вместе со своим другом Лайонелом де Ротшильдом, которого он знал со времен учебы в Хэрроу, имел привычку покупать на совместные средства очень хорошее вино и держать его в одном погребе.

Джонни, в своей автобиографии *Переполненная картина,* описывает нравственную сторону жизни дома 41 на Кромвелль-роуд[503]. Джонни считал, что его родители имели очень хорошие отношения, но мало общались между собой. После ужина они могли поиграть немного в китайское домино *маджонг,* но чаще всего Джек уходил в свой кабинет читать газеты или книги,

написанные его многочисленными друзьями-писателями. Каждое утро Гуни устраивала приемы – легкие завтраки в одиннадцать утра с диетическим печеньем и портвейном, – на которые шел постоянный поток писателей и художников. Джек обыкновенно ходил по дому и закрывал ставни; Гуни ходила за ним следом и открывала их! Самой большой причудой Гуни было помешивание углей в камине, часто доводя его до полного затухания. Британские аристократы имели большие дома с высокими потолками и плохо подогнанными рамами на окнах, через которые пробивались сквозняки, и задачей служанок было постоянное помешивание углей в камине для поддержания тепла. Друзья Гуни во время ее визитов старались спрятать от нее каминные щипцы, иначе они могли оказаться возле потухшего домашнего очага.

Джек преподал своим детям уроки поведения в обществе, приправляя их многочисленными практическими советами. Он настойчиво требовал, чтобы мальчики всегда были «чистыми, побритыми и напудренными», так как женщины замечают все детали при ближайшем рассмотрении. Гуни советовала им задержаться на минуту перед входом на какой-нибудь прием и провести увлажненным пальцем по бровям и ресницам. Это придаст им свежий и бодрый вид. Когда Джонни возвращался домой с приемов, Гуни просиживала с ним до поздней ночи, обсуждая все подробности проведенного им вечера[504].

В сентябре 1924 года Уинстон был назначен кандидатом консервативной партии от избирательного округа Эппинг в графстве Эссекс и 30 октября должным образом избран в члены парламента с перевесом почти в 10 000 голосов по сравнению с его конкурентами от либеральной партии. Критики говорили, что ему опять удалось сменить партию как раз в тот момент, когда его новые друзья одержали полную победу. Самым поразительным было то, что консервативный премьер-министр, Стэнли Болдуин[505], к изумлению большинства членов своей партии, незамедлительно предоставил Уинстону одну из важнейших должностей в стране, сделав его членом кабинета министров и назначив канцлером казначейства (с 6 ноября 1924 года по 4 июня 1929 года), что означало, что Уинстон должен был осуществлять надзор и определять величину сумм на расходы для правительственных отделов, на вооруженные силы, социальную помощь и так далее. После стольких лет хранения мантии отца Уинстон наконец-то смог облачиться в его одежды. Он взялся за эту роль, как будто никогда и не уходил из правительства, и с присущей ему энергией начал налагать новые ограничения на правительственные отделы.

Уинстону и Клемми удалось продать свой дом по адресу: 2 Сассекс-сквер, и они переехали в дом 11 на Даунинг-стрит, который полагался им по новой должности Уинстона. При составлении своего первого бюджета, представленного в 1925 году, Уинстону значительно помогла осторожность в делах предыдущего канцлера от лейбористской партии – Филипа Сноудена, от которого он унаследовал активный баланс примерно в 37 миллионов фунтов стерлингов / 177,6 миллиона долларов. Он строго обходился с военными службами, сократил смету расходов на морской флот и воздержался от какого-либо европейского союза с Францией.

Загородный дом Черчиллей, Чартуэлл-хаус, требовал большого ремонта и обновления. Уинстон также задумал ряд смелых и впечатляющих изменений территории вокруг дома. Для финансирования всего этого необходимо было привлечь кредит под свою недвижимость. В очередной раз Джек выступил в роли организатора финансовых дел семьи. В апреле 1926 года адвокаты обратились к нему с письмом как к попечителю, спрашивая, согласен ли он со ссудой величиной в 10 000 фунтов стерлингов / 48 000 долларов, которую они готовы были предложить под недвижимость, оцененную в 18 000 фунтов стерлингов / 86 400 долларов. «Поскольку это семейная сделка, маловероятно, что возникнет проблема принудительной продажи… но, конечно, это не меняет вашей ответственности, как попечителя, позаботиться о получении надлежащего обеспечения для ссуды»[506].

В 1926 году в Британии начались волнения среди шахтеров. В связи с крушением экспортных рынков из-за устойчивости фунта стерлингов и распределения Германией дешевого угля по всей Европе в качестве возмещения ущерба, нанесенного войной, владельцы шахт просто сократили оплату труда своим шахтерам. Шахтеры, не без разумных оснований, объявили забастовку и положили начало острым разногласиям, продлившимся 18 месяцев. В мае 1926 года Конгресс тред-юнионистов пытался добиться решающих результатов путем объявления всеобщей забастовки в поддержку требований шахтеров. Уинстон видел в этом призыв к оружию. Отечественные реформы – это одно, но видеть организованный рабочий класс, предъявляющий требования к правительству, было совсем иным делом. Это была социалистическая, но и более широкая угроза, которой он опасался и против которой он выступал начиная с 1917 года. Газеты на Флит-стрит закрылись в знак солидарности с бастующими, и Уинстон получил разрешение на создание полуофициальной газеты – *Британский вестник* – для

информирования общества о ходе забастовки и о мерах правительства по ее пресечению. Тираж этой газеты с громкими передовыми статьями типично в духе Уинстона, которую подготавливали люди, работающие на добровольных началах и принудительно забирающие бумагу из издательств на Флит-стрит, доходил до двух миллионов копий в день.

Конгресс тред-юнионистов не имел никаких революционных намерений, и спустя девять дней после него забастовка была отменена. Уинстон, верный своему характеру, стал одним из главных помощников в попытке найти мирное урегулирование разногласий между мужественными шахтерами и их в равной мере неуступчивыми работодателями. «Пиво и сэндвичи» – выражение британских рабочих, означающее садиться вместе за стол переговоров вместо проведения забастовок, использовалось задолго до времен правительства Уилсона 60-х и 70-х годов, которому приписывают использование дипломатии такого рода[507]. Владельцы шахт проявили большое упорство, и голодающим шахтерам пришлось подчиниться.

Каждый год Уинстон составлял для правительства весьма пригодный бюджет, что, похоже, ему никак не удавалось в отношении своего собственного хозяйства, и выкраивал свободное время для продолжительного отдыха.

Всеобщие выборы 1929 года устранили власть партии тори, и лейбористская партия под руководством Рамсея Макдональда впервые получила возможность управлять страной. Ей не повезло в период своего правления, так как мировая экономика была потрясена приходом Великого экономического спада. Уинстон удержал за собой место в парламенте, но вернулся в рядовые члены («заднескамеечники») и пробыл там гораздо дольше, чем ожидал.

Глава 20
Из политической опалы в английское правительство 1929–1940

В мае 1929 года консерваторы в Британии потеряли власть, которая перешла к партии лейбористов, все еще руководимой Джеймсом Рамсеем Макдональдом. Вскоре после этого крах биржевого рынка на Уолл-стрит в 1929 году привел ко всемирному Великому экономическому спаду В 1931 году Макдональд сформировал Национальное правительство. Большинство членов правительства были консерваторами; они со временем взяли на себя бразды правления, однако Макдональд оставался премьер-министром. В 1935 году Макдональд ушел в отставку по состоянию здоровья, и ему на смену пришел лидер консервативной партии – Стенли Болдвин, находившийся на этом посту вплоть до 1937 года. В том году премьер-министром стал консерватор Артур Невилл Чемберлен. 3 сентября 1939 года Чемберлен объявил по радио о вступлении Великобритании в войну с Германией. После его отставки в мае 1940 года Уинстон Черчилль стал премьер-министром и министром обороны и находился на этом посту до 1945 года.

В мае 1929 года в стране были объявлены всеобщие выборы, по результатам которых лейбористская партия получила 289 мест, консерваторы – 260 мест и либералы – 58 мест в парламенте. Джеймс Рамсей Макдональд все еще находился во главе лейбористской партии, но он сменил свое место в парламенте от избирательного округа в Уэльсе на Сиэм-Харбор в графстве Дарем. Макдональд вновь сформировал правительство меньшинства, и при этом решающее влияние на политическую власть в Палате общин имели либералы.

Уинстон сохранил за собой место в парламенте от избирательного округа Эппинг, но, освободившись от ответственности министра, решил провести курс лекций. Джеку, который никогда в своей жизни не проводил в отпуске более трех недель подряд, представилась летом 1929 года возможность непрерывного трехмесячного блаженства, когда он отправился вместе с Уинстоном в поездку по Северной Америке. Рэндольф и

Джонни, находившиеся в то время на летних университетских каникулах, сопровождали своих отцов в этом путешествии, проведя вместе с ними часть своего летнего отдыха. Гуни не имела никакого желания находиться в такой дали от Англии, и, ко всеобщему сожалению, Клемми была немного нездорова, чтобы отправиться в эту поездку. 3 августа они отплыли на корабле *Императрица Австралии* и путешествовали на нем с большими удобствами. Уинстон нашел время написать два важных очерка, предназначенных для публикации, и весь ушел в чтение материалов по задуманному им труду о Джоне Черчилле, 1-м герцоге Мальборо.

По прибытии в Канаду *Канадская Тихоокеанская железнодорожная компания* предоставила им отличные места в гостиницах на всем пути их следования от Квебека до Ванкувера. Поездка окупалась лекциями, проводимыми в местах выбранного ими маршрута. После двадцати шести дней в Канаде они провели еще двадцать дней в Калифорнии. Часто их приглашали в гости богатые американцы, и, к большому удовольствию путешественников, в Лос-Анджелесе и его окрестностях им удалось посетить киноплощадки натурных съемок и повстречаться со звездами кино.

Во время их отсутствия Клемми перенесла небольшую операцию и находилась дома, восстанавливая силы после болезни. За ней ухаживали ее любящие дочери – Диана, Сара и Мэри, а также Гуни, которая вместе с «Пебином» (Перегрином) и Клариссой часто навещала Чартуэлл. В письме к Уинстону от 30 сентября Клемми писала, что шестнадцатилетний Перегрин и Сара, которой было почти пятнадцать лет, «похоже, более, чем когда-либо, увлечены друг другом»[508]. Любопытное повторение семейной истории прослеживается в том, что поведение Джонни было сущим наказанием – он всегда препирался с Рэндольфом, таким же непокорным, как и он сам, и со временем превратился в юношу, выступающего против серьезного и уравновешенного образа жизни в пользу богемного времяпровождения. Перегрин же, повзрослев, приобрел характер серьезного, тихого молодого человека, который всегда сидел, уткнувшись в книгу, или же пытался решить какую-нибудь практическую инженерную задачу.

В середине августа Чарльз М. Шваб, глава Бетлехемской сталелитейной компании, предоставил путешествующей группе поезд, который отвез их назад на Восточное побережье Америки. Оттуда Рэндольф и Джонни, которые должны были вернуться в сентябре к университетским занятиям, отправились домой. Уинстон и Джек продлили свое путешествие, посетив место битвы при Геттисберге и места других сражений времен Гражданской

войны в США. К концу октября американская экономика пришла в упадок из-за серьезного краха биржевого рынка на Уолл-стрит, и это событие произвело потрясение по всему миру. По подсчетам Уинстона, его инвестиции в мгновение ока сократились на 10 000 фунтов стерлингов / 16 834 доллара, и, несомненно, вспоминая свое собственное детство, он испытывал сильный гнев по поводу финансового положения и перспектив своей семьи. В своих мемуарах Джонни сделал следующее замечание: «Наши семьи, определенно, избежали трагедии, которая нанесла непоправимый урон многим другим»[509]. К счастью, в то время семья имела в своих рядах биржевого маклера с надежной репутацией в лице Джека.

Экономический крах повлек за собой сокращение планов проведения обширных работ в ближайшие месяцы по благоустройству Чартуэлла. Там продолжали использовать только кабинет, и всей семье приходилось жить в коттедже, предназначенном ранее для дворецкого. Уинстон взялся активно зарабатывать на жизнь пером, и семье удавалось хорошо сводить концы с концами и даже снимать в длительную аренду довольно благоустроенные лондонские дома. В 1930 году была опубликована книга Уинстона «*Мои ранние годы*», имевшая большой успех. Эти забавные, прелестные и увлекательные воспоминания повлияли на большинство дальнейших книг о жизни Уинстона. В 1931 году за ней последовала книга *Восточный фронт* (дополнительный том к его труду *Мировой кризис,* написанный после того, как Уинстона раскритиковали за отсутствие описания в нем этого аспекта войны); а также сокращенное издание *Мирового кризиса,* сборник очерков *Мысли и приключения,* и затем вышел в свет четырехтомный исследовательский труд *Мальборо* (написанный в период между 1933 и 1938 годами).

В ноябре Джек вернулся в свой офис, в компанию *Викерс да Коста,* и проводил время в поисках решения о том, как справляться с нестабильной ситуацией на рынках ценных бумаг после финансового краха в Нью-Йорке. Он не смог многого добиться по сохранению их позиции в Америке, где дела обстояли очень плохо и ситуация все ухудшалась. Но компания *Викерс да Коста* внимательно следила за тенденциями мировых рынков, и Джеку удалось сделать ряд краткосрочных приобретений и быстрых продаж, принесших в семью небольшую прибыль. Занимаясь делами семьи, он распределял все долги к оплате в последовательном порядке (откладывая каждый платеж на максимально возможный срок), производя взаимный зачет убытков, понесенных хозяйством Чартуэлла, и налоговыми

обязательствами, а также направляя инвестиции в более надежное русло, а именно в сектор сырьевых товаров, которые всегда пользуются спросом, и в компании с лучшими перспективами – компании по добыче меди в Родезии, нефти в Альберте, а также в такие компании, как *Маркс и Спенсер,* кинокомпанию *Гаумонт Бритиш Филмс* и золотодобывающую компанию *Шервуд Старр.*

Пока новое лейбористское правительство было захвачено проблемами экономического спада во всем мире, министры теневого кабинета оппозиционной консервативной партии встречались только в редких случаях. Это отлично подходило Уинстону, который активно занимался писательским трудом. Но вскоре он опять оказался не в ладах с партийными лидерами. Стенли Болдвин, все еще стоявший во главе консервативной партии, проводил партийную политику, направленную на частичное признание требования Индии о предоставлении ей права на самоуправление. Уинстон встал на крайне бескомпромиссную позицию и был категорически против этого вопроса. Он говорил о кротком Махатма Ганди как о каком-то воплощении зла. Его подстрекали газетные магнаты партии тори, боявшиеся ослабления империи в любом проявлении, и он оказался в конце концов в сегменте консервативной партии с крайне правыми взглядами. В феврале 1931 года Уинстон, в знак протеста, официально ушел с поста министра теневого кабинета, и когда в 1931 году Болдвин вступил вместе с Рамсеем Макдональдом в Национальное правительство, консервативная партия, имеющая большинство мест в парламенте, не предложила ему никакого министерского поста. Уинстон оказался в абсолютной политической опале, без каких-либо союзников.

В конце 1931 года, когда Клемми окончательно оправилась от своей болезни, они смогли вместе отправиться в Америку, где Уинстон начал выступать с курсом лекций, которые могли принести, по его ожиданиям, доход в 10 000 фунтов стерлингов / 48 000 долларов. Но вскоре после первой же лекции, в Нью-Йорке, на Пятой авеню, где Уинстон находился в поисках частного адреса дома, куда он был приглашен в гости, его сбила машина. Это был серьезный несчастный случай. Он провел в больнице восемь дней, и затем все Рождество и Новый год был прикован к постели в гостинице «Вальдорф-Астория». Проведенные далее в Вест-Индии три недели, предназначенные на восстановление здоровья, значительно поправили дело, но Уинстон был угнетен таким поворотом судьбы. Его опечалили, по его словам, три удара судьбы, поразившие его за последние два года – потеря денег во время биржевого краха, потеря места в

консервативной партии и недавний несчастный случай на дороге – и он задавал себе вопрос, сможет ли он когда-нибудь оправиться от этих трех бед. Уинстон бодро взялся за продолжение курса лекций, но смог осилить только около половины программы.

На тот момент писательский труд Уинстона стал приобретать уже производственные масштабы, и он начал вести переговоры с издательской компанией *Кассель* по поводу своего исторического исследования *История англоязычных народов,* ставшего в будущем его легендарным трудом. Предложенный ему аванс в размере 20 000 фунтов стерлингов / 96 000 долларов был очень кстати, особенно потому, что работу нужно было закончить только ближе к концу текущей декады[510]. Несмотря на то что Уинстон пользовался услугами квалифицированных секретарей для диктовки и печатания, он всегда нанимал первоклассных исследователей, обычно «восходящих звезд» в историческом мире[511], которые собирали для него первоначальные материалы для использования в его труде.

В мае 1932 года сын Уинстона, Рэндольф, оставил занятия в Оксфорде, не дождавшись сдачи заключительных экзаменов, и избрал для себя карьеру журналиста. Благодаря связям своего отца ему удалось получить место у лорда Розермейера в воскресной газете *Sunday Graphic,* и вскоре он уже освещал в своих статьях политические выборы в Германии. Уинстон связывал со своим сыном очень большие надежды. Поскольку его собственные родители всегда отдалялись от него, он поклялся быть хорошим отцом для своих детей. Он окружал своих детей любовью и заботой, но они, возможно, считали, что «живя в тени огромного дуба, молодому деревцу, похоже, недостает солнечного света»[512]. Имея такого отца, как Уинстон, они испытывали гораздо большее давление, чем представлялось со стороны. У Дианы в жизни было два несчастных брака, а Рэндольфа охарактеризовывали по-разному – зачастую как «занозистого, аристократичного, самонадеянного и всесторонне нелюбимого» человека, и порой даже называли его «фашистским зверем». У него тоже было два неудачных брака, и, по воспоминаниям очевидцев, он был человеком, который злоупотреблял алкоголем, играл на деньги в карты и волочился за женщинами. Сара, полная очарования и жизненных сил, была захвачена участием в любительских спектаклях, проводимых в Чартуэлле и Бленхейме, и жизнью на сцене и в кино. Из трех ее браков первый закончился разводом, а второй – раздельным проживанием супругов и самоубийством ее бывшего мужа. После ужасного удара в связи с потерей Мэриголд в младенческом возрасте, какой отрадой

оказалась для родителей милая и уравновешенная Мэри[513].

Поскольку Джонни выбрал карьеру художника, Джеку и Гуни было отрадно видеть, что Перегрин изучал в Кембриджском университете инженерно-техническое проектирование, к которому он имел природную склонность. Гуни так сильно желала иметь дочь, что Кларисса просто купалась в ее любви и внимании. Это было настолько очевидным, что все окружающие, включая кузенов и их нянь, считали, что такое отношение приносит девочке вред[514].

Непоколебимость позиции Уинстона в отношении предоставления свободы Индии привела к отчуждению от него многих консерваторов, таких как Энтони Иден[515], Харальд Макмиллан[516] и Альфред Дафф Купер[517]. Все они были очень опытными министрами, которые в иных условиях могли бы разделять его взгляды. Бытовало мнение, что если бы Уинстон скончался до 1939 года, то он остался бы в памяти людей довольно хорошим писателем и журналистом, хорошим художником с растущим талантом, но несостоявшимся политиком, в том смысле, что он мог бы многого достигнуть, если бы не проявлял такое инакомыслие.

В августе 1932 года Уинстон отправился в поездку по Германии, которой он восхищался, с обширной программой посещения мест сражения 1-го герцога Мальборо. В Мюнхене он наблюдал в непосредственной близости все более растущее влияние нацистской партии на грани полного подчинения всей нации. Хотя в то время Уинстон, как и большинство других людей, открыто не высказывался против нового режима в Германии, его инстинкт давал ему понять, какую опасность этот режим может представлять для Европы. Он видел, как Германия открыто перевооружалась в обход условий Версальского договора, положившего конец Первой мировой войне. Вернувшись в Англию, Уинстон написал статьи для октябрьского и ноябрьского номеров ежедневной газеты *Daily Mail,* в которых особо отмечал угрозу воздушных бомбардировок со стороны быстрорастущих военно-воздушных сил Германии, советуя, соответственно, увеличивать мощь ВВС Великобритании и, в общем, предостерегая об опасности, которую представляют собой благие пацифистские настроения на фоне агрессивных намерений Германии.

Ощущения, которые Уинстон пережил во время поездки по Германии, сделали его решительным противником фашизма и подтвердили его убеждение в том, что Великобритании нужны сильная армия и флот, иначе она подвергнется нападению. В январе 1933 года Гитлер был назначен канцлером Германии.

Нацисты продвигались быстро, имея целью захват государственного аппарата, что сделало бы их устранение невозможным. В феврале дискуссионный клуб Союза студентов Оксфордского университета принял резолюцию о том, что «данный колледж отказывается при любых обстоятельствах воевать за короля и страну». Неделей позже Уинстон, выступая перед Антисоциалистическим и Антикоммунистическим союзом, осудил это «низкое, отвратительное, беззастенчиво открытое признание» и предостерегал от опасности в лице «великолепной ясноглазой молодежи» Германии, которая требовала перевооружения своей страны. В его речах проявлялся мощный талант писателя и оратора, и он предупреждал Британию и Европу о надвигающейся агрессии. Уинстону претили напоминания людей о его позиции до и после Первой мировой войны, направленной против расходов на военные цели и за сокращение бюджета на оборону, которые он осуществлял при первой возможности. Но он видел с ясностью, которой были лишены другие, логический исход прихода нацистов к власти и не прекращал своих выступлений. В Европе шел широкий процесс переговоров об общем дальнейшем разоружении как гарантии мира, и на Францию было оказано большое давление показать пример и сократить свои вооруженные силы. Когда Уинстон высказал мнение, что такие меры скорее приведут к войне, его заглушили криками в Палате общин. Его прежняя репутация приверженца войн, хотя и необоснованная, шла вразрез с общим настроением в стране.

13 мая 1934 года Джонни женился на очаровательной Анджеле Калм Сеймур. Их брак затем распался, и Анджела ушла от него, оставив ему на воспитание ребенка, Корнелию (которую все называли Сэлли). Несколько месяцев спустя, когда Джек вернулся в Лондон, предполагая, что его родители заботятся о маленькой Сэлли, его ждала поразительная новость. Джек и Гуни не скрывали своих глубоких религиозных убеждений. Джонни и Анджела объявили себя атеистами, и родители Джонни были недовольны их свадьбой, которая состоялась вне церкви. Церемонию бракосочетания проводил *подеста,* или главный магистрат, в здании муниципалитета в Портофино (маленьком итальянском рыбачьем поселке провинции Генуя на Итальянской Ривьере), и они отказались произносить клятву на Библии, что требуется при христианской свадьбе. Поэтому Джек и Гуни отказались взять девочку в свой дом на постоянное проживание. Они заботились о невинном ребенке до тех пор, пока Джонни смог устроиться в Лондоне и определить Сэлли в местные детские ясли маркизы Твиддейл. В то время от Джонни скрывали,

что его мать и отец были серьезно больны. Джек заботился о Гуни, которая много курила и имела рак легких в начальной стадии, тогда как его собственные доктора предупредили Джека, что при его аневризме грудной аорты ему осталось жить всего два года.

В парламенте и прессе Уинстон продолжал предупреждать об опасности разоружения на фоне перевооружения Германии. Он понимал, что мало влияет на мнение большинства в стране. Несмотря на его утверждения о том, что писательство и идиллическая жизнь в Чартуэлле поддерживают его жизнь, он испытывал много моментов «черной меланхолии» и находил все большее удовольствие в алкогольных напитках.

Район к западу от Рейна был демилитаризован как часть условий Версальского мирного договора, заключенного в конце Первой мировой войны. 7 марта 1936 года немецкие войска заняли территорию бассейна реки Рейн без всякого протеста со стороны западных держав. Запад был одержим идеей сохранения мира любой ценой и сквозь пальцы смотрел на агрессию милитаристской Японии в Маньчжурии, фашистской Италии в Абиссинии и нацистской Германии в Европе – то есть вел политику, которую позднее с осуждением называли «политикой умиротворения». К тому времени претенциозности объединенного Национального правительства в Палате общин был положен конец. После июня 1935 года консерваторы взяли в свои руки бразды правления, и Стэнли Болдуин вновь стал премьер-министром. Если Уинстон хоть на минуту надеялся получить приглашение вернуться в правительство, то он был сильно разочарован, так как ему не был предложен министерский пост.

Уинстон предсказал, что 1937 год станет «годом скорби». Его антикоммунистические взгляды, прочно укоренившиеся после революции 1917 года в России, окрасили его отношение к гражданской войне в Испании. Он был доволен успехом мятежа генерала Франко против избранного либерального правительства, несмотря на его активную поддержку со стороны Германии и Италии. К нему шли потоки писем в парламент, а также он получал доклады и принимал визиты от своих сторонников, которые с тревогой наблюдали за растущей мощью Германии. Разумеется, некоторые бесстрашные лица в рядах вооруженных сил и в аппарате министерств рисковали своей карьерой, передавая Уинстону засекреченную информацию, содержащую подробности в отношении опасного сдвига равновесия военных сил в пользу Германии и в ущерб западным союзникам в связи с крупномасштабным перевооружением Германии, что было грубым

нарушением условий Версальского договора. Но правящие круги Британии продолжали считать, что гражданская позиция Уинстона создает угрозу безопасности международной ситуации.

В мае 1937 года Стэнли Болдуин ушел в отставку, и на посту премьер-министра его сменил Невилл Чемберлен, который с 1931 года был канцлером казначейства от консервативной партии. Хотя его приход к власти ознаменовал первые шаги к усилению боевой готовности Британии, он также совпал с этапом, на котором предпринимались более решительные усилия по нахождению общего языка с Гитлером и получения гарантий мира путем международного договора. Все это было ненавистно Уинстону. В октябре Чемберлен, получив очередной объем опубликованных исследований, выразил свое полное восхищение писательскими способностями Уинстона, но в тот опасный период для него не могло найтись места в парламенте. Однако в конце концов некоторым из старших чиновников было дано официальное разрешение вести переписку с Уинстоном и предоставлять ему ответную информацию по вопросам обороны. Постепенно он сблизился с такими членами консервативной партии, как Энтони Иден и Альфред Дафф Купер, а также с растущей группой членов парламента, озабоченных международной ситуацией. Иден, назначенный Болдуином в 1935 году министром иностранных дел, был несогласен с Чемберленом по поводу проводимой им политики умиротворения, и в феврале 1938 года он ушел в отставку. Дафф Купер, который в 1937 году получил повышение по службе и звание Первого лорда Адмиралтейства, ушел в отставку в 1938 году из-за Мюнхенского договора, заключенного между Чемберленом и Гитлером. После отставки Идена Уинстон выступал со страстными речами в его защиту. Он заявил в Палате общин, что это была «хорошая неделя для диктаторов», но окружавшая его группа политиков с ясными представлениями о будущем была малочисленной, поскольку вся страна непрестанно молилась о мире.

Мэри – леди Соумс, и Кларисса – графиня Авонская, жена сэра Энтони Идена, обе вспоминали, что многие годы, со времен их девичества, все разговоры в Чартуэлле были об угрозе войны. Уинстон и Клемми находили большое утешение в общении с семьей. «Джегуны» были частыми и любимыми гостями. Мэри описывала присутствие дяди Джека, как «мирное дополнение к любому приему гостей». К концу 30-х годов Джек очень беспокоился о здоровье Гуни и стойко, без суеты, переносил свои собственные проблемы, связанные с этим. Джонни к тому времени уже стал успешным художником и регулярно получал заказы на стенную роспись. Расходы на содержание Сэлли, а

также на его лондонскую студию-магазин обычно заставляли его нуждаться в деньгах. Джек несколько раз делал ему щедрые подарки в виде денег, а Уинстон, прослышав о затруднениях Джонни, тоже выписал ему чек на крупную сумму. Перегрин имел оплачиваемую работу на крупных инженерных объектах. Кларисса, проявлявшая хорошие способности в учебе и в попытке избежать утомительной любви своей матери, уехала в Париж учиться в Сорбоннском университете.

Не прошло и много времени, как Уинстон стал советовать Джонни и Перегрину заняться армейской карьерой. Джонни сначала подал заявку в Королевские инженерные войска и Войска связи, надеясь использовать там свой талант художника, специализируясь на маскировочных работах. Но в то время там не было вакансии, и оба брата поступили в полк по обычаю всей семьи – Королевский полк Оксфордширских гусар, являвшийся на тот момент противотанковым артиллерийским подразделением территориальной армии.

В 1938 году Гитлер, отбросив все сомнения, включил всю Австрию в территорию Германского государства, предъявив перед этим Чехословакии требование на возврат и присоединение к Германии территории Судетской области, которую в основном населяли немцы. Чемберлен полетел в Мюнхен, пошел на позорные уступки нацистскому агрессору и был встречен по возвращении домой как герой, размахивающий обещанием «мира в наше время», – факт, говорящий о подлинных чувствах всей Британии. Если тщеславные замыслы Германии можно отвести на Восточную Европу, о чем тогда беспокоиться Британии и Франции? Группу патриотов во главе с Уинстоном откровенно осуждали как возмутителей спокойствия, и консервативная партия развернула пропаганду, чтобы затруднить их политическую жизнь. Наблюдать за тем, как в марте 1939 года Гитлер незамедлительно вторгся и оккупировал всю территорию Чехословакии, а затем переключился на Гданьск, было малым утешением. Британия и Франция начали предпринимать запоздалые попытки по военному приготовлению перед лицом этого кризиса, и, несмотря на отсутствие географической близости, они довольно странным образом выдали Польше гарантию – которую оказалось невозможным исполнить, – о том, что ее территориальная целостность будет защищена от немецкой агрессии.

Таким образом, дело дошло до того, что когда 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, Британия предъявила Германии ультиматум с требованием вывода немецких войск. Этот ультиматум остался без внимания, и 3 сентября Британия

объявила войну Германии. Чемберлен был вынужден создать кабинет военного времени, и в тот же день Уинстон был срочным образом назначен Первым лордом Адмиралтейства. В тот же вечер он уже сидел за столом в своем кабинете, и к нему шли потоки писем с благодарностью богу за то, что Уинстон оставался верен выбранному им курсу большую часть последнего десятилетия и вернулся на службу, где крайне необходим его бесспорный талант.

После быстрого поражения Польши ситуация во всей Европе вступила в тихую фазу известную под названием *Странная война.* Британские экспедиционные войска (БЭВ) обосновались в северной Франции, и Джонни служил там помощником начальника штаба по бытовым вопросам при штаб-квартире 1-го корпуса, специализируясь на маскировочных работах. Перегрин работал в Министерстве ВВС в качестве гражданского специалиста по работе сходного характера. Уинстон был очевидцем большого успеха британского флота в бухте Монтевидео, когда загнанному в ловушку после битвы на реке Плейт «карманному линкору» Graf Spee пришлось затопить себя. В очередной раз неудовлетворенность Уинстона бездействием привела к быстрому созданию им новых решительных планов, куда входили некоторые довольно опасные идеи по отправлению кораблей флота в Балтийское море. Вначале он был увлечен планом отправки британских и французских войск на помощь финнам, ведшим отдельную войну с Советским Союзом, но позднее посчитал, что такое действие не повлияет на военные притязания Германии. Обсуждения такого рода привлекли внимание стран-союзников к Скандинавии, и в частности к существенно важным запасам железной руды в Швеции, вывоз которой осуществлялся через норвежские порты, такие как Нарвик. Уинстон был основным сторонником упреждающих действий в Норвегии по захвату этих активов для стран-союзников с целью недопущения попадания их в руки Германии. Подготовка к интервенции в Норвегию уже шла полным ходом, когда поступили новости о том, что германские войска сосредотачиваются в северных портах, имея такие же намерения.

Обе стороны приступили к операции 7 апреля 1940 года. Немцы, с преимуществом краткости расстояния, прибыли первыми и в значительном количестве. Дания была захвачена, в Норвегию вторглись их войска. Корабли британского морского флота имели ряд успешных побед в сражениях с германским флотом, но сухопутные войска стран-союзников были остановлены и оттеснены немецкой армией и ВВС Германии – люфтваффе. Еще до наступления конца апреля странам-

союзникам пришлось планировать довольно трудную эвакуацию своих осажденных войск из Норвегии. Растущая волна критики по поводу общего проведения этой кампании была неизбежно обращена против Уинстона. Поражает то, что в последующих прениях по этому поводу в парламенте он вышел победителем.

Глава 21
Звездный час
1940–1945

После капитуляции Франции в июне 1940 года Британии пришлось в одиночестве выступать против нацистской Германии, при поддержке «бульдожьего упорства» премьер-министра Уинстона Черчилля. Нападение Гитлера на Россию в июне 1941 года и Японии на Соединенные Штаты в декабре 1941 года привело к созданию великой Коалиции союзников, которой в конце концов удалось после многочисленных трудных боев истощить врага. Германия была вынуждена капитулировать в мае 1945 года, за ней в августе 1945 года последовала Япония. К тому времени западные союзники уже не находили общего языка с Советским Союзом, и этим были заложены основы для холодной войны.

Попытка британских войск предупредить вторжение немецких войск в Норвегию встретила сопротивление в лице безжалостного и умелого врага, который сокрушил неподготовленную экспедиционную армию, сражаясь в заснеженных фьордах и горах. Несмотря на то что Уинстон, наравне с другими, был виноват в провале операции в Норвегии, он вышел вполне определенным победителем во время парламентских дебатов 7 и 8 мая 1940 года. 9 мая Невилл Чемберлен пытался на скорую руку сформировать новое правительство, но лейбористская партия отказалась работать под его руководством. Он столкнулся с такой волной противоборствующего мнения, что в результате вотума недоверия правительственное большинство сократилось с 213 до 81 голоса. 10 мая Чемберлен покинул палату, сопровождаемый возгласами «На выход! На выход! Вон!» В тот день немцы начали массированное наступление на Голландию, Бельгию и Францию. Чемберлен подал королю заявление об отставке, и когда его попросили назвать своего последователя, он посоветовал обратиться к Уинстону Черчиллю. Репутация Уинстона как опытного министра военного периода, которую он завоевал в период между 1914 и 1918 годами и позднее укрепил высказываниями в течение многих лет об угрозе нацистской

агрессии, способствовала созданию мнения, что именно ему должна принадлежать роль лидера в военное время, и 10 мая Уинстон без каких-либо промедлений стал премьер-министром.

Это был судьбоносный момент для Уинстона, для которого он был рожден. Упрямство его характера, его любовь к истории Британии и заведенных ею обычаев и систем, его уверенность в правильности своих суждений – все это слилось вместе в час величайших бедствий для его страны. Его твердое руководство в течение последующих двух лет является причиной того, что он был, есть и всегда будет считаться личностью, вызывающей величайшее восхищение как среди свободолюбивого народа Великобритании, так и во всем мире. Его категорический отказ от ведения каких-либо переговоров о мире с самым злостным режимом в истории послужил тому, что плохо подготовленная и изнуренная артиллерийским огнем страна выдержала многие испытания и пронесла бремя войны до тех пор, пока ей на помощь не пришли сильные союзники.

Ему предстояло увидеть многие унизительные военные поражения, и тяжелый груз ответственности часто вызывал у него моменты «черной меланхолии». Но любовь и сплоченность семьи помогали разделить все его тяготы. Семья по-своему привнесла существенный вклад в успех победы Британии в той войне.

В то время как Уинстон приступил к исполнению своей роли премьер-министра, Джек, у которого врачи обнаружили аневризму грудной аорты и который отдавал все свое свободное время уходу за Гуни, каждый день бодро отправлялся на работу в свой офис в Сити.

В 1939 году Рэндольф женился на светской красавице английского общества – Памеле Дигби[518], дочери Эдуарда, 11-го барона Дигби, которому принадлежало историческое родовое поместье Минтерн Магна-хаус в графстве Дорсет. В 1940 году Рэндольф победил на выборах, не встретив оппозиции как кандидат консервативной партии в члены парламента от округа Престон в графстве Ланкашир. В январе 1941 года он отправился на Ближний Восток вместе с десантным подразделением «Коммандос» № 8 и был раздосадован тем, что его держали в Каире для выполнения различных заданий связного, поскольку военачальники боялись подвергнуть его какой-либо опасности из-за страха перед его отцом. Диана работала в женской вспомогательной службе ВМС, но в феврале 1941 года ей пришлось оставить службу и заботиться о своих двух малышах и о муже, Данкене Сэндисе, сильно пострадавшем в автомобильной катастрофе. Сара продолжала свою актерскую карьеру до тех пор, пока в 1941 году она не рассталась со своим мужем – Виком

Оливером. Затем она вступила в женскую вспомогательную службу ВВС и занималась там дешифрированием аэроснимков. К сентябрю, когда Мэри начала работать во вспомогательной службе территориальной армии и тут же подала заявку на действительную военную службу в зенитной батарее смешанного состава, вся семья уже носила военную форму.

Клементина, матриарх семьи, была одарена способностями руководить и направлять все семейные дела. Со своей обычной проницательностью она поняла, что основанная на самых лучших побуждениях попытка эвакуировать в Америку дочь Джонни – Сэлли, как часть правительственной программы по спасению детей от лондонских бомбежек, могла создать впечатление, что Черчилли покидают страну. Она быстро организовала отказ от эвакуации и устроила девочку в другом месте в Англии. Клемми открыто предупреждала Уинстона в июне 1940 года о том, что его «сарказм и надменная манера держать себя» отталкивали от него друзей, с которыми он должен был сотрудничать[519]. Причину этого она видела в его перенапряжении на работе, но важность такого своевременного совета была просто неоценима. Клемми самостоятельно взялась за исследование условий бомбоубежищ в Лондоне и, работая по жесткому графику, посещала бомбоубежища и давала многие практические рекомендации по их улучшению.

Вскоре после этого дом Джека и Гуни по адресу: 42, Честер Террас, Риджентс-парк был поврежден в результате бомбардировки в 1940 году. Гуни переехала жить в загородный дом, а Джек поселился в правительственном здании номер 10 на Даунинг-стрит. Ему пришлось проводить много времени в подземных бомбоубежищах, «в помещениях, напоминающих каюты третьего класса на пароходах, курсирующих через пролив Ла-Манш», по словам «Джока» Колвилла, помощника личного секретаря Уинстона в военное время.

Джек делил свое время между работой в Сити, где дела, по его мнению, шли вяло, и поездками за город в конце каждой недели, чтобы навестить Гуни. Он также помог Уинстону, используя свои способности организатора и финансиста, устроить и обеспечить работу столовой для непосредственного штата работников Уинстона в комплексе правительственных зданий на Даунинг-стрит, включая Министерство иностранных дел. Возможность пообедать в рабочем помещении в любое время способствовала эффективности службы сотрудников, имеющих такого взыскательного начальника. Лорд Моран, лечащий врач Уинстона, вспоминал, как Джек ужинал с секретарями каждый вечер и всегда был «душой компании». Морану было известно,

насколько серьезно был болен Джек, и он поражался тому, что Джек «продолжал жить как ни в чем не бывало, как будто у него не было забот»[520]. Офисные навыки Джека, такие как умение стенографировать, печатать на машинке и вести административные дела, находили применение в тех случаях, когда переписка Уинстона носила конфиденциальный характер[521].

Чрезвычайно энергичный подход к работе заставлял Уинстона постоянно ездить по стране, посещая различные объекты, осматривая воинские части и встречаясь с должностными лицами. В большинстве случаев Джек был его неразлучным спутником. Он всегда был рядом, когда в нем нуждались, но держался в отдалении при конфиденциальных беседах. Присутствие брата помогало Уинстону в это трудное время, и когда премьер-министру удавалось вырваться на короткий отдых в официальном загородном доме Чекере, то он старался как можно больше окружить себя семьей и друзьями. В этой обстановке и в окружении этих людей Уинстон подкреплял свои силы для последующих решительных действий.

К июню 1940 года британская и французская армии потерпели поражение во Франции, и их нужно было эвакуировать с побережья вблизи порта Дюнкерк. Над крайне ослабленной Британией нависла неотвратимая опасность нападения. Именно в это время Уинстон выступил с самыми замечательными речами в истории всей своей карьеры, вдохновляя страну не ослаблять сопротивление, как казалось, непобедимому врагу и выстоять в последующей бомбардировке, известной под названием блиц – т. е. молниеносная военная операция. Вызов, звучащий в выдающихся речах Уинстона, был сильным оружием в помощь скудным ресурсам британской армии. Британские города стоически вынесли продолжительные бомбардировки, которым они были подвергнуты осенью того года, тогда как боевая мощь морского флота и исключительная самоотверженность бойцов военно-воздушных сил и зенитной артиллерии во время *Битвы за Британию* помогли защитить берега Англии от вторжения.

Не удовлетворяясь одним только сопротивлением фашистскому врагу, Уинстон заявлял, что он будет стремиться только к полной победе над врагом и искоренению принципов вражеской идеологии во всем мире. В то же время он отдавал много сил на привлечение мощного союзника – Соединенных Штатов Америки, великий «арсенал демократии» – на сторону Британии в этой войне. Несмотря на то что многие американцы, стоящие на руководящих постах, осознавали ту угрозу, которую несла за собой победа нацистской Германии, значительная часть

их соглашалась со мнением большинства населения страны, а именно, что это европейская гражданская война и Соединенным Штатам лучше туда не вмешиваться.

Уинстон, должно быть, надеялся, что его наполовину американское происхождение привлечет к нему внимание ключевых лиц американского общества. Его прямые обращения к президенту Франклину Д. Рузвельту по телеграфу и на личных встречах вызвали много взаимопонимания, но обязательство по вступлению Америки в войну заставляло себя ждать. Америка, с большой выгодой для своей ухудшающейся экономики, продавала Британии оружие и военную технику до тех пор, пока весь золотой запас страны не перешел в золотохранилище на территории военной базы Форт-Нокс. После этого через Гэрри Хопкинса последовало предложение от Рузвельта о договоре ленд-лиза, что было своеобразным планом отсрочки платежей и из чего следовало, что Британия только брала во временное пользование материальные средства, необходимые для ведения войны, чтобы поддерживать участие своих вооруженных сил в боевых действиях.

Все это было прелюдией к двум большим событиям, которые в итоге помогли привести Германию к плачевному концу. 22 июня 1941 года Германия вместе со своими союзниками напала на Советский Союз, развязав крупнейшую в военной истории насильственную кампанию против этой страны. Уинстон, завзятый противник советского коммунизма, сразу же стал предлагать помощь своему новому союзнику – Иосифу Сталину. В оправдание своих призывов к помощи вождю советского государства он остроумно заявлял, что если немцы вторгнутся в ад, то от него можно по крайней мере ожидать положительной рекомендации дьяволу в Палате общин! Советский Союз потерпел ряд настолько сильных поражений в 1941 и 1942 годах, что многие сомневались в его способности продержаться без капитуляции, но советские бойцы остановили врага у самых ворот Москвы, затем туда для проведения контратаки были тайно доставлены сибирские войска, и мир оказался свидетелем такого факта, что немцев действительно можно поразить в бою.

На семью Черчиллей и их близких и дальних родственников, так глубоко захваченных войной, вскоре обрушилось большое несчастье. Гуни, продолжавшая много курить, уже почти три года боролась с раком легких, и Джек постоянно был рядом с ней. Она понимала, что слабеет, и ее охватывал гнев по поводу своей судьбы. Она негодовала при мысли, что должна умирать в возрасте всего пятидесяти шести лет. В начале июля 1941 года она заболела сильной простудой, перешедшей в воспаление

легких, и 7 июля она умерла. Письма и воздаяния ее памяти были буквально поразительными. Взрыв общего чувства любви и симпатии, как личных, так и со стороны общества, был большим утешением для семьи.

Одна трогательная небольшая открытка от ее матери, которая пережила свою дочь только на один год, содержала слова: «Вот и наступил покой, моя дорогая». Лорд Дэвид Сесил[522], младший сын лорда Сэлисбери, бывшего премьер-министра, поместил в газете *The Times* лирический некролог:

> *Удивительное очарование леди Гвенделин Черчилль проявлялось в ее внешности, в ее тонкой эфемерной красоте, в утонченном изяществе ее платья. Но оно прослеживалось в полной мере только в задушевных разговорах… Она была бесхитростным цветком возвышенной цивилизации, взращиваемым поколениями для того, чтобы зацвести только один раз на удивление и к восхищению человечества*[523].

После смерти Гуни добросердечная Катарина Асквит, овдовевшая сноха бывшего премьер-министра Герберта Асквита, обратилась с прямыми словами по поводу той роли, которую Джек играл во время продолжительной болезни жены: «Я знаю, каким страшным напряжением были для вас последние три года – и как вас страшили ее боль и страдания – и как вы стойко переносили все это. Ваша любовь, должно быть, была для нее большой защитой».

Набожная католичка леди Гвенделин Спенсер-Черчилль была похоронена 10 июля 1941 года в монастыре Бегбрук, всего в трех милях от Бленхеймского дворца.

7 декабря корабли Императорского флота Японии без объявления войны напали на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах. Германия, к удивлению, совершила второй безрассудный, по мнению многих, поступок, тотчас же объявив войну Соединенным Штатам Америки – либо под влиянием гитлеровской истерии, либо в силу неизбежности. Уинстон с трудом сдерживал свое ликование. Он чувствовал, что с того момента ход войны сдвинулся вперед. Хотя впереди у них было свыше трех лет жестоких сражений, но уже почти через год в результате битвы за Мидуэй в Тихом океане, битвы при Эль-Аламейне в Северной Африке и Сталинградской битвы на Восточном фронте инициатива была несомненно вырвана из рук стран нацистского блока.

Прошло некоторое время, прежде чем стало возможным полностью мобилизовать всю мощь Соединенных Штатов

Америки – промышленную и военную. Большую часть 1942 года страны-союзники продолжали терпеть поражение, что было особенно мучительно после той радости, которую они испытали при вступлении Америки в войну. Наступление России провалилось, и ее армии были оттеснены назад к Волге и Кавказским горам. Японцы внезапно развернули военные действия в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Сдача Сингапура Японии была, пожалуй, самой большой катастрофой в британской военной истории. Пробный рейд морского десанта в порту Дьепп во Франции завершился ужасным поражением. Военно-морской и торговый британский флот понес огромные потери в Тихом и Атлантическом океанах и на Средиземном море. Уинстон, обладающий глубокими знаниями и пониманием военной истории, принимал все эти неудачи так как есть. В июле 1942 года Уинстону пришлось оспаривать вотум недоверия, вынесенный ему на июньском заседании Палаты общин. Однако успех Британии в сражениях против Германии и Италии в Северной Африке, за которым вскоре последовало контрнаступление советских войск при Сталинграде, позволившее окружить 6-ю немецкую армию, были очевидным знаком того, что фортуна в этой войне поворачивалась лицом к западным союзникам. Этот успех укрепил репутацию Уинстона как военного лидера и оградил его от дальнейшей критики внутри страны.

В очередной раз, как в Первой мировой войне по отношению к Франции, Британия стала младшим партнером в коалиции, и в то время, как Советская армия активно сражалась с подавляющим большинством немецких вооруженных сил, в Британию потоком шли войска и боевая техника из Америки, стремящейся при первой возможности открыть второй фронт во Франции. Уинстону становилось все труднее убеждать американцев разделить его более широкое стратегическое видение. С постепенным переходом инициативы на Восточном фронте в пользу Советской армии он решил разработать наступательную операцию стран-союзников в Средиземном море, которая позволила бы британским и американским войскам проникнуть в Центральную и Восточную Европу задолго до возможной попытки вторжения во Францию с запада. В целях упреждения Советской армии в конечном итоге Уинстон вовлек американцев в проведение совместных атак на Сицилию, а затем Италию. Защита Италии немецкой армией нейтрализовала эту стратегию, и американцам предоставилась возможность навязать свою волю и энергично провести в жизнь свои планы по вторжению через пролив Ла-Манш.

С ноября 1943 года, когда Рузвельт и Сталин совместно

работали на Тегеранской конференции по открытию второго фронта во Франции летом следующего года, Уинстон окончательно потерял контроль над общей стратегией войны. Конференция также гарантировала, что советские войска будут присутствовать в большом количестве в Центральной Европе до прихода туда западных союзников, и этим были заложены основы последующей холодной войны. Возможно, Уинстон был прав в своей попытке упредить приход советских войск в Центральную Европу, но учитывая, что советская страна-союзник теряла такое огромное количество людей в жесточайших схватках, невозможно полностью понять дальновидность его соображений в то время.

Уинстон, накануне своего семидесятилетия, продолжал работать почти без отдыха. Он много времени проводил за границей, на встречах в верхах или со своими начальниками служб. Джек всегда встречал его при возвращении, часто в сопровождении Клемми. По воспоминаниям Мэри, Клемми черпала силу и утешение все эти трудные годы в постоянном и тихом присутствии Джека. Напряжение работы начало в конце концов давать о себе знать, и здоровье Уинстона пошатнулось. В апреле 1943 года Клемми тоже получила совет от докторов отправиться на оздоровительный отдых к морю. Десять дней, проведенных в Веймуте, в компании добродушного Джека, помогли ей вернуться к делам в наилучшем настроении.

Клемми вела важную военную работу как президент фонда Христианской организации молодых женщин, занимаясь сбором средств на нужды военного времени. Ей не нравились публичные выступления, но манера ее выступлений значительно улучшилась, так как она относилась к делу серьезно, и в ее речах была моральная сила. Она призывала к сбору средств в пользу женщин, работающих в военное время и служащих в армии, чтобы помочь им приспособиться к требованиям военных условий. Она выступила в роли дипломатичной хозяйки во время трехнедельного визита в Великобританию энергичной и откровенной в высказываниях Элеоноры Рузвельт. Но ее самой блистательной работой было руководство кампанией по сбору средств для России с помощью Британского Красного Креста. Этот не связанный с политикой призыв к предоставлению медицинской помощи сражающейся России был идеальным способом выражения поддержки от всех политических классов своему серьезно борющемуся союзнику. Русские были требовательны при получении помощи; изысканные любезности не входили в их лексикон. Но Клемми настойчиво продолжала свой призыв, и к декабрю 1942 года ей удалось собрать 2,25 миллиона долларов США. Она намеренно допустила превышение

остатка средств на счете фонда, так как она старалась незамедлительно отправлять собранные средства по мере их поступления. Призыв в канун Нового года помог очень быстро покрыть недостаток, и фонд продолжал бурно развиваться – на октябрь 1943 года было собрано более четырех миллионов фунтов стерлингов, а к декабрю 1944 года в нем было шесть миллионов фунтов стерлингов. Фактически фонд просуществовал до июня 1947 года, и к тому времени было собрано средств на сумму свыше семи с половиной миллионов фунтов стерлингов. Советское руководство не осталось равнодушным к помощи и представило ее к награде от лица всех добровольных работников, чья работа связана с Красным Крестом.

Королевская семья тоже не оставалась в стороне. В 1944 году принцесса Елизавета (позднее королева Елизавета II), старшая дочь короля Джорджа VI и королевы Елизаветы, вступила во вспомогательную службу территориальной армии в качестве автомеханика. Елизавета могла поменять колесо автомобиля не хуже любого мужчины. Уинстон, как премьер-министр военного времени, был большим любимцем королевской семьи. Король и королева имели обыкновение ходить пешком по Лондону, осматривая пострадавшие после бомбардировок районы и встречаясь с рабочими, чьи дома были разрушены бомбами. Имеются фотографии, снятые во время посещения ими людей в районе Ист-Энда. Королевская семья отказалась покинуть Букингемский дворец, находящийся в центре Лондона, и переехать куда-нибудь в безопасное место. Когда во дворец попала немецкая бомба, королева, как известно, сказала: «Я рада, что на нас сбросили бомбу. Теперь я чувствую, что могу прямо смотреть в лицо Ист-Энду»[524].

После того как в августе 1944 года армия союзников перешла в наступление с плацдарма в Нормандии, немецкие войска были оттиснуты назад к границам своего отечества. Их успех по срыву высадки воздушного десанта в Арнеме в сентябре того года и последнее отчаянное контрнаступление в Арденнах в декабре не могли предотвратить их окончательного поражения. В особенности они не могли противостоять потоку вооруженных войск Советского Союза, переходящему через границы 1941 года и проходящему через Румынию, Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Австрию, Польшу к самой Германии.

В конце января 1945 года Уинстон полетел в Ялту на Черном море на важную конференцию с участием Сталина и Рузвельта. Черчилль остро осознавал, что поскольку Советская армия штурмовала Восточную и Центральную Европу и в ее послужном списке были четыре из каждых пяти убитых за всю войну

немецких солдат, то он столкнется с торжествующим маршалом Сталиным с его намерением обеспечить безопасность границ Советского Союза как можно дальше на западе. Президент Рузвельт был уже безнадежно болен, и лидерам западных держав не удалось проявить твердую сплоченность, необходимую для сдерживания честолюбивых замыслов советского вождя.

В марте 1945 года, в то время как Уинстон наблюдал за атакой британских войск в районе Нижнего Рейна между Везелем и Дюссельдорфом, Клемми отправилась через Каир в свою семинедельную поездку в Советский Союз в качестве почетного гостя Красного Креста. Ее вместе со своими сопровождающими – Грейс Хэмблин, секретаря Уинстона в Чартуэлле, и мисс Мабел Джонсон (секретаря «Фонда помощи России») – разместили в одном из лучших особняков на Пречистенке в Москве. Им была предложена полная программа посещений больниц, детских домов, заводов, а также выходов на балет, официальные обеды и ужины и одна встреча с самим Иосифом Сталиным. Советский Красный Крест наградил Клемми под шумные аплодисменты «Знаком Почета». Затем они отправились через Крымский полуостров в Одессу и провели там первомайский день, вернувшись в Москву 5 мая. Именно там она услышала известие об окончательной капитуляции Германии. На следующий день Клемми выступила по московскому радио с сообщением от лица своего мужа, в котором говорилось о надеждах на дружбу и взаимопонимание между британским и русским народами. К 12 мая Клемми вернулась домой. Уинстон, в силу своей многолетней привычки, опоздал встретить ее.

Болезнь Джека, несмотря на его мужество, постепенно изнуряла его. На последней неделе апреля, когда он находился в Королевском яхт-клубе в Веймуте, графстве Дорсет, у него случился сердечный приступ. Спустя неделю было разрешено перевезти его в Лондон. Уинстон ежедневно справлялся у докторов обо всех подробностях состояния Джека и несколько раз навестил его в больнице. На восстановление сил Джек отправился на какое-то время в официальный загородный дом Чекере, но вскоре семье было отказано в такой возможности.

К 1945 году в Британии не проводилось всеобщих выборов уже десять лет. Так как победа в войне была гарантирована, политические партии начали обращать свое внимание на требования мирного времени после такой продолжительной и затратной борьбы. Установка на приверженность определенной партии начала вытеснять идею сотрудничества в рамках коалиции. Уинстон глубоко задел чувства организованного рабочего класса, представленного Конгрессом тред-юнионов,

своим отказом рассмотреть возможность внесения поправки к Закону о производственных конфликтах 1927 года. Его поступок сочли возмездием за всеобщую забастовку. Лейбористская партия проявляла все больше уверенности, и на майской партийной конференции в Блэкпуле было заявлено, что партия не собирается откладывать призывы к выборам в ожидании победы над Японией. 23 мая коалиция распалась, и Уинстон технически возглавлял до выборов консервативное правительство переходного периода.

В первые выходные дни июня Уинстон работал в Чекерсе над своими речами для предвыборной кампании. В своих публичных выступлениях его прежние коллеги по лейбористской партии уже назывались социалистами, противоречащими духу свободного парламента. Несмотря на разумный, как всегда, совет жены, предупреждавшей его не восстанавливать сторонников выборов против его коллег военного периода, Уинстон включил в свою политическую речь по радио идею о том, что такая партия могла управлять только с помощью своего рода гестапо, пресекая в зародыше любое свободомыслие. Транслируемая речь вызвала бурю протеста и нанесла непоправимый урон консерваторам в их предвыборной кампании. Возможно, он понял, но слишком поздно, что совершил грубую ошибку, но продолжал вести кампанию с должной решимостью.

Выборы состоялись 5 июля, но результаты были объявлены только три недели спустя, что позволило собрать голоса со всех военных служб, разбросанных по всему миру. 15 июля Уинстон отбыл на Потсдамскую конференцию, проводимую в окрестностях Берлина, на которой представители стран-союзников должны были обсудить продолжение войны против Японии и многие спорные вопросы по урегулированию дел в послевоенной Европе. 25 июля он вернулся в Лондон к моменту объявления результатов. Он ожидал победы на выборах; лидер лейбористской партии ожидал со своей стороны проиграть с чуть более низким результатом. В итоге Уинстон беспрепятственно победил как кандидат от избирательного округа Вудфорд (прежнее название Эппинг), но консервативная партия понесла самые крупные в своей истории потери. Британский народ, возможно, любил «Уинни» и восхищался его стойкой позицией в момент огромной угрозы для страны, но он не мог простить его партии трудности тридцатых годов и пассивности, приведшей к войне, которая унесла и разрушила столько жизней. Британцы не могли доверить консерваторам свое будущее и повернулись в своем решительном большинстве к программе социальных реформ, провозглашаемых лейбористской партией.

Глава 22
Конец всего
1945–1965

Лейбористская партия победила на всеобщих выборах в июле 1945 года, и лидер партии – Клемент Эттли – стал премьер-министром и находился на этом посту до 1951 года. Для предотвращения будущих войн была учреждена Организация Объединенных Наций. Уинстон Черчилль со временем вернулся на пост премьер-министра. Несмотря на преклонный возраст, он приобрел статус лидера на мировой арене, благодаря противостоянию Советскому Союзу и попытке установить с ним дипломатическое взаимопонимание. Слабое здоровье заставило его уйти из политики в тот момент, когда его стали идеализировать как величайшего британского государственного деятеля всех времен.

Когда 26 июля в Британии были объявлены результаты первых послевоенных всеобщих выборов, блестящая победа с большинством в 145 мест в парламенте принадлежала лейбористскому правительству во главе которого стоял бывший заместитель Уинстона – Клемент Эттли. Клемми, обеспокоенная той огромной нагрузкой и напряжением в военные годы, которые негативно отразились на здоровье Уинстона, высказала мнение в день объявления результатов, что провал на выборах таит в себе скрытое благо[525]. На что Уинстон ответил, что это благо слишком хорошо скрыто! Признавая, что ему немного стыдно за такой большой перевес голосов в пользу лейбористов, Уинстон еще не осознавал того, что, поскольку консервативной партии не придется заниматься такими огромными проблемами, как демобилизация и восстановление страны в этот затянувшийся период строгой экономии, то скорее всего партия будет в выигрыше, наряду с ее лидером, которого продолжали подвергать нападкам. Но по словам его дочери Мэри: «Никто и ничто не могли по-настоящему смягчить горечь и унижение того удара»[526].

Черчиллям пришлось покинуть дом № 10 на Даунинг-стрит и начать поиски нового дома в Лондоне. Уинстон приступил к своей новой роли лидера оппозиции и приготовился к давно заслуженному отпуску. В их распоряжение были предоставлены

виллы в Италии и на юге Франции, владельцами которых были давние военные друзья Уинстона – фельдмаршал Харольд Александер, британский военачальник, безупречно прослуживший во время войны[527], и генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр[528], верховный главнокомандующий войсками стран-союзников в Европе. Эйзенхауэр не был в то время на своей вилле в Кап-д'Антибе, но встретив Уинстона в Монте-Карло, убедил его поехать туда на отдых. Уинстон так и поступил, и за время пребывания на вилле он написал несколько прекрасных картин, что, должно быть, помогло ему успокоить свои расстроенные нервы. В 1947 году он представил анонимно две своих картины в Королевскую академию художеств. Обе картины были приняты на летнюю выставку.

Приоритетной задачей стран-победителей было создание организаций, способствующих предотвращению будущих войн. Термин «Объединенные Нации» был впервые использован Уинстоном Черчиллем и Франклином Д. Рузвельтом в Декларации 1942 года, объединившей страны-союзники по Второй мировой войне согласно условиям Атлантической хартии. Организация Объединенных Наций – международная организация – была создана 24 октября 1945 года, заменив Лигу Наций, которая явно не смогла предотвратить войну. Основной целью ООН было предоставление платформы для диалога как альтернативы войне. В Совет Безопасности ООН входило пять постоянных членов: Франция, Китайская республика, Советский Союз, Великобритания и Соединенные Штаты Америки. Первые заседания Генеральной Ассамблеи, с присутствием представителей пятидесяти одной страны, состоялись в Лондоне, в Вестминстерском Центральном зале в январе 1946 года. Надежда создания нового мирового порядка с помощью ООН не оправдала ожиданий, так как бывшие союзники в борьбе против Германии и Японии тотчас вступили в новую холодную войну за мировое превосходство на основе своих разных идеологий.

Между тем здоровье Джека Черчилля продолжало ухудшаться, и из-за аневризмы аорты у него образовалось вздутие груди. После перенесенного им в 1945 году сердечного приступа он переехал жить к своему сыну Джонни и его второй жене Мэри (Куксон) в их лондонский дом на Кэмден-Хилл. Он так часто испытывал сильную боль, что Мэри приходилась регулярно вводить ему морфий. Когда его здоровье поправилось, Джек настоял на том, чтобы вернуться в свой офис в Сити, и каждый день ездил на работу на метро. Позднее в том же году Джонни и Мэри нашли для него хорошую собственную квартиру в лондонском районе Бейсуотер, где он мог окружить себя своими

личными книгами и вещами. Эта квартира была по соседству с домом его старой приятельницы – Кэтрин (Кейти) Крайтон, жены достопочтенного Артура Крайтона и дочери полковника Уолтера Трефусиса. Джек очень гордился, когда его наконец приняли (после ряда неудачных попыток) в эксклюзивный лондонский клуб – Turf Club – на Пикадилли, и ему доставляло удовольствие развлекать там свою семью. Перегрин, который в то время еще не был женат, проводил с отцом много времени в последние годы его жизни. Именно в эти годы Джек поведал своему младшему сыну многие факты семейной истории.

В октябре 1945 года, когда Уинстону была присвоена степень почетного доктора Вестминстерского колледжа в Фултоне, Миссури, он получил приглашение выступить на их очередной ежегодной лекции. Согласиться на это ему помогло обещание президента Гарри С. Трумэна представить его аудитории, так как президент был родом из Миссури. 5 марта 1946 года, в небольшом колледже на Среднем Западе США, Уинстон произнес одну из величайших речей в своей жизни. Эта речь была плодом его глубокого понимания истории и его опасений насчет растущего влияния Советского Союза на Европу. Речь стала знаменитой тем, что в ней было дано разительное описание «железного занавеса», разделяющего Европу; хотя это выражение использовалось им неоднократно в прошлом и даже не принадлежало ему. Но благодаря его речи выражение «железный занавес» попало в заголовки газет.

В своей фултонской речи Уинстон предостерегал против новой политики умиротворения и заявлял о том факте, что Советский Союз признает силу и презирает слабость. Он признавал, что у Советского Союза имеются законные государственные интересы, но предупреждал о том, что для сдерживания этих интересов необходимо единство всех англоговорящих стран, связанных между собой особыми отношениями. Это было предостережением Западу не терять бдительности перед лицом новой опасности. Этой речи, прозвучавшей, по мнению некоторых, как первый выстрел в «холодной войне» и неистово осуждаемой Сталиным как призыв к войне, со временем был придан ореол мудрости; она показала способ предотвращения будущих конфликтов с позиции силы и предостерегала от скатывания к катастрофе по причине слабости и нерешительности.

По возвращении из поездки в Америку этот проигравший на выборах премьер-министр приобрел статус государственного деятеля мирового значения. Он тотчас же занялся подготовкой своих военных мемуаров, задуманных как глубокая трактовка

общей истории войны (планируемый пятитомник в итоге составил шесть томов). Уинстон всегда считал, что личная репутация находит оправдание в истории[529], и имел твердое намерение писать с точки зрения историка. Он договорился с британскими и американскими издательствами о ряде контрактов на исключительных условиях, гарантирующих ему неимоверно большой доход. Затем он собрал сильную команду исследователей и писателей, куда вошли подающий надежды историк Уильям Дикин – ветеран войны и помощник Уинстона по литературным вопросам, а также блестящий выпускник Оксфордского университета – и высококвалифицированный штабной офицер, генерал сэр Генри Паунэлл, который был начальником штаба Британской экспедиционной армии во Франции и Бельгии. Уинстон упорно боролся с чиновническим аппаратом госслужб британского правительства за получение беспрецедентного доступа ко всем государственным документам, относящимся к войне. Многим из его коллег по военному времени было запрещено цитировать из государственных документов в своих личных мемуарах, но Уинстону, как премьер-министру, который привел страну к победе, был предоставлен исключительный доступ.

Прочитывать и усваивать содержание работ нескольких ассистентов, редактировать их тексты и диктовать собственное связующее повествование было большим достижением для семидесятилетнего человека. Законченные тома всегда вначале публиковались в Соединенных Штатах Америки, на наиболее прибыльном рынке, а затем в Великобритании. Первый том, *Надвигающаяся буря,* вышел в 1948 году, *Их звездный час* – в 1949 году, *Великий союз – в* 1950 году, *Поворот судьбы* – в 1950–1951 годах, *Замыкая круг* – в 1951–1952 годах и *Триумф и трагедия* – в 1953–1954 годах. В общем это составило 1,6 миллиона слов текста и почти триста тысяч слов приложений. Уинстон, бесспорно, заработал в десять раз больше всего полученного за время работы премьер-министром. Действительно, благодаря этим книгам в его жизни открылось второе дыхание, и большой спрос на них впервые сделал Уинстона состоятельным человеком.

Подобно работе Уинстона *Мировой кризис* и его трактовке Первой мировой войны, данный проект не был абсолютно объективным историческим исследованием; скорее всего в его основе лежали тщательно подобранные первичные документы, показывающие процесс решений, которые принимал Уинстон, в самом выгодном свете. Здесь также повторялась ошибка прежних работ, а именно в изображении полной диспропорции сил по отношению к колоссальным и решительным сражениям между

немцами и русскими на Восточном фронте[530].

В разгар чрезвычайно напряженной работы, посреди суровой зимы 1946–1947 года здоровье Джека пошатнулось в последний раз. Сэр Чарльз Уилсон (впоследствии лорд Моран), личный лечащий врач Уинстона, сделал запись в своем дневнике о том, как болезнь Джека перешла в аневризм аорты, которая «пульсировала в его грудной клетке как сильный двигатель», угрожая лопнуть и покончить с его жизнью в любой момент[531]. В конце февраля 1947 года личный врач Джека, лорд Хордер, сообщил его семье, что конец близок. Уинстону почти каждый час сообщали по телефону о состоянии здоровья Джека. Он давал сиделкам многочисленные советы и побуждал Джека бороться до конца.

22 февраля Уинстон вместе с Джонни находился у постели Джека в ожидании его смерти. Лорд Моран вспоминал о том, как Уинстон позвонил ему с сообщением о болезни Джека. «Уинстон был очень огорчен состоянием Джека. У него нежное сердце»[532]. В последние минуты Джонни оставил двух братьев наедине. С глазами, полными слез, Уинстон сидел у постели Джека, когда 23 февраля он скончался в возрасте шестидесяти семи лет.

Уинстон всегда любил Джека и остро переживал его утрату. Он активно занялся подготовкой похорон брата, проявив удивительное знание подходящих молитв, гимнов, псалмов и музыкального сопровождения. Закончив обсуждать с Джонни ход церковной службы, Уинстон, с присущей ему своеобразностью, взял с полки копию своей ранней книги о суданской кампании – *Война на реке* – и в течение получаса читал вслух выдержки из этой книги, пытаясь, по-видимому, успокоить их обоих в такой эмоциональный момент[533].

Последней каплей печали было то, что Уинстон не смог присутствовать на похоронах брата. Из-за ужасной погоды в ту страшную зиму врачи не разрешили Уинстону поехать на похороны в церковь Святого Мартина в Блэдоне, в нескольких часах езды от Лондона. Начиная с 1945 года Уинстон страдал грыжей и носил грыжевой бандаж в ожидании операции, которая была назначена на июнь[534]. Джек был погребен рядом со своим отцом и матерью. Позднее в Лондоне Уинстон смог посетить поминальную службу в память о брате.

Из всех детей Джека только Кларисса находится в живых на момент написания этой книги. Джонни продолжал свою карьеру в качестве художника, специализируясь на росписи стен, и был женат еще два раза. Он умер в 1992 году, и после него осталась только его сестра Сэлли (Сара Корнелия, леди Эшбертон), которая жива до сих пор, имеет семью и продолжает родовую

линию Джека. Перегрин стал успешным инженером-строителем и разработал линию сборных домов, имеющих огромное преимущество для стран третьего мира. Он очень хотел написать о роли своего отца в семейной истории, но в 2002 году Перегрин неожиданно умер, не оставив после себя потомства. Его вдова, Ивонн, пережила его. Кларисса (графиня Эйвонская) вышла замуж в 1952 году за сэра Энтони Идена, для которого это был второй брак, и их брак был бездетным.

Несмотря на небольшой инсульт, который Уинстон перенес в 1949 году, он был вновь в хорошей форме и способен вести свою партию к всеобщим выборам следующего года, в результате которых лейбористское большинство 1945 года было почти полностью сметено со своих позиций. К октябрю 1951 года он вернулся к власти как законно избранный премьер-министр от консервативного правительства. (В мае 1940 года он стал премьер-министром на основании одобрения Палатой общин, без всеобщих выборов.) Для Уинстона это были шестнадцатые по счету всеобщие выборы, и он чувствовал весь груз своих семидесяти семи лет.

Этой выдающейся личности предстояло пережить последний расцвет. В 1953 году Энтони Иден[535], министр иностранных дел, вынужден был отойти от дел в Палате общин на долгое время по причине слабого здоровья. Уинстон взял на себя обязанности министра иностранных дел, и эта дополнительная работа, казалось, придала ему новых сил. Таким образом, Уинстон оказался на посту министра иностранных дел, когда в марте того года умер Иосиф Сталин. Уинстон воспользовался этой возможностью, чтобы направить в адрес нового советского руководства теплое и дружественное приглашение участвовать в совещании глав государств, и даже коснулся возможности создания Всеевропейской системы безопасности, которая должна была, предположительно, заменить военно-политические союзы, возникшие в период холодной войны. Его речь была, очевидно, непроизвольной: он шокировал ею как членов своей партии, так и американцев. Корейская война зашла в тупик и находилась в преддверии шаткого перемирия; шла в полном разгаре гонка за создание водородной бомбы. Мир не был готов к таким смелым инициативам, предлагаемым Уинстоном. Несколько недель спустя еще один небольшой инсульт вынудил Уинстона взять месяц отпуска, и он провел это время отдыха в Чартвелле. Он не оставлял надежды добиться снижения напряжения между Советским Союзом и Западом, но обстоятельства не благоприятствовали его успеху. Война в Индокитае и холод встреч между американскими и советскими лидерами

препятствовали его идее о возможности восстановления мирных отношений между великими державами.

В послевоенный период в конце 40-х и в 50-х годах Уинстон превратился в объект чрезмерного почитания, и в то время потоком выходили книги, полные не в меру восторженных описаний его жизни и деятельности. В Соединенных Штатах этот культ поддерживался Дуайтом Д. Эйзенхауэром, написавшим несколько предисловий к биографиям этого великого деятеля. В 1950-х годах Уинстон быстро приобретал статус величайшего английского деятеля современности, а также одной из величайшей личностей в истории Великобритании (и всего мира). Британское правительство, по воле новой молодой королевы Елизаветы II, предоставило ему к 1953-му году право на государственные похороны. При подготовке к ним за основу были взяты последние грандиозные гражданские государственные похороны Уильяма Глэдстоуна[536].

В 1955 году Уинстону было предоставлено звание пэра с высочайшим титулом герцога; ему был предложен титул герцога Лондонского. Но Уинстон отказался от этого титула, возможно из-за того, что это помешало бы стремлениям его сына Рэндольфа к работе в парламенте. В 1953 году он был введен в звание кавалера ордена Подвязки, и позднее в том же году Уинстон лично помогал в подготовке к коронации Елизаветы II, что было большим событием, способствовавшим поднятию морального духа британцев, которые только что начали оправляться от войны и жесткой послевоенной экономии. В том же триумфальном году Уинстон получил Нобелевскую премию по литературе. Существует слабое, но достойное одобрения предположение, что он бы предпочел Нобелевскую премию мира[537]. На долю Клемми выпала замечательная честь принять от лица Уинстона Нобелевскую премию по литературе (обычно, в случае болезни награждаемого, премию получает посол страны награждаемого в Швеции).

Для человека уже в возрасте 1953 год оказался очень напряженным, учитывая происходящие в том году формальное введение Уинстона в звание кавалера ордена Подвязки и коронацию. 23 июня во время большого ужина на Даунинг-стрит у него случился тяжелый инсульт, и в течение последующих нескольких дней состояние Уинстона значительно ухудшилось, что держалось в тайне. Его отвезли на восстановление сил в Чартвелл, но прогнозы врачей были неутешительными. К тому времени, когда предположения о его состоянии здоровья достигли британской прессы, благодаря газетным сообщениям в Америке, с Уинстоном произошло, как казалось, чудесное

выздоровление[538]. Клемми страстно желала, чтобы он оставил службу, пока еще не поздно. Но Уинстон продолжал свое дело, сначала дождавшись выздоровления «партийного лидера в ожидании» – Энтони Идена, перенесшего ряд операций, и далее оставаясь на своем посту в то время, когда королева и принц Филип отправились в свое продолжительное путешествие с посещением стран Содружества. Уинстон быстро уставал и временами бывал в подавленном настроении, но все-таки он смог посетить заседания кабинета министров и партийную конференцию в октябре того года.

На долю семьи Черчиллей выпало в те годы много невзгод. У Дианы случилось нервное расстройство, что еще более усугубило ее отношения с матерью. Рэндольф, успешный журналист, похоже, намеревался причинить неприятность как можно большему количеству людей, а Кларисса полностью порвала с ним всякие отношения после его язвительных нападок на ее мужа в своей книге – *Взлет и падение Энтони Идена*[539], – в которой он говорил о «плохо спланированном Иденом, несвоевременном и незавершенном вторжении» в Суэцкий канал в 1956 году. Сара рассталась со своим вторым мужем. Клемми сильно страдала от неврита, испытывая острую боль в правой руке и плече.

В 1954 году отмечалось восьмидесятилетие Уинстона. Это было национальное событие исключительной важности – Уинстону было доставлено 3000 поздравительных открыток (одна из них просто адресована «Величайшей личности современности, Лондон») и 900 подарков. Денежный сбор от 30 000 участников Фонда Черчилля составил 259 000 фунтов стерлингов, что пошло на создание Колледжа имени Черчилля в Кембридже (в 1958 году).

Как часть торжественной программы чествования именинника, Клемент Эттли предоставил Уинстону иллюстрированное послание от лица обеих палат парламента, а также портрет, выполненный по особому заказу художником Грэмом Сатерлендом. Это бескомпромиссное изображение пожилого джентльмена, которое Уинстон, как известно, называл незаурядным примером современного искусства, было далеко от того образа, который Уинстон хотел сохранить в памяти людей, и Клемми с большим удовольствием сожгла его в камине. Общественные привилегии, призы и награды лились к Уинстону рекой. Эти празднования способствовали чрезвычайному подъему духа Уинстона и оживлению его сил, однако Мэри Соумс писала в своем дневнике, что ее мать в то время просто падала с ног от усталости.

Старшие члены консервативной партии стали открыто

обращаться к Уинстону с просьбой назначить день для передачи должности премьер-министра Энтони Идену. Уинстону хотелось провести еще одну встречу в верхах для обсуждения последствий появления водородной бомбы, но русских было невозможно привести к столу переговоров. В конце концов день отставки был назначен на 5 апреля 1955 года. Энтони Иден принял от Уинстона должность премьер-министра. На праздничном ужине, состоявшемся 4 апреля на Даунинг-стрит, присутствовала королева Елизавета. Ее присутствие было знаком огромного уважения и личного расположения, которое она испытывала к своему премьер-министру еще с тех пор, когда, будучи молодой принцессой, она лично служила в британских Вооруженных силах во время Второй мировой войны. На следующий день на Даунинг-стрит был устроен праздничный вечер для всех сотрудников Уинстона. Жизнь в Чартвелле в качестве частного лица звала его к себе. Наконец-то у него была возможность заняться и закончить свою последнюю книгу – *История англоязычных народов,* которую он договаривался написать почти двадцать лет назад.

Долгий и постепенный закат жизни Уинстона начался с 1958 года, с приступа пневмонии, который сильно ослабил его здоровье. В 1960 году он упал и сломал небольшую кость в шейном позвонке, но в результате более серьезного падения в 1962 году в Отеле де Пари у него случился перелом тазовой кости, который имел продолжительные последствия. В его лондонском доме по адресу: 28 Гайд-парк Гейт были установлены лифты, чтобы он мог перемещаться по дому, но поездку в его любимый Чартвелл пришлось отложить на целый год. Глухота и отказ пользоваться слуховым аппаратом, а также все более частые приступы летаргии были причиной продолжительных периодов, во время которых он сидел в тишине, погруженный в раздумья.

Семейная жизнь, как всегда, была источником и радостей и печалей. Уинстон находил большое утешение в моменты, когда его навещали внуки (два внука Черчиллей, три внука семьи Сандис и пять внуков семьи Соумс) и его первая правнучка (Эдвина, дочь Дианы). Семья Соумс (жившая на ферме в Чартвелле) была его постоянной отрадой. Третий брак Сары с Генри Туше-Жессоном, 23-м бароном Одли, состоявшийся 26 апреля 1962 года, имел все основания для счастья, но трагически прервался пятнадцать месяцев спустя, когда у Генри случился тяжелый сердечный приступ. Самым страшным ударом была смерть Дианы в октябре 1963 года, причиной которой была передозировка таблеток снотворного[540].

Уинстон продолжал оставаться консервативным членом парламента от избирательного округа Вудфорд в результате

выборов 1955 и 1959 годов, на которых он получил значительное, хотя и немного меньшее, чем прежде, большинство голосов. В январе 1961 года он посетил заседания Палаты общин в последний раз. Все чаще поднимался вопрос, как долго он сможет пробыть членом парламента. Этим вопросом задавалась и Клемми, которая считала, что Уинстону уже пора отойти от общественной жизни. Ввиду приближения всеобщих выборов в 1964 году, Уинстон принял решение не баллотироваться повторно в парламент.

Консервативное правительство, во главе которого стоял сэр Алек Даглес-Хоум, находившийся в 1960 году на посту министра иностранных дел, намеревалось в момент отставки Уинстона вынести на обсуждение Палатой общин предложение о выражении благодарности Уинстону за его продолжительную службу и выдающиеся заслуги перед парламентом. Они собирались затем произнести эту признательную речь в лондонском доме Уинстона. Когда Клемми увидела текст благодарности, полный избитых фраз, она была глубоко огорчена. Занявшись поиском, ей удалось найти волнующую речь спикера Палаты общин, которую он произнес по поводу ухода из парламента герцога Веллингтонского, по сравнению с которой речь, предназначенная ее мужу, была «убогой благодарностью». 28 июля Уинстон посетил Палату общин в последний раз, и на следующий день он получил более уместную благодарность, в которой отдавалось должное его руководящей роли в военное время и выражалось намерение чтить «в первую очередь, тот источник вдохновения, каким он был для британского народа в момент его одиночества, и его умение вести за собой до полной победы»[541].

Весной 1963 года Уинстону было присвоено звание почетного гражданина Соединенных Штатов Америки. В ноябре 1964 года в стране отпраздновали его девяностолетие. Но 11 января 1965 года еще один инсульт привел его в полубессознательное состояние. Был приглашен священник, который читал молитвы у постели больного, лежащего без сознания, но Уинстон был все еще жив. 22 января Клемми сидела у постели серьезно больного мужа и следила за его состоянием. Пришли радостные новости о том, что Минни, жена их внука Уинстона, родила мальчика, и его назвали Рэндольфом. Уинстон продержался до раннего утра 24 января 1965 года и после двух-трех тяжелых вздохов скончался в своем лондонском доме по адресу: 28 Гайд-парк Гейт, ровно семьдесят лет спустя – день в день и почти в один час – после смерти своего отца, лорда Рэндольфа.

С 26 по 30 января тело Уинстона было выставлено для

торжественного прощания в Вестминстерском зале. Гроб с его телом несли и водружали на лафет Гренадерские гусары; в числе сопровождающих похоронного кортежа шли служащие военно-морских сил, рядового и старшинского состава. Вслед за службой в соборе Святого Павла, на которой присутствовало около трех тысяч человек, гроб был перевезен на моторном катере от Тауэрского причала к Фестивальному причалу в Ватерлоо. Во время этого доковые краны по берегу реки были опущены в воду в знак молчаливого приветствия. Уинстон был погребен на кладбище возле Блейдонской церкви, рядом с другими членами семьи. Его имя было навсегда увековечено в истории.

Каждый год могилу Уинстона Черчилля посещают тысячи туристов. Он похоронен неподалеку от своей матери и своего отца, могила которого отмечена должным образом кельтским крестом – символом Ирландии, которую он любил. Нас часто спрашивают о том, где похоронен Джек. Его могила находится вблизи могил отца и матери, в ряду непосредственно перед могилами Уинстона и Клемми[542]. Клемми умерла 12 декабря 1977 года и была похоронена рядом со своим мужем. После Уинстона и Клемми в живых осталась их младшая дочь Мэри, леди Соумс.

Благодаря своей железной воле, семейному воспитанию и своему характеру Уинстон смог спасти свою страну в военное время, став, без всякого сомнения, важным звеном в борьбе против одной из величайших угроз свободе в мировой истории. Его репутация, как одного из величайших государственных деятелей западных демократических стран непоколебима и безусловно заслужена.

Послесловие авторов

До настоящего времени историки и биографы воспринимали лорда Рэндольфа Черчилля в основном через призму воспоминаний его старшего сына и некоторых родственников семьи. Это дало начало заявлениям, низводящим его в ранг «вечно занятого отца, не любящего детей, который обращался с ним [Уинстоном] с преднамеренной сухостью»[543]. До того как мы открыли правду о завещании лорда Рэндольфа, бытовало мнение о том, что после своей смерти он оставил Дженни с двумя сыновьями почти без каких-либо средств к существованию. Двоюродный брат Уинстона, сэр Шейн Лесли, 3-й баронет, позднее осуждающе заявлял: «Трудно найти отцов, которые бы еще меньше постарались для своих сыновей»[544]. Во всех этих оценках жизни лорда Рэндольфа совершенно не учитывается и не упоминается его сын Джек.

Внимательное изучение переписки между четырьмя членами семьи, включая информацию о них самих, помогло создать совершенно иное представление о семье Черчиллей. Лорд Рэндольф был действительно занятым человеком, неоднократно боровшимся за идеи, а порой, в силу своих высоко моральных убеждений, и против идей своей политической партии. Он подвергался многочисленным нападкам со стороны прессы, находящейся всецело под влиянием тори. Кроме того, он страдал слабым здоровьем, изнуряя себя работой, и на восстановление сил ему требовались частые периоды отдыха. Но несправедливо заявлять о том, что он игнорировал и обделял вниманием своего сына Уинстона. В его письмах к Уинстону и Джеку, а также в письмах, в которых он говорил о сыновьях, звучит большая любовь, но также прослеживается и растущее раздражение по поводу несостоятельности Уинстона проявлять усердие в занятиях в каждой из посещаемых им школ.

Это чувство раздражения, которое порой принимало горячий характер, можно очень хорошо понять, если сравнить поведение Уинстона с идеальным поведением юного Джека, усердно занимавшегося в любой посещаемой им школе и заслужившего любовь стольких учителей, скольких Уинстон умудрился настроить против себя. На протяжении своей жизни лорд Рэндольф старался обеспечить своим сыновьям надежное будущее, прилагая к этому большие усилия, за которые он до сих пор не получил никакого признания. Именно поэтому в нашей книге отводится много места объяснению образа жизни и времяпровождения родителей мальчиков, для того, чтобы лучше

понять их взаимоотношения и становление личностей обоих детей.

В 1930 году Уинстон опубликовал воспоминания о своем детстве, довольно развлекательного характера, под названием «Мои ранние годы»[545]. Книга написана остроумно и занимательно, и основные истории и положения этой книги часто повторялись им при последующих описаниях своей жизни. Однако эти мемуары следует воспринимать с оттенком недоверия. Перед глазами легко встает образ родителей, которые проявляли к нему в детстве мало интереса. Такой подход, наряду с колоритным описанием своих школьных дней, возможно, имел целью создать у читателя впечатление, что Уинстону удалось достичь такого большого успеха исключительно благодаря собственным усилиям и в результате борьбы с обстоятельствами, мешающими его продвижению в жизни.

Родителями Уинстона и Джека были аристократ викторианской эпохи и его жена. Понятия о воспитании детей в Англии девятнадцатого века отличались от современных представлений, хотя и в то время дети могли быть избалованы вниманием любящих родителей и нянь. Нормой того времени было отдавать детей на попечение нянь и гувернанток и отсылать их в школы-интернаты. Такой заведенный порядок способствовал не только получению образования, но и воспитанию характера. В сохранившихся по сей день письмах Уинстона и Джека содержатся бесконечные просьбы чаще навещать их, присылать им больше писем, посылок и, важнее всего, больше денег. Выдержки из этих писем, приведенные вне контекста, могут выглядеть как «свидетельство» невнимания родителей. Нам часто встречались случаи, когда такие письма цитировались не полностью, чтобы усилить общее впечатление, созданное рассказами Уинстона, но не находящее подтверждения в письмах юного Джека.

Верно, что одна только переписка не дает полной картины. Изучение писем требует внимательного и аналитического подхода. Только затем можно выявить характерное поведение. Письма обычно содержали в себе подтверждение получения других писем, подарков или описание посещений, о которых не сохранилось никаких других записей. Письма родителей друг к другу и к своим сыновьям часто читались дома вслух и передавались для прочтения внутри семьи. Таким образом, сравнение всех этих писем рисует более полную картину сплоченной и любящей семьи. Не следует забывать, что когда лорд Рэндольф или Дженни говорят о денежных подарках своим сыновьям в размере одного-двух фунтов стерлингов (почтовым

переводом или наличными), эквивалентных четырем-шести долларам, то нам следует умножать эту сумму примерно в 50–60 раз, чтобы перевести ее в современное денежное выражение. Когда лорд Рэндольф делился своим выигрышем на скачках со своими сыновьями, посылая им три-четыре фунта стерлингов, в современном выражении это составляет примерно триста фунтов стерлингов.

В той же степени верно, что Дженни в своих мемуарах под названием *Воспоминания Леди Рэндольф Черчилль,* вышедших в свет в 1907–1908 гг., и написанных в период, когда она остро нуждалась в деньгах, преувеличивала многие аспекты первых лет своей светской жизни с целью импонировать покупателям книги, особенно на своей родине – в Америке. Это добавило к ее образу матери, проводящей время в постоянных бездумных развлечениях, и подкрепило описание Уинстоном своего детства, проводимого в одиночестве, в безмолвном восхищении своей матерью издалека. В течение своей жизни Дженни делала все возможное, чтобы способствовать продвижению Уинстона, начиная с его школьных лет до службы в армии и в его политической карьере.

Прошло уже более ста лет со дня бракосочетания в викторианский период лорда Рэндольфа Спенсер-Черчилля и мисс Дженни Джером. Постепенно, с течением времени, благодаря высокому общественному положению Уинстона как мирового лидера во время и после Второй мировой войны, семья Черчиллей оказалась в центре постоянного внимания со стороны историков, биографов, прессы и телевидения. Всяческие домыслы об определенных аспектах их жизни положили начало разросшимся со временем историям, порочащим честь семьи. Благодаря нашим особым отношениям с семьей Черчиллей нам удалось объяснить происхождение и предоставить опровержение для некоторых из этих историй.

Первая такая история скандального характера о лорде Рэндольфе была описана журналистом Фрэнком Харрисом в своей собственной биографии – *Моя жизнь и мои увлечения* – в 1922 году[546], в которой заявлялось, что лорд Рэндольф якобы умер от сифилиса, которым он болел еще со студенческих времен в Оксфордском университете. Книга была запрещена в Великобритании, США и других странах из-за ее откровенно сексуального содержания. Харрис сам опубликовал ее во Франции в 1922 году. Перегрин Черчилль следующим образом описывал ситуацию, создавшуюся вокруг политической карьеры Уинстона в 1920-х годах:

Уинстон оказался в немилости как со стороны либералов, так и консерваторов и … не участвовал в работе парламента уже два года. Аппарат партийной пропаганды стремился держать его на расстоянии, и история Фрэнка Харриса, наряду с другими, была очень кстати… Когда Уинстон вновь вступил в ряды парламента, он выступал в роли «Независимого конституционалиста». Незаконно перепечатанная копия [книги Харриса], однако, нашла дорогу в центральный офис консервативной партии и использовалась в качестве пропаганды против Уинстона, называя его зараженным [сифилисом] от своего безнравственного отца и пьяницей для того, чтобы не допустить его в ряды консервативной партии. Один член Секретариата кабинета министров говорил мне в 1940 году, как все ожидали, что Уинстон продержится не более нескольких месяцев из-за непрочности своего положения. Такова сила пропаганды! [547]

Второй источник слухов о том, что лорд Рэндольф Черчилль болел сифилисом, принадлежит перу правнучки Леони Лесли – Аните Лесли, написавшей биографию Дженни[548]. По утверждениям Лесли, он якобы заразился сифилисом от служанки в Бленхеймском дворце в то время, когда Дженни была беременна первым сыном – Уинстоном. В связи с этим многие писатели полагали, что Дженни с того времени отстранилась от интимной жизни с Рэндольфом из-за риска инфекции. Это привело к очевидным осложнениям при определении отца Джека, о чем мы будем говорить дальше. Приведенная нами в этой книге переписка между Дженни и Рэндольфом, особенно их письма в период до 1882 года, некоторые из которых были написаны в гостиницах в период разлуки супругов, служит явным доказательством того, что между ними продолжались нормальные интимные отношения. Если бы Рэндольф болел сифилисом, он бы заразил им Дженни, своего сына Уинстона еще в утробе матери и позднее – Джека[549].

Лорд Рэндольф умер 24 января 1895 года, и, согласно свидетельству о смерти, причиной этого была пневмония. 2 февраля 1895 года газета *Иллюстрированные лондонские новости* посвятила ему многие страницы. На 3-й странице газеты заявлялось, что «слабое здоровье, нервное истощение и, в конечном счете, паралич свершили свое дело»[550]. Если бы семье Черчиллей было известно в то время, что лорд Рэндольф умер от сифилиса, они бы никогда не предоставили прессе такие подробности его болезни. Совершенно ясно, что его «паралич» не

ассоциировался с сифилисом мозга. В викторианский период сифилис считался опасной и вселяющей страх болезнью, как СПИД в наше время. Любые намеки в прессе о возможности заболевания лорда Рэндольфа сифилисом нанесли бы большой вред семье. Когда Уинстон занялся политикой, скандал такого рода мог бы положить конец его политической карьере.

В 1995 году Перегрин Спенсер-Черчилль обратился к доктору медицины Джону Х. Матеру с просьбой исследовать все вопросы здоровья лорда Рэндольфа с медицинской точки зрения. Доктор Матер получил медицинские записи с историей болезни лорда Рэндольфа от родственника доктора Томаса Баззарда, главного специалиста-невролога викторианского периода, который наблюдал лорда Рэндольфа в последние месяцы его болезни перед его отъездом с Дженни в путешествие по миру в июне 1894 года и после его возвращения в декабре 1895 года. В этих документах также содержатся некоторые заключения доктора Робсона Руза, семейного врача Черчиллей. Авторы данной книги тоже использовали копии этих заключений, найденных в документах Перегрина Черчилля.

В течение двух лет д-р Матер занимался изучением медицинских документов с историей болезни лорда Рэндольфа и также рассматривал возможность того, что лорд Рэндольф, согласно утверждениям Фрэнка Харриса, заразился сифилисом во время учебы в университете. Д-р Матер полагал, что дискомфорт в области гениталий, испытываемый лордом Рэндольфом, не имел никакого отношения к язвам первичного сифилиса и был только причиной слабо выраженного герпеса. Д-р Матер рассмотрел симптомы недомогания лорда Рэндольфа в период 1893–1894 гг., а именно – перепады настроения, проблемы с речью, головокружение и учащенное сердцебиение. Лорд Рэндольф мог приводить в своих письменных работах убедительные аргументы, вплоть до последних дней своей жизни, как явно демонстрирует его письмо на 12 страницах о текущих политических вопросах, посланное им из Калифорнии сэру Эдварду Гамильтону, личному секретарю Глэдстоуна[551]. Д-р Матер также изучил почерк лорда Рэндольфа того периода. В своих замечаниях он отмечал: «Его почерк постепенно становится неровным, но всегда остается, во всех случаях, разборчивым. Выражаемые на письме мысли всегда здравы и убедительны»[552]. Следовательно, болезнь лорда Рэндольфа подействовала не на его мозг, а на его способность словесно выражать свои мысли. Он произнес свою последнюю речь в Палате общин, по поводу Уганды, в июне 1894 года, и его неспособность найти слова была таковой, что его друзья – члены парламента, Майкл Хикс-Бич и

Артур Балфур – были вынуждены прийти ему на помощь[553]. Когда Бич навестил лорда Рэндольфа с частным визитом, тот сказал ему: «Я знаю, что хочу сказать, но, проклятие, не могу этого сделать»[554]. Д-р Матер высказывает соображение, что это не является признаком пораженного сифилисом мозга, поскольку в том случае симптомы совершенно иные, такие как «путаница в мыслях, провалы в памяти и глубокое замешательство»[555], что совершенно не отражено в истории болезни лорда Рэндольфа и в записях о состоянии его здоровья в последние дни. Д-р Матер придерживается мнения, что «психолепсия», которой страдал лорд Рэндольф, «убедительно указывает на разновидность эпилепсии в глубоких структурах головного мозга вблизи речевой зоны», и заявляет, что подобные симптомы «указывают на формирование опухоли мозга, возможно, аберрацию кровеносных сосудов… и опухоли в левой стороне мозга, не подлежащей оперированию»[556].

Такое патологическое состояние указывает на проблемы, испытываемые лордом Рэндольфом, такие как постепенное наступление онемения, плохое кровообращение в руках и ногах, усугубляемые беспрестанным курением, и демонстрирует «клиническое проявление болезни Рейно»[557]. Никотин засоряет артерии, вызывает сужение кровеносных сосудов и, следовательно, циркуляцию крови в области сердца. По словам д-ра Матера, «спазмы артерий ослабляют циркуляцию, что вызывает онемение и боль из-за недостатка кислорода в тканях»[558]. Далее он переходит к важному моменту, а именно, что в истории болезни лорда Рэндольфа нигде не отмечаются такие вторичные симптомы сифилиса, как «наличие сыпи почти по всему телу». Доктора Руз и Баззард лечили лорда Рэндольфа от «боли» с помощью «настойки опия», а от «сердечной недостаточности» прописывали «белладонну и дигиталис». Вред, который эти два сильных средства могли принести слабому организму лорда Рэндольфа, а также их побочное действие хорошо известны в настоящее время, но не были известны в викторианскую эпоху. Д-р Матер также обнаружил, что лечащие доктора лорда Рэндольфа не назначали ему лечение от сифилиса. В заключение д-р Матер говорит:

> *Если бы доктор Баззард был убежден в том, что лорд Рэндольф находился на поздней стадии сифилиса, то его лечение состояло бы из ртути и йодистого калия, т. е. средств, которых он придерживался при лечении всех больных с нейросифилисом. Но Баззард ни в одной из своих медицинских записей не упоминает подобное лечение во*

время болезни Рэндольфа[559].

Поскольку ни на одной из фотографий лорда Рэндольфа, многие из которых были сделаны в последние годы его жизни, нет никаких признаков вторичного сифилиса, а именно, сыпи на теле, то некоторые авторы полагают, что он отрастил бороду, чтобы спрятать сыпь. Лорд Рэндольф отрастил бороду во время нахождения в отдаленной дикой местности в Южной Африке. Бриться каждый день в тех условиях было неудобным занятием, и борода также защищала его от палящего солнца. Перегрин рассказывал, что его дедушка не сбрил бороду после своего возвращения, поскольку ношение бороды вошло в моду, в особенности потому, что ее отрастил и сам принц Уэльский.

Еще одним источником порочащих слухов по поводу сифилиса была сестра Дженни – Леони Лесли. Дженни была самой привлекательной из всех дочерей Джеромов, она первой вышла замуж и, соответственно, получила самое большое приданое от своего отца. Клара Джером вышла замуж вслед за сестрой, и к моменту замужества самой Лесли ей досталось всего несколько сотен фунтов стерлингов. Статус обедневшей аристократки сильно повлиял на эту ультраконсервативную особу, стремящуюся к высокому положению в обществе; кроме того, ей приходилось довольствоваться поношенными платьями от Дженни[560] и получать в подарок подержанные игрушки для своих детей[561]. Она скрывала в себе тайную зависть к сестре. Леони вела дневник и поведала своей правнучке Аните Лесли истории из жизни Черчиллей, которые Анита использовала в своих книгах.

Фрэнк Харрис в своей биографии намекал на то, что лорд Рэндольф сошел с ума по причине сифилиса; он приводил в пример случай, рассказанный ему Леони о том, как во время кругосветного путешествия на одном из кораблей лорд Рэндольф в каюте выхватил пистолет, и Дженни пришлось силой отнять его у него. Неприязнь Лесли к Рэндольфу безусловно возникла с того дня, когда лорд Рэндольф, будучи государственным секретарем по делам Индии, отказался дать герцогу Коннахтскому пост главнокомандующего в регионе Бомбея. В 1895 году Леони вступила в любовную связь с герцогом Коннахтским, и их роман продлился до конца его жизни[562]. Когда в 1886 году лорд Рэндольф ушел, из принципиальных соображений, в отставку с поста канцлера казначейства и лидера Палаты общин, она писала в ответ своей подруге, леди Чарльз Бересфорд (герцогине Лили): «Печень или сумасшествие? Надеюсь, что второе из них, и он замолчит, пока не натворил еще больших бед». Что касается

случая с пистолетом, то Дженни сообщала в своих *Воспоминаниях* об опасности ситуации, сложившейся в середине сентября 1894 года, из-за японско-китайской войны, в то время, когда они отправились на пароходе вверх по реке Перл с мимолетным визитом в Гуанчжоу. Она писала, что как только они взошли на корабль,

> *я заметила в салоне составленные в козлы винтовки с инструкциями для пользования пассажирами в случае необходимости. Я почувствовала, что ситуация далеко небезопасна; известны случаи, когда эти речные пароходы попадали в рук и пиратов. В Гонконге нам посоветовали не ездить в Гуанчжоу, поскольку из-за войны и поражений китайцев обстановка там была довольно неспокойной*[563].

Вполне вероятно, что лорд Рэндольф, находясь в болезненном состоянии и имея пистолет для самозащиты, мог потянуться за ним, если кто-нибудь, например, Дженни, неожиданно вошел в каюту.

В документальной телевизионной драме под названием «Леди Рэнди»[564], показанной по каналу английского телевидения *Channel 4*, отмечается, что Дженни было известно о том, что ее муж умирает, когда они отправились в путешествие по миру, и она тайно распорядилась, чтобы в грузовой отсек корабля погрузили освинцованный гроб для того, чтобы привезти в нем домой тело мужа. Одни из свидетелей этого говорил: «Она не хочет, чтобы тело разложилось и из него пошли газы». Как описывалось в главе 10, гроб был взят на борт корабля только в Сингапуре, по распоряжению лорда Рэндольфа, чтобы в случае его смерти его могли похоронить в море.

Также некоторые авторы писали, что когда в канун Рождества 1894 года группа путешественников вернулась домой, то лорд Рэндольф был доставлен в смирительной рубашке из-за своего буйного поведения. Перегрин рассказывал авторам этой книги, что, поскольку рука его дедушки онемела от болезни и он с трудом поднимал ее, то сопровождающий его во время поездки лечащий врач Томас Кит посоветовал ему носить руку на перевязи во избежание травмы. Перегрин также говорил, что его дедушку доставили в карете «Скорой помощи» в дом вдовствующей герцогини Мальборо, по адресу: 50 Гросвенор-сквер, Лондон. На улице его ожидали несколько газетных репортеров, и при виде перевязи они решили, что он был в смирительной рубашке[565].

Лорд Рэндольф Черчилль, никогда не отличавшийся крепким

здоровьем, умер от опухоли мозга ранним утром 25 января 1895 года. Каким же образом и в силу каких причин возникла клевета насчет его болезни сифилисом?

Сэр Ричард Куэйн (лечащий врач королевы Виктории) удивительным образом запросил у д-ра Томаса Баззарда в своем письме от 31 декабря 1894 года подробности болезни лорда Рэндольфа, чтобы ознакомить с ними принца Уэльского. Отбросив в сторону сомнения по поводу разглашения частной информации, Баззард ответил в письме от 1 января 1895 года, предоставив обычное описание болезни, по которой он специализировался, а именно, общий паралич:

> *Уважаемый Сэр Ричард Куэйн*
>
> *Насколько Вам известно, лорд Рэндольф страдает «общим параличом», ранние признаки которого, а именно, тремор язык а и неотчетливое произношение слов, я наблюдал во время собеседования с ним два года назад. Я не видел его до этого довольно продолжительное время – год или два, по-моему – поэтому невозможно сказать, как долго он был подвержен этой болезни*[566].

Следует отметить, что нет никакого особого упоминания какого-либо венерического заболевания. Баззард, большой специалист по нейросифилису и более поздним стадиям этой болезни, по подсчетам, поставил диагноз болезни сифилисом 95 процентам своих больных[567]. Упоминаемый им период, во время которого он не наблюдал лорда Рэндольфа, относится ко времени, начиная с апреля 1891 года до января 1982 года, когда лорд Рэндольф был совершенно здоров и находился в отдаленной дикой местности в Южной Африке с экспедицией по поиску золота. Из семейной переписки можно установить, что его болезнь началась вскоре после возвращения из экспедиции и проявилась в виде онемения руки, излечению которой помогло купание. Затем, постепенно, наступило нарушение речи, и его наблюдали врачи Баззард и Руз. Поскольку Баззард обычно называл сифилис в терминальной стадии как «общий паралич душевнобольного», в своем письме к Куэйну он определял состояние лорда Рэндольфа как общий паралич, оставляя термин открытым для интерпретации.

В число знаменитых докторов, занимавшихся лечением лорда Рэндольфа, входили, помимо Баззарда, семейный врач, наблюдавший его много лет, д-р Робсон Руз, и после возвращения лорда Рэндольфа из кругосветного путешествия – сэр Джон Расселл Рейнолд и д-р Говере. Они делали все возможное во времена, когда не существовали такие средства, как

доказательный анализ крови или утонченные методы тестирования неврологических нарушений, а также отсутствовали методы построения изображения, такие как компьютерная аксиальная и магнитно-резонансная томография. Спирохету, вызывающую сифилис, открыли только в 1905 году.

Мы уже отмечали интерес принца Уэльского к болезни лорда Рэндольфа. Несомненно, его больше всего интересовал доступ к Дженни, как предмету своих удовольствий. (Кстати сказать, возникает вопрос, был бы его интерес к ней так силен, если бы было известно, что ее муж болен сифилисом.) К моменту смерти лорда Рэндольфа принц Уэльский намеревался оставить свою любовницу, с которой он провел девять лет – Франсис, леди Брук (известную под именем Дейзи), в то время имевшую титул графини Ворвикской, жены 5-го графа.

Дейзи настолько любила сплетни, что получила прозвище «Говорливый ручеек». Она растратила огромное состояние и имела долги. Имея на руках большое количество интимных писем принца, которые она получала от него в течение многих лет, она искала способ заработать на них деньги. В 1901 году принц Уэльский стал королем Эдуардом VII, а в 1910 году он умер. В июне 1914 года Дейзи попробовала шантажировать сына короля, короля Джорджа V. Она угрожала опубликовать эти письма в своих мемуарах и выручить крупную сумму денег. Богатые друзья короля помогли ему заполучить и уничтожить эти письма. Некоторые из этих писем, в которых король обращался к ней со словами: «Дейзи, моя дорогая жена», сохранились до сих пор и легли в основу книги об ее жизни, написанной Тео Лангом[568]. Самая ранняя запись о попытке Дейзи шантажировать короля, датированная средой 4 ноября 1914 года, находится в дневниках Джин, леди Гамильтон, жены генерала сэра Иана Гамильтона. Подполковник Стивен Хангерфорд-Поллен, шталмейстер принца Уэльского и короля Эдуарда VII, и в 1914 году – короля Джорджа V, рассказал об этом Гамильтонам за обедом, проходившим в их доме[569]. Агентом Дейзи, планирующим заключить крупные сделки с издательствами в Америке, был не кто иной, как Фрэнк Харрис, тот самый человек, который разнес слухи о сифилисе лорда Рэндольфа. Можно предположить, что он получил полную информацию о последней болезни лорда Рэндольфа, описанной в письме Баззарда, от Дейзи Ворвик, и не мог удержаться, чтобы не использовать эту историю в своих целях в написанной им книге, вышедшей в 1922 году.

По случайному совпадению Харрис был также агентом Уинстона Черчилля, когда тот в 1920-х годах писал свою работу «Мировой кризис». Между ними произошла серьезная размолвка,

возможно, на почве денег[570], и Харрис навсегда остался непримиримым врагом Уинстона. Истории о лорде Рэндольфе, опубликованные им в своей биографии в 1922 году, возможно, были актом мщения, и за них ухватились враги Уинстона в консервативной партии. Перегрин вспоминал случай, когда в 1924 году, в возрасте одиннадцати лет, находясь в подготовительной школе в Саммерфильде, сын члена кабинета министров дразнил его такими словами: «Мой папа говорит, что все вы, Черчилли, больны отвратительными болезнями, и вы все сумасшедшие»[571].

Однако постепенно стало складываться мнение, основанное на фактах, о действительной природе болезни лорда Рэндольфа в его последние годы. Роберт Роудс Джеймс[572], биограф лорда Рэндольфа, писал, что сифилис – это самое последнее, что приходит на ум как причина смерти лорда Рэндольфа. Правильное понимание его общего слабого физического состояния должно положить конец таким неприятным историям, как подозрения насчет отцовства Джека, и помочь нам признать тот факт, что он умер от невыявленной опухоли мозга, не подлежащей оперированию.

Вторая история касается домыслов по поводу рождения Уинстона Черчилля. Газета *Daily Mail* опубликовала статьи, задаваясь вопросом, является ли Уинстон Черчилль незаконнорожденным[573]. Этот же вопрос поднимался в ранее упомянутом документальном фильме, показанном на английском телеканале *Channel 4*. В основу этих слухов легли домыслы вокруг писем лорда Рэндольфа к Дженни. В период их помолвки он посетил Париж, где останавливался в *Hôtel du Rue de Rivoli, и* 5 марта 1874 года в письме к Дженни он писал: «Мне нравится думать, что ты со мной в моей комнате. Дорогая, ты не можешь себе представить, как сильно я хочу вернуться, проходит всего день-два, и разлука дает о себе знать»[574]. Это письмо, взятое вне контекста, могло означать, что Дженни была с ним в его спальне, вступила в интимные отношения и забеременела Уинстоном еще до свадьбы.

Когда лорд Рэндольф останавливался в гостинице, он проживал в номере люкс с несколькими комнатами, как полагалось аристократам, и в особенности сыну герцога. У него была спальня для себя, еще одна спальня для Томаса Уолдена, своего камердинера, который служил ему всю жизнь, ванная комната и гостиная, а также он пользовался общей гостиной отеля. Когда Дженни посетила Рэндольфа в гостинице, ее сопровождала горничная, и комната, о которой говорится в письме, скорее всего гостиная в его номере. Незамужняя девушка,

такая как Дженни, в возрасте двадцати лет, не могла находиться в присутствии мужчины, даже если они были помолвлены, без сопровождения горничной или родственницы. Если бы Дженни имела интимные отношения с Рэндольфом до свадьбы, ее репутация была бы погублена, и у него могло сложиться мнение, что она имела других мужчин; он бы не женился на девушке, потерявшей невинность.

В документальном фильме телеканала *Channel 4* говорилось о существовании «примечательного письма», находящегося в Черчилльских архивах, в котором лорд Рэндольф писал Дженни, что ему приятно думать о ее присутствии в его спальне, имея в виду гостиницу. Это заявление неточно. Точные слова этого письма приведены выше, как в оригинале, и слово «спальня» не появлялось ни в письмах лорда Рэндольфа, ни в письмах Дженни до того, как они поженились. В другом письме к Дженни, написанном за день раньше предыдущего письма, 5 марта, Рэндольф говорит: «Я полагаю, мне не стоит снова целовать тебя, пока мы не поженимся», что противоречит всяким домыслам об интимности их отношений до свадьбы[575]. Лорд Рэндольф и Дженни поженились 15 апреля 1874 года, а Уинстон родился 30 ноября. Лечащий врач, д-р Фредерик Тейлор, констатировал, что ребенок родился недоношенным, но он здоров; герцогиня Мальборо описывала его как «сильного и здорового».

Другие домыслы, связанные с рождением Уинстона, возникли вокруг письма, написанного лордом Рэндольфом г-же Джером, которая жила в то время в Париже и, должно быть, была очень расстроена, что не могла присутствовать при рождении своего первого внука. Рэндольф, как гордый и послушный долгу отец, писал ей в 12:30 пополудни 30 ноября 1874 года: «Мальчик необыкновенно симпатичный, как все говорят, у него темные глаза и волосы, и он очень здоров, учитывая то, что родился раньше срока»[576]. Эти замечания привели к заявлениям многих авторов о том, что голова Уинстона при рождении была полна волос[577]. Будучи рыжеволосым, Уинстон, должно быть, был лысым при рождении, и его отцу было неизвестно, что все новорожденные младенцы имеют голубые глаза. Возможно, ему удалось только мельком взглянуть на сына при свете лампы, в ранние утренние часы, так как Уинстон родился в 1:30 ночи. Описывая Уинстона для г-жи Джером, лорд Рэндольф явно исказил факты, создавая впечатление, что Уинстон был темноволосым и пошел в породу Джеромов. Это было попыткой с его стороны порадовать г-жу Джером и сгладить ее разочарование в том, что она пропустила рождение своего первого внука.

Перегрин рассказывал авторам этой книги о существовании

медицинской проблемы у Дженни, а именно с шейкой матки. Те многочисленные падения с лошади, которым подвергалась на своем веку эта бесстрашная любительница верховой езды, привели к повреждению костей тазового пояса, что делало невозможным для нее вынашивать детей полный срок[578]. Со дня свадьбы до дня рождения Уинстона прошло ровно тридцать три недели. По словам консультанта по медицинским вопросам, к которому мы обратились за разъяснением, Родни Крофта, ситуация сложилась таким образом:

> *Беременность длится 280 дней или 40 недель, считая с первого дня после последнего менструального периода (ПМП). Полагая, что Дженни имела регулярные менструации продолжительностью в пять дней и что она не хотела приурочить свадьбу к сроку своей менструации, можно сделать заключение, что ее ПМП приходится на конец марта или самое начало апреля. Следовательно, при полном сроке беременности Уинстон родился бы в первые две недели января 1875 года. На основе этих расчетов, ребенок родился где-то на четыре с половиной или даже на шесть недель раньше срока. Последняя цифра совпадает со сроком в семь месяцев, что и констатировалось в прошлом согласно заведенному порядку*[579].

Перегрин также рассказал авторам об одном неизвестном ранее факте. Во время родов была повреждена челюсть Уинстона, и ему требовалась операция[580]. Перегрин оставил запись, в которой говорилось, что при рождении «Уинстон имел поврежденную челюсть, и для этого требовалась операция»[581]. Крофт говорит по этому поводу следующее:

> *Повреждение такого рода могло случиться в связи с тем, что челюсть Уинстона (нижняя челюсть) еще полностью не сформировалась, и поэтому была слабой и подверженной повреждениям. Челюстная кость была ослабленной по причине его преждевременного рождения*[582].

Многие авторы полагали, что такой здоровый ребенок, как Уинстон, не мог быть преждевременно рожденным. В викторианскую эпоху выживало только небольшое число семимесячных недоношенных детей, но статистика в отношении смертности младенцев недостоверна. Данные обобщены и включают большинство детей, рожденных в бедных семьях рабочего класса. Нет отдельной статистики в отношении

выживаемости детей аристократов и богатых родителей, которые, как например Дженни, были здоровы и имели хорошее питание и у которых имелось все возможное для отличного ухода за новорожденными детьми. Герцогиня Мальборо договорилась о няне-кормилице из Вудстока в то время, когда у Дженни начались схватки. Это означает, что Уинстона начали кормить сразу же после рождения[583].

Третья история вытекает из теории о сифилисе лорда Рэндольфа и связана с его здоровьем. Некоторые писатели, упоминавшие Джека только мельком, предполагали, что, поскольку его отец страдал сифилисом с ранних дней своего брака, то он не был отцом Джека. С течением лет был представлен целый список потенциальных отцов Джека. Первым кандидатом был Джон Стрейндж Джоселин, 5-й граф Роденский[584], который был крестным отцом Джека во время его крещения. Перегрин был в сильной мере огорчен пользующейся успехом биографией Уинстона, написанной Роем Дженкинсом, вышедшей в 2001 году под названием Черчилль[585], в которой повторялась клевета о том, что отцом Джека был Джоселин. Дженкинс писал: «Если поставить под сомнение законность рождения Джека Черчилля, то наиболее подходящим кандидатом был бы полковник Джон Стрейндж Джоселин из Дублина»[586].

История рождения Джека со слов Перегрина (который узнал это от своего отца) такова, что Джек, так же как и Уинстон, родился раньше срока. Джек родился после семи или восьми месяцев беременности матери, и Перегрин рассказывал, что при рождении он был «синюшным ребенком», и все опасались, что он умрет. Родни Крофт высказывается по этому поводу следующим образом:

> *Название «синюшный ребенок» относится к новорожденным детям, которые цианотичны (синие) из-за недостатка адекватной подачи кислорода циркулирующей кровью. Оксигемоглобин (пигмент крови) имеет красный цвет, отсюда цвет розовый, а бедная кислородом кровь – синего цвета, что дало такое название. Причиной этого может быть родовая травма (если сдавлена пуповина или плацента отделилась до того, как ребенок родился и начал дышать)*[587].

Джон Стрейндж Джоселин получил титул 5-го графа Роденского 10 января, а Джек родился в Дублине 4 февраля 1880 года. Джоселин жил не в Ирландии, а в Англии, в своем поместье, вместе с женой и дочерью. Ему было пятьдесят семь лет, тогда как Дженни была молодой женщиной двадцати шести лет.

Джоселин приехал в Ирландию в январе, чтобы принять на себя все обязанности по ведению поместья Толлимор-хаус[588], в Брансфорде, недалеко от Ньюкасла (в графстве Даун, в настоящее время относящемся к Северной Ирландии), которое он получил в наследство вместе с новым титулом[589]. Поместье Толлимор, окруженное лесами, находится на расстоянии свыше ста километров от Дублина. Некоторые писатели связывают Дженни и Джоселина, неверно полагая, что он жил в соседнем поместье и они вместе с Дженни катались верхом; а после одной совместной верховой прогулки Дженни вернулась беременной от него. Современный граф Роденский (который жив в настоящее время) писал нам о том, что первая запись в книге гостей о посещении Джоселином Толлимор-хауса датирована январем 1880 года. Он также прислал нам фотографию Джоселина, и Джек не имеет с ним никакого сходства.

Джоселин был близким другом 7-го герцога Мальборо, и его подпись свидетельствует завещание герцога. Он находился в гостях у своего друга, остановившись в вице-королевских квартирах – Вице-королевском Лодже, во время рождения Джека. Перегрин рассказывал авторам этой книги о том, как Джоселина одним утром подняли с постели на рассвете, чтобы он выступил крестным отцом Джека, так как все опасались, что Джек не доживет до обычного крещения. Родни Крофт говорит по этому поводу следующее:

> *Цианотичное состояние также связывают с заболеванием крови и врожденным пороком сердца. Именно последнее могло побудить к необходимости немедленного крещения*[590].

У Перегрина имеется письмо, опубликованное в газете Sunday Telegraph 29 апреля 1990 года, проясняющее ситуацию, возникшую вокруг имени его отца:

> *Семья Роденов разрешила мне несколько лет назад сделать копии с некоторых документов из своих архивов, и обнаружились следующие факты: «Джон Джоселин <… > жил в Англии и находился там в течение 1879 года. Он приехал в Дублин после рождения моего отца».*

Вторым именем, ассоциируемым с отцовством Джека, был Эвелин Боскавен (позднее 7-й виконт Фалмут)[591]. Боскавен был военным секретарем при 7-м герцоге Мальборо в период, когда тот находился на должности вице-короля Ирландии и семья Черчиллей жила в Дублине. История о том, что Боскавен был

отцом Джека, была рассказана двумя сыновьями Леони Лесли – Шейном и Сеймуром Лесли. Шейн в письме к Аните Лесли говорил: «Ты можешь высчитать время их [Дженни и Боскавена] первой встречи по дате рождения Джека»[592]. Сеймур поведал ей, что его семья жила в квартире напротив лондонского дома Боскавена[593]. Отсюда создается впечатление, что братья Лесли наблюдали отношения между Дженни и Боскавеном как в Ирландии, так и позднее в Лондоне.

Во время рождения Джека Черчилля в 1880 году Леони Лесли была не замужем и жила со своей матерью в Париже. Леони познакомилась с Джоном Лесли (позднее 2-м баронетом) на банкете в Дублинском замке в 1883 году, и в следующем году в Нью-Йорке состоялась их свадьба. Их первый сын, Джон (который по достижении зрелости изменил свое имя на ирландское – Шейн), родился в 1885 году, за ним последовал Норман в 1886 году и Сеймур в 1889 году. Как известно, семья Черчиллей вернулась из Дублина в Лондон в апреле 1880 года. Следовательно, братья Лесли не могли ничего знать об отношениях Дженни и Боскавена ни до рождения Джека, ни долгое время спустя, поскольку они еще не родились на свет. Семья Лесли жила в замке Лесли в Гласлоу, графстве Монаган (в настоящее время в Ирландской Республике). Боскавен, который имел прозвище Звезда или Пришелец со звезды, был другом и, вполне вероятно, любовником Дженни. Но его имя появляется впервые в тайном дневнике Дженни в 1882 году, два года спустя после возвращения Черчиллей из Дублина в Лондон[594].

Существуют и другие имена в списке потенциальных отцов Джека, но поскольку совершенно очевидно, что они никогда и ногой не ступали на ирландскую землю, то не стоит их упоминать. Наилучшим доказательством отцовства Джека служит то, что, судя по фотографиям, его старший сын, Джонни, похож на Уинстона, а его младший сын, Перегрин, похож на своего дедушку – 7-го герцога Мальборо.

Четвертая история касается родословной Дженни по материнской линии. Некоторые писатели полагали, что в семейной линии существовала кровь коренных американцев (североамериканских индейцев). Бабушка г-жи Джером, Кларисса Холл (в девичестве Уилкокс) была родом из Массачусетса, и ходили слухи, что ее изнасиловал индеец-ирокез. Эту нелепую историю рассказывали, в шутку, сестры Дженни – Клара и Леони[595]. По мнению сестер, их мать в пожилом возрасте стала все более походить на индианку, и девушки шутливо называли ее Большой Вождь Сидящий Бык; отсюда и взяла начало эта история.

Очевидно, бабушка г-жи Джером и ее сестры имели черные,

цвета воронова крыла, волосы и глаза темного цвета, что послужило основой зарождения слухов об изнасиловании. История превратилась в легенду и стала передаваться из поколения в поколение[596]. Элизабет Черчилль-Снелл[597], живущая в Канаде, занималась исследованием этой истории и обнаружила, что никаких индейцев-ирокезов или индейцев каких-либо других племен не было на протяжении нескольких миль от дома Клариссы Уилкокс, и маловероятно, чтобы она соприкасалась с какими-нибудь индейцами.

Пятая история, появившаяся в газете *Daily Mail* в 2009 году и обсуждаемая в документальном фильме телеканала *Channel 4*, заключается в том, что Дженни имела в течение своей жизни двести любовников[598]. Источник этих утверждений не приводится. Однако авторам этой книги удалось отыскать источник, которым является Джордж Мур[599], ирландский художник, прозаик и журналист[600]. Маловероятно, чтобы Мур, которого считали человеком с сомнительной репутацией, когда-либо знал Дженни.

Хотя мы допускаем, что Дженни имела несколько любовников, учитывая, что она выходила замуж три раза, вряд ли их число превысило полдюжины. Имена мужчин стали появляться в ее жизни после смерти лорда Рэндольфа и до того, как она познакомилась с Джорджем Корнуоллис-Вестом. Когда Джордж оставил ее и ушел к актрисе Патрик Кэмпбелл, Дженни написала откровенное письмо его матери, датированное 14 августа 1910 года, в котором она заявляла о своей верности Джорджу во время их брака: «Я любила его больше всего на свете, и *всегда* была ему верна»[601].

Принимая во внимание серьезные и постоянные проблемы со здоровьем лорда Рэндольфа, начиная с 1882 года, и тот факт, что, по мнению Перегрина, его дедушка стал с того времени почти импотентом, мало кто сможет обвинить Дженни в том, что она имела любовную связь с Чарльзом Кински, продлившуюся десять лет[602]. В то время ей было всего двадцать восемь лет. Возможно, эта связь помогла ей справиться с болезнью мужа и тем напряжением, испытываемым ею как женой восходящей политической звезды.

В документальном фильме телеканала *Channel 4* было заявлено, что Кински «никогда не собирался жениться на такой женщине, как Дженни, которая была, возможно, *неполноценным товаром*». Это неверно. Кински женился бы на Дженни, когда она овдовела, но его отец, князь Кински, заставил его объявить о помолвке с молодой богатой наследницей – графиней Елизаветой Вульф Меттерних цур Грахт (Лили), пока Дженни находилась в

кругосветном путешествии.

Перегрин Черчилль рассказал нам, со слов большого друга Кински – Джорджа Лэмбтона, что отец Кински заставил его жениться под угрозой лишения наследства, а Кински имел большие долги. Дженни был неизвестен один факт, который был сообщен в биографии Дженни, написанной Анитой Лесли в 1969 году, а именно, что Кински, узнав о приближении смерти лорда Рэндольфа, пытался разорвать свою помолвку, но под давлением отца ему пришлось жениться[603]. Кински никогда не смирился с утратой Дженни. Его молодая жена имела хрупкое здоровье, и после тринадцати лет замужества она умерла от рака, не оставив наследника. В день свадьбы Дженни с Джорджем Корнуоллис-Вестом она получила утром открытку, обрамленную черной рамкой, как бы говорящей о тяжелой утрате. Она была от Канцлера австро-венгерского посольства в Санкт-Петербурге. В ней стояло три слова: «Toujours en deuil (в вечном трауре)», с подписью Чарльза Кински. После смерти своей жены и после развода Дженни с Джорджем Корнуоллис-Вестом Кински, имевший в то время титул князя, вернулся к Дженни, и тогда он мог бы жениться на ней. Они возобновили дружбу, и он купил ей в подарок на Рождество настольные часы, но ее не прельщал даже титул княгини. Перегрин говорил, что она не могла забыть его измены и вышла замуж за Монтагю Порча.

Пока Дженни пребывала в супружеском блаженстве с Порчем, князь Чарльз Андреас Кински умер 11 декабря 1919 года. Джордж Лэмбтон писал: «Если когда-либо человек умирал от разбитого сердца, то это был Чарльз Кински»[604]. Лэмбтон навещал Кински в последней стадии его болезни, и он заметил, что единственной картиной в его комнате был портрет Дженни, висящий над его кроватью[605].

Имя Уинстона Черчилля упоминается в печати, на радио и телевидении почти каждый день. Несомненно, он был одной из величайших фигур мировой истории, завоевав продолжительную славу как лидер Великобритании во время Второй мировой войны. Его искусство писателя и пропагандиста усилило эту славу. Его собственное описание своей жизни как человека, происходящего из одной из величайших политических семей Британии, чрезмерно увлекательно. Однако его величие не существовало само по себе, и его путь к известности можно лучше постичь только благодаря пониманию семьи, создавшей его. Отец Уинстона был великим политическим деятелем, «человеком народа», но слабое здоровье препятствовало достижению им высокого поста, на который он мог надеяться. Его мать, красавица американка, делала все возможное для продвижения карьеры

Уинстона. В заключение, восстановление в семейной истории имени младшего брата Уинстона – Джека способствует лучшему пониманию роли их родителей и тех усилий, которым им стоило обеспечить будущее своим сыновьям. Как результат, они подарили нам лидера в борьбе за свободу человечества, чья слава будет жить в веках.

Лица, которым авторы выражают благодарность

Авторы чрезвычайно признательны *Ее Величеству королеве Елизавете II* за любезное разрешение пользоваться материалами Королевских архивов и опубликовать в книге выдержки из писем леди Рэндольф Черчилль к Его Королевскому Высочеству принцу Уэльскому.

Покойный г-н Перегрин Черчилль и г-жа Черчилль: огромная благодарность и признательность покойному г-ну Перегрину Черчиллю и г-же Черчилль за их поддержку и предоставление свободного доступа ко всем принадлежащим им частным документам, письмам и фотографиям.

Его Сиятельство 11-й Герцог Мальборо: выражаем благодарность его Сиятельству за разрешение сделать снимки кресла-качалки, собственности семьи Джеромов (полученного по завещанию Перегрином Черчиллем) в Бленхеймском дворце и за предоставление права сделать копии с фотографий.

Леди Соумс – Леди-компаньон Благороднейшего Ордена Подвязки и Леди-кавалер ордена Британской империи: выражаем благодарность и признательность леди Мэри за два продолжительных послеобеденных интервью в 2005 году, а также за большую помощь и консультации по данной книге.

Графиня Авонская: выражаем благодарность и признательность Леди Авон за интервью и за ее продолжительные кропотливые усилия в разъяснении нам семейной истории.

Г-жа Минни Черчилль и г-н Саймон Берд: выражаем большую благодарность Минни и Саймону за их доброту и любезные услуги.

Достопочтенная Селия Сандис, автор книги «*Черчилль – взять живым или мертвым*»: выражаем большую благодарность Селии за ее любезную помощь в самом начале нашей работы над книгой.

Г-н Рэндольф Черчилль и г-жа Кэтрин Черчилль: выражаем большую благодарность за их любезность и гостеприимный прием в своем доме, а также за доступ к их библиотеке и картинам.

Г-н Эндрю Лауни: Эндрю заслуживает большой благодарности за свои усердия и отличный выбор издательства, Palgrave Macmillan, для публикации нашей книги.

Сэр Джон Лесли, 4-й баронет, владелец замка Лесли: выражаем благодарность за предоставление нам интервью и любезный прием в замке Лесли.

Граф Роденский: выражаем чрезвычайную признательность графу за предоставленную им фотографию своего предшественника по родовой линии, 5-го графа Роденского – Джона Стрейнджа Джоселина, и за всю полученную нами полезную информацию.

Г-н Иан Гамильтон: выражаем благодарность Иану за любезное предоставление нескольких отрывков из дневников сестры его прабабушки – Джин Гамильтон. Также выражаем благодарность двум сыновьям г-на и г-жи Гамильтонов – Феликсу и Максу.

Г-жа Барбара Качмаровска Гамильтон (Бася): выражаем беспредельную благодарность Басе, которая познакомила нас в 2001 году с г-ном и г-жой Перегрин Черчилль. Бася поддерживала нас с большим энтузиазмом во время работы над этой книгой.

Г-н Майкл МакМенамин: выражаем огромную благодарность Майклу за его скрупулезное чтение и правку корректуры нашей книги.

Д-р Джон Х. Матер, доктор медицины, аккредитованный член Экспертного совета организации, член исполнительного комитета Американской коллегии терапевтов, президент компании UNI–CORN LLC: выражаем чрезмерную признательность за интервью и разрешение широко пользоваться цитатами из его работ – «Лорд Черчилль: болезни и смерть» и «Сэр Уинстон Черчилль: Его стойкость и выносливость».

Г-н Родни Дж. Крофт, магистр гуманитарных наук, *магистр хирургии, действительный член Королевского колледжа хирургов, действительный член Американского колледжа хирургов, старший консультант по хирургии сосудов*: выражаем огромную благодарность за выделенное нам время и скрупулезно подготовленное медицинское заключение по поводу рождения Уинстона Черчилля.

Г-н Ричард Лэнгуорт, кавалер ордена Британской империи (CBE), редактор, Центр Черчилля: Ричард был большим другом Перегрина Черчилля и в полной мере понимал роль Джека в семейной истории.

Г-жа Рита Босвелл-Гиббс, магистр гуманитарных наук (*диплом получен в рамках спонсированной индийской программы Rashtriya Madhyamik Shiksha Abhiyan (RMSA), архивариус публичной школы Хэрроу*: выражаем большую благодарность за предоставление копий экзаменационных результатов, а также за прочую помощь и консультирование по поводу публичной школы, в которой обучались Уинстон и Джек.

Г-жа Памела Кларк, реестродержатель Королевских архивов, Виндзорский замок: выражаем благодарность за неоднократную

помощь в получении информации исторического характера.

Г-н Джон Фостер, глава службы просвещения, Бленхеймский дворец: выражаем благодарность за усердную помощь в отношении писем семьи Черчиллей, а также за информацию о семье и Бленхеймском дворце.

Г-н Ричард Крэгг, фотограф, Бленхеймский дворец: выражаем признательность за отличные фотографии «исторического» кресла-качалки семьи Джеромов и за копию свадебного портрета майора Джона и леди Гвенделин Черчилль.

Г-жа Клэр Астон: мы очень признательны за историю о том, как Уинстон Черчилль останавливал служебную машину возле кладбища, чтобы посетить могилу своей умершей дочери Мэриголд.

Г-н Джеффри Бейли: выражаем большую благодарность за научное и прочее консультирование, предоставленное нам на основе его опыта, приобретенного за долгие годы работы в издательской отрасли.

Г-н Робин Бродхерст, глава отдела истории, Пэнгбурн-колледж: благодарим за совет по поводу подборки подходящих книг в отношении политической жизни в Ирландии.

Д-р Робин Даруолл-Смит, архивариус, Магдаленский колледж в Оксфорде: благодарим за скрупулезно подготовленную информацию о расходах типичного студента, обучающегося в Оксфорде в период 1897–1898 гг.

Г-н Джулиан Митчелл: выражаем благодарность Джулиану соавтору книги «Дженни: Леди Рэндольф-Черчилль – Эпистолярный портрет», опубликованной совместно с фильмом студии Thames Television «Дженни: Леди Рэндольф-Черчилль», сценарий для которого был написан Джулианом.

Г-н Аллен Пэквуд, директор, Кэтрин Томсон, Эндрю Райли и штат работников Черчилльских архивов, Колледж Черчилля, Кембридж: выражаем всем безмерную благодарность. Во время наших посещений безупречно организованных Черчилльских архивов нам была оказана всесторонняя помощь.

Г-н Эндрю Робертс: Эндрю является хорошо известным писателем и журналистом, и мы выражаем сердечную благодарность за его консультации и советы.

Г-жа Элизабет Снелл: выражаем большую благодарность за разрешение широко пользоваться написанными ею материалами о графе Абингдоне, к родственной линии которого принадлежит леди Гвенделин Берти.

Г-н Пол Стронг: выражаем благодарность за наше знакомство с сэром Джоном Лесли, Э-м баронетом.

Г-н Хьюго Викерс: выражаем большую благодарность за

интервью и за информацию о периоде работы Джека Черчилля в компании «Викерс да Коста».

Г-жа Татьяна Рощупкина: выражаем большую благодарность за графическую презентацию генеалогического дерева рода Черчиллей и подготовку фотографий для репродукции.

Г-н Тад Юлинг: выражаем большую благодарность за улучшение качества фотографий для репродукции.

Г-н Гордон Уайз и г-жа Шахида Сабир, Curtis Brown Ltd: выражаем чрезмерную благодарность за их исключительную помощь и всестороннее консультирование по вопросам авторского права.

Выдержки из книги «Джин: Леди Гамильтон» приводятся с любезного разрешения г-на Иана Гамильтона.

Выражаем всестороннюю благодарность Алессандре Бастагли, Коллину Лоури, Эрике Уоррен и всем сотрудникам издательства Palgrave Macmillan в Нью-Йорке за их старания и внимательное отношение к публикации этой книги.

Примечание

В 1945 году Клементина, вдова покойного Уинстона Черчилля, передала Черчиллскому колледжу Кембриджского университета право заниматься всеми материалами и документами относительно жизни ее мужа в период после 1945 года. Первая часть всех документов была передана в их распоряжение в 1969 году.

Материалы жизни сэра Уинстона до 1945 года остались во владении семьи, однако они хранятся в Черчиллском колледже.

В 1995 году британское правительство выкупило эти материалы для общественного пользования.

В 1973 году в Черчиллском колледже при Кембриджском университете был создан Архивный центр для хранения всех материалов и документов сэра Уинстона Черчилля.

Авторское право на все материалы покойного сэра Уинстона Черчилля принадлежит его внуку, имя которого тоже г-н Уинстон Черчилль, проживающему в Лондоне. Вопросами авторского права на все материалы сэра Уинстона Черчилля занимается, от лица г-на Уинстона Черчилля, литературное лондонское агентство Curtis Brown. В последующем примечании сокращение CHAR вместе со ссылкой означает то, что материалы хранятся в Черчиллских архивах при Кембриджском университете. Префикс CHAR стал применяться в период хранения документов в доме Уинстона – Чартвелл-хаусе.

Мэри, леди Соумс, Дама-командор ордена Британской империи (DBE), также подарила Черчиллскому колледжу в Кембридже все материалы своей матери, Клементины Черчилль. Авторское право на письма и документы Клементины принадлежит леди Соумс, и вопросами авторского права занимается агентство Curtis Brown.

Следует также отметить, что сэр Уинстон Черчилль не использовал имя «Спенсер» как часть семейной фамилии. Джек и все члены его семьи использовали фамилию Спенсер-Черчилль.

Г-жа Перегрин Спенсер-Черчилль, вдова Перегрина и жена сына майора Джона Стрейнджа Спенсер-Черчилля (брата покойного сэра Уинстона Черчилля), имеет в частном владении следующие из документов и писем, находящихся на хранении в Черчиллских архивах при университете в Кембридже:

• Письма и документы, общественные и частные, принадлежащие лорду Рэндольфу Спенсер-Черчиллю

• Письма и документы, общественные и частные, принадлежащие леди Рэндольф Спенсер-Черчилль (Дженни)

• Письма и документы, общественные и частные, принадлежащие майору Джону Стрейнджу Спенсер-Черчиллю (Джеку)

• Письма и документы, общественные и частные, принадлежащие леди Гвенделин Спенсер-Черчилль (жене Джека)

• Письма и документы, общественные и частные, принадлежащие Перегрину Спенсер-Черчиллю (который был официально зарегистрирован под именем Генри Уинстон)

• Письма и прочие материалы, принадлежащие самой г-же Перегрин Спенсер-Черчилль.

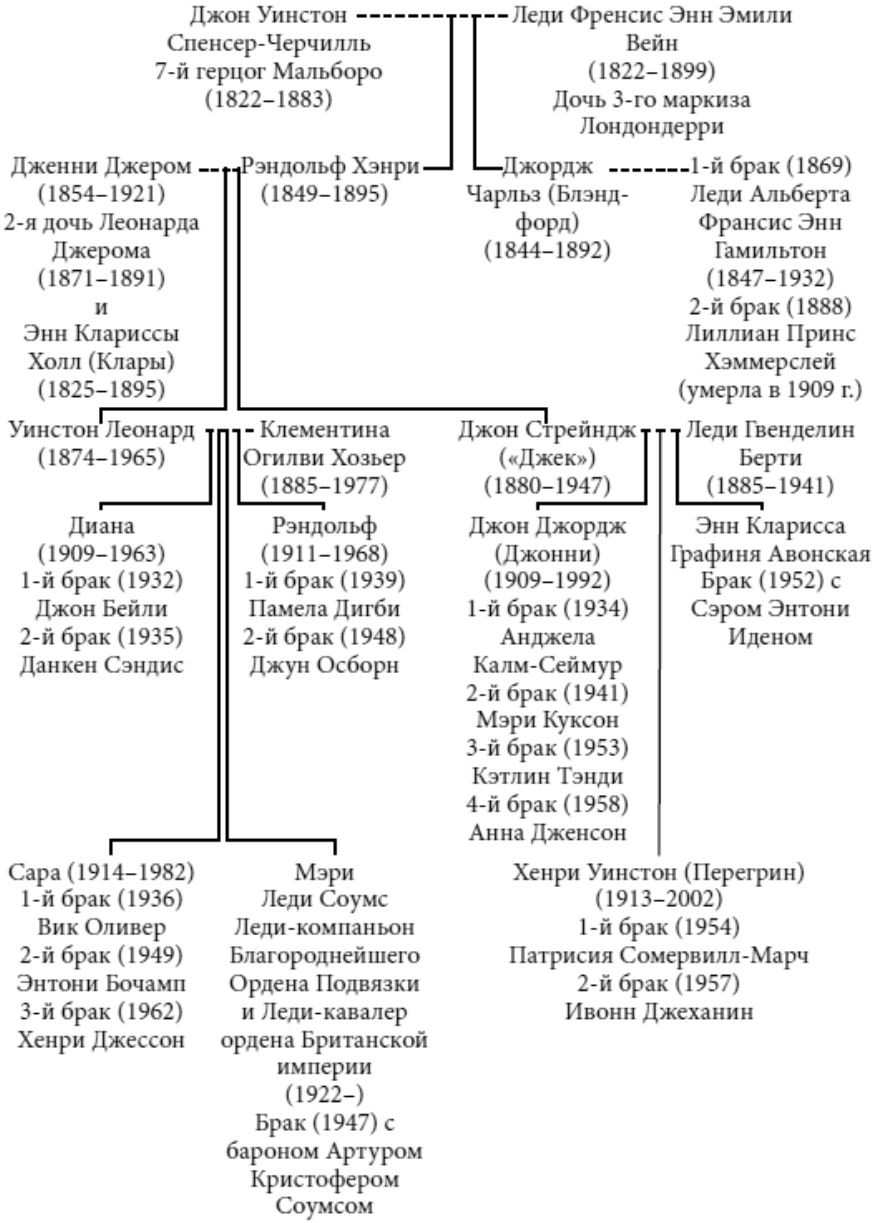
В случаях цитирования из писем, документов или письменных материалов (включая опубликованные труды) лорда Рэндольфа, леди Рэндольф, Джона (Джека), леди Гвенделин, Перегрина – все цитаты взяты из документов, находящихся в частном владении г-жи Перегрин Спенсер-Черчилль, которые она получила в наследство от своего покойного мужа Перегрина, умершего в марте 2002 года.

Во многих случаях, когда приведенные цитаты взяты из печатных материалов иного формата, мы приводим пояснения в сносках в конце книги в целях уведомления читателя о другом источнике этих материалов. Это, однако, не умаляет того факта, что оригинальные письма и материалы принадлежат г-же Перегрин Спенсер-Черчилль.

В связи с этим мы не сочли нужным включать ссылки на многие из вышеупомянутых писем, поскольку все они входят в одну коллекцию.

Письма Дженни к своей младшей сестре, леди Лесли, хранятся вместе с другими материалами семьи Лесли в национальной библиотеке Ирландии в Дублине. Письма Дженни к своей старшей сестре, г-же Кларе Фревен, находятся в частном владении у Джонатана Фревена. Все эти письма являются собственностью г-жи Перегрин Спенсер-Черчилль. Другие письма и материалы семьи Лесли находятся во владении г-на Тарка Кинга, сына Аниты Лесли. Письма Уинстона Черчилля к мисс Памеле Плоуден, в дальнейшем графини Литтонской, входят в коллекцию документов семьи Литтон и были проданы в недавние годы частному коллекционеру.

Генеалогическое дерево династии Черчиллей:

Джон Уинстон Спенсер-Черчилль 7-й герцог Мальборо (1822–1883)
Леди Френсис Энн Эмили Вейн (1822–1899) Дочь 3-го маркиза Лондондерри
Дженни Джером (1854–1921) 2-я дочь Леонарда Джерома (1871–1891) и Энн Клариссы Холл (Клары) (1825–1895)
Рэндольф Хэнри (1849–1895)
Джордж Чарльз (Блэнд-форд) (1844–1892)
1-й брак (1869) Леди Альберта Франсис Энн Гамильтон (1847–1932) 2-й брак (1888) Лиллиан Принс Хэммерслей (умерла в 1909 г.)
Уинстон Леонард (1874–1965)
Клементина Огильви Хозьер (1885–1977)
Джон Стрейндж («Джек») (1880–1947)
Леди Гвенделин Берти (1885–1941)
Диана (1909–1963) 1-й брак (1932) Джон Бейли 2-й брак (1935) Данкен Сэндис
Рэндольф (1911–1968) 1-й брак (1939) Памела Дигби 2-й брак (1948) Джун Осборн
Джон Джордж (Джонни) (1909–1992) 1-й брак (1934) Анджела Калм-Сеймур 2-й брак (1941) Мэри Куксон 3-й брак (1953) Кэтлин Тэнди 4-й брак (1958) Анна Дженсон
Энн Кларисса Графиня Авонская Брак (1952) с Сэром Энтони Иденом
Сара (1914–1982) 1-й брак (1936) Вик Оливер 2-й брак (1949) Энтони Бочамп 3-й брак (1962) Хенри Джессон
Мэри Леди Соумс Леди-компаньон Благороднейшего Ордена Подвязки и Леди-кавалер ордена Британской империи (1922–) Брак (1947) с бароном Артуром Кристофером Соумсом
Хенри Уинстон (Перегрин) (1913–2002) 1-й брак (1954) Патрисия Сомервилл-Марч 2-й брак (1957) Ивонн Джеханин

Иллюстрации

Его Сиятельство 7-й герцог Мальборо, Джон Уинстон Спенсер-Черчилль, родовым поместьем которого является Бленхеймский дворец (отец лорда Рэндольфа Спенсер-Черчилля); снимок сделан примерно в 1877 году в период его пребывания на посту вице-короля Ирландии.

Ее Сиятельство герцогиня Мальборо, Френсис Спенсер-Черчилль (в девичестве Вейн), дочь лорда Лондендерри; снимок сделан примерно в 1877 году в период ее пребывания на посту вице-королевы Ирландии.

Лорд Рэндольф Черчилль – выдающийся политический деятель партии консерваторов; снимок сделан примерно в 1880 году.

Леди Рэндольф Черчилль (Дженни) в костюме для верховой

езды, в Ирландии, 1877 год; сфотографирована на ступеньках Вице-королевского Лоджа в Феникс-парке в Дублине, в период пребывания 7-го герцога Мальборо на посту вице-короля Ирландии.

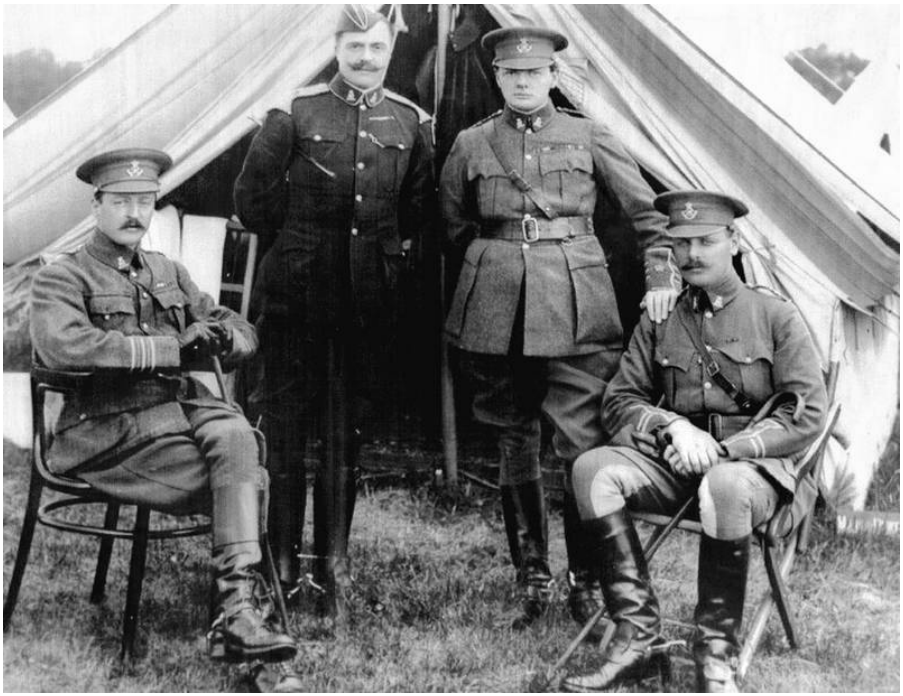
Слева направо: Джон (Джек) Спенсер-Черчилль в возрасте 7 лет; леди Рэндольф Спенсер-Черчилль (Дженни) в возрасте 33 лет; Уинстон Спенсер-Черчилль в возрасте 13 лет; снимок сделан в Бленхеймском дворце в 1887 году.

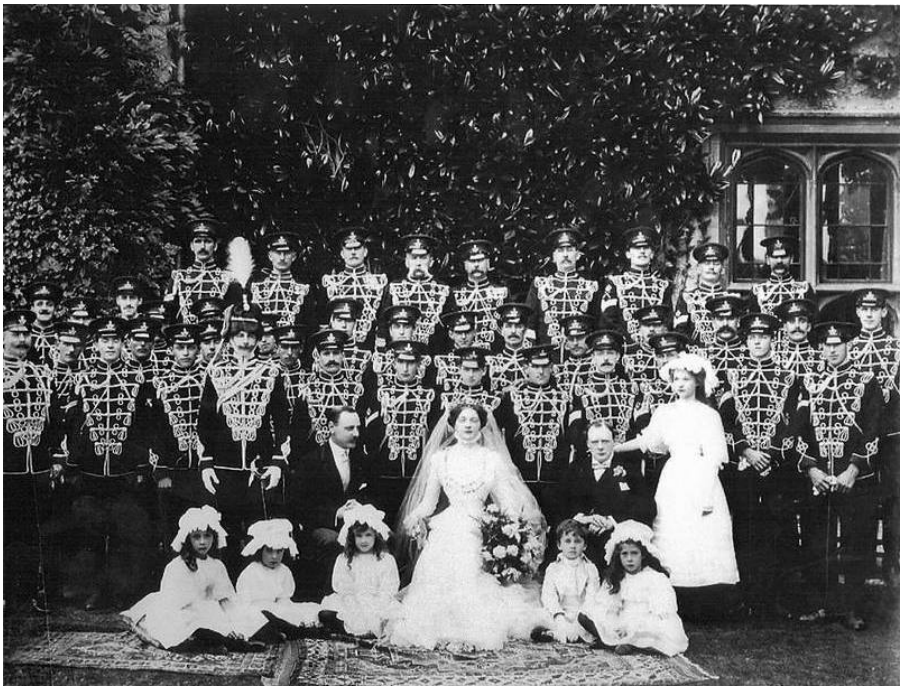
Уинстон и Джон (Джек) Спенсер-Черчилли в форме полка Южноафриканской легкой кавалерии во время участия во Второй англо-бурской войне, 1900 год. В первые годы войны они служили вместе.

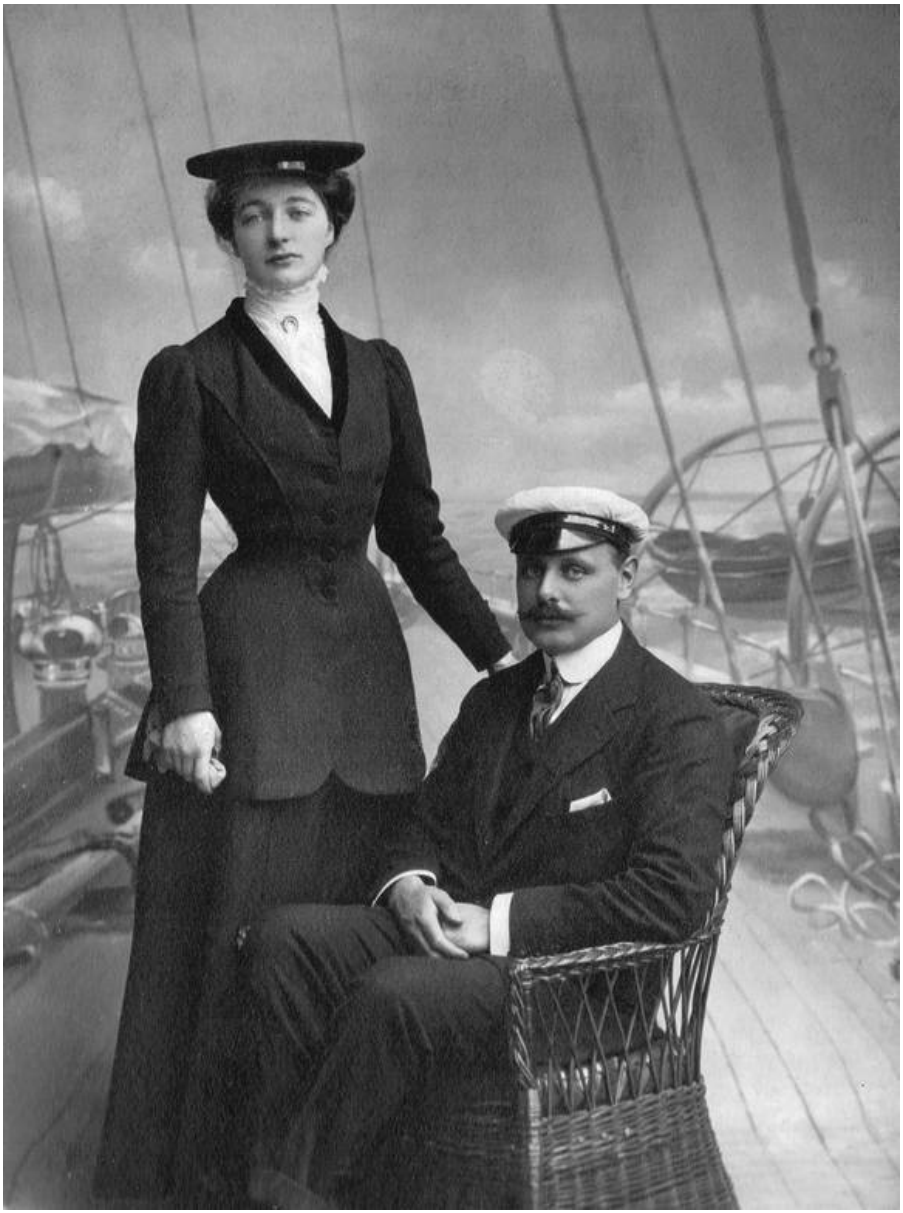
Лейтенант Джордж Корнуоллис-Вест, второй муж Дженни, в период их брака, 1900 год.

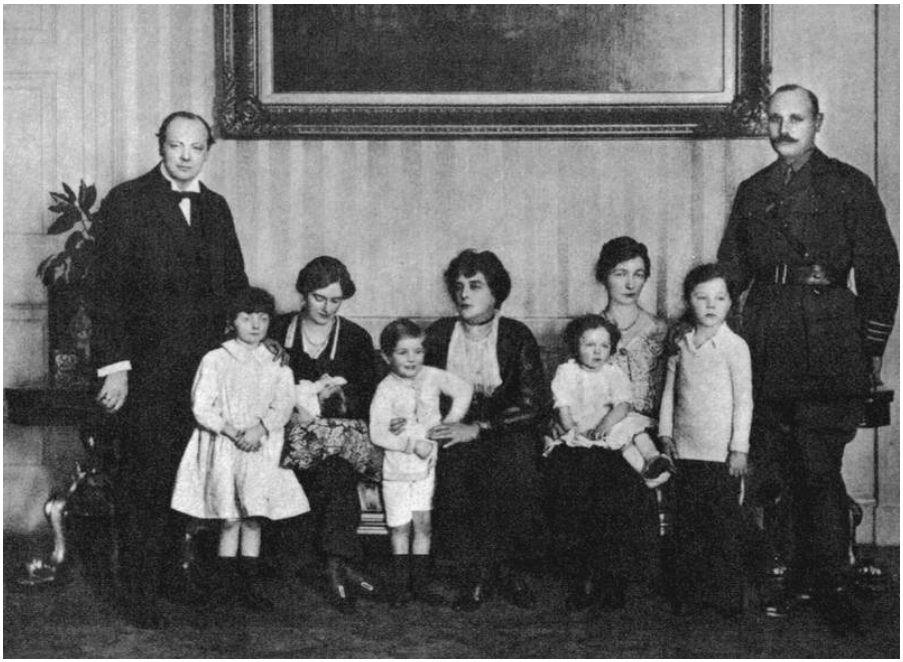
Слева направо: полковник 9-й герцог Мальборо, рыцарь благороднейшего ордена Подвязки, член Тайного совета (Чарльз «Санни» Спенсер-Черчилль), майор Виконт Черчилль, рыцарь Великого креста королевского Викторианского ордена (Виктор Спенсер), майор Уинстон Спенсер-Черчилль, член парламента; и майор Джон (Джек) Спенсер-Черчилль; снимок сделан во время учебных маневров полка Оксфордширских гусар, примерно в 1912 году.

Свадьба капитана Джона (Джека) Спенсер-Черчилля, в возрасте 28 лет, и леди Гвенделин Берти, в возрасте 23 лет; снимок сделан снаружи родового поместья невесты – Уайтхемское аббатство в Оксфордшире – 8 августа 1908 года. Уинстон был другом жениха на свадьбе. Полк Джека, Оксфордширские гусары (на заднем плане), выстроился почетным караулом возле церкви Святого Алоизиуса в Оксфорде. Фотография предоставлена авторам с любезного разрешения Его Сиятельства 11-го герцога Мальборо.

Капитан Джон (Джек) и леди Гвенделин (Гуни) Спенсер-Черчилль на отдыхе в круизе в год своей свадьбы, 1908 год.

Семья Черчиллей, 1914 год, снимок сделан в Адмиралтейском доме, в период пребывания Уинстона в должности Первого лорда Адмиралтейства. Слева направо: Уинстон Спенсер-Черчилль, его старшая дочь Диана, его жена Клементина (Клемми), с малолетней дочкой Сарой на коленях, его сын Рэндольф; далее сидя изображены – его мать Дженни и леди Гвенделин (Гуни) Спенсер-Черчилль с младшим годовалым сыном Перегрином на коленях; стоя изображены – ее старший пятилетний сын Джонни и майор Джон (Джек) Спенсер-Черчилль.

Штат сотрудников корабля-госпиталя *Мейн*; снимок сделан в подпалубных палатах в 1900 году. Слева направо: сидя изображены – сестра Руфь (мисс) Мэнли, леди Рэндольф Спенсер-Черчилль («сестра» Дженни), мисс Элеанор Уоррендер, сестра Сара (мисс) Маквин; стоя изображены – доктор Вебер, сестра Виргиния (мисс) Лудкинс, полковник Х.Ф. Дженсман – командующий кораблем, капитан Стоун, доктор Додж, сестра Маргарет (мисс) Макферсон.

Бленхеймский дворец, Вудсток, Оксфордшир, 1934 год

(родовое поместье 7-го герцога и герцогини Мальборо, родителей лорда Рэндольфа Спенсер-Черчилля). Дворец почти не изменился с момента первого приезда туда Дженни (в девичестве Джером), леди Рэндольф Спенсер-Черчилль, в качестве невесты в мае 1874 года.

У. Черчилль во время встречи с работницами завода в Джорджтауне недалеко от Глазго. 1918 г.

Уинстон Черчилль со своим сыном Рэндольфом и внуком Уинстоном. 195? г.

Внук У. Черчилля Уинстон Спенсер Черчилль на пресс-конференции в Лондоне. 1991 г.

Чартвелл, дом бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Англия. 2014 г.

notes

Примечания

1

Райан М. Кто великий человек? // «Парад», 16 июня 1996 г.

2

«Звездный час» (Finest Hour), журнал, издаваемый Центром Черчилля.

3

H. Lawrence, сотрудник «Центра экономической истории». Обменный курс между долларом США и британским фунтом стерлингов в 1791–2000 гг. EH.net (электронная сеть для экономических историков – интернет-ресурс, обслуживаемый Университетом в Майами и Университетом Уэйк Форест).

4

«Инфляция: стоимость фунта стерлингов в 1750–2001 гг.». Исследовательская работа Палаты общин 02/44, 11 июля 2002 г.

5

Королева Виктория имела несколько резиденций. Основным местом ее проживания был Букингемский дворец в Лондоне. Ей также принадлежали загородный дом Сандрингем-хаус в английском графстве Норфолк и замок Балморал в Шотландии.

6

Многие писатели, похоже, не уверены насчет цвета глаз Дженни. Неизвестный художник написал портрет Дженни с ее черно-белой фотографии с коричневой тональностью (сепии), которую он купил у профессионального фотографа. Это изумительный портрет, но поскольку художник никогда не встречался с Дженни, то он не знал цвета ее глаз и считал, что ее глаза янтарного цвета. Он отправил портрет Дженни, которая была очень довольна его усердной работой, учитывая, что он даже нарисовал букетик американского флердоранжа, приколотый к ее платью. Ей недостало смелости сказать ему, что ее глаза в действительности были серо-голубого цвета.

7

Памятная записка под названием «Ранние воспоминания», написанная Дженни, леди Рэндольф Черчилль, примерно в 1906 году, с подробностями ее первой встречи и начала романтических отношений с лордом Рэндольфом Черчиллем. Копия находится в документах Перегрина С. Черчилля; цитировалась в книге Jennie – Lady Randolf Churchill, под редакцией Перегрина Черчилля и Джулиана Митчелла (издательство William Collins, 1974 г.). S. 17–42, 269.

Jennie – Lady Randolf Churchill. S. 17–42, 269.

9

Jennie – Lady Randolf Churchill. S. 17–42, 269

10

CHAR (документы из архивов Черчилля) 28/112/8.

11

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

12

Jennie – Lady Randolf Churchill. S. 23–25.

13

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

Там же. С. 32.

15

Там же.

16

Там же. С. 61.

17

В письмах Дженни к Рэндольфу часто обсуждалась политическая обстановка как в Великобритании, так и в Париже, Франции.

18

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

19

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002. С. 35.

20

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем 2001/2002.

21

Там же, письма без дат между герцогом и лордом Рэндольфом, примерно середина октября 1873 г.; в политических кругах было известно, что вскоре должны были состояться всеобщие выборы в парламент.

22

Там же, телеграмма, отправленная примерно в начале ноября 1873 года.

23

Там же, письмо Дженни к Рэндольфу, 1 января 1874 г.

24

Тетя лорда Рэндольфа, жившая в Ирландии, тяжело заболела, и ему пришлось вместо этого отправиться к ней.

25

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем 2001/2002, письмо без даты, отправленное из Жокейского клуба в Нью-Йорке.

26

Leslie A. Jennie: The mother of Winston Churchill. 1992. S. 35; беседы с Перегрином Черчиллем 2001–2002 гг. о приданом Дженни.

27

Jennie… S. 28; копия также находится в документах Перегрина С. Черчилля.

28

Леди Кэмден, в прошлом леди Клементина Августа Спенсер-Черчилль, дочь 6-го герцога Мальборо.

29

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001.

30

Письмо без даты, примерно лето 1875 г., из частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

31

Письмо без даты, примерно осень 1876 г., CHAR 28/5/6

32

Там же. Письмо без даты, примерно октябрь 1875 г., из частных документов Перегрина С. Черчилля.

Jennie – Lady Randolf Churchill. S. 87-104.

Многие представители англо-ирландской аристократии и дворянства уже имели солидные дома или загородные усадьбы в Англии и посещали Ирландию только во время охотничьего и рыболовного сезона.

Cornwallis-West G. The Reminiscences of Lady Randolph Churchill. 1908. S. 103.

D'Abernon E. V. Portraits and Appreciations. 1931.

Churchill W. Lord Randolph Churchill, vol. 1. 1906. S. 66.

Там же. С. 82.

39

Выступление с речью в Палате общин в конце 1877 г. Там же. С. 82–83.

40

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем, 2001/2002.

41

Kinealy C. This Great Calamity: The Irish Famine, 1845–1852. 1995. В период между 1845 и 1852 гг., в годы «Великого голода», в Ирландии умерло от голода около одного миллиона человек и около миллиона человек эмигрировало, в основном в Америку.

42

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 110–111. Письмо герцогини Мальборо в газету The Times of London, 12 декабря 1879 г., с просьбой о сборе средств. Королева Виктория пожертвовала £500/$2750, а принц Уэльский – £250/$1373.

43

Bott A., Clephane I. Our Mothers. 1932. Содержание работных домов в викторианскую эпоху осуществлялось за счет собранных налогов. Безработные мужчины и женщины обращались в эти дома, если они теряли работу или жилье. Они выполняли там какую-нибудь черную работу, и за это их кормили один раз в день и предоставляли ночлег; иногда им приходилось спать в деревянных ящиках для хранения лука.

44

«Континентальная Британия» – этим термином обозначали Англию, Шотландию и Уэльс, находившихся на одном географическом материке; Ирландия отделена от них Ирландским морем.

45

Churchill W. Lord Randolph Churchill, vol. 1. S. 110–111. Фонд, организованный герцогиней Мальборо, продолжал существовать после отъезда Черчиллей из Ирландии.

Churchill W. Lord Randolph Churchill, vol. 1. 1966. S. 36–37.

47

Перегрин Черчилль рассказывал авторам этой книги, насколько сильно его родители ужасались нищете и убогости жизни ирландского народа.

48

В шестнадцатом и семнадцатом веках большинство земель в Ирландии было конфисковано британским правительством у ирландских землевладельцев-католиков во время колонизации Ирландии и предоставлено во владение британским поселенцам, которые были членами господствующих церквей (Англиканской церкви и Ирландской церкви).

49

Цит. по: *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. S. 90. Лорд Рэндольф выступал с речью на Выставке земледелия и садоводства в Вудстоке.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 90–91.

51

Чарльз Стюарт Парнелл был богатым англо-ирландским землевладельцем-протестантом, получившим образование в Магдаленском колледже в Кембридже, и был первым избран в британский парламент в качестве члена Лиги гомруля 21 апреля 1875 г. Он был сыном Джона Генри Парнелла и его жены-американки – Делии Тюдор Стюард, родом из Бордентауна в Нью-Джерси, которая была дочерью адмирала Чарльза Стюарда, отлично зарекомендовавшего себя на американском флоте; его отчимом был один из телохранителей Джорджа Вашингтона.

52

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 104, из письма к сэру Чарльзу Дилке, без даты, но написано в конце февраля 1878 года, так как Рэндольф сообщает о том, что будет в Лондоне 26 февраля.

Там же. С. 37.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 37.

55

Лорд Рэндольф в письме к Дженни, 23 декабря 1877 г., CHAR 28/5/117-118.

Цит. соч. *Churchill W.* My Early Life. 1930. S. 16–17.

57

Churchill W. My Early Life. S. 16–17. Фении, т. е. Фенианское братство и Братство Ирландской республики, были организациями в 19-м и 20-м веках, задачей которых было учреждение Республики Ирландии, независимой от Великобритании. Это движение возникло в Америке в 1858 году под руководством Джона О'Махони.

58

Там же. С. 16. Уинстон писал, что это произошло, так как им показалось, что они увидели «длинную мрачную процессию приближающихся фениев», и пони встрепенулся и начал «лягаться». Возможно, это была «Стрелковая бригада, выступающая в походном марше».

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 109–110.

Churchill W. My Early Life. S. 17–19.

61

Там же.

62

Там же.

Churchill W. My Early Life. S. 16–17.

Там же. С. 18–19.

65

Рукопись Перегрина С. Черчилля, датированная апрелем 2000 г., С. 5, из частного архива г-жи Перегрин С. Черчилль.

Эта семейная реликвия семьи Джеромов сначала отправилась с ними в Париж. Дженни привезла ее в Лондон для Уинстона, а затем взяла кресло с собой в Дублин. Джек и леди Гвенделин (Гуни) С. Черчилль пользовались им для всех своих троих детей. Перегрин получил его в наследство, и поскольку он был бездетным, то передал его после смерти в Бленхеймский дворец, где оно выставлено до сих пор в комнате, в которой родился Уинстон.

Churchill W. My Early Life. S. 19.

68

Точная дата переезда в новый дом неизвестна, но в письме Дженни к Леони на именном бланке с этим адресом стоит дата 30 мая 1880 года.

69

Цит. по: *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. S. 118. Консерваторы сошли вниз с 351 места до 237, либералы поднялись вверх с 250 мест до 353 (абсолютное большинство), а Ирландская партия гомруля во главе с Парнеллом (переименованная в 1882 году в Ирландскую парламентскую партию) продвинулась с 51 места до 62. Уильям Глэдстоун стал премьер-министром.

Там же. С. 118.

71

Чарльз Брэдлоу был вынужден уйти в отставку и бороться за свое место в избирательном округе четыре раза подряд. Каждый раз он выходил победителем, и это объясняет причину использования иной редакции текста для его присяги при вступлении в члены парламента.

James R. The British Revolution – British Politics, 1880–1939. 1976. W.H. Smith был членом кабинета министров (1885–1886 гг.), и лидером Палаты общин (1887–1891 гг.); глава сети магазинов по розничной торговле периодикой W.H. Smith Newsagents.

73

Ruegg A. A Treatise Upon the Employers' Liability Act, 1880. 1901, chap. 2. Проект «Закона об ответственности работодателя» обсуждался в Палате общин с 1877 г. и в июле 1879 г. был снят с повестки дня. Правительство вновь приступило к его обсуждению в Палате общин в 1880 г., и он вступил в силу в январе 1881 г., получив статус закона.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 135–144.

75

Бенджамин Дизраэли (1804–1881 гг.) избирался премьер-министром дважды; во время второго срока службы 1874–1880 гг. его возвели в звание пэра, присвоив титул 1-го графа Беконсфильдского, 1876 г. «Лига подснежника» была названа в честь его любимого цветка.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 55.

77

Аристократия имела возможность покупать ложи в театрах. Ложи находились на верхних ярусах и были отгорожены сзади и по бокам от других зрителей. Вход в ложу был с задней стороны. Дженни имела в виду, что один из ее богатых друзей предложил ей воспользоваться его/ее ложей бесплатно.

Leslie A. Jennie… S. 70.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 189–190.

O’Brien R. B. The Life of Charles Stewart Parnell, 1846–1891. 1900.

Leslie A. Jennie… S. 77–78.

Woolf H.D. Rambling Recollections. 1908.

83

Дневник Дженни, в который она вносила записи в 1882 году, находится в частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Ward E.M. Reminiscences. 1911.

Нам не удалось отыскать ни одного из рисунков, сделанных Дженни. Существует прекрасный портрет Рэндольфа, выставленный для публики в студии Уинстона в Чартвелл-хаус, в Вестереме, графстве Кент. В настоящее время он принадлежит Национальному обществу по охране памятников истории. Перегрин полагал, что он принадлежит кисти Дженни. В Ирландии она продала несколько своих работ, и, по нашему мнению, некоторые из них могли сохраниться как в Ирландии, так и в Америке. Нет официальной информации о том, писала ли Дженни портреты кого-либо из своих сыновей. Где-то в Америке существует одна из ее работ, поскольку сохранилась фотография с изображением этой работы, с подписью: «Выполнено маслом, автор – Дженни Джером, мать Уинстона Черчилля – г. Помпи, штат Нью-Йорк, 1863 г.» – что, возможно, означает, что это копия другой картины, написанной в тот период. На картине изображены два маленьких домика или лачуги, приютившиеся над берегом реки с зеленой травой; на реке виднеется небольшая лодка.

86

Сэр Оскар Клейтон (1816–1892 гг.); получил образование в Университетском колледже и приобрел опыт работы в больнице графства Мидлсекс; экстраординарный хирург принца Уэльского (в дальнейшем короля Эдуарда VII) и его жены, принцессы Александры, и их детей; специалист по брюшному тифу; в 1882 году ему было присвоено дворянское звание рыцаря. См.: Британский медицинский журнал, 30 января 1892 г.

87

Рукописный дневник Дженни, в который она вносила записи в 1882 году, из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Sandys C. From Winston With Love and Kisses. 1994. S. 39.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 225–227.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. S. 314–316.

91

Robert Arthur Talbot Gascoyne-Cecil, 3-й маркиз Сэлисбери (известен под именем лорд Сэлисбери) (1830–1903 гг.); премьер-министр в следующие периоды: 1885 г. – февраль 1886 г.; 1886 г. – август 1892 г.; 1895 г. – июль 1902 г.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. 1966. S. 48–49.

93

Сэр Фрэнсис Лэкинг (1847–1914 гг.); ординарный хирург и фармацевт королевы Виктории; лечащий врач-ординатор принца Уэльского.

94

Сэр Уильям Уитни Галл, 1-й баронет (1816–1890 гг.); занимался лечением принца Уэльского во время его болезни брюшным тифом в 1871 году.

95

Письма лорда Рэндольфа С. Черчилля находятся в частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль, и ей же принадлежит авторское право на них.

Письма лорда Рэндольфа С. Черчилля находятся в частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль, и ей же принадлежит авторское право на них.

Там же.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. S. 53–55.

Woolf V. Roger Fry. 1940.

100

Churchill W. My Early Life. S. 25–26; в своей автобиографии Уинстон Черчилль изменил название школы, в которой он учился, на Сейнт-Джеймс.

101

Лорд Рэндольф обладал так называемой в наше время фотографической памятью.

102

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

103

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

104

В Черчилльских архивах при университете в Кембридже хранится около двухсот писем и кратких записок принца Уэльского к Дженни.

105

Анита Лесли признавала, что она не уверена, существовали ли глубоко интимные отношения между Дженни и принцем Уэльским. Их роман (подробности далее в главе 9) имел место в Лондоне, и поскольку Леони (сестра Дженни и бабушка Аниты) жила в Ирландии, то, возможно, ей не было известно о нем. Анита подтверждает, что она не занималась глубоким исследованием этого вопроса. См.: *Leslie A.* The Marlborough House Set. 1973. S. 159.

106

Перегрин С. Черчилль поведал авторам, что Дженни вступила в серьезные отношения с графом Кински после того, как он выиграл Большие Национальные Скачки (The Grand National) в 1883 г.

107

Перегрин С. Черчилль.

Leslie A. Edwardians in Love. 1974. S. 13–14.

109

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

110

Перегрин С. Черчилль.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 149.

112

Там же.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. S. 50–51.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 245–250, 273.

115

Существует обычай ваять статую каждого британского премьер-министра; все они размещены в центральном зале Вестминстерского дворца.

116

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 256–261. Количество членов превысило 1,7 миллиона в 1906 г.

117

Отчет об успеваемости Уинстона из школы Сейнт Джордж; Черчилльские архивы, Кембриджский университет.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. S. 48–50.

119

Письма Уинстона С. Черчилля находятся в Черчилльских архивах. Многие из его детских писем приведены в книге Силии Сандис. См.: Sandys C. From Winston With Love and Kisses. 1994.

Sandys C. From Winston With Love. S. 49.

121

Отчет об успеваемости Уинстона из школы Сейнт Джордж; Черчилльские архивы, Кембриджский университет.

122

Там же.

Baring M. The Puppet Show of Memory. 1922.

124

Письмо доктора Робсона Руза к лорду Рэндольфу Черчиллю, 15 марта 1886 г.; копия находится в частной коллекции Перегрина С. Черчилля; оригинал – в документах Перегрина С. Черчилля, в частном владении его вдовы.

125

Было не принято, чтобы подготовительной школой для мальчиков руководили или владели женщины. В подавляющем большинстве ими управляли мужчины, и все преподаватели были мужского пола.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 62.

127

Копия письма находится в частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 130.

129

Существует несколько вариантов написания имени короля Тибо (King Theebaw); мы использовали вариант, принятый в викторианскую эпоху

130

Копия находится в частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

131

К сожалению, она пропала во время кражи в доме. Она сделала с нее миниатюру, которую передала Джеку, и позднее она досталась Перегрину.

132

Уинстон к Дженни, без даты [лето 1885 г.], CHAR.

133

Уинстон к Дженни, 2 сентября 1885 г., CHAR.

134

Сохранились письма лорда Рэндольфа к Уинстону и Джеку, в которых его подпись была вырезана.

135

Представители духовенства католической церкви получали образование в английских публичных школах, были консерваторами и абсолютно преданными подданными британского правительства.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 64.

137

Точная дата неизвестна, так как школьные записи не сохранились.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 73.

139

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 79.

140

Копия находится в частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

141

Черчилльские архивы, Кембриджский университет.

142

Лорд Хартингтон (в дальнейшем герцог Девонширский) и Джозеф Чемберлен из либерально-юнионистской партии сформировали политический союз с консерваторами, выступая против законопроекта по ирландскому гомрулю.

143

Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 142–143.

144

Письмо, написанное Френсис, герцогиней Мальборо, в октябре 1886 г. к леди Рэндольф С. Черчилль. Письма герцогини Мальборо находятся в Черчилльских архивах при Кембриджском университете.

145

Письмо без даты от Леони Лесли к ее сестре Кларе Фревен, осень 1886 г. Цит. по: *Leslie A.* Edwardians in Love. S. 198.

146

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. Одной из его других «возлюбленных» была любовница принца Уэльского – Френсис, графиня Уорвикская (Дейзи).

147

Mather J.H. Lord Randolph Churchill: Maladies et Morte // Einest Hour. № 93. 1996–1997. S. 23–28; копия находится в Черчилльских архивах, веб-сайт, Кембриджский университет. CHAR.

Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 147–148.

149

Там же. S. 149.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 182–185.

Sandys C. From Winston With Love and Kisses. S. 185.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 171–172.

153

Там же. С. 238–240.

154

Leslie A. Jennie: The Mother of Winston Churchill. S. 174–175; Вдовствующая герцогиня Мальборо к лорду Сэлисбери, 26 января 1895 г., в письмах Мальборо, CHAR.

155

Роберт Артур Талбо Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Сэлисбери (известен как лорд Сэлисбери) (1830–1903 гг.); премьер-министр в следующие периоды: 1885 г. – февраль 1886 г.; 1886 г. – август 1892 г.; 1895 г. – июль 1902 г.

Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 156–157.

Leslie A. Jennie… S. 116–117.

158

Дженни к Рэндольфу, 15 февраля 1887 г., копия в частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

159

Leslie A. Jennie… S. 121–122; Дженни к сестре Леони (Sniffy), без даты, но поскольку речь идет о приготовлениях к 3 марта, то, должно быть, оно было написано в феврале 1887 г.

Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 162.

161

Неделя Каус – самая продолжительная регулярная регата в мире. (Прим, ред.)

162

Лорд Рэндольф к вдовствующей герцогине, 12 августа 1887 г., копия в частной коллекции Перегрина С. Черчилля. Г-жа Перегрин Черчилль передала булавку для галстука, вместе с другими ценными вещами Джека, в пользование Национальному армейскому музею в Лондоне.

163

Копия в частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 223–225.

165

Там же. С. 229–230.

166

Письмо, написанное вдовствующей герцогиней Мальборо, 27 декабря 1887 г.; письма Уинстона к матери, 26 и 30 декабря, 1887 г. Сэр Генри Райдер Хаггард, Рыцарь-Командор Ордена Британской империи (KBE) (1856–1925 гг.), написал очень много приключенческих романов, действие в которых происходило, как правило, в Южной Африке.

Leslie A. Jennie… S. 128–130.

Там же. С. 130–131.

169

Martin R.G. Lady Randolph Churchill. Vol. 1. 1974. S. 226.

170

Письмо Уинстона к отцу, 6 марта 1888 г.: «Я последую твоему совету и займусь сначала наиболее выигрышными вопросами, а затем остальными».

171

Churchill W. My Early Life. S. 29–31.

172

Во время учебы Уинстона в Хэрроу там существовало много различных учебных зданий. Мальчики учились в зданиях с такими именами, как Традиционная школа (Old Schools), Отдел классики (Classics Department), Школа искусств (Art School), Музыкальная школа (Music School) и Воганская библиотека (Vaughan Library). Информация получена от г-жи Риты Босвелл-Гиббс, архивариуса публичной школы Хэрроу, август 2009 г.

Аббатка выиграла скачки на приз Portland Plate (£775); в ноябре 1889 г. Она победила в скачках в Эпсоме на приз Oaks (£2600) и в 1890 г. выиграла Манчестерский кубок (£2200) и скачки в заезде Hardwicke Stakes. Общая сумма призов дошла до $26 760.

В Хэрроу мальчики были распределены на учебу в колледжи, в каждом из которых обучалось от семидесяти до девяноста студентов. Они продвигались из колледжа в колледж, в которых имелось несколько академических классов.

175

В настоящее время называется Королевская военная академия в Сандхерсте, Кемберли, графство Суррей.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 396–397.

177

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002. Точная дата не сохранилась.

Leslie A. Edwardians in Love. S. 65–66; 285.

179

Термин «remove» используется в английских публичных школах в значении «перевод в другой класс». Его другое значение – короткие каникулы.

Черчилльские архивы, Кембриджский университет.

181

К сожалению, сохранилось только два письма г-жи Эверест к Уинстону.

182

Джек Черчилль получил по наследству призы, завоеванные его отцом на скачках; он передал Манчестерский кубок в дар Королевскому Яхт-клубу в Дорсете, а другие призы – в Музей Виктории и Альберта в Лондоне.

183

В школе Хэрроу не сохранилось никаких документов, демонстрирующих систему присвоения оценок учителями за классную работу. Сохранились только используемые ими тестовые таблицы на больших листах бумаги, где указывалось количество учеников в классе и место каждого ученика по успеваемости, но нет информации о полученных баллах по каждому предмету или по всем предметам. (Источник: Г-жа Рита Босвелл-Гиббс, архивариус публичной школы Хэрроу, август 2009 г.). На экзаменах, однако, по каждому предмету присваивались максимальные баллы. В результатах экзамена Уинстона за июнь 1892 г. указаны максимально возможные баллы, такие как: латинский – 2000 баллов, математика – 2500 баллов, эссе – 500 баллов, и т. д. (См.: *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 270.) Результаты экзаменов Джека оценивались таким же образом.

184

Это относится к несчастному случаю, который произошел с Джеком в доме герцогини Лили в Дипдене, Доркинг. Один из гостей выпустил своего рода ракету и поранил Джеку глаз. После этого Джеку пришлось какое-то время носить очки, но это не помешало ему в дальнейшем пойти на военную службу.

185

Дом Астора, Кливден-хаус в Тэплоу, графстве Букингемшир, огромный особняк, сохранившийся по сей день и открытый для свободного посещения публики.

186

Черчилльские архивы: Ref: CHAR 28/10/20.

187

Когда в 1882 году Чарльз Стюарт Парнелл принял на себя руководство партией гомруля – от политика умеренных взглядов – Исаака Батта, дублинского судебного адвоката, – то он переименовал ее в Ирландскую парламентскую партию. Некоторые историки называют ее также Ирландской лигой гомруля.

188

Парнелл, неженатый человек, имел загородную усадьбу Авондейл в графстве Уиклоу в Ирландии, которая в настоящее время открыта для свободного доступа публики. Начиная с 1880 года Парнелл имел любовную связь с г-жой Китти О'Шеа, которая жила отдельно от мужа. Китти была дочерью сэра Джона Пейджа Вуда, 2-го баронета. Ее братом был фельдмаршал сэр Ивлин Вуд. Китти принадлежала к либеральной партии и выступала в качестве звена между Парнеллом и Глэдстоуном во время переговоров по первому варианту законопроекта о гомруле, обсуждаемого в апреле 1886 года. Летом того года Парнелл переехал жить в дом Китти в Элтаме, на юго-востоке Лондона. У них было трое детей, и в 1891 году, после ее развода с мужем, они поженились. Здоровье Парнелла пошатнулось, и он умер немногим менее четырёх месяцев спустя после свадьбы, в октябре того года, в возрасте сорока пяти лет.

189

Г-жа Елизавета Эверест к леди Рэндольф Черчилль, письмо подписано Покорная слуга Вашей Светлости. Из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Churchill R. Men, Mines, and Animals in South Africa. 1895.

191

Searle G.R. A New Oxford History of England: A New England Peace And War 1886–1918. 1999. S. 155–156.

192

Там же.

193

Ref: CHAR, MARB 1/15. Рэндольф Черчилль к вдовствующей герцогине Мальборо, 14 января 1892 г. Колледж Черчилля, Кембридж.

194

Уинстон к своей матери, Дженни, 16 марта 1892 г.; копия находится в частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

Foster R.F. Lord Randolph Churchill. 1981. S. 350.

196

Старый друг лорда Рэндольфа, лорд Розбери, член кабинета министров либерального правительства, позднее премьер-министр либерального правительства (1894 г.), по просьбе вдовствующей герцогини Мальборо написал биографию лорда Рэндольфа. См.: *Rosebery A.* Lord Randolph Churchill. 1906.

Churchill W. My Early Life. S. 45.

198

Там же.

199

Луис Мориарти к Уинстону С. Черчиллю. Цит. по: *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 336–337.

200

Из манускрипта Перегрина С. Черчилля, в частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

201

Многие фотографии, используемые в настоящее время в книгах и газетных статьях о семье Черчиллей, были выполнены Джеком Черчиллем. Он делал снимки на память, особенно много фотографируя свою жену, леди Гвенделин (Гуни), и их детей – Джона Джорджа, Перегрина и Клариссу, а также Уинстона и его семью. Он также создавал фильмы для домашнего показа об их отдыхе и поездках за границу.

202

Доктор Руз к лорду Рэндольфу Черчиллю, 22 октября 1892 г., приводится диагноз д-ра Томаса Кита. Цит. по: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 343.

203

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 350. Отчет из газеты The Times, 11 января 1893 г.

Матер Дж. Х. Сэр Уинстон Черчилль: его стойкость и выносливость (Доклад). // 14-я Ежегодная международная конференция Черчилльского общества. Торонто. 1997.

205

Ф.С. Сэрл к Уинстону С. Черчиллю, 3 марта 1893 г. Цит. по: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. l.S. 370.

206

Капитан Уолтер Генри Джеймс к лорду Рэндольфу. Там же. С. 371.

Warwick F. Afterthoughts. 1931.

208

См. Bishop of St. Asaph, A Handbook on Welsh Church Defence, апрель 1894 г. (Епископы английской церкви выступали против законопроекта.) См. также Hansard, 23 февраля 1893 г., Т. 9. С. 204–287 – парламентские дебаты.

209

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 466–467.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 380–381.

211

Переписка между Дж. Литтл и лордом Рэндольфом Черчиллем, 7 и 19 августа 1893 г. См.: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 388, 396.

212

Дж. Литтл к лорду Рэндольфу, 7 августа 1893 г. из гостиницы Швайцерхоф в Луцерне, с сообщением о том, что Уинстон и Джек ходили кататься на лодке по озеру накануне в пятницу. См.: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 388.

213

Churchill W. My Early Life. S. 50–52.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 195.

215

Лорд Рэндольф Черчилль к Френсис, герцогине Мальборо, 3 сентября 1893 г. Цит. по: *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 205.

216

Фельдмаршал Фредерик Слей Робертс (1832–1914 гг.), 1-й граф Кандахарский, один из наиболее успешных главнокомандующих армией в викторианскую эпоху, известен также под именем Бобе.

217

Арчибальд Филип Примроуз, 5-й граф Розбери (1847–1951 гг.), был британским государственным деятелем, членом либеральной партии, также известен под именем лорд Далмени (1851–1868 гг.); служил в должности премьер-министра с 5 марта 1894 г. по 22 июня 1895 г.

Morley J. Recollections. 1917.

219

См. послесловие авторов.

Churchill W. My Early Life. S. 62–63.

221

Доктор Томас Кит, специалист по опухолевым заболеваниям, занимался лечением Дженни в октябре 1892 года, когда у нее была найдено опухолевое образование на матке.

222

Вырезка из газеты New York Times, без даты, в документах Перегрина С. Черчилля; письмо Джека Черчилля к своей матери, 17 июля 1894 г., в котором говорится, что он узнал от Уинстона, что их мать употребляет много американских спиртных напитков. На страницах Интернета, а также в журнальных статьях было много рассуждений о том, действительно ли Дженни изобрела рецепт Манхэттенского коктейля, но везде приводится неверная дата, 1874 год, вместо 1894 года, и это вызвало замешательство; Дженни не находилась в Соединенных Штатах Америки в 1874 году, год ее свадьбы с лордом Рэндольфом.

223

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

224

Медицинские записи д-ра Томаса Кита, копия находится в документах Перегрина С. Черчилля. Также см.: *Mather J.H* Lord Randolph Churchill… S.23–28; копия находится на веб-сайте Черчилльских архивов, Кембриджский университет. Д-р Матер пришел к заключению, что это была болезнь Рейно, серьезное заболевание, которому могут быть подвержены заядлые курильщики.

225

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

226

Копия находится в частной коллекции Перегрина С. Черчилля; оригинал – в Национальной библиотеке Ирландии, в Дублине.

227

Неизвестно, кто первым сообщил Дженни новости о помолвке графа Кински, но из писем следует, что ей стало это известно примерно в августе 1894 года. Возможно, она узнала это из газеты Times.

228

Копия письма от д-ра Томаса Кита к Корнелии, леди Уимборн, в документах Перегрина С. Чер чилля.

229

Цит. по: Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 168–169.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 484.

Leslie A. Jennie…

Churchill W. My Early Life. S. 76.

233

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 464–465.

Foster R.F. Lord Randolph Churchill. 1906.

235

8-й герцог Девонширский.

Из трех опекунов одного уже не было в живых. Лорд Курзон Кедлстонский, друг семьи Черчиллей и бывший вице-король Индии, был единственным опекуном. Он не вмешивался в дела семьи. Всеми делами заведовала Дженни.

237

Собственность в Нью-Йорке, оставленная Дженни ее отцом; это был изначально особняк Джеромов на Мэдисон-сквер. Его сдавали в аренду под клуб.

238

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. Он занимался финансовыми делами своей семьи, а также был исполнителем завещания своего отца, следовательно, он имел доступ к инвестиционному фонду и фонду доверительного управления лорда Рэндольфа.

239

Принц имеет в виду тот день, когда лорд Рэндольф приказал ему покинуть его дом, так как он обнаружил его наедине с Дженни.

Leslie A. Jennie… S. 184–185.

241

Там же.

242

Черчилльские архивы, Кембридж. Принц Уэльский почти никогда не ставил дату на своих письмах к Дженни, но она хранила все конверты, на которых стоял штамп с датой.

243

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

Двести писем и кратких записок от принца к Дженни хранятся в Черчиллских архивах в колледже Черчилля, Кембридже.

245

Анита Лесли, цит. соч.; письма и документы семьи Лесли хранятся в Национальной ирландской библиотеке.

246

Кливден-хаус приобрел известность как место, где пресловутая высококлассная проститутка, Кристин Килер, в июле 1961 года соблазнила Джона Профумо, британского военного министра-консерватора. Одновременно с этим Килер вела интимную связь с Евгением Ивановым, военно-морским атташе при советском посольстве.

247

Цит. по: *Martin R.G.* Lady Randolph Churchill. Vol. 2. 1974. S. 84–85.

Martin R.G. Lady Randolph Churchill. Vol. 2. 1974. S. 84–85.

249

Там же.

250

Герцогиня Лили, вдова 8-го герцога Мальборо (Блэндфорда), вышла замуж в третий раз за лорда Уильяма де ла Пера Бересдорфа (1847–1900 гг.), и они жили в Дипдене, Доркинге.

Churchill W. My Early Life.

252

Дженни привезла с собой рулоны материала, которые она купила в Японии во время кругосветного путешествия с Рэндольфом в 1894 г.

253

Дженни, возможно, была единственной любовницей принца, которую журналисты сфотографировали рядом с ним у всех на виду Несмотря на то, что Элис Кеппель позднее сопровождала его в поездках во Францию и Германию, она шла позади него в нескольких шагах, и журналисты «убирали» ее с фотографий с помощью ретуши.

Churchill W. My Early Life.

Leslie A. Jennie… S. 214.

Там же.

257

Magnus P. King Edward VII. 1964. S. 260. Магнус говорит, что Элис Кеппель впервые развлекала короля за обедом в своем доме 27 февраля 1898 года.

258

Уинстон написал роман под названием «Саврола» и попросил Гамильтона доставить рукописный экземпляр в Англию. Гамильтон должным образом доставил этот роман Дженни, с просьбой организовать его публикацию.

259

Запись в дневнике от 15 августа 1915 г., в которой Джин, леди Гамильтон, вспоминает свои ранние годы. Дневники являются частной собственностью внучатого племянника генерала – г-на Иана Гамильтона.

260

Согласно Джорджу Корнуоллис-Весту, он впервые встретился с Дженни на балу в доме герцогини Девонширской в июле, но его письма к Дженни имеют более ранние даты того года. Возможно, он не хотел сообщать обществу, что Дженни навещала его в месте размещения армейских офицеров. См.: *Cornwallis-West G.* Edwardian Hey-Days. 1930. S. 101.

Coates T. Patsy: The Story of Mary Cornwallis-West. 2003.

Cornwallis-West G. Edwardian Hey-Days. 1930.

263

Письма Джорджа Корнуоллис-Веста к Дженни хранятся в Черчилльских архивах в Кембридже.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 255.

265

Уинстон С. Черчилль к Дженни, 10 ноября 1895 г. Там же.

266

Уинстон С. Черчилль к Дженни, 15 ноября 1895 г. Там же.

McMenamin M., Zoller C. Becoming Winston Churchill.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 604–624; Churchill W. My Early Life. S. 88.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 677–678.

270

Уинстон С. Черчилль к Бурку Кокрену, 12 апреля 1896 г. Цит. по: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. l.S. 668–669.

Churchill W. My Early Life. S. 275–276.

272

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

273

Уинстон С. Черчилль к Дженни Черчилль, 7 января 1897 г. Цит. по: *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 296.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 696–697.

Там же. S. 701–702.

276

Д-р Уэлдон к Джеку Черчиллю, 20, 24, 25 января 1895 г.; 29 мая 1896 г.; 2, 9, 19 февраля 1897 г.; письма находятся в частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Colville J. Winston Churchill and His Inner Circle. 1981.

Цит. по: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 288.

279

Охотник за медалями – это солдат, заинтересованный в получении медалей за отвагу или подобных им, для демонстрирования своей доблести, или, в случае с Уинстоном Черчиллем, для продвижения своей политической карьеры с помощью газетных репортажей о его героических достижениях.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 720–721.

281

Уинстон С. Черчилль к Дженни. См.: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 726–738.

282

Сесил Роудс, бизнесмен, родившийся в Англии, страстно верящий в колониализм и империализм. Его именем названо основанное им государство Родезия, которое, после получения независимости, было переименовано в Зимбабве.

283

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. См. также: *Churchill R.S.* Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 306–307.

284

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001 г.

D'Lugio D., Rogowski R. The British Parallel: The Conservatives Near-Defeat, in The Domestic Basis of Grand Strategy. 1993. S. 84.

Там же. С. 84.

Письма от д-ра Уэлдона, цитаты из которых приведены в этой книге, находятся в частном владении у г-жи Перегрин С. Черчилль.

288

Дженни к Уинстону, 5 марта 1897 г. В письме она пишет: «800 в год уходит на вас двоих, мальчики». Сумма содержания, получаемого Уинстоном от Дженни, составляла £500/ $2400 в год; письмо находится в частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

289

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

290

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 866. Дженни к Уинстону, 13 января 1898 г., объясняя эти приготовления. С. 866–867.

291

Magnus P. King Edward VIL

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 859.

293

Дженни к Уинстону, 23 января 1898 г.

294

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

295

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

Martin R.G. Lady Randolph Churchill. Vol. 1. S. 174; см. также заголовки газеты New York Times от 4 августа 1899 г.

297

Martin R.G. Lady Randolph Churchill. Vol. 1. S. 176; опровержение Уинстона Черчилля, New York Times, 5 августа 1899 г.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 988–989.

299

Там же. S. 424–425.

300

Дневники Джин, леди Гамильтон, 15 апреля 1902 г., с воспоминаниями о прежних временах.

301

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 1022–1023.

302

Мэри была дочерью Леви Зиглера (Levi Zeigler), чикагского миллионера и соучредителя универмага Field & Leiter, в настоящее время – Marshall Field.

303

Первая часть истории взята из книги: Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 361–362.

Большая часть информации о работе леди Рэндольф Черчилль в Англосаксонском обозрении было взято из частных документов ее внука – покойного Перегрина С. Черчилля; все эти документы находятся в частном владении его вдовы.

Harding M.D. Air-Bird in the Water: The Life and Works of Pearl Craigie (John Oliver Hobbes). 1996.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 367.

Там же. С. 372–373.

Там же. С. 367.

309

Короли: Чарльз I, Чарльз II, Генри VIII и т. д.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 362.

311

Часть копии письма Дженни к Бурку Кокрену; из документов Перегрина С. Черчилля.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 363.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 997–998.

314

Дженни к сыну – Джеку Черчиллю, первая неделя февраля 1899 г.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 1018.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 442–443.

317

Там же.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 363.

319

Записи из документов Перегрина С. Черчилля.

320

Джорджиана, герцогиня Девонширская (1757–1806 гг.), даже тогда была исторической фигурой. Урожденная Джорджиана Спенсер, она была родственницей покойной Дианы, принцессы Уэльской. Недавно снятый фильм, в котором главную роль играла Кира Найтли, посвящен именно этой Джорджиане.

John A. У Elizabeth Robins: Staging a Life, 1862–1952. 1995.

Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 185.

323

Вырезки из периодической печати, без дат; из документов Перегрина С. Черчилля.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 380–381.

Право пользования копией «Англосаксонского обозрения» с любезного разрешения Рэндольфа Черчилля.

Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 223–224.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 366.

Цит. по: *Martin R.G.* Lady Randolph Churchill. Vol. 2. S. 393.

329

Большая часть информации при описании работы леди Рэндольф Черчилль на борту корабля Maine была взята из документации ее правнука, покойного Перегрина С. Черчилля; все его документы находятся в частном владении его вдовы.

330

Членами исполнительного комитета были: Дженни – председатель, г-жа Адаир – зампредседателя, г-жа Блоу – почетный секретарь, г-жа Фэнни Роналдс – казначей, Адель, леди Эссекс, г-жа Гриффитс, г-жа Ван Дузер, г-жа Леони Лесли, г-жа Артур Пагет, г-жа Клара Фревен, г-жа Халдеман и г-жа Филд. См.: *Cornwallis-West G.* The Reminiscences… S. 400.

331

Там же. С. 396.

Там же. С. 402.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… C. 399–460.

Там же. С. 400.

335

Вырезки из периодической печати, из документов Перегрина С. Черчилля.

Leslie A. Jennie: The Mother of Winston Churchill.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 1142–1143.

338

Письмо леди Рэндольф Черчилль к Его Королевскому Величеству принцу Уэльскому, 19 января 1900 г.; Королевские архивы, Виндзорский замок, Беркшир (ref. RA VIC/MAIN/W/60/46). С любезного разрешения Ее Величества королевы Елизаветы II.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 423–437.

Цит. по: *Martin R.G.* Lady Randolph Churchill. 1974.

341

Цит. по: *Sandys C.* From Winston With Love and Kisses. 1994.

Churchill W. My Early Life. 1930.

343

Письмо леди Рэндольф Черчилль к Его Королевскому Величеству принцу Уэльскому, 3 марта 1900 г.; Королевские архивы, Виндзорский замок, Беркшир (ref. RA VIC/MAIN/W/60/107). С любезного разрешения Ее Величества королевы Елизаветы II.

344

Письмо Джека Черчилля к его тете – Кларе Фревен, 27 марта 1900 г.

345

Королевские архивы, Виндзорский замок, Беркшир (Ref. RA VIC/MAIN/WE/60/122).

346

Статья из газеты *Daily Mail*, 24 апреля 1900 г.; вырезка из газеты в частных документах Перегрина С. Черчилля.

347

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

348

Англосаксонское обозрение, декабрь 1900 г., выпуск 8, С. 237–238, Впечатления и мнения.

Churchill W. The River War. 1899.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 444.

351

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 1032–1033.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 1033.

Там же. С. 1035–1036.

Там же. С. 447–448.

Там же. С. 1035.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. C. 455.

357

Там же. С. 448.

Там же. С. 1040–1041.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 477.

Там же. С. 476.

361

Телеграмма, датированная 22 декабря 1899 г., от Памелы Плоуден к леди Рэндольф Черчилль, отправлена из Рейгейта; *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 1093.

См. *Churchill W.* London to Ladysmith via Pretoria. 1900; Churchill W. My Early Life. 1930; Sandys C. Churchill, Wanted Dead or Alive. 1999.

363

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем 2001/2002. Письма с подобным содержанием не сохранились.

364

Письмо Буллера к леди Лондондерри, родственнице вдовствующей герцогини Мальборо, дочери лорда Лондондерри, Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 506.

365

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 507. Уинстон писал матери, подтверждая свое назначение, 6 января 1900 г.

Там же. С. 508.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 1143–1144.

368

Уинстон к Памеле из Правительственного дома в Натале; *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. l.S. 509–511; 1146–1147.

369

Пуля, ранившая Джека, была окантована и прикреплена к небольшой цепочке; ее хранили как сувенир. Она была подарена Национальному армейскому музею в Лондоне г-жой Перегрин С. Черчилль, женой сына Джека. Недавно пуля была выставлена в Военном кабинете (бункере).

Griffith K. Thank God We Kept the Flag Flying. 1974. S. 344.

Leslie A. Jennie: The Mother of Winston Churchill.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 514.

373

Уинстон к Памеле из предместья Коленсо. См.: *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 1151–1152.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 524.

Churchill W. Ian Hamilton's March. 1900.

376

Джек Черчилль к леди Рэндольф, 3 апреля 1900 г., CHAR 28/32/1, Черчиллльский колледж, Кембридж.

377

Дженни к Уинстону, письмо отправлено из дома по адресу: 35А Грейт Камберленд Плейс, Лондон; копия находится в частных архивах г-жи Перегрин С. Черчилль.

378

Джек Черчилль к леди Рэндольф, 2 июня 1900 г., CHAR 28/32/3, Черчиллский колледж, Кембридж.

379

Джек Черчилль к леди Рэндольф, 2 июня 1900 г., CHAR 28/32/3, Черчилльский колледж, Кембридж.

380

Этот ребенок, девочка по имени Соня, позднее г-жа Роланд Кубитт, написала книгу под своим девичьим именем. *Keppel S.* Edwardian Daughter. 1958.

381

Джек Черчилль к леди Рэндольф, 2 июля 1900 г., CHAR 28/32/6.

382

Вырезка из газеты New York Times от 29 июля 1900 г., из документов Перегрина С. Черчилля.

383

Джек Черчилль к Уинстону Черчиллю, 12 сентября 1900 г., CHAR 28/32/10-13.

384

Джек Черчилль к Уинстону Черчиллю, 3 октября 1900 г., CHAR 28/32/14-15.

385

Блумфонтейн сдался в марте, а Претория – в июне 1900 г.

386

Оригинал письма находится в частных архивах г-жи Перегрин С. Черчилль.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 530.

388

Дженни к Джеку, 23 июня 1900 г., копия письма находится в документах г-жи Перегрин С. Черчилль.

Cornwallis-West G. Edwardian Hey-Days. 1930.

Leslie A. Jennie: The Mother of Winston Churchill.

391

Из дневников Джин, леди Гамильтон; запись датирована 3 декабря 1903 г.; еще одна запись в пятницу 7 февраля 1902 г., где она сообщала, что полковник Баринг (член семьи – владельцев Баринг-Банк) вернулся из Индии с намерением жениться на Памеле. Их общий друг, Констанс Венлок, вынуждена была сообщить ему, что Памела обручена с Виктором Литтоном.

392

Cornwallis-West G. Edwardian Hey-Days. 1930. S. 120. Поскольку женатым мужчинам не было запрещено служить в армии, то Дженни полагает, что за всем этим стоял принц Уэльский, пытающийся предотвратить ее замужество.

Там же. С. 121–122.

Там же. С. 122.

395

Точная дата, когда Дженни официально сменила титул, неизвестна, но король Эдуард VII (в прошлом принц Уэльский) обращался к ней в своих письмах, начиная с 1902 года, как к леди Рэндольф Черчилль и 11 августа того же года спрашивал, какой титул ему следует использовать при обращении к ней.

396

Уинстон поддерживал переписку с Бурком Кокреном, отправляя ему письма, находясь в Южной Африке; 30 ноября 1899 г. Цит. по: Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 1. S. 1082–1083.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 544.

398

Джин Гамильтон была приглашена на свадьбу Памелы Плоуден, но в то время она находилась на отдыхе в Париже. 15 апреля 1902 года, в субботу, она писала в своем дневнике: «Очень странно, что эти двое решили пожениться. Его отец и ее мать были влюблены друг в друга много лет назад, в Симле. Интересно, что думает об этом престарелая леди Литтон, вряд ли ей это нравится, но она всегда так умильно рассудительна. У них совсем не будет денег».

399

Вырезка из статьи в газете New York Times, 4 апреля 1902 года, из документов Перегрина С. Черчилля.

Этот кубок в настоящее время находится в Национальном армейском музее в Лондоне как подарок г-жи Перегрин С. Черчилль.

Brown R.L. Edward VII's Last Loves. 2001.

402

Lee C. Jean, Lady Hamilton – A Soldiers Wife. 2001. (Книга опубликована частным образом, за счет автора.) Запись в дневнике от 3 января 1904 года, воскресенье, Гопсалл-хаус, дом графа и графини Хоуве.

403

Дэвид Ллойд-Джордж был избран в члены парламента в 1890 году в возрасте двадцати семи лет.

На данный момент были опубликованы следующие книги Уинстона: «История Малакандского полевого корпуса» (1898 г.), в которой речь шла об Индии; «Война на реке» (1899 г.) – о конфликте в Судане; «Саврола» (1900 г.), роман; «От Лондона до Ледисмита через Преторию» (1900 г.); «Поход Иана Гамильтона» (1900 г.).

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 134–135.

406

Когда в середине 1880-х годов лорд Рэндольф Черчилль уверенно продвигался вверх с одного министерского поста на другой, карикатуристы, главным образом лондонский журнал Punch, опубликовали картинку с его изображением с подписью «перспективный человек», что означало, что он стоит на подходе к должности члена кабинета министров и лидера в политическом мире.

407

Полковник Хэрри Скобелл, любитель женщин, обычно проводил выходные дни в конце недели в Сэлисбери-холл с леди Марджери Орр-Эвинг, с которой он имел любовный роман. Скобелл был лицемером, и он играл важную роль в деле исключения из армии своего деверя, полковника Чарльза А'Кортата (Репингтона), из-за любовной связи с Мэри, леди Гарстин, женой сэра Уильяма Гарстина. В 1906 году Скобелл и леди Марджери сфотографировались в саду около Сэлисбери-холл (она почти с ног до головы была закутана в лисью шубу), в то время, когда Джек Черчилль показывал им свой участок, на котором выращивались овощи.

408

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 572–573.

410

Произносится Бати.

411

Записанное на пленку интервью с дочерью леди Гвенделин, Клариссой, графиней Авонской, 2003 год. Когда Гвенделин была ребенком, ее младший брат не мог произносить ее имя и называл ее Гунн.

412

Записанное на пленку интервью с дочерью леди Гвенделин, Клариссой, графиней Авонской, 2003 год.

413

Там же.

414

Точная дата знакомства неизвестна, поскольку не сохранилось писем по этому поводу, но, возможно, это было в 1906 г.

415

Сохранились письма от Джека к Гуни за тот год.

416

Записанное на пленку интервью с Клариссой, графиней Авонской, 2003 год.

417

Письма Джека к Уинстону, *Churchill W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 690; 695–697; 704–705; 728–729; 730–731; 736–737; 742.

Маргарет, леди Смит, жена сэра Ф.Е. Смита, генерального прокурора, позднее имевших титул лорда и леди Биркенхед, также были гостями в этом доме, наряду с некоторыми другими, включая личного секретаря Уинстона – Эдуарда (Эдди) Марша, который спасся, выбежав в одной пижаме, с документами Уинстона в руках.

Soames M. Clementine Churchill. 2002. Факты об отцовстве детей Хозьеров стали известны только в настоящее время.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 263.

Там же. С. 783–794.

422

Записанное на пленку и законспектированное интервью авторов с Мэри, леди Соумс; 18 и 28 октября 2005 г.

423

См.: *Soames M.* Clementine Churchill. Также записанное на пленку и законспектированное интервью авторов с Мэри, леди Соумс; 18 и 28 октября 2005 г.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 801.

Soames M. Clementine Churchill. S. 49.

Там же.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. S. 803.

Churchill R.S. Winston S. Churchill. Vol. 1. C. 274.

429

Лорд Хью Гаскойн-Сесил был младшим сыном бывшего премьер-министра, лорда Сэлисбери.

430

Цитата из дневника леди Десборо. Цит. по: *Davenport-Hines R.* Ettie: The Intimate Life and Dauntless Spirit of Lady Desborough. 2008. S. 162–163.

431

Вырезки газетных и журнальных статей, из документов Перегрина С. Черчилля.

432

Организация Перламутровые короли и королевы существует до сих пор, и ее члены продолжают одеваться в блестящие костюмы, но это уже не уличные торговцы. Они посвящают свое время благотворительной работе.

433

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002. Также см.: *Leslie A.* Jennie… S. 286–287.

434

Джордж Корнуоллис-Вест к Джеку Черчиллю, письмо-соболезнование, 9 июля 1941 г., из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Soames M. Clementine Churchill. S. 65–66.

436

Когда Дженни навещала свою мать в Париже в 1876 г., Уинстон оставался дома под присмотром г-жи Эверест и своего отца. Лорд Рэндольф писал Дженни 30 июня: «Ребенок здоровый и цветущий». И в другом письме, в июле (без даты): «Он [Уинстон] пришел навестить меня сегодня после обеда и с ликованием унес с собой корзину для бумаг». Черчилльские архивы, Кембридж, ссылка: CHAR 28/5/36.

Soames M. Clementine Churchill. S. 66–67.

Soames M. Clementine Churchill. Запись в дневнике от 21 февраля 1910 г.

Churchill W. Lord Randolph Churchill. Vol. 2. S. 901–902.

Soames M. Clementine Churchill. S. 81.

441

Завещание лорда Рэндольфа Черчилля, датировано 1883 г., копия находится в частной коллекции Перегрина С. Черчилля.

На сумму £600 ($993) каждому – в итоге £16 800 ($27 812) в то время, или £840 000 ($1 390 626) в современном выражении.

443

Черчилльский архивный центр, Черчилльский колледж, Кембридж, ссылка: CHAR 28/33/5. Это письмо с содержанием исключительной важности никогда не цитировалось прежде.

Жизнь Джорджа с г-жой Патрик Кемпбелл (Стеллой) не была счастливой, и многие годы она не давала ему развода. Во время похорон Дженни он писал Джеку, признавая, что расставание с Дженни было самой большой ошибкой в его жизни. В конечном печальном итоге, 1 апреля 1951 года, в возрасте семидесяти шести лет, страдая болезнью Паркинсона и депрессией, Джордж взял свой боевой пистолет и застрелился.

Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 248.

Soames M. Clementine Churchill. S. 132.

Gilbert M. Winston S. Churchill.vol. 3 (дополнительный). 1977. S. 270.

448

Архивный центр, Черчилльский колледж; ссылка: CHAR 28/33/15, 20 ноября 1914 г.

449

CHAR 28/121/1,1 февраля 1915 г.

450

Майор Джон С. Черчилль, Галлипольские дневники, запись в субботу, 10 апреля 1915 г., из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль. Галлипольские дневники существуют в печатном виде (отпечатаны на пишущей машинке).

Позднее в ходе кампании, когда было обеспечено узкое место высадки, Джек запечатлел суть этого события в поэме, которую он отправил в информационный бюллетень, публикуемый в штаб-квартире Морских экспедиционных войск: «Пляж Y, вскричал шотландец из пограничных войск, карабкаясь, тяжело дыша, вверх по крутому скату холма, это уж слишком, называть его пляжем, когда он не что иное, как чертовский утес. Почему его назвали пляжем?»

452

Майор Джон С. Черчилль, Галлипольские дневники, четверг, 28 апреля 1915 г.

453

Уинстон Черчилль, как Первый лорд Адмиралтейства, являлся политическим руководителем военно-морского флота Великобритании, представляя его интересы в кабинете министров и в Палате общин, но не имея при этом исполнительной власти. Адмирал сэр Джон Фишер, как Первый морской лорд, являлся главнокомандующим ВМС Великобритании.

454

Письма Джека Черчилля к своей матери, CHAR 28/121/9 8c 11, 20 июня и 29 июля 1915 г.

455

Письма Джека Черчилля к своей матери, CHAR 28/121/18-19, 22 октября 1915 г.

456

Из частных документов Перегрина С. Черчилля.

Орденом Мальтийский крест монархи награждали женщин, отличившихся на службе, например, в военное время, присваивая им титул Леди Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, что в настоящее время более известно как отделение Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна. По неизвестным причинам Гуни не получила официальной награды за свою работу медсестрой.

Цит. по: *Birkenhead F. F. E.*: The Life of F. E. Smith, First Earl of Birkenhead. 1960.

459

Лес Плогстеерт в 1915 году, около Ипрского клина, стал более тихим участком фронта, без больших боев. Армейские подразделения направлялись сюда для восстановления сил после тяжелых боев на других участках фронта и для подготовки к участию в будущих операциях.

460

Записи и газетные вырезки; из частных документов Перегрина С. Черчилля.

461

Черчилльские архивы, Черчилльский колледж, Кембридж, ссылка: CHAR28 File 121/37.

462

CHAR 28 файл 121/42.

463

CHAR 28 файл 121/53.

См. *Lee C.* Jean, Lady Hamilton – A Soldier's Wife. 2001; *Lee J.* A Soldier's Life: General Sir Ian Hamilton, 1853–1947. 2000.

465

Бош – это французское жаргонное слово, означающее «фриц», впервые стало применяться в отношении немецких солдат во время Первой мировой войны.

466

Leslie A. Jennie… S. 334. Взято из гостевой книги замка Лесли. Замок Лесли, Гласлоу, графство Монаган, Ирландия, приобрел известность в период расцвета любви между Полом Маккартни, из группы Битлз, и моделью и активисткой благотворительного движения – Хезер Миллс. Именно на территории замка в ирландской церкви произошло их венчание 11 июня 2002 года.

Lee C. Jean, Lady Hamilton – A Soldier's Wife. 2001.

468

Ричард, 1-й виконт Холдейн Клоан, либеральный секретарь по военным делам, 10 декабря 1905 г. -12 июня 1912 г. Не путать с полковником Холдейном.

469

Цит. по: *Lee C.* Jean, Lady Hamilton – A Soldiers Wife. S. 198–199.

470

Интервью авторов с Мэри, леди Соумс; 19 и 28 октября 2005 г.

471

28 марта 1917 года Палата общин проголосовала с результатом 341 голос за и 62 голоса против по вопросу предоставления права участия во всеобщих выборах всем женщинам в возрасте старше тридцати лет, которые были главами семейства, женами главы семейства, временными владелицами домов с годовой рентой в £5/$24 или выпускницами британских университетов. Некоторые женщины, участвовавшие в суфражистском движении, выдвинули свои кандидатуры в парламент во время всеобщих выборов 1918 года, но только Констанс, графиня Маркевич, приверженка политики Шинн Фейн, была избрана в парламент, но отказалась занять это место.

Черчилльские архивы, Черчилльский колледж, Кембридж, ссылка: CHAR 28/121/82.

Леди Оттолин Моррелл была подругой Гуни и членом Блумсберийского кружка – группы англичан, чьи работы оказали влияние на литературу, эстетику, литературно-художественную критику, экономику, феминизм, пацифизм и вопросы чувственности. Вирджиния Вулф, хорошо известная писательница, тоже была членом этого кружка, в который также входил экономист Джон Мейнард Кейнс. Леди Моррелл имела загородный дом, Мейнор-хаус, в Гарсингтоне, Оксфорде, где она провела большую часть военного периода, по примеру большинства состоятельных людей Великобритании. После окончания войны она предпочла пользоваться своим лондонским домом.

Источник: Джеффри Уоллин и Хуан Уилльямс, Главная статья номера: Величие Черчилля; вебсайт Черчилльского центра и музея, Военный кабинет (бункер), Лондон. 2001 г.

475

Записанное на пленку интервью авторов с дочерью Гвенделин – Клариссой, графиней Авонской, 2003 г.

Leslie A. Jennie… S. 334–339.

477

Интервью авторов с Мэри, леди Соумс; 19 и 28 октября 2005 г.

478

Дневник Джин, леди Гамильтон, 19 мая 1919 г., 1 Гайд-парк Гардене.

Там же.

480

В Ирландии существует четыре провинции: Ольстер (на севере), Ленстер, Мунстер и Коннахт (на юге).

Soames M. Clementine Churchill. S. 234–235.

482

Несмотря на то, что Уинстон уже не был Первым лордом Адмиралтейства, Балфур, министр иностранных дел в 1916 году, попросил его предоставить полный отчет о Ютландской битве (31 мая – 1 июня 1916 г.). *Rasor E.L.* Winston S. Churchill, 1874–1965. 2000.

Soames M. Clementine Churchill. S. 226–227.

Soames M. Clementine Churchill. S. 226–227.

Leslie A. Jennie… S. 355.

В июле того года погода была необычно жаркой, и тело Дженни не могло храниться до приезда ее мужа из Нигерии, так как в те дни не существовало способов долгого хранения мертвых тел.

487

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем, 2001/2002.

488

Перегрин поведал авторам этой книги, что после смерти его отца (Джека) в 1947 году оставалась невыплаченной сумма в £80, которую его бабушка заняла у сэра Эрнеста Касселя, и он заплатил этот долг через банк Ротшильдов, поскольку Кассель умер в 1922 году.

489

Именно в Менабилли Дафна дю Морье написала роман «Ребекка».

Soames M. Clementine Churchill. 2002.

491

Интервью авторов с Мэри, леди Соумс; 19 и 28 октября 2005 г.

492

Историю рассказала авторам Клэр Астон, которая в прошлом несколько лет служила гидом на кладбище Кенсал-Грин в Лондоне, где похоронена Мэриголд.

493

Как известно, Уинстон испытывал финансовые затруднения, и он продал свой первый загородный дом, Лалленден-ферм, генералу сэру Иану Гамильтону и Джин, леди Гамильтон. На покупку дома пошли в основном деньги Джин, так как она была дочерью шотландского миллионера, сэра Джона Муира Динстонского, из города Дун в Пертшире.

Либеральная партия была отброшена на третье место и оказалась позади лейбористской партии под руководством Джона Роберта Клайнса.

495

Эндрю Бонар Лоу (16 сентября 1858 г. – 30 октября 1923 г.) родился в Рекстоне, небольшой деревне к востоку от Нью-Брунсвика в Канаде.

Описание «черной меланхолии» Уинстона смотри *Mather J.H.* Lord Randolph Churchill: Maladies et Morte.

497

Сэр Мартин Гилберт – взято из обзора первого тома в журнале New Statesman. «Он написал книгу, поразительно сосредоточенную на самом себе, но честную и способную надолго пережить его». См.: *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. 5. S. 7.

Best G. Churchill – A study in greatness. 2001. S. 70.

499

До 1910 года Макдональд использовал такое написание своего имени, но после этого изменил написание на МакДональд, с заглавной Д.

500

Джеймс Рамсей МакДональд (12 октября 1866 г. – 9 ноября 1937 г.) был лейбористским премьер-министром, прослужив в этой должности в 1924 году менее года. Лейбористы вернулись к власти в 1929 г., но вскоре им нанес непоправимый удар мировой экономический кризис – Великая депрессия, расколовшая лейбористское правительство. В 1931 году МакДональд сформировал Национальное правительство, в котором большинство членов кабинета министров были из партии консерваторов. В результате этого он был исключен из лейбористской партии как изменник. Он оставался премьер-министром Национального правительства до 1935 года.

501

Брекен, родом из Ирландии, был большим поклонником Уинстона Черчилля. Когда Уинстон в мае 1940 года стал премьер-министром, Брекен помог ему перехать в дом номер 10 на Даунинг-стрит. В 1940 году Брекен принес присягу Тайному совету, несмотря на отсутствие опыта министерской работы. Он прослужил в Министерстве информации с 1941 по 1945 г. после кратковременной службы в качестве личного парламентского секретаря Черчилля.

502

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

Churchill J.S. Crowded Canvas. The memoirs of John Spencer Churchill. 1961.

Churchill J.S. Crowded Canvas. The memoirs of John Spencer Churchill. 1961.

505

Стэнли Болдуин был премьер-министром в 1908 г.; и канцлером (27 октября 1922 г. – 27 августа 1923 г.); он трижды избирался на должность премьер-министра: 1923–1924 гг., 1924–1929 гг., 1935–1937 гг.

506

Письмо компании Nicholl, Manisty & Co к майору Джону С.Черчиллю, 20 апреля 1926 г. Из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

507

Хэролд Уилсон служил британским премьер-министром от лейбористской партии в 1964–1970 гг. и 1974–1976 гг. Он и его правительство пытались ввести ограничение заработной платы британских рабочих, и вследствие этого происходили многочисленные крупные производственные конфликты; переговоры по этому поводу, проходившие в основном поздно ночью, назывались в прессе переговорами за «пивом и бутербродами на 10 Даунинг-стрит»; целью этих переговоров была попытка разрешения споров и требований повышения заработной платы, а также предотвращение забастовок.

Soames M. Speaking for Themselves. 1998. S. 348.

Churchill J.S. Crowded Canvas. The memoirs of John Spencer Churchill. 1961.

510

По причине Второй мировой войны шеститомный исторический труд Уинстона «The History of the English Speaking People» не мог выйти в свет вплоть до 1957 года.

511

Морис Эшли и Кит Фейлинг были двумя величайшими историками, когда-либо известными в Великобритании, работающими над историей рода Мальборо.

512

Взято из журнала Time, В тени, 14 июня 1968 г., некролог по поводу смерти сына Уинстона Рэндольфа, умершего за две недели до этого в возрасте пятидесяти семи лет. Рэндольф был журналистом, и в одной из своих журналистских работ он писал: «Когда ты живешь в тени могучего дуба, молодому деревцу, возможно, недостает солнечного света».

513

Мэри в настоящее врмея имеет титул леди Соумс. Мэри была пожалована двумя знаками отличия от Ее Величества королевы – она имеет следующие звания: Леди-компаньон Благороднейшего Ордена Подвязки и Леди-кавалер ордена Британской империи.

514

Интервью авторов с Мэри, леди Соумс; 19 и 28 октября 2005 г.

515

Сэр Энтони Иден, министр иностранных дел, 1935–1955 гг.; премьер-министр от партии консерваторов, 1955–1957 гг.; женился на Клариссе Спенсер-Черчилль, дочери Джека и Гуни, в 1952 г., регистрация брака состоялась в лондонском бюро записи актов гражданского состояния, в окружении журналистов и кинокамер со всего мира.

516

Морис Хэролд Макмиллан, премьер-министр от партии консерваторов, январь 1957 г. – октябрь 1963 г.

517

Секретарь по финансовым делам Военного министерства 1931 г.; секретарь по финансовым делам казначейства 1934 г.; секретарь по военным делам 1935 г.

518

Памела Дигби (20 марта 1920 г. – 5 февраля 1997 г.) в дальнейшем была дважды замужем; третий брак был заключен с Уильямом Авереллом Хэррименом, американским бизнесменом, который занимал ряд постов в американском демократическом правительстве; Памела получила американское гражданство в 1971 году, и уже как Памела Черчилль-Хэррименстала политической активисткой от американской демократической партии. Президент Билл Клинтон назначил ее послом США во Франции в 1993 году

519

Письмо Клементины Черчилль к Уинстону, 27 июня 1940 г. См.: *Soames M.* Clementine Churchill. S. 325.

Moran. Winston Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965. 1966. S. 318.

521

Среди бумаг Перегрина были обнаружены чистые листы бумаги для записей, которые он унаследовал от своего отца и на которых в самом низу стояла только подпись Уинстона, что означало, что в военный период он был уполномочен составлять и печатать письма от лица премьер-министра, отсылая их с его «подписью».

522

Лорд Дэвид Сесил, писатель и поэт, стал профессором английской литературы в Оксфордском университете (1948–1970 гг.).

523

Газета The Times, 11 июля 1941 г.

524

Королева Елизавета, супруга короля, после смерти своего мужа известна под именем Королева-мать (Вдовствующая королева); о ней написано много легендарных статей в британской прессе; пользуется славой в Великобритании.

Soames M. Clementine Churchill. S. 424–425.

Там же. С. 425.

527

Фельдмаршал Александер был генерал-губернатором Канады, 1946–1952 гг.

528

Дуайт Д. Эйзенхауэр (1890–1969 гг.), президент Соединенных Штатов Америки, 1953–1961 гг.; генерал армии, служил верховным главнокомандующим войсками союзников во время Второй мировой войны.

Rasor E.L. Winston S. Churchill, 1874–1965. 2000.

Исследование всей работы на профессиональном уровне приводится в книге: Reynolds D. In command of history: fighting and writing the Second World War. 2004.

Moran. Winston Churchill… S. 318.

Там же. С. 318.

Churchill J.S. Crowded Canvas. The memoirs of John Spencer Churchill. 1961.

534

Исследование доктора медицины – Джона Х. Матера, научного работника, Институт истории медицины, Университет им. Джона Хопкинса, Школа медицины, Сэр Уинстон Черчилль: Его стойкость и выносливость, представлено 18 октября 1997 г. на 14-й Международной конференции Черчиллского общества в Торонто, Канаде; опубликовано в Протоколах Черчиллского Центра 1996–1997 гг., С. 83–97.

535

Сэр Энтони Иден вновь находился на посту министра иностранных дел в 1955 году, и в период с 1955 по 1957 год был премьер-министром. Его репутация сильно пострадала из-за его поведения во время кризиса в Суэцком канале в 1956 г.

Ramsden J. Man of the century: Winston Churchill and his legend since 1945. 2002.

Кьелл Стромберг, Нобелевская премия 1953 года; находится на веб-сайте Черчиллского центра и в Музее Военного кабинета (в бункере) в Лондоне.

По мнению доктора Джона Х. Матера, Уинстон, возможно, не полностью оправился после инсульта в 1955 году. См.: *Mather J.H.* Sir Winston Churchill: his hardiness and resilience. 14th Annual International Churchill Society Conference, 1977, Toronto, Canada.

Churchill R.S. The rise and fall of Anthony Eden. 1959.

Soames M. Clementine Churchill. S. 253.

541

Там же. С. 529.

Перегрин Черчилль присоединился там к своему отцу.

Morgan T. Churchill: Young Man in a Hurry, 1874–1915. 1982.

Leslie S. The End of a Chapter. 1916. S. 116. Далее следует: «Немногие сыновья столь много сделали для своих отцов», ссылаясь на биографию лорда Рэндольфа, написанную Уинстоном.

Churchill W. My Early Life. 1930.

Harris F. My life and loves. 1922.

547

Рукописные труды, написанные Перегрином С. Черчиллем, август и октябрь 1991 г., из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Leslie A. Jennie: The Mother of Winston Churchill. Анита Лесли является правнучкой Леони Лесли.

549

Леди Соумс, младшая дочь Уинстона Черчилля, высказала мнение авторам во время интервью в октябре 2005 г., по поводу слухов о сифилисе: «У всех нас было отменное здоровье».

Любезно предоставлено авторам во временное пользование праправнуком покойного сэра Уинстона Черчилля – Рэндольфом Черчиллем, из библиотеки Джека Черчилля.

551

См. главу 8.

Mather J.H. Lord Randolph Churchill: Maladies et Morte // Finest Hour. № 93. 1996–1997. S. 23–28; копия находится в Черчилльских архивах в Кембридже.

Foster R.F. Lord Randolph Churchill. 1981.

554

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

555

Когда авторы этой книги говорят в главе 8 об ослаблении памяти лорда Рэндольфа, они имеют в виду его фотографическую память; вместо того, чтобы произносить речи по памяти, он пользовался записями. Его память не была поражена в той мере, как у слабоумных людей; иначе он не смог бы писать длинные письма на политические темы незадолго до своей смерти.

Mather J.H. Lord Randolph Churchill…

557

Там же.

Там же.

Mather J.H. Lord Randolph Churchill…

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем, 2001 /2002.

561

Письмо Елизаветы Эверест, няни Черчилля, без даты, к Джеку, в котором говорится о том, что она посылает много игрушек, принадлежавших когда-то Джеку и Уинстону, детям Леони Лесли, и некоторые игрушки – Кларе для ее мальчиков; из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Leslie A. Edwardians in Love. S. 200, 203–218.

Cornwallis-West G. The Reminiscences… S. 345–346.

564

Леди Рэнди, документальный фильм телеканала Channel 4, был показан 11 ноября 2008 г. В названии передачи используется игра слов – Рэнди как сокращение от имени Рэндольф, и рэнди в значении лицо с большим сексуальным аппетитом.

565

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

566

Из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

Mather J.H. Lord Randolph Churchill…

Lang T. My Darling Daisy 1960. Ланг рассказывает подробную историю попытки Дейзи к шантажу.

569

Подполковник Стивен Хангерфорд-Поллен был женат на младшей сестре леди Гамильтон – Кэтрин. Дневники леди Гамильтон находятся в частном владении у племянника генерала сэра Иана Гамильтона – г-на Иана Гамильтона.

Интервью с Мэри, леди Соумс, 18 и 28 октября 2005 г.

571

Из бесед с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

James R.R. Lord Randolph Churchill. 1959.

Газета Daily Mail, 8 сентября 2007 г. и 13 июня 2009 г.

Черчилльские архивы, Черчилльский колледж, Кембридж, ссылка: CHAR 28/4/30-31.

575

Лорд Рэндольф к Дженни, 5 марта 1874 г., Черчилльские архивы, ссылка: CHAR 28/4/27.

576

Лорд Рэндольф к г-же Джером, 30 ноября 1874 г., Черчиллские архивы, Черчиллский колледж, Кембридж, ссылка: CHAR 28/4/30-31; также см.: Jennie – Lady Randolph Churchill. S. 75.

По словам участника документальной передачи Леди Рэнди.

578

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

579

Родни Дж. Крофт, врач-консультант и сосудистый хирург, Гренада.

580

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

581

Рукопись Перегрина С. Черчилля, датированная апрелем 2000 г., С. 5, из частного архива г-жи Перегрин С. Черчилль.

Croft R.J. Churchill's Final Farewell: the State and Private Funeral of Sir Winston Churchill. 2014.

583

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем, 2001–2002 гг; письмо от лорда Рэндольфа Черчилля к г-же [Клариссе/Кларе] Джером, 30 ноября 1874 г., Черчилльские архивы, ссылка: CHAR 28/4/30-31.

584

Джон Стрейндж Джоселин, 5-й граф Роденский (1828–1897 гг.).

585

Рой Дженкинс, член кабинета министров либерального правительства (Барон Дженкинс Хиллхедский). *Jenkins R.* Churchill. 2001.

Там же. С. 7–8.

Croft R.J. Churchills Final Farewell…

Отцу Джоселина изначально принадлежал Толлимор-хаус и окружающие земли, но он продал все поместье много лет назад, и Джоселин не находился там с самого детства.

589

4-й граф Роденский, Роберт Джоселин, который был не женат, внезапно умер в Париже в возрасте тридцати трех лет 10 января 1880 года. Поскольку у него не было прямых наследников, то Джон Стрейндж Джоселин, его дядя, унаследовал этот титул.

Croft R.J. Churchills Final Farewell…

591

Sebba A. Jennie Churchill: Winstons American Mother. 2007. S. 98-100. Себба цитирует из писем к Аните Лесли; из частной коллекции Тары Кинг в Ирландии.

Sebba A. Jennie Churchill: Winstons American Mother. 2007. S. 98-100.

593

Там же.

594

Дневник, написанный от руки Дженни Черчилль, за 1882 год, воспроизведенный авторами, из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

595

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.

Там же.

Churchill-Snell E. The Churchills: pioneers and politicians – England, America, Canada. 1994.

598

Газета *Daily Mail*, суббота, 13 июня 2009 г.

599

Автор книги «Memories of My Dead Life» 1906 г.

600

Джорджу Муру принадлежит идея о том, что у Дженни было двести любовников. Эту идею он подал леди Синтии Асквит (дочери премьер-министра), которая опубликовала этот факт в своих мемуарах. См.: *Asquith C.* The diaries of Lady Cynthia Asquith, 1915–1918. 1968.

601

Этот написанный от руки черновик письма, оригинал которого, как полагают, был отправлен г-же Корнуоллис-Вест (Мэри/Пэтси), матери Джорджа, в период, когда брак распался в первый раз; был найден авторами среди документов Перегрина С. Черчилля. Из частной коллекции г-жи Перегрин С. Черчилль.

602

Принц Карел Андреас Кински (1858–1919 гг.) был сыном принца Фердинанда Буонавентуры Кински (1834–1904 гг.) и Мари – принцессы Лихтенштейнской (1835–1905 гг.). В Англии Кински был известен под именем Чарльз.

603

Цитируются слова кузена Чарльза Кински, принца Клири, который предоставил подробное описание истории для Аниты Лесли. Принц Клири узнал эту историю от своей бабушки, графини Софи Кински. Цит. по: *Leslie A.* Jennie… S. 177–178.

Lambton G. Men and horses i have known. 1963.

605

Из бесед авторов с Перегрином С. Черчиллем. 2001/2002.